

Вниманию читателей этого экземпляра!

Это диссертация как она была представлена на обсуждение и как она была разослана по библиотекам.

Здесь остались не только опечатки и неправильности в оформлении, но и ошибки. В будущем, вероятно, я сооружу список таких ошибок, а кроме того, надеюсь создать и обнародовать постзащитную версию работы, исправленную и дополненную реакцией на некоторые замечания рецензентов.

Так или иначе, при использовании работы я очень прошу проверять, не вывешен ли на моей страничке на academia.edu (сейчас это <https://hse.ru.academia.edu/YuryLander>) вариант с обновленным списком ошибок (или, может быть, и новый вариант). Дата списка ошибок включается в название файла.

Список ошибок (будет дополняться, теперь упорядочен по страницам):

1. Анализ глагола 'казаться' на с. 132-133, кажется, не верен. Там действительно отсутствует агенс, но корень, видимо, – это не 'знать', а 'делать' (т.е. буквальный перевод – что-то вроде 'кому-то делается'). Мой адыгейский информант этот вопрос прояснить не смог, но думается, 'делать' подходит лучше. И именно анализ с 'делать' дается в словаре Paris & Batouka (p. 809).

2. На той же с. 132 в примере (1.102) неправильный разбор слова **t-f-jə-xə-š'tə-v-ep**. Естественно, это исходно переходный глагол – только от таких глаголов можно образовать потенциалис путем «понижения агенса». Соответственно, правильные глоссы: 1PL.IO-BEN-LOC-нести-AUX-PST-NEG

3. На с. 162 в примере (1.150) в двух местах вместо *халыжьо* должно быть *хьалыжьо* – и в транскрипции вместо *haləž^we* должно быть *haləž^we*

4. На с. 201 в примере (2.23) вместо *шъхай* должно быть *шъхъай* – и в транскрипции вместо *šxaj* должно быть *šhaj* (спасибо М. Шеяновой, указавшей на ошибку).

5. На с. 289 вместо *сыдигуа* должно быть *сыдигъуа* - и в транскрипции вместо *sədjəg^w-a* должно быть *sədjəv^w-a*.

6. На с. 408 ссылку *Kuno 1974* следует читать как *Kuno 1973*.

26.04.2014

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

На правах рукописи

ЛАНДЕР Юрий Александрович

РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ В ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ:

АДЫГЕЙСКИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук

Яков Георгиевич Тестелец

Москва – 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Общая характеристика работы	6
Представление материала	11
Сокращения, используемые при морфологическом разборе	14
Введение	19
0.1. Относительные конструкции	20
0.1.1. Общее определение. Синтаксическая неоднородность	20
0.1.2. Рестриктивность и нерестриктивность	27
0.1.3. Синтаксически ориентированная релятивизация. Ограничения на мишень релятивизации	30
0.1.4. Семантически ориентированная релятивизация	38
0.2. Полисинтетизм	42
0.3. Адыгейский язык и адыгейские релятивы	51
0.3.1. Общие сведения о языке	51
0.3.2. Краткий обзор релятивов и сходных конструкций	53
0.3.3. Представления об адыгских релятивах в литературе	61
0.3.4. Аргументируемые положения	65
0.4. Материал исследования	66
0.4.1. Происхождение материала	66
0.4.2. Корпус текстов	68
0.4.3. Элицитация	69
0.4.4. Вариативность	71
0.5. Структура работы	73
Глава 1. Некоторые вопросы адыгейской грамматики	73
1.1. Вводные замечания	75
1.2. Типологический профиль адыгейского языка	75
1.2.1. Полисинтетизм и агглютинативность	75
1.2.2. Маркирование синтаксических функций	76

1.2.3. Эргативность	84
1.2.4. Порядок слов	89
1.3. Сведения об адыгейской морфонологии	93
1.4. Адыгейское слово и его структура: общие положения	97
1.4.1. Синтаксис vs морфология	97
1.4.2. Фонетические и просодические критерии	100
1.4.3. Внутренняя структура знаменательной словоформы	102
1.5. Особенности функционирования полисинтетической морфологии	119
1.5.1. Композиционность	120
1.5.2. Рекурсия	125
1.5.3. Нефиксированность выражения	129
1.5.4. Модификация основы	134
1.5.5. Отклонения от композиционности	139
1.6. Выражение актантов	144
1.6.1. Постановка проблемы	144
1.6.2. Самостоятельная референция индексов?	145
1.6.3. Независимость значений индексов	149
1.6.4. Выражение кореферентности внутри предикации	153
1.6.5. Замечания о поведении адыгейских именных групп	158
1.6.6. Выводы	164
1.7. Проблема противопоставления глагола и имени	165
1.7.1. Морфологическая сочетаемость	167
1.7.2. Синтаксическая дистрибуция	175
1.7.3. Два подхода к слабому противопоставлению имен и глаголов	179
1.7.4. Итоги	185
1.8. Выводы	185
Глава 2. Морфология адыгейской релятивизации	187
2.1. Общие замечания	187
2.2. Особенности в системе личных префиксов	188
2.2.1. Немаркированная стратегия	189
2.2.2. Проминальная стратегия	191

2.2.3. Опущение релятивного префикса	196
2.3. Динамический суффикс	198
2.4. Префиксальное отрицание	203
2.5. Интерпретация показателя множественного числа	205
2.6. Проблема конечного гласного	208
2.7. Выводы	212
Глава 3. Синтаксис адыгейской релятивизации	214
3.1. Вводные замечания	214
3.2. Полные относительные конструкции vs свободные релятивы	215
3.2.1. Основы противопоставления	215
3.2.2. Полные относительные конструкции	217
3.2.3. Свободные релятивы	230
3.2.4. Постпозитивные релятивы?	235
3.3. Относительные конструкции с вложенной вершиной	242
3.3.1. Общие сведения	242
3.3.2. Синтаксические вершинные свойства вложенной семантической вершины	245
3.3.3. Структурная позиция вложенной вершины	249
3.3.4. Выводы	262
3.4. Относительные предложения и другие определения	262
3.4.1. Расположение релятивов среди прочих определений	263
3.4.2. Частичная прозрачность относительных предложений для других определений	269
3.5. Итоговые замечания	272
Глава 4. Релятивизуемые партиципранты	273
4.1. Вводные замечания	273
4.2. Релятивизуемые позиции в простом предложении	273
4.2.1. Основные релятивизуемые позиции	273
4.2.2. Фиктивные актанты	288
4.2.3. Релятивизация образа действия	290

4.2.4. Релятивизация факта	296
4.2.5. Релятивизация времени	309
4.3. Релятивизация кореферентных партиципантов	320
4.3.1. Выбор мишени в отсутствие множественной релятивизации	321
4.3.2. Множественная релятивизация	327
4.4. Дистантная релятивизация	333
4.4.1. Общие сведения	333
4.4.2. Требование релятивизации сверху	337
4.4.3. Релятивизация из зависимых клауз vs. множественная релятивизация	344
4.5. Выводы	347
Глава 5. Диалектная вариативность адыгейской релятивизации (на примере шапсугского диалекта)	349
5.1. Вводные замечания	349
5.2. «Стандартные» черты шапсугских относительных конструкций	351
5.3. Морфологические особенности: динамические показатели	354
5.4. Новые относительные конструкции	356
5.5. Особенности релятивизации разных партиципантов	359
5.6. Выводы	362
Глава 6. Типологическая перспектива	364
6.1. Вводные замечания	364
6.2. Некатегориальное подчинение в релятивизации	365
6.2.1. Определение	365
6.2.2. Пример некатегориального подчинения: удинские релятивы	367
6.2.3. Проблемы, возникающие при выделении некатегориального подчинения	370
6.2.4. Выражение зависимости при некатегориальном подчинении	374
6.2.5. Происхождение некатегориального подчинения	378
6.3. Инкорпорация релятивного сказуемого	381
6.4. Относительные конструкции с вложенной вершиной: общие вопросы	388

6.4.1. Теоретический статус относительных конструкций с вложенной вершиной	388
6.4.2. Дистрибуция относительных конструкций с вложенной вершиной	397
6.5. Позиция вершины и референция матричной именной группы	403
6.5.1. Разнообразие вложенных вершин	404
6.5.2. Разнообразие внешних вершин	408
6.5.3. Гибридные конструкции	409
6.5.4. Референциальная функция относительной конструкции	411
6.6. Множественная релятивизация	417
6.7. Дистантная релятивизация	426
6.8. Выводы	441
Заключение	444
Источники примеров	449
Литература	451

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект исследования работы — относительные конструкции, которые рассматриваются на материале адыгейского языка, принадлежащего абхазо-адыгской семье и характеризующегося полисинтетическими чертами. Этот материал подвергается типологическому сопоставлению с данными об относительных конструкциях других языков.

В настоящем исследовании в типологической перспективе — в первую очередь в перспективе связи грамматических характеристик с полисинтетизмом — рассматриваются адыгейские именные группы, которые содержат вложенное предложение, как, например:

- (a) *psaw-ew* *wə-qe-z-ve-ne-ve* *č'ale-r*
целый-ADV 2SG.ABS-DIR-REL.A-CAUS-остаться-PST парень-ABS
'парень, который тебя спас'
- (b) *mef-jə-tʷ* *χʷə-β-ew* *qə-w-a-že-re-r*
день-LNK-два случаться-PST-ADV DIR-2SG.IO-DAT-ждать-DYN-ABS
'тот, кто тебя уже два дня ждет'

В работе показывается, что адыгейские относительные конструкции обладают нестандартными свойствами, которые в значительной степени обусловлены полисинтетическими характеристиками адыгейского языка. В связи с этими свойствами обсуждаются также относительные конструкции других языков и предлагается их типологическая классификация.

Актуальность исследования. Относительные конструкции — один из фрагментов грамматики, наиболее активно исследуемых в типологической литературе. Такой интерес связан в первую очередь с нетривиальными ограничениями на релятивизацию и разнообразием относительных конструкций, показанными Э. Кинэном, Б. Комри, К. Леманом, А.А. Зализняком, Е.В. Падучевой и другими. В последнее время были достигнуты значительные успехи в изучении семантики относительных конструкций (см. в этом отношении, в частности, работы А. Гросу и Ф. Ландмана). Между тем, универсальность выдвинутых для относительных конструкций обобщений до сих пор оспаривается, и поэтому особо важным становится привлечение материала языков, ранее в этой связи рассматривавшихся минимально.

Благодаря тому, что пик исследований по релятивизации совпал с расцветом описательной лингвистики, удалось выявить некоторые зависимости между типологическими характеристиками языков и особенностями встречаемых в них относительных конструкций. Это касалось, в частности, полисинтетических языков, специфика релятивизации в которых изучались в работах Дж. Николс, Э. Джелинек, А.А. Кибрика, М. Бейкера. Тем не менее по большей части эти работы были посвящены лишь отдельным аспектам строения относительных конструкций.

Следует подчеркнуть, что в последние десятилетия полисинтетические языки вызывают особый интерес типологов (см. работы М. Бейкера, А.А. Кибрика, М. Фортескью, Н. Эванса и других). Как оказалось, эти языки зачастую нарушают теоретические предсказания и демонстрируют неожиданные черты, в том числе и в устройстве полипредикативных конструкций. Тем самым, изучение адыгейских относительных конструкций способствует и раскрытию специфики полисинтетических языков.

Для адыгейского языка описание относительных конструкций особенно важно, поскольку в этом языке релятивизация играет значительно более существенную роль, чем во многих других языках: она активно используется, в частности, в фокусных конструкциях, при построении вопросов (в том числе и косвенных), при образовании некоторых типов сентенциальных актантов и временных придаточных.

Цель исследования состоит в описании относительных конструкций адыгейского языка и выявлении их типологической специфики.

В соответствии с этой целью, в круг **задач исследования** входят:

- уточнение грамматических свойств адыгейских относительных конструкций;
- выявление грамматических ограничений, налагаемых на относительные конструкции в адыгейском языке;
- сопоставление грамматических черт адыгейских относительных конструкций с общими типологическими характеристиками адыгейского языка;
- определение места адыгейских относительных конструкций и их разновидностей в типологии относительных конструкций;

- построение непротиворечивой типологии грамматических явлений, наблюдаемых в адыгейских относительных конструкциях.

Научная новизна. Адыгейские относительные конструкции изучались с точки зрения основных параметров типологии относительных конструкций лишь частично и почти не сопоставлялись с другими языками. Это создало определенную лакуну в исследованиях относительных конструкций, поскольку относительные конструкции в адыгейском языке обнаруживают множество особенностей, которые представляют интерес для лингвистической типологии.

Конкретные грамматические явления, исследованные в работе в типологической перспективе, до сих пор подвергались лишь фрагментарному изучению. Это позволяет автору диссертации предложить обобщения и типологические схемы, ранее не описанные в литературе.

Теоретическая значимость. В работе дано описание нетривиальных свойств адыгейской релятивизации (например, наличия аналогов относительных местоимений в препозитивных относительных предложениях, возможности одновременной релятивизации нескольких кореферентных ролей), которые нарушают распространенные представления об относительных конструкциях. Для некоторых особенностей предложено объяснение, основанное на общих типологических характеристиках адыгейского языка. Введено понятие некатегориального подчинения, уточнено место относительных конструкций с вложенной вершиной в понятийной системе, связанной с релятивизацией. Предложено исчисление типов конструкций дистантной релятивизации.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы при разработке систем анализа адыгейских текстов, для описания морфологии и синтаксиса абхазо-адыгских языков, при подготовке учебных курсов по морфологии, синтаксису и лингвистической типологии.

Основным материалом исследования явились опубликованные тексты на адыгейском языке, записи устной речи, произведенные в ауле Хакуринохабль и в Хатажукайском сельском поселении (Республика Адыгея) и в ауле Агуй-Шапсуг (Краснодарский край), данные, собранные в результате опроса информантов (элицитации) в ходе работы Адыгейских лингвистических экспедиций Российского государственного гуманитарного университета в 2003—2007 и 2010

годах и во время личной полевой работы автора в городе Майкоп (Республика Адыгея) в 2008 и 2011 годах. Материал, собранный в Майкопе, Хакуринохабле и Хатажукайском сельском поселении призван отразить литературный адыгейский язык и темиргоевский диалект, на котором основан литературный язык; материал, собранный в Агуй-Шапсуге, отражает один из говоров шапсугского диалекта адыгейского языка.

Для типологического сравнения использовались данные грамматических описаний ряда языков, а также материал по бесленеевскому диалекту кабардино-черкесского языка, удинскому языку и тантынскому диалекту даргинского языка, полученный в ходе полевой работы автора в Азербайджане, Грузии, Республике Адыгея и Республике Дагестан в 2004—2011 годах.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены и обсуждены, в частности, на Первой международной конференции «Синтаксис языков мира» (Лейпциг, Германия, август 2004 г.), XXXVII Международном конгрессе востоковедов (Москва, август 2004 г.), конференции «Понимание в коммуникации 2005» (Москва, февраль 2005 г.), рабочем совещании по отглагольным деривациям (Москва, апрель 2005 г.), Второй конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ноябрь 2005 г.), Втором международном симпозиуме по полевой лингвистике (Москва, октябрь 2006 г.), конференции «Морфосинтаксис языков Кавказа» (Париж, Франция, декабрь 2006 г.), конференции «Контенсивная типология естественных языков» (Махачкала, апрель 2007 г.), Первом международном конгрессе кавказоведов (Тбилиси, Грузия, октябрь 2007 г.), международной конференции «Эргатив и эргативная конструкция в языках мира» (Тбилиси, Грузия, май 2009 г.), Первой международной конференции «Морфология языков мира» (Лейпциг, Германия, июнь 2009 г.), конференции «Типология морфосинтаксических параметров» (Москва, декабрь 2011 г.), научных семинарах Адыгейских лингвистических экспедиций, научном семинаре отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, семинаре «Вести с полей» при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Легший в основу диссертации материал использовался автором при чтении учебных курсов «Типология именных групп», «Проблемы полисинтетизма» и «Адыгейский язык» в Российском государственном

гуманитарном университете. Работа прошла обсуждение в отделе языков народов Азии и Африки ФГБУН Институт востоковедения РАН.

Публикации по теме диссертации. Автор имеет 25 публикаций по теме работы, как в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ [Ландер 2007a; 2011b; Ландер, Тестелец 2007], так и в других изданиях [Ландер 2005a; 2005b; 2007b; 2008; 2009; Ландер, Тестелец 2005; Герасимов, Ландер 2006; 2008; Короткова, Ландер 2007a; 2007b; Даниэль, Ландер 2008; Аркадьев и др. 2009; Аркадьев, Ландер 2011; Ландер, Меретукова 2011; Lander 2010a; 2010b; Lander, Letuchiy 2010; Korotkova, Lander 2010].

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и библиографии.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Работа содержит как положительный, так и отрицательный языковой материал:

- Положительные (то есть приемлемые по мнению носителей либо заимствованные из текстового корпуса) примеры специально не маркируются.

- Отрицательные примеры — примеры, признаваемые опрошенными носителями неприемлемыми (не в силу семантики), — маркируются знаком «звездочки» (*) перед примером.

- Примеры, допустимость которых оценивается как не вполне очевидная, маркируются вопросительными знаками перед примером (количество вопросительных знаков традиционно соответствует большей или меньшей допустимости; чем больше вопросительных знаков, тем более сомнительным представляется пример).

- Примеры, оцениваемые как грамматичные, но с недопустимой семантикой или с семантикой, не соответствующей обсуждаемому анализу, маркируются знаком #.

- Примеры, в оценке которых наблюдаются существенные расхождения между консультантами маркируются знаком % (при этом отсутствие этого знака не всегда имплицитно означает отсутствие варьирования, так как в работе используются и примеры, которые обсуждались лишь с одним носителем).

В некоторых случаях аналогичная система используется не для собственно примеров, а для их интерпретаций. В таком случае знак * указывает на недопустимую интерпретацию, вопросительные знаки — на сомнительную интерпретацию, знак % — на то, что между носителями наблюдаются значительные расхождения в допустимости интерпретации.

Для русского, английского, немецкого, французского, индонезийского языков примеры приводятся только в орфографической записи, для адыгейского и кабардино-черкесского языков (кроме бесленеевского диалекта) — в орфографической записи и в транскрипции, для прочих языков — в соответствии с источником. При этом кириллическая запись латинизирована (например, для абазинского языка). Специально заметим, что в настоящей работе не предпринималась попытка унифицировать транскрипции. Транскрипция

неадыгейских (в первую очередь русских) слов в адыгейской речи является условной, поскольку то, насколько эти слова произносятся в соответствии с адыгейской фонетикой, различается от носителя к носителю.

Источник примеров указывается после перевода — в квадратных скобках, если он заимствован из научной работы, или в фигурных скобках в иных случаях. Примеры, данные без указания на источник, взяты из полевых материалов автора работы. Для адыгейских примеров в фигурных скобках приводятся либо указание на текст, из которого взят пример, либо указание на аул, в котором пример записан или проверялся. Список сокращений, используемых в представлении источников, дан в конце работы.

Примеры из языков за исключением русского сопровождаются переводом. Поскольку в языках вроде адыгейского и кабардино-черкесского род грамматически не выражается, выбор рода местоимений в переводах определяется исключительно контекстом. Примеры из языков за исключением русского и английского сопровождаются морфологическим разбором. Следует подчеркнуть условность этого разбора: для языков помимо адыгейского предоставляется лишь базовая и наиболее релевантная информация или разбор, заимствованный из источника примеров. Для адыгейского языка не подвергается разбору непродуктивное словообразование. В прочих случаях морфемы, как правило, глоссируются отдельно — даже если их сочетания лексикализованы; иногда, впрочем, морфемы отдельно не глоссируются, и тогда они разделяются точкой. В отдельных случаях при глоссировании корня дается лексическое значение его сочетания с превербами, однако такая ситуация по возможности избегается. Разумеется, все эти сложности представляют собой издержки полисинтетического строя языка.

Знак равенства в глоссах используется для выделения клитик, а также определяемых лексически слов в составе именованного комплекса (сложного морфологического образования, которое само имеет черты единой словоформы) и сочетаний с вспомогательными глаголами.

Приводимые варианты разделяются косой чертой. При этом если речь идет о вариантах, представляющих отдельные слова, они специально не выделяются; соответственно, например, высказывания типа А/ВС следует понимать как

указывающие на два варианта АВ и АС. Если варьирующие части высказывания состоят из нескольких слов, они заключаются в квадратные скобки: например, [АВ]/[СD]Е следует понимать как указание на варианты АВЕ и СDE. В тех случаях, когда обсуждаются варианты, подразумевающие присутствие и отсутствие некоторой части, эта часть заключается в простые скобки: так, высказывания типа (А)ВС подразумевают два варианта ВС и АВС. Знаки *, #, ?, % внутри скобок в таком случае относятся к варианту с компонентом, заключенным в скобки; если же эти знаки располагаются перед скобками, они относятся к варианту без такого компонента. Например, *(А)ВС указывает на недопустимость варианта ВС и допустимость варианта АВС, а (*А)ВС — наоборот, на допустимость ВС и недопустимость АВС.

Примеры могут представлять собой как предложения и даже последовательности предложений, так и словосочетания. В орфографическом варианте примеров из адыгейского, кабардино-черкесского, русского, английского, немецкого, французского языков предложения в таком случае начинаются с прописной буквы и содержат точку, а словосочетания начинаются со строчной буквы и точку не содержат.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ МОРФОЛОГИЧЕСКОМ РАЗБОРЕ

A	агенс
ABL	аблатив
ABS	абсолютив
ACC	аккузатив
ACT	актив
AD	локализация 'около'
ADD	аддитивная частица
ADJ	адъективизатор
ADV	адвербиалис
ALL	аллатив
AOR	аорист
APPL	аппликатив
ART	артикуль
ASS	ассертив
ATR	атрибутив
AUX	вспомогательное слово/вспомогательная морфема
BEN	бенефактив
BV	бенефактивный пассив (тагальский язык)
CAUS	каузатив
CLF	классификатор
CMPL	комплетив
CNJ	конъюнктив
COLL	коллективное множественное число
COM	комитатив
COMP	подчинительный союз
COND	кондиционал
CONV	конверб
COORD	показатель сочинения
COP	связка

CS	консекутив
DAT	датель
DEC	декларатив
DEF	определенность
DEM	указательное местоимение
DES	дезидератив
DET	детерминатор
DIF	дифицилитив ('трудно')
DIR	директив
DTR	детерминативный (отыменной) преверб
DU	двойственное число
DUR	дуратив
DV	дательный/местный пассив (тагальский язык)
DYN	показатель динамичности
EL	элатив
EMP	эмфатическая частица
ERG	эргатив
EXC	эксцессив ('слишком')
EXS	бытийный глагол
EZ	изафет
F	женский род/класс
FAC	фацитив ('легко')
FACT	фактивный аппликатив
FACTUAL	фактивное время/аорист
FIN	финитная форма
FUT	будущее время
GEN	генитив
H	человек
HAB	хабитуалис
HBL	хабилив ('быть способным')
HORT	гортатив
IMP	императив

IN	локализация 'в'
INADV	инадвертитив (ненамеренность)
INCH	инхоатив
INCL	инклюзив
IND	индикатив
INDEF	неопределенность
INS	инструменталис
INSTR	инструментальный преверб
INT	интенсив
INTN	намерение
IO	непрямой объект
IPF	несовершенный вид
IRR	ирреалис
ITER	итератив
LAT	латив
LNK	линкер
LOC	локативный аппликатив
LV	служебная часть сложного глагола
M	мужской род/класс
MAL	малефактив
MANNER	номинализация образа действия
MNR	апликатив образа действия
MOD	модальный показатель
N	средний род/неличный класс
NEG	отрицание
NFIN	нефинитность
NMZ	номинализация
NOM	номинатив
NPI	показатель узкой сферы действия относительно отрицания
O	косвенная основа
OBJ	объект
OBL	косвенный падеж

OPT	оптатив
OC	объектно-ориентированная конструкция
P	предлог
PASS	пассив
PERF	перфект
PF	совершенный вид
PL	множественное число
PLACE	номинализация места
POSS	посессив
POSTV	постверб
PP	объект послелога
PR	посессор
PRED	предикативная форма
PRET	претерит
PREV	ранее упомянутый
PRG	прогрессив
PRS	настоящее время
PRV	преверб
PST	прошедшее время
PTCL	частица
PTCP	причастие
PUNC	пунктив
Q	вопросительная частица
RCP	реципрокальный аппликатив
RE	редитив/репититив
REAL	реалис
REC	реципрок
REL	относительный показатель
REPORT	репортатив
RFL	рефлексив
RFUT	относительное будущее время
RPST	отдаленное прошедшее время

RSN	причина
S	субъект
SG	единственное число
SML	симулятив ('казаться')
SS	односубъектность
TENSE	показатель времени
TH	тематический элемент
TMP	темпоральный актанта
TOP	топик
TR	переходность
TRM	терминатив ('уже')
WH	«wh-согласование»
WITNESSED	засвидетельствованное

Введение

Эта работа представляет собой попытку описать и осмыслить относительные конструкции в адыгейском языке — языке принципиально иного строя, нежели языки «среднеевропейского стандарта», на основе которых были выработаны многие широко распространенные положения лингвистики.

Несмотря на его очевидные отличия, адыгейский язык в литературе долгое время пытались изобразить в понятийных системах, которые в отношении него могли найти лишь ограниченное применение. Отчасти это было связано с неразвитостью лингвистической типологии и отсутствием сведений о языковом разнообразии, которые не позволяли оценить действительную степень ущербности этих систем и предложить альтернативы, не привязанные к конкретному языку. Разумеется, эти препятствия постепенно разрушаются, хотя они навряд ли будут когда-либо преодолены целиком. С одной стороны, сами системы теоретических представлений развиваются и требуют нового материала, описание которого еще совсем недавно казалось малоосмысленным. С другой стороны, в современной ситуации одни языки иногда слишком сильно доминируют над другими, приводя порой к переработке их структуры или даже их исчезновению. В результате не стоит надеяться, что наши знания о языковом разнообразии — даже в том, что касается весьма ограниченных областей — будут когда-либо исчерпывающими.

Тем не менее языковое разнообразие может и должно влиять на теоретические представления о возможных языках, и в этой связи языки вроде адыгейского особенно интересны. Полисинтетизм, предполагающий особое «разделение труда» между морфологией и синтаксисом, а также некоторые иные типологические черты в адыгейском языке привели к формированию грамматических структур, которые могут показаться экзотикой, хотя, строго говоря, не должны считаться чем-то более чрезвычайным, чем появление диковинного для европейца биологического вида в необычной для исследователя среде обитания — в соответствующих условиях то же могло бы появиться и в других местах. Мы представляем эту работу как шаг в сторону установления связей между «средой обитания», общими характеристиками адыгейского языка, и одним конкретным видом конструкций.

0.1. Относительные конструкции

0.1.1. ОБЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ. СИНТАКСИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ

В грамматической типологии едва ли можно отыскать много понятий, охватывающих настолько структурно разнородные явления, как понятие относительной конструкции (релятивной конструкции). В современных типологических исследованиях¹, например, для русского языка как относительные могут описываться по меньшей мере три грамматические структуры, а именно конструкции с относительным местоимением (0.1), причастные конструкции (0.2) и так называемые коррелятивные конструкции (0.3), в которых в главной предикации имеется местоимение или именная группа, соответствующие располагающемуся на левой периферии относительному предложению:

- (0.1) *Важно, что сравниваться должны не сами хромосомы, а структуры, [которые они порождают].* {НКРЯ}
- (0.2) *И в этом смысле я всем [анархически думающим] русским людям очень рекомендую перечитывать князя Кропоткина.* (Вяч.Вс. Иванов) {НКРЯ}
- (0.3) *[Чей кролик оказывался проворней], тот и выигрывал.* (Ф.А. Искандер) {НКРЯ}

С точки зрения синтаксических характеристик *относительная конструкция должна содержать (по меньшей мере) две предикации*² — *матричную (главную,*

¹ Важнейшие обзоры, освещающие типологическое и семантическое разнообразие относительных конструкций, включают статьи [Зализняк, Падучева 1975; Keenan, Comrie 1977; Downing 1978; Keenan 1985; Lehmann 1986; Grosu 2002; Andrews 2007], отдельные главы книг [Comrie 1989: Ch. 7; Givón 2001: Ch. 14; de Vries 2002: Ch. 2], монографии [Andrews 1985; Lehmann 1984].

² Мы исходим из того, что предикация не может быть уравнена с предложением, обладающим неким конкретным формальным синтаксическим свойством (вроде наличия финитного сказуемого). Вместо этого предикация понимается как единица, подразумеваю-

вышестоящую) и относительную (релятив), причем вторая всегда является в той или иной мере подчиненной по отношению к первой. В приведенных примерах относительная предикация выделена квадратными скобками.

С точки зрения функции задача относительного предложения состоит в том, чтобы описать одного из участников ситуации, описанной в главной предикации, через его участие в ситуации, обозначенной подчиненной предикацией³. (Ниже, говоря об участниках описываемой ситуации и об их выражении независимо от того, идет ли речь об актанте, сирконстанте или глубоко вложенной группе, мы используем технический термин *партиципант*.) В примерах (0.1) и (0.3) таким образом описывается партиципант, выраженный в матричной предикации подлежащим, в (0.2) — непрямым дополнением. Имя (существительное или местоимение) или не включающая относительную предикацию именная составляющая (например, сочетание существительного и прилагательного), описывающие такого

чая наличие предикатно-аргументной структуры, для которой имеет смысл говорить о ее истинности или ложности. Нарисательные имена в формальной семантике представляются как предикаты, но предикатно-аргументная структура в образуемых ими группах не передает пропозицию, которую можно характеризовать как истинную или ложную.

В связи с предикациями как грамматическими единицами мы будем говорить об их предикатах как о сказуемых и именовать предикации предложениями. Хотя это может противоречить традиции описания русского языка, с типологической точки зрения такой подход вполне осмыслен. Обсуждение вопроса см., например, в [Черемисина 1980; Подлесская 1993: 11—14].

³ Как следует из этой части определения, мы обходим вниманием конструкции, в которых аналоги относительных предложений характеризуют целые предикации, как, например, *Исследователи раскопали там моих предков вплоть до тысяча шестьсот какого-то года, что меня удивило и порадовало* (Санкт-Петербургские Ведомости) {НКРЯ}. В то же время мы включаем в круг рассматриваемых явлений конструкции, которые формально описывают некоторого партиципанта, но при этом могут пониматься и как выполняющие другие функции; ср., например, предложенный З.М. Шаляпиной пример *Позвонила бабушка, выслушав которую, мать быстро собралась и уехала*, где действительная функция относительного предложения не связана с описанием подлежащего матричной предикации. В этом смысле и с функциональной точки зрения границы класса относительных конструкций несколько размыты.

партиципанта, в литературе именуется вершиной относительной конструкции. Мы в этой связи будем говорить о *семантической вершине* конструкции, чтобы не смешивать это понятие с понятием синтаксической вершины. Если относительное предложение и семантическая вершина образуют единую именную составляющую (как показывают коррелятивы, такое наблюдается далеко не всегда), мы будем называть ее *матричной именной группой*.

Под *релятивизацией* партиципанта понимается соотнесение его участия в ситуации, обозначенной зависимым предложением, с его участием в ситуации, описываемой матричной предикацией. Так или иначе, построение относительной конструкции сводится к релятивизации. Мы можем также выделить информацию, на основе которой строится описание участия релевантного партиципанта в ситуации, обозначенной зависимой частью. Ее выражение мы будем именовать *областью релятивизации*. В примерах (0.1)—(0.3) область релятивизации, по видимому, совпадает с относительным предложением; такая ситуация, однако, наблюдается не всегда: в частности, семантическая вершина может включаться или не включаться в область релятивизации.

Попытки более строгого, но сохраняющего универсальность определения относительных конструкций наталкиваются на сложности. В известной статье [Зализняк, Падучева 1975], оказавшей значительное влияние на исследование релятивов в отечественном (и не только в отечественном; см., например, [Nichols 1984]) языкознании, относительные придаточные определяются как придаточные предложения, вводимые союзным словом, «которое совмещает функцию союза (связывание предложений) с функцией члена предложения (а именно, придаточного предложения)» [Зализняк, Падучева 1975/1997: 61]; тем не менее авторы фактически соглашались с необходимостью привлечь для полной картины типологии относительного предложения и функционально схожие конструкции, не подпадающие под это определение.

Теоретически можно было бы сопоставить семантическую функцию относительных конструкций с ее синтаксическими характеристиками: очевидно, что функция описания одного из выраженных партиципантов (а не всей ситуации) в большей части теорий свойственна определениям. В результате релятивные предикации порою представляются в качестве определительных. Так, Э. Бенвенист в

своей статье [Benveniste 1958] уподобляет относительные конструкции грамматическим структурам с прилагательными. Это же представление обнаруживается и во множестве других работ. Так, оно лежит и в основе определения, данного в обзорной статье [Nikolaeva 2006], где относительные предложения понимаются как предложения, модифицирующие некое имя — хотя нельзя исключать, что автор здесь имеет в виду в первую очередь семантическую модификацию, то есть некое семантическое взаимодействие значений двух элементов высказывания, но не их синтаксические отношения. Понимание относительных предикаций как определений или по крайней мере модификаторов декларируют и функционалисты (см., например, [Lehmann 1984: 44; 1986: 664; Givón 2001: 175]), и генеративисты (ср., например, [van Riemsdijk 2005]).

Строго синтаксический подход, трактующий релятивы как разновидность определений, оставляет за рамками рассмотрения несколько важных типов конструкций. Во-первых, такие трактовки отказывают в принадлежности к релятивам конструкциям, в которых семантическая вершина и относительная предикация не образуют единую составляющую. Таким образом под понятие относительной конструкции не подпадают, например, коррелятивы вроде (0.3) выше. Кроме того, относительные конструкции в таком понимании лишаются универсальности. Действительно, в некоторых языках функции релятивов выполняют исключительно конструкции, включающие подчиненную предикацию, которая находится на периферии предложения и может добавлять информацию как об одном из партиципантов матричного предложения, так и о всей ситуации, им описываемой [Hale 1976]:

Вальбири (семья пама-нюнга)

- (0.4) yankiri-ḷi kutja-lpa ŋara ŋa-nu, ŋatjulu-ḷu ŋa pantu-ŋu
 эму-ERG COMP-AUX вода пить-PST я-ERG AUX пронзать-PST
 ‘Я пронзил эму, который пил воду’. / ‘Я пронзил эму, когда он пил воду’.
 [Hale 1976: 78]

Универсальность, естественно, не должна быть самоцелью при выделении каких-либо конструкций. Более того, с точки зрения грамматикализации конст-

рукций естественнее обсуждать в первую очередь конструкции, специфицирующиеся на релятивной функции. Поэтому если построения типа (0.4) и следует рассматривать вместе с (другими) относительными конструкциями, то, вероятно, более в функциональном плане, чем в синтаксическом. В то же время в диахронии отдельные относительные конструкции могут возводиться к полипредикативным конструкциям вроде той, что представлена в вальбири (см., например, описание относительной конструкции в соседнем с вальбири языке каитить в [Hale 1976: 98—103]).

Во-вторых, крайне неудовлетворительна трактовка относительных конструкций как определительных для релятивов с вложенной семантической вершиной, в которых предполагаемый кандидат на модифицируемое имя располагается внутри относительной предикации и подчас эксплицитно маркируется как зависимое его сказуемого (то есть как зависимое своего ожидаемого определения)⁴; ср., например, семантическую вершину *yani* ‘мужчина’, маркированную как комитативное зависимое релятивного предиката, в примере (0.5) из папуасского языка дла⁵.

Дла (дера) (семья сенаги)

(0.5) [ai yani-lofo hwafo]=na misionari nu
 [3 мужчина=СОМ говорить]=ТОР миссионер СОР:3М.SG
 ‘Мужчина, с которым он(а) говорил(а), — миссионер’.
 [de Sousa 2006: 432]

В-третьих, определительные трактовки относительных конструкций не учитывают или делают крайне периферийными свободные релятивы — относительные конструкции, в которых семантическая вершина (предполагаемое модифицируемое имя) отсутствует вовсе, как в следующем примере, где субъект ситуации,

⁴ Заметим, что как языках мира встречаются конструкции, в которых семантический модификатор обнаруживает свойства синтаксической вершины.

⁵ Подробнее о типологии относительных конструкций с вложенной семантической вершиной см. разделы 6.4—6.5.

описываемой причастием, выступает одновременно как актант, выраженный подлежащим матричного предложения:

(0.6) *Потом слышала от N.: [спящий] принял меня за красное привидение.*
(М. И. Цветаева) {НКРЯ}

Для таких примеров приходится постулировать нулевую семантическую вершину, что как минимум ведет к усложнению описания. Заметим, что этот пункт критики касается как синтаксического понимания относительных конструкций как определительных, так и семантического понимания, подразумевающего, что у них имеется функция семантической модификации.

Естественно, любая терминологическая система предполагает традицию обобщений конструкций. Представление об относительных конструкциях как о модифицирующих либо вычеркивает из этого класса ряд функционально, а подчас и формально близких конструкций, либо требует определенных ухищрений при их анализе. Будь «проблематичные» конструкции периферийны (то есть ограничены в использовании по сравнению с более типичными релятивами) или же четко формально противопоставлены «непроблематичным» конструкциям, подобные ухищрения были бы в какой-то мере оправданы. На практике границы между конструкциями, допускающими описания в терминах модификации, и конструкциями, не допускающими такое описания, размыты. Так, конструкции с вложенной семантической вершиной, с одной стороны, нередко представляются в качестве подтипа свободных релятивов (см., например, [Dryer 2007: 200]), а с другой, могут обнаруживать существенные сходства с конструкциями с внешней (то есть невложенной) семантической вершиной (раздел 6.5). Неверно и представление о периферийности «проблематичных» конструкций: например, во многих языках Южной Азии одним из основных типов, выражающим подобные значения, являются коррелятивы [Masica 1972], а в навахо безусловно доминирующим типом релятивов — относительные конструкции с вложенной вершиной [Platero 1974] (при том, что в этих языках представлены и менее «экзотические» конструкции). Наконец, хотя свободные релятивы, по-видимому, действительно занимают маргинальное положение в грамматических системах многих европейских языков,

нельзя исключать существование языков, в которых они намного более распространены⁶.

Помимо этого, существует устойчивая типологическая традиция включать коррелятивы, свободные релятивы и конструкции с вложенной семантической вершиной в рассмотрение при обсуждении относительных конструкций (см., например, [Lehmann 1984; 1986; Keenan 1985; de Vries 2002; Andrews 2007]). Разумно при столкновении с языком, отличным от «среднеевропейского стандарта», для которого выработывались большая часть грамматических понятий, руководствоваться этой традицией, не ограниченной каким-либо языковым типом.

Исходя из всего этого, нам представляется более удобным использовать максимально широкое понимание относительных конструкций. Естественно, что при таком понимании их разнородность оказывается весьма значительной; это, правда, отчасти обусловлено и тем, что для сравнения относительных конструкций могут использоваться весьма разные параметры. Так, М. де Врис в диссертации [de Vries 2002: 17—18], основываясь на предшествующей типологической литературе по релятивизации, упоминает одиннадцать параметров, по которым могут различаться относительные конструкции. Среди них такие разные параметры, как, например, наличие/отсутствие подчинительного союза, позиция детерминатора относительно имени и относительного предложения, место семантической вершины и т.д. Впрочем, наиболее общими признаются лишь несколько параметров (см. [Lehmann 1984; 1986; de Vries 2002]), а именно:

(i) образуют ли относительные предложения единую составляющую с антецедентом; в соответствии с этим противопоставлением коррелятивы противопоставляются всем прочим конструкциям⁷;

⁶ Согласно одной из трактовок такими являются многие языки со слабым противопоставлением имени и глагола (см. раздел 1.7.3). Еще для большего числа языков, по-видимому, работает трактовка относительных конструкций как разновидности «апозитивных конструкций», в которых сочетаются две составляющих с именной дистрибуцией — семантическая вершина и равноправная по отношению к ней номинализованная относительная предикация. Так, например, анализируется язык ава-пит в [Curnow 1997] (цит. по [Dryer 2011b]).

(ii) место семантической вершины: среди некоррелятивных конструкций противопоставляются конструкции с вложенной вершиной, в которых семантическая вершина располагается внутри относительного предложения, и конструкции с внешней вершиной, в которых семантическая вершина располагается вне релятива; это противопоставление будет оспорено на адыгейском материале в главе 3 и в типологической перспективе в разделе 6.4.1;

(iv) позиция релятива: среди относительных конструкций с внешней семантической вершиной противопоставляются построения с препозитивными релятивами и с постпозитивными релятивами.

0.1.2. РЕСТРИКТИВНОСТЬ И НЕРЕСТРИКТИВНОСТЬ

Само понимание описания партиципанта для относительных конструкций принимает разные обличья. Во-первых, релятив может ограничивать референцию партиципанта матричного предложения. В этом случае именная группа партиципанта нуждается в относительном предложении для правильного истолкования, а отсутствие релятива ведет к неправильной или неточной интерпретации. Так, очевидно разную интерпретацию получают кванторные именные группы в (0.7) и (0.8): референция кванторной группы в первом из этих примеров ограничена относительным предложением.

(0.7) *...большинство проблем, которые обсуждаются по телевидению даже во вполне солидных сборищах людей, несерьезны и неосновательны.*
(Вяч.Вс. Иванов) {НКРЯ}

(0.8) *Большинство проблем несерьезны и неосновательны.*

⁷ В [Lehmann 1984; 1986] в этом ключе вместе с коррелятивами рассматриваются также конструкции с вынесенными относительными предложениями вроде *А тот учебник ты выучил, который я тебе подарил?* (А. Геласимов) {НКРЯ}. Тем не менее, как правило, такие конструкции не обсуждаются наравне с другими базовыми типами, хотя они, безусловно, могут обнаруживать специфические свойства (см., например, раздел 6.6 о множественной релятивизации в подобных конструкциях).

Относительные предикации, ограничивающие референцию, именуются *рестриктивными*. В статье [Grosu, Landman 1998] было предложено противопоставить рестриктивным конструкциям *максимализующие*, не только ограничивающие референцию, но и устанавливающие ее. Как было показано в этой статье, использование некоторых относительных конструкций требует определенной или универсальной референции (например, так себя обычно ведут коррелятивы); см. также раздел 6.5.4. Впрочем, такие конструкции можно понимать и как экстремальный случай рестриктивных конструкций.

Наряду с рестриктивными относительными предикациями встречаются и *нерестриктивные* релятивы, не ограничивающие референцию и лишь привносящие дополнительную информацию о партиципанте⁸; ср.⁹:

(0.9) ...попадала и щука, которую мы варили тут же на плоту...
(А.А. Реформатский) {НКРЯ}

Как показано в [Wierzbicka 1998: 186; 2002: 290—291], граница между рестриктивными и нерестриктивными релятивами не всегда очевидна — в особенности, когда речь идет о неопределенных именных группах в матричной предикации вроде (0.10). По-видимому, для таких примеров вопрос о том, вводится ли сперва некий объект универсума дискурса (здесь — *некое противоречие*), а затем ему дается дополнительная характеристика, или же само описание, данное в от-

⁸ Подробный семантический анализ нерестриктивных относительных конструкций см., например, в [Potts 2002; 2005].

⁹ Интересно, что приводимый пример противоречит встречаемому иногда утверждению, что нерестриктивные относительные предложения могут модифицировать только референтные семантические вершины; см., например, [Zamparelli 2000: 216]. Ср. также [Лютикова 2009: 441] о допустимых в русском языке сочетаниях нерестриктивных релятивов с группами, возглавляемыми кванторным словом *любой*, контрастирующих с наблюдаемым в английском языке запретом на такие конструкции с группами, включающими аналогичное кванторное слово *any*.

носителем предложения, участвует во введении нового объекта, однозначно не решается¹⁰.

(0.10) ...уже в названии отражалось некое противоречие, которое сохранялось, и более того, развивалось в самом тексте закона. (М.А. Кронгауз) {НКРЯ}

Несмотря на кажущуюся размытость противопоставления по рестриктивности, оно признается существенным для грамматики многих языков. Во-первых, в отношении отдельных языков утверждается, что в них специфически относительные конструкции (то есть конструкции, использующиеся только как релятивы) всегда имеют рестриктивную функцию (см., например, [Andrews 1985: 73; Lehmann 1984: 268; Cinque 2008: 121—122]). Во-вторых, в некоторых языках отдельные относительные конструкции специализируются на выражении одной или другой функции. Такая ситуация иногда постулируется, например, для английского языка, где союз *that*, в отличие от относительных местоимений, лишь в очень специфических конструкциях может вводить нерестриктивные релятивы (см. [Quirk et al. 1985: 1258—1259]). Так же в осетинском языке коррелятивные конструкции имеют, как правило, рестриктивную функцию, а некоррелятивные конструкции с относительными местоимениями¹¹ — нерестриктивную [Беляев 2010]. Согласно [Givón 2001: 204], в языке бемба (банту) нерестриктивные и рестриктивные определения (в том числе релятивные) различаются морфологической структурой (см., однако, описание [Kula, Cheng 2007]), где система в языке бемба описывается иначе — как противопоставление рестриктивных релятивов и релятивов, не маркированных по рестриктивности).

В этой связи следует подчеркнуть, что в действительности, когда говорится о том, что релятив всегда рестриктивен, могут иметься в виду довольно разные

¹⁰ См. также [Prince 1990], где также указывается, что неопределенные именные группы, включающие формально рестриктивные релятивы, семантически ведут себя аналогично конструкциям с нерестриктивными релятивами.

¹¹ Речь здесь идет только об исконных конструкциях. Помимо них, в осетинском языке встречаются также некоррелятивные конструкции с относительным местоимением, являющиеся калькой с аналогичной русской конструкции.

ситуации. Иногда в расчет берется исключительно сочетаемость релятивов: если относительные предикации не сочетаются с семантическими вершинами с заведомой определенной референцией (речь идет обычно о личных местоимениях и именах собственных), они признаются рестриктивными. В других случаях обсуждается семантическое противопоставление по рестриктивности, хотя исследователям и приходится игнорировать неочевидные случаи вроде примера (0.10) выше. Очевидно, что в обоих случаях за основу берутся лишь наиболее показательные случаи. В этой связи не так удивительно, что работы, пытающиеся охватить все относительные конструкции в некотором корпусе и тем самым вынужденные рассматривать любые релятивы независимо от их «показательности», иногда дистанцируются от противопоставления по рестриктивности; ср., например, исследование корпуса английских релятивов [Fox, Thompson 1990: 297—298 (fn. 2)].

Несмотря на все сложности, возникающие в связи с противопоставлением по рестриктивности, мы не считаем нужным отказываться от него. Если по крайней мере для некоторых языков это противопоставление прототипически может лежать в основе каких-то грамматических явлений, стоит попытаться объяснить маргинальность для этого противопоставления тех контекстов, в которых оно работает хуже всего. Не претендуя на решение вопроса об оппозиции по рестриктивности, заметим лишь, что с точки зрения семантики использование прототипически рестриктивных релятивов в непрототипических для них нерестриктивных контекстах, вообще говоря, вполне допустимо, если данная фраза вообще в каком-либо контексте может иметь рестриктивное прочтение. Дело в том, что сужение возможной референции предполагает единую номинацию, применимую как к известным референтам, так и к новым объектам универсума дискурса. Напротив, если какая-либо конструкция имеет прототипически нерестриктивную функцию, ее появления в рестриктивных контекстах можно ожидать лишь в исключительных случаях, в которых семантическая функция отходит на второй план.

0.1.3. СИНТАКСИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ. ОГРАНИЧЕНИЯ НА МИШЕНЬ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ

Многие работы требуют от относительной конструкции того, чтобы матричная и релятивная предикации оперировали бы с одной и той же переменной в

семантическом представлении; см., например, [Keenan 1972b; 1972c; Keenan, Comrie 1977; Grosu, Landman 1998; Grosu 2002]. Несколько упрощая действительное положение дел, можно считать, что речь идет о кореферентности одной из именных групп (или в целом, обозначения партиципанта) в подчиненной предикации и некоторой именной группы матричной предикации (при этом такие группы могут быть и не выражены)¹². Обозначение и/или синтаксическая роль релевантного партиципанта в относительном предложении в таком случае именуется *мишенью*, а обозначение и/или синтаксическая роль партиципанта в матричной предикации — *антецедентом*. Способ установить релятивизуемую роль в относительном предложении мы будем называть *стратегией релятивизации*. Например, в (0.11) используется стратегия, связанная с использованием относительного местоимения, мишенью является подлежащее относительной предикации, а антецедентом — инструментальная группа матричной (по отношению к релятиву) группы:

(0.11) *Подать толму политой [соком, который образовался при тушении].*
{НКРЯ}

Презумпция существования мишени играет существенную роль в теориях релятивизации. В генеративистских теориях принято считать, что релятивизуемая группа (то есть мишень) во многих относительных конструкциях передвигается в начало относительного предложения, оставляя за собой *след* (нуждающийся в интерпретации пробел в синтаксической структуре) или резумптивное местоимение (неотносительное местоимение, которое возникает в позиции мишени); см., например, обзор в [de Vries 2002: Ch. 3]. В рамках теорий, оперирующих трансформациями, такое представление совершенно естественно для конструкций вроде русских структур с относительным местоимением *который*: релятивное местоимение действительно располагается в них на границе относительного предло-

¹² Это упрощение связано, например, с невозможностью говорить о кореферентности при квантификации релевантной группы в матричной предикации (ср. *Он жал руку каждому, кто к нему подходил*).

жения, а в позиции, где ожидается данный член предложения обнаруживается пробел¹³ (см. [Лютикова 2009]):

(0.12) *Можно выделить три «круга» языков, которыми, необходимо в той или иной мере владеет ____.* (LiveJournal) {НКРЯ}

Это же представление задействуется и для многих структур без относительных местоимений, в которых передвижение не всегда доказуемо. Негенеративистские теории релятивизации в таких случаях говорят об отсутствии (опущении) именной группы или замене ее на резюмтивное местоимение. В относительных конструкциях с вложенной вершиной генеративистские теории также иногда говорят о передвижении, которое может быть скрытым (то есть не является выраженным, несмотря на то, что грамматические тесты ведут себя, как будто бы оно произошло), но иногда и воочию проявляется в изменении порядка слов по сравнению с нейтральным [Basilico 1996]. Так или иначе, нельзя не признать, что во многих конструкциях, которые мы будем именовать **синтаксически ориентированными**, принципиальную роль для понимания участия релятивизуемого партиципанта в ситуации, описанной в относительном предложении, играет определение его синтаксической роли в этой части конструкции¹⁴. В то же время, как отмечается в [Keenan, Comrie 1977], определение этой роли не всегда эксплицитно (в указанной работе на основе наличия или отсутствия в конструкции именного элемента, «который недвусмысленно указывает, какая синтаксическая роль подвергается релятивизации», выделяются два типа стратегий: [+CASE] и [-CASE], соответственно [Keenan, Comrie 1977/1982: 115]).

¹³ Мы отвлекаемся в данном случае от конструкций с релятивизацией посессора, предложного дополнения и других глубоко вложенных партиципантов, для которых придется постулировать передвижение всей группы, внутри которой они выражаются (в англоязычной литературе это явление известно под названием *pied piping*, в русскоязычной — под именем *эффект крысолова* [Тестелец 2001: 140]).

¹⁴ Эта проблема после трудов Т. Гивона (см., например, [Givón 2001]) получила наименование *проблемы восстановимости надежда*.

Начиная с работ Дж. Росса [Ross 1967] и Э. Кинэна и Б. Комри [Keenan 1972b; 1972c; Keenan, Comrie 1977] известно, что многие языки накладывают ограничения на возможные мишени релятивизации¹⁵. Росс показал для английского, а также некоторых других языков¹⁶, что мишени не могут находиться внутри составляющих, названных им *синтаксическими островами*. Среди таких островов оказались, например, составляющие, входящие в сочинительные конструкции, предикации, зависимые от имени (в том числе относительные предложения), косвенные вопросы и т.д. Как выяснилось впоследствии, не все языки соблюдают островные ограничения [Keenan 1972c/1987: 344—348; 1985], а кроме того, наличие этих ограничений может зависеть от дополнительных факторов [Szabolcsi 2006]. В качестве мотивации существования островов помимо общих представлений об универсальной грамматике в стиле генеративизма предлагались, в частности, несовместимость прагматики употребления разных конструкций [Erteschik-Shir, Lappin 1979] и особая сложность построения [Hawkins 1999; 2001]; в отдельных работах учитывались разные причины (см., например, [Dean 1991]). В любом случае, существование таких ограничений на релятивизацию (а также на некоторые другие синтаксические процессы) существенно для описания относительных конструкций.

Кинэн и Комри исследовали большую выборку языков (см. данные в [Keenan, Comrie 1979]) и обнаружили, что вероятность релятивизации разных синтаксических ролей в этой выборке различается. Основываясь на этом наблюдении, они предложили следующую иерархию доступности именных групп:

¹⁵ На материале русского языка основные ограничения на релятивизацию, отчасти совпадающие с выделенными М. Россом, но при этом, судя по всему, выявленные независимо от него, были предложены в статье [Зализняк, Падучева 1979]. Подробное обсуждение ограничений на мишень в русских конструкциях с относительным местоимением см. в [Лютикова 2009].

¹⁶ Любопытно, что среди этих языков оказался японский, для которого эти ограничения вовсе не очевидны; см. раздел 0.1.4.

- (0.13) $SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP$, где
> = «более подвержен релятивизации»,
SU = «подлежащее»,
DO = «прямое дополнение»,
IO = «непрямое дополнение»,
OBL = «косвенное дополнение» (субкатегоризованное предикатом)

В статье [Keenan, Comrie 1977/1982: 117] предполагается максимально мягкая формулировка ограничений, связанных с их иерархией:

1. в языке должны быть средства релятивизации подлежащих;
2. любая стратегия образования относительных групп должна быть применима к некоторому непрерывному отрезку иерархии доступности;
3. стратегии, применимые к некоторому рангу в иерархии доступности, могут в принципе быть неприменимыми к любому более низкому рангу в этой иерархии.

В других работах представлены и другие факты, свидетельствующие в пользу существования подобной иерархии:

(i) одни позиции могут релятивизовываться чаще, чем другие. Действительно, корпусные исследования показывают, что позиции в иерархии доступности именных групп отличаются по данному параметру [Keenan 1975; Fox 1987; Gordon, Hendrick 2005]. Например, объект сравнения релятивизуется крайне редко, посессор релятивизуется реже, чем, например, прямые дополнения и т.д. Существенная проблема, связанная с корреляцией между доступностью именной группы и частотностью релятивизации, заключается в отношении исследователя к релятивизации места и времени. Для построений с такой семантикой в языках нередко обнаруживаются особые конструкции (например, в русском — конструкции с показателями *где* и *когда*), не учитываемые при сравнении разных релятивов. Между тем релятивизация этого типа может быть крайне частотной.

(ii) релятивизация одних позиций может с большей вероятностью выполнять функции, типичные для относительных конструкций, нежели релятивизация других позиций. Так, например, исходя из того, что рестриктивные относительные конструкции в норме используются для указания на место референта мат-

ричной именной группы в универсуме дискурса, для чего лучше всего подходит либо указание на его стативную характеристику, либо указание на связь с уже известным референтом, Б. Фокс утверждает, что релятивизация одних синтаксических ролей более соответствует этой цели, чем релятивизация других ролей [Fox 1987].

(iii) релятивизация одних позиций может быть психологически проще, чем релятивизация других ролей. Эта идея выдвигается, в частности, Кинэном и Комри в отношении восприятия релятивизации разных позиций (см. [Keenan, Comrie 1977/1982: 148ff] и цитируемую там литературу). Дж. Хокинз аргументирует положение, что релятивизация ролей, располагающихся выше в иерархии доступности именных групп, может быть структурно проще, чем релятивизация позиций, находящихся ниже в этой иерархии; см. [Hawkins 1999; 2004].

(iv) релятивизация позиций выше в иерархии доступности может быть более грамматикализована, чем релятивизация позиций ниже в иерархии. Об этом свидетельствуют, в частности, наблюдения С. Кристофаро: для относительных конструкций, в которых мишенями выступают роли выше в иерархии, более характерно невыражение категорий времени и модальности, лица и т.д., чем для конструкций с мишенями ниже в иерархии [Cristofaro 2003: Ch. 7]. Очевидно, что менее семантически прозрачные и, следовательно, более грамматикализованные конструкции характерны для верха иерархии доступности.

Кроме того, во многих работах предпринимались попытки поставить в соответствие с иерархией доступности те или иные разновидности относительных конструкций. Например, широко известно, что резумптивные местоимения скорее появляются при релятивизации позиций ниже в иерархии [Keenan 1972c/1987: 350ff; Keenan, Comrie 1977/1982: 156—157; Maxwell 1979]. В [Maxwell 1979] предлагается также обобщение, связанное с корреляцией между позицией мишени и опущением ее группы в относительной предикации (см. обсуждение в [Comrie, Keenan 1979]), в [Lehmann 1984; 1986] предлагается теория, увязывающая позицию мишени и степень номинализации релятива, в [Cristofaro 2003] — обобщения, касающиеся релятивизуемой роли и выражения грамматических категорий вроде времени и наклонения в относительной предикации.

Иерархия Кинэна и Комри неоднократно уточнялась или расширялась. Отдельное обсуждение получил вопрос о ее применимости к эргативным языкам, связанный с неочевидностью выделения в этих языках подлежащего, противопоставленного прямому дополнению. Кинэн и Комри сами допускали, что для некоторых маргинальных эргативных систем верх в иерархии мог занимать абсолютный актанта, за которым следовал бы эргативный агент [Keenan, Comrie 1977/1982: 142—143]. К выводам о примате абсолютного актанта в эргативных системах в отношении релятивизации пришли впоследствии К. Леман [Lehmann 1984: 211ff] и другие исследователи [Liao 2000]. Б. Фокс в статье [Fox 1987] на основании корпусных данных предположила, что подлежащие непереходных предикаций и пациенсы в переходных предложениях вообще более склонны к релятивизации, чем агенты переходных предикаций; это утверждение в дальнейшем оспаривалось [Gordon, Hendrick 2005].

Попытки уточнения иерархии доступности именных групп коснулись, в частности, посессора. Так, в некоторых языках так называемый неотторжимый посессор (речь в этом случае обычно, но не всегда идет об обозначениях частей) ведет себя в отношении релятивизации отлично от отторжимого посессора; ср. [Verhaar 1979] об индонезийском языке, [Сеѝна 1979] о тагальском языке, [Comrie, Polinsky 1999: 84—85] о цезском языке, [Haspelmath 1993: 342] о лезгинском языке. На основе таких данных в [Liao 2000] было предложено, что неотторжимый посессор занимает в иерархии доступности именных групп более высокое положение, чем отторжимый посессор. Во многих австронезийских языках (например, в стандартном индонезийском) релятивизация посессора допустима только, если это посессор подлежащего, что, вероятно, могло бы использоваться как аргумент в пользу того, что посессор подлежащего располагается выше в иерархии доступности, чем посессоры прочих партиципантов. Впрочем, в цахурском языке при релятивизации посессора и наличии двух кандидатов на то, чтобы выступать в качестве объекта обладания, более вероятным объектом обладания в немаркированной конструкции оказывается имя, находящееся выше в иерархии одушевленности [Лютикова 1999: 476—477]. Таким образом, на то, какой посессор более легко допускает релятивизацию, могут влиять разнородные факторы, и это пре-

пятствует универсальному и единообразному разбиению позиции посессора на несколько позиций в иерархии доступности.

Расширения иерархии доступности были связаны, в первую очередь, с попытками инкорпорировать в нее позиции, обсуждаемые Россом. Так, Е.А. Лютикова выдвинула вариант иерархии доступности именных групп для дагестанских языков, который, по сути, пытается учесть как ограничения, основанные на иерархии Кинэна и Комри, так и островные ограничения (см., например, [Лютикова 2001: 494]¹⁷):

(0.14) Иерархия доступности ИГ по Лютиковой

Еще раньше К. Леман [Lehmann 1984: 211ff] представил свое расширение иерархии Кинэна и Комри, в том числе и за счет позиций, рассматриваемых островными ограничениями. Леман предложил нелинейную схему, предполагавшую несколько иерархий — иерархию прилагольных функций (первая колонка в (0.15)), иерархию приименных функций (вторая колонка в (0.15)), а также собственно островные ограничения:

¹⁷ Приведенная в более ранней работе [Лютикова 1999: 466] иерархия доступности именных групп для дагестанских языков отличается тем, что вместо комитатива приводится зависимое имя при масдаре.

(0.15) Иерархии доступности именных групп по К. Леману [Lehmann: 1984: 219]

Подлежащее/Абсолютив			
Прямое дополнение/Эргатив			
Непрямое дополнение/локативное дополнение/темпоральное дополнение			
Другие дополнения	Посессивное определение	Составляющие сочинительной конструкции	Составляющие обстоятельственного зависимого предложения
	Стандарт сравнения		
Адьюнкты (обстоятельства)	Предложное/послеложное дополнение		Составляющие определительного зависимого предложения (релятива)

Исследования в этой области продолжаются и связаны они, прежде всего, со сбором нового материала. Очевидно, что дух иерархии Кинэна и Комри, а также ограничений Росса не опровергнут, а то, что тесты на релятивизируемость разных позиций становятся обязательной частью грамматик, это подтверждает.

Вместе с тем, не исключено, что для одних языков эти ограничения должны рассматриваться совершенно в другой перспективе, чем для других, чему посвящен следующий раздел.

0.1.4. СЕМАНТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ

Хотя ограничения на мишень играют значительную роль в типологии релятивизации, как было аргументировано в [Kuno 1973: Ch. 21; Comrie 1998; Matsumoto 1988; 1989; 1996; Даниэль, Ландер 2008; Maisak 2008; van Breugel 2010], в некоторых языках построение относительных предложений не обязательно осно-

вываается на какой-либо синтаксической роли в подчиненной предикации. В примерах из таких языков обсуждаемому партиципantu порою не соответствует никакая конкретная синтаксическая роль в относительной предикации. К этому типу языков относятся, в частности, многие (если не все!) нахско-дагестанские языки, в отношении которых А.Е. Кибрик [1992: 214] писал, что «в синтаксическом преобразовании выражений, связанном с релятивизацией, какие-либо [синтаксические — Ю.Л.] характеристики актантов оказываются нерелевантными...» Ср. следующие примеры:

Тантынский даргинский (нахско-дагестанская семья)

- (0.16) $\chi a l q' - l i - \check{z}$ [č u - l i d - a q a l a r c d - i r q' - u - s e
- народ-O-DAT сам-ERG N.PL-много деньги N.PL-Делать.IPF-TH-ATR
- administracija-lla bek'] w-ič'-aq-u
- администрация-GEN голова N-хотеть.IPF-CAUS-TH
- ‘Люди любят главу администрации, такого что они много зарабатывают (букв. делают много денег)’.

Агульский язык (нахско-дагестанская семья)

- (0.17) jak: uga-je ni?
- мясо гореть.IPF-PTCP2 запах
- ‘запах подгорающего мяса’ [Maisak 2008]

Б. Комри [Comrie 1998] предложил в этой связи противопоставить синтаксически ориентированной релятивизации, основанной на синтаксической роли мишени, семантически ориентированную релятивизацию, при которой отношение соответствующего партиципанта матричной предикации к пропозиции, выраженной относительным предложением, выводится из лексической семантики релевантной именной группы или контекстной информации¹⁸.

Ограничения на роль мишени, обсуждавшиеся в разделе 0.1.3, работают в первую очередь для языков с синтаксически ориентированной релятивизацией.

¹⁸ Термины синтаксически ориентированная релятивизация и семантически ориентированная релятивизация Б. Комри не использовал; они принадлежат автору этой работы.

Напротив, языки с семантически ориентированной релятивизацией допускают значительную свободу в отношении возможных релятивизируемых партиципантов, порою обнаруживая и нарушение островных ограничений; ср. примеры (0.18)—(0.19) из тантынского даргинского, в которых показана релятивизация одного из участников сочинительной конструкции и одного из элементов вложенного относительного предложения:

Тантынский даргинский (нахско-дагестанская семья)

(0.18) [ʔa^hmad-li-ra sun-ni-ra mura d-ert:-ib admɪ]
 Ахмед-ERG-COORD сам-ERG-COORD сено N.PL-КОСИТЬ.PF-PRET человек
 dila χ:ut:u sa-j
 я:GEN тесть COP-M

‘Человек, такой что Ахмед и он скосили сено, — мой тесть’.

(0.19) [dam č:-ib-se k:ata b-ibš:-ib x:unul] simi
 я:DAT давать.PF-PRET-ATR кошка N-убегать.PF-PRET женщина желчь
 r-ač'-ib
 F-приходить.PF-PRET

‘Женщина, такая что кошка, которую она мне принесла, убежала, рассердилась’.

Тем не менее противопоставление между синтаксически и семантически ориентированной релятивизацией остается не вполне четким. Во-первых, в некоторых языках с синтаксически ориентированной релятивизацией встречаются конструкции, интерпретация которых практически не задействует синтаксис. Таковы, в частности, некоторые примеры с английской релятивизацией без относительных местоимений. Обычно мишень релятивизации определяется в этих конструкциях благодаря отсутствию соответствующей *подразумеваемой* именной группы (0.20). Однако, например, при релятивизации обстоятельств места и времени (0.21)—(0.22), информация о которых факультативна и *не подразумевается*, релятивизация, безусловно, семантически ориентирована (ср. [Givón 2001: 201]:

Английский язык (индоевропейская семья)

(0.20) *the branch they're sitting on*
'ветка, на которой они сидят'

(0.21) *the village they lived*¹⁹
'деревня, в которой они жили'

(0.22) *the half an hour he played*
'полчаса, которые он играл'

Интересно, что семантически ориентированная релятивизация иногда наблюдается даже в конструкциях с относительными местоимениями

(0.23) *Это просто опустившиеся люди морально. Которые день прошел и ладно. Живут одним днем.* {НКРЯ} [Лютикова 2009: 449]

Во-вторых, семантически ориентированная релятивизация подчас обнаруживает признаки синтаксически ориентированной. Например, многие нахско-дагестанские языки, в которых основная стратегия релятивизации семантически ориентирована, задействуют резюмтивные местоимения²⁰. Кроме того, хотя для этих языков и зафиксированы нарушения островных ограничений, эти случаи — по крайней мере на первый взгляд, не связанный с проведением каких-либо детальных корпусных исследований — довольно маргинальны, что тоже нуждается в объяснении.

На наш взгляд, синтаксически ориентированная релятивизация — результат грамматикализации тенденций (очевидно, не случайных) употребления се-

¹⁹ Подобные примеры не нормативны и окказиональны. Данный пример взят из заметки: Hinson H. Boyfriends and Girlfriends // The Washington Post, 13.08.1988.

²⁰ В качестве резюмтивов в этих языках обычно задействуются рефлексивные местоимения, что является типологически необычным. При дистантной релятивизации — релятивизации из вложенных предикаций — иногда используются указательные местоимения (личные местоимения 3-го лица в этих языках отсутствуют).

мантически ориентированных относительных конструкций. Поскольку грамматикализация сама по себе представляет собой не дискретный, а градуальный процесс, переходные случаи между двумя типами вполне ожидаемы.

0.2. Полисинтетизм²¹

В силу того, что адыгейский язык, которому посвящена настоящая работа, является полисинтетическим, понятие полисинтетизма является в настоящей работе ключевым: как мы увидим, некоторые особенности адыгейских относительных конструкций могут быть связаны с типологическими чертами, зачастую приписываемыми полисинтетическим языкам.

В отличие от многих других теоретических понятий лингвистики, понятие полисинтетизма — результат осознания языкового разнообразия. Столкновение европейских лингвистических представлений с языками, отличными от тех, на которых они основывались, предполагало формирование особого образа в терминах отличий от европейских языков. Полисинтетизм — один из таких образов, обязанный своим появлением признанию специфики языков североамериканских индейцев, но впоследствии распространенный и на множество других языков во всех частях света.

Появление термина *полисинтетизм* обычно приписывается П. Дюпонсо, который определил его следующим образом: «когда максимальное количество идей выражается минимальным количеством слов»²² [Duponseau 1819: xxx] (цит. по [Hewitt 1893: 381; Pratt 1971: 151]). Поэтому с самого начала полисинтетические языки понимались как языки, способные «упаковывать» в одно слово информацию, в европейских языках выражаемую последовательностью слов. Приблизительно в то же время, когда был выделен полисинтетизм, В. фон Гумбольдт выделил класс инкорпорирующих языков, причем «способ инкорпорации» он описывал сходно: «Он заключается в том, чтобы рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу,

²¹ Данный раздел основывается на статье [Ландер 2011b].

²² “It is that in which the greatest number of ideas are expressed in the least number of words”.

как отдельное слово» [von Humboldt 1836/1984: 144]. Тем не менее в XIX веке инкорпорация и полисинтетизм нередко противопоставлялись: под полисинтетизмом понимались те аспекты построения сложных словоформ, которые включали разнообразные служебные элементы, в то время как инкорпорация представлялась как взаимодействие слов, которые могут выступать в синтаксисе и независимо (см., например, [Brinton 1886: 59—60]). Для их объединения в середине века был предложен термин *голофразис* (*holophrasis*), обозначающий выражение пропозиции в одном слове [Lieber 1853]. Хотя следы противопоставления инкорпорации и полисинтетизма наблюдались и позже (например, в трудах И.И. Мещанинова [1945; 1949], различавшего инкорпорирование и «синтез»), в XX веке этот контраст был потерян, инкорпорация стала даже иногда признаваться необходимым условием для характеристики языка как канонического полисинтетического (см., например, [Baker 1996: 20; Schuit 2007: 18]). Популярным было смешение полисинтетических языков и инкорпорированных языков и в советской лингвистике; ср. [Журинская 1990: 511], где термин *полисинтетические языки* дается как синоним *инкорпорированных языков*. Такое смешение не кажется нам оправданным, в первую очередь потому что при обсуждении инкорпорации осмысленно включать в круг рассматриваемых явлений и конструкции, наблюдаемые в заведомо не полисинтетических языках — например, включение пациенса в комплекс, образуемый глаголом и грамматическими частицами, в аналитических океанийских языках и даже, возможно, такие явления как падежная неформленность, распространенные в самых разных языках мира [Mithun 1984; Baker 1988; Муравьева 1994; 2004; Lander 2010a].

Возможность выразить пропозицию словом признается в качестве важной характеристики полисинтетизма и сейчас. Ср. следующее утверждение Н. Эванса и Х.-Ю. Сассе: «...прототипический полисинтетический язык — язык, в котором возможно в пределах одного слова использовать морфологические процессы для передачи информации как о предикате, так и обо всех его актантах для всех основных типов предикаций <...> до такой степени, что это слово может выступать в качестве самостоятельного высказывания без опоры на контекст»²³ [Evans, Sasse

²³ “...a prototypical polysynthetic language is one in which it is possible, in a single word, to use processes of morphological composition to encode information about both the predicate

2002: 3]. Важное следствие такого представления состоит в том, что полисинтетическая глагольная словоформа должна допускать полиперсонность (морфологическую индексацию нескольких актантов в одном слове) — действительно, этот признак также иногда берется в основу полисинтетизма [Журинская 1990: 511]. Но практическая применимость этих критериев сомнительна. Так, возможность функционирования слова в качестве самостоятельного высказывания наблюдается и во многих языках мира, которые традиционно полисинтетическими не считаются (например, в картвельских языках), а полиперсонная индексация, судя по данным, представленным в [Siewierska 2011], и вовсе превалирует в языках мира.

Другое направление понимания полисинтетизма, тоже связанное с представлением о «сочетании идей» в одном слове, берет в основу то, что в полисинтетических языках в одном слове могут быть выражены больше значений, нежели в языках неполисинтетических. Например, Дж. Маттисен определяет полисинтетические языки через следующие два критерия: «(i) существование состоящих из нескольких морфем сложных глагольных форм, которые допускают наличие компонентов-некорневых связанных морфем с вполне «лексическим» значением и (факультативно) конкатенацию лексических корней; (ii) эти компоненты выражают несколько из следующих категорий: классификация и квантификация событий или участников, «обстановка» (например, ‘ночью’), место или направление, движение, инструмент (например, ‘рукой’), образ действия (‘вытягивая’, ‘быстро’), модальность (включая эвиденциальность), степень, скалярные значения (‘только’, ‘также’) и фокус, последовательность событий (например, ‘сначала’, ‘снова’), а также обычные категории вроде актантной деривации, залога, ядерных участников, время, вид (фазу), наклонение и полярность»²⁴ [Mattisen 2006: 291]. Легко

and all its arguments, for aall major clause types [...] to a level of specificity allowing this word to serve alone as a free-standing utterance without reliance on context”.

²⁴ “(i) the existence of complex, polymorphemic verb forms which allow, within one word unit, for components in the form of non-root bound morphemes with quite ‘lexical’ meaning or optionally for the concatenation of lexical roots; (ii) these components express several of the following categories: Event or participant classification and quantification, setting (e.g. ‘in the night’), location or direction, motion, instrument (e.g. ‘by hand’), manner (‘by pulling’, ‘quickly’), modality (including evidentiality), degree, scale (‘only’, ‘also’) and focus, chronology

заметить, что многие из категорий, перечисленных во второй части дефиниции, выражаются морфологически и в неполисинтетических языках (например, в русском) и, соответственно, она не вычленяет исключительно полисинтетические языки.

С самого начала изучения полисинтетических языков особое внимание обращалось на их исключительную морфологическую сложность. В результате с некоторых пор она стала иногда восприниматься в качестве определяющей для полисинтетизма; см., например, [Sweet 1909]. Определение полисинтетизма через морфологическую сложность слова по сути привело к тому, что он стал частью более общей типологической схемы, располагающей языки на шкале в соответствии с их морфологической сложностью: АНАЛИТИЗМ > СИНТЕТИЗМ > ПОЛИСИНТЕТИЗМ (о большей или меньшей аналитичности и синтетичности в связи с нечеткостью границ между разными языковыми типами говорил уже Э. Сепир [Sapir 1921/1993: 123]). Оно же стало стимулом для одной из наиболее известных попыток уточнить понятие полисинтетизма. В 1954 году Дж. Гринберг предложил определить полисинтетические языки как языки, для которых индекс синтеза — отношение числа морфем к числу слов — выше или равен 3,0 (для сравнения: индекс синтеза для аналитического языка вроде вьетнамского укладывался в интервал 1,00—1,99, а индекс синтеза синтетического языка вроде русского — 2,00—2,99) [Greenberg 1954].

Но и этот подход уязвим. Во-первых, он связывает полисинтетизм не с потенциальной сложностью слова, а с конкретно наблюдаемыми явлениями в тексте. При этом, предположительно, индекс синтеза может различаться в зависимости от жанра, типа существования текста (устные тексты vs. письменные тексты) и даже носителя языка (ср. отмеченную в разделе 0.4.4 для носителей адыгейского языка вариативность в том, что касается их способности строить сложные словоформы). Во-вторых, подобный подход к определению полисинтетизма ограничивает его языками с агглютинативной и конкатенативной (линейно упорядочиваемой) морфологией — полисинтетизм даже описывался как высшая степень агглютинации [Schuit 2007: 18]. Между тем языки, традиционно признаваемые

(e.g. ‘first’, ‘again’), as well as the usual categories such as valence, voice, central participants, tense, aspect (phase), mood, and polarity”.

полисинтетическими, допускают отклонения как от принципа конкатенации, так и от канонической агглютинации. Это касается, например, тех же атабаскских языков, в которых морфемные швы очевидны не всегда. В-третьих, определение через формальную сложность не учитывает, что полисинтетизм коррелирует с типом языка по параметру локуса маркирования: полисинтетическими считают преимущественно языки с доминирующим вершинным маркированием. Так, Дж. Николс говорит о том, что полисинтетические языки возникают из языков с умеренным вершинным маркированием при прикреплении дополнительных элементов к вершине [Nichols 1986: 88]; таким образом она фактически считает полисинтетизм высшим проявлением вершинного маркирования (ср. также [Fortescue 2007]). В какой-то степени параметр локуса маркирования коррелирует с морфологической сложностью: особо сложные глаголы присутствуют прежде всего в языках с доминирующим вершинным маркированием, которое позволяет выражать на сказуемом многие категории, в других языках выражаемые на зависимых элементах. Между тем некоторые языки зависимостного маркирования также иногда имеют исключительно сложную морфологию (ср., австралийский язык ка-ярдид, допускающий присоединение к имени трех падежных суффиксов).

Во второй половине XX века стали появляться подходы к полисинтетизму, пытавшиеся осмыслить особенности полисинтетических языков с теоретической, а не только описательной точки зрения. Наиболее известным из них явился генеративистский подход М. Бейкера (см. [Baker 1996]), в котором постулировался макропараметр полисинтетизма, основанный на требовании обязательного выражения актантной структуры в морфологии предиката. Используя ряд допущений (не общепринятых и в значительной степени привязанных к конкретным направлениям генеративизма, отчасти связанных с предшествовавшей его теории «гипотезой местоименных актантов» Э. Джелинек, предполагавшей, что актанты в некоторых языках выражаются аффиксами, функционирующим подобно местоимениям [Jelinek 1984]), Бейкер вывел из морфологического выражения актантной структуры множество частных требований, которым должен был удовлетворять полисинтетический язык, в частности, наличие синтаксической инкорпорации, свободное опущение именных групп, отсутствие свободных (морфологически не связанных) возвратных местоимений, отсутствие приименных кванторных выра-

жений, обязательное передвижение вопросительных слов в начало предложения, маркирование в имени свойств его референта, согласование имени с посессором, морфологический каузатив, отсутствие инфинитивов и т.д. В результате Бейкер, как отмечали его критики (см., например, [Fortescue 2007]), пожертвовал множеством языков, которые традиционно описывались как полисинтетические, но не укладывались в его представления о полисинтетизме, например, эскимосскими. Кроме того, после выхода книги Бейкера были опубликованы работы, в которых показывалось, что даже языки, признававшиеся им полисинтетическими, не всегда следовали его предсказаниям (см., например, [MacSwan 1999; Spencer 1999; Nordlinger, Saulwick 2002; Evans 2006; Saulwick 2007]).

Наконец, полисинтетизм иногда определяется как свойство морфологии. Эту идею, возможно, следует возводить к работе [Brinton 1886], в которой специально указывалось, что хотя полисинтетическая морфология выглядит подобно морфологии в индоевропейских языках, она функционирует иначе и, в отличие от непалисинтетической морфологии, конструирует не идеи, а пропозиции. М. Сводеш в статье 1938 года использовал для комбинаций морфем в полисинтетических вакашских языках термин «внутренний синтаксис» (internal syntax), обращая внимание на то, что «у комбинирования морфем в одно слово в синтетическом языке та же функция, что у соположения независимых слов в аналитическом языке»²⁵ [Swadesh 1938: 78]. Существенные отличия функционирования полисинтетической морфологии от типичного словообразования и типичного словоизменения подчеркивались и далее; см., например, [Baker 1996: 34; Vajda 2005]²⁶. В связи с этим в некоторых работах была выдвинута идея существования еще одного типа морфологии помимо словоизменения и словообразования — типа, который по многим свойствам располагается ближе к функционированию единиц синтаксиса и распространен в первую очередь в полисинтетических языках, хотя, в

²⁵ “[T]he combination of morphemes into a single word in a synthetic language has the same function as the juxtaposition of independent words in an analytic language.”

²⁶ К. Райс, не утверждая, что понятия «словоизменение» и «словообразование» не применимы к полисинтетической морфологии, отмечает, тем не менее, что отказ от применения этих понятий для языков вроде атабаскских способствует более глубокому пониманию их морфологии [Rice 2000: 392].

принципе, встречается и в языках неполисинтетических²⁷. В 1980-е годы для языков кечуа Питер Маускен [Muysken 1986; 1988] предложил противопоставить лексическую морфологию (более или менее соответствующую словообразованию), словоизменительную морфологию и так называемую синтаксическую морфологию. Последняя оказывалась специфична для агглютинативных языков типа кечуа и проявляла очевидные характеристики, сближавшие ее с синтаксисом — такие, как семантически обусловленное варьирование в порядке единиц (в данном случае — аффиксов):

Кохабамба-кечуа (семья кечуа)

(0.24) a. riku-chi-na-ku-n-ku

смотреть-CAUS-REC-RFL-3-PL

‘Они заставили друг друга посмотреть на них’.

b. riku-na-ku-chi-n-ku

смотреть-REC-RFL-CAUS-3-PL

‘Они заставили их посмотреть друг на друга’.

Идея о синтаксичности полисинтетической морфологии — то есть об имеющейся у такой морфологии возможности легко достраиваться по семантически композиционным правилам (правилам, устанавливающим зависимость функции аффикса от его взаимодействия, в том числе и позиционного, с другими морфемами) — стала основной в трактовке атабаскских языков, предложенной Керен Райс [Rice 2000]²⁸, которая считала, что морфемы в этих языках способны

²⁷ В отечественной традиции на синтаксичность агглютинативной морфологии обращал внимание, например, А.Н. Барулин [1980] — на примере турецкого языка.

²⁸ Работы Райс, аргументировавшие семантическую упорядоченность атабаскских морфем, особенно примечательны тем, что как раз атабаскские языки являлись одним из эталонов матричной морфологии: порядок морфем в них «сопротивлялся» описанию через порядок деривации формы и, на первый взгляд, нарушал многие законы, касающиеся упорядочивания словоизменительных и словообразовательных морфем (см. обсуждение в [Kibrik 2005]). Правда, идеи Райс остались не принятыми многими специалистами по атабаскским языкам (см., например, [de Reuse 2009; Holton 2000]) — возможно, отчасти в

занимать определенные позиции в синтаксической структуре. Наконец, в новом издании «Энциклопедии языка и лингвистики», вышедшем в 2006 году, статья о полисинтетических языках сводилась к описанию особенностей «синтаксической» морфологии [de Reuse 2006] (см. также [de Reuse 2009]). Автор статьи, Виллем де Рейзе, выделил сразу несколько критериев, противопоставлявших данный тип морфологии (названный им *продуктивной несловообразовательной конкатенацией*) словоизменению и словообразованию и сближавший ее с синтаксисом; в числе этих критериев оказались продуктивность, рекурсивность (допустимость применения морфологической операции к единице, уже содержащей результат применения такой операции), семантически мотивированная вариативность в порядке морфем и т.д. Выделение специального типа морфологии, свойственного полисинтетизму, создает соблазн использовать его для определения данного явления. Тем не менее и этот признак не является необходимым и достаточным для выделения полисинтетизма в отдельный класс: (i) во-первых, выделенный им тип морфологии встречается и в непалисинтетических языках, хотя в них он, по видимому, распространен существенно меньше, (ii) во-вторых, не очевидно, что все полисинтетические языки активно используют морфологию такого типа; в частности, де Рейзе сам отказывает в данном типе морфологии исследованным им атабаскским языкам (впрочем, он и не считает их «достаточно полисинтетическими») [de Reuse 2009: 31]. Возможно, не все критерии де Рейзе являются обязательными, а в основе особенностей полисинтетической морфологии лежит то, что она позволяет свободное конструирование словоформ (ср. [Chafe 1971/1975: 49]).

На фоне неудач, связанных с поиском единого критерия выделения полисинтетических языков, обращают на себя внимание исследования, которые сконцентрировали внимание не столько на предполагавшемся единстве полисинтетических языков, сколько на их разнообразии. Майкл Фортескью в статье [Fortescue 1994] (из первого издания уже упоминавшейся «Энциклопедии языка и лингвистики») предложил выделить кластер свойств, характеризующий прототипический

силу устоявшейся традиции. Следует отметить, что основные свои выводы Райс сделала, сравнивая разные языки этой группы, а не описывая какой-либо один (это принципиально важно, поскольку только сравнение языков позволило ей продемонстрировать вариативность порядка морфем).

полисинтетизм, и затем описывать разнообразие полисинтетических языков, исходя из наличия/отсутствия в конкретном языке того или иного свойства. Прототипический полисинтетизм по Фортескью предполагает: (а) инкорпорацию имени или прилагательного, (b) большой инвентарь связанных морфем, (с) функционирование глагола в качестве минимальной самостоятельной предикации, (d) личные показатели в глаголе (по крайней мере показатели субъекта и объекта) и в имени (показатели посессора), (е) интегрированные в глагол адвербиальные элементы, (f) множественные слоты в морфологической структуре слова, устанавливающие расположение морфем, (g) продуктивные морфонологические правила и возникающий в результате них сложный алломорфизм как связанных, так и свободных морфем, (h) неконфигурационный синтаксис, (i) вершинное (или двойное) маркирование. Основанная на прототипе организация класса полисинтетических языков позволяет обсуждать в связи с полисинтетизмом и языки, прежде в этой связи не упоминавшиеся либо (парадоксальным образом) упоминавшиеся как неполисинтетические. Признаки полисинтетизма обнаруживаются уже и в некоторых европейских языках, например, в разговорном французском [Arkadiev 2005] и греческом [Charitonidis 2008] (еще ранее их начали регулярно обнаруживать в жестовых языках: Й. Шаут [Schuit 2007: 4] в этой связи ссылается на [Bellugi, Klima 1982]). Более того, подобный подход, по-видимому, впервые позволил выйти на диахронический аспект полисинтетизма — развитие полисинтетического языка из неполисинтетического или, наоборот, неполисинтетического языка из полисинтетического. Фортескью [Fortescue 1994; 2007] предлагает объяснять через диахронию и неоднородность языков, которые традиционно признаются полисинтетическими. В частности, он говорит о языках с более молодым полисинтетизмом (таков, например, чукотский) и о языках с более старым полисинтетизмом (таков, в частности, вакашский язык нутка), перечисляя признаки, указывающие в сторону новизны или архаичности рассматриваемого явления.

Сходная типология полисинтетических языков предлагается в работах Джоанны Маттисен [Mattisen 2003; 2004a; 2004b; 2006], которая, говоря о выражении «относительно лексических значений», берет в качестве принципиальных критериев наличие в языке именной инкорпорации, а также сложных глаголов, содержащих более одного глагольного корня. В результате у Маттисен возникает

шкала полисинтетических языков, на одном полюсе которой стоят языки с инкорпорацией и сложными глаголами, на другом — языки без инкорпорации или сложных глаголов, а между ними — языки, в которых есть либо только инкорпорация, либо только сложные глаголы. Эта шкала схожа с предложенной Фортеस्कью. Однако полисинтетизм у Маттисен предстает не как прототипически организованная категория, а в виде категории, основанной на фамильном сходстве.

Осознание неоднородности полисинтетических языков замечательным образом придало понятию полисинтетизма гораздо больший смысл, поскольку позволило применять его без оглядки на исключения. Очевидно, что даже для языков, не удовлетворяющих каким-либо критериям, предложенным для полисинтетизма, имеет смысл указывать и то, каким критериям полисинтетизма они удовлетворяют.

Поскольку устоявшийся взгляд на полисинтетизм отсутствует, мы не ставим себе целью сформулировать строгие принципы подхода к этому явлению. Вместе с тем, в дальнейших главах мы увидим, что адыгейский язык имеет множество характеристик, ассоциируемых с полисинтетизмом, в том числе сложную морфологию, которая обнаруживает значительные сходства с синтаксисом, полиперсонность глагола, возможность устанавливать референцию актантов без именных групп.

0.3. Адыгейский язык и адыгейские релятивы

0.3.1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ЯЗЫКЕ

Адыгейский язык — один из пяти известных языков абхазо-адыгской (западнокавказской) семьи, образующий внутри нее вместе с кабардино-черкесским языком адыгскую (черкесскую) группу²⁹. Другие языки семьи включают абхазский

²⁹ Многие адыгейцы и кабардинцы считают адыгейский и кабардино-черкесский одним адыгским языком. Это утверждение несостоятельно с лингвистической точки зрения в силу значительных расхождений этих языков как в лексике, так и в грамматике. Оно не является общепринятым и в официальной языковой идеологии, принимаемой народами Северного Кавказа.

и абазинский, которые составляют отдельную группу, а также вымерший убыхский язык, по-видимому, более близкий к адыгским языкам.

После появления ряда работ С.Л. Николаева и С.А. Старостина (см. прежде всего [Nikolayev, Starostin 1994]) абхазо-адыгская семья нередко считается родственной нахско-дагестанской (восточнокавказской) семье. В перспективе дальнего родства образуемая ими северокавказская семья иногда признается родственной енисейским и сино-тибетским языкам (сино-кавказская гипотеза; см. [Старостин 1984]) и в более глубокой перспективе распространенным в Северной Америке языкам на-дене (дене-кавказская гипотеза; см. [Nikolaev 1991]). Впрочем, даже объединение абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков в один таксон признается не всеми. В советское время была распространена гипотеза о родстве абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и картвельских (южнокавказских) языков, которые якобы образовывали единую иберийско-кавказскую семью. В настоящее время эта гипотеза считается доказанной в некоторых лингвистических школах в Грузии, но, как правило, не признается за ее пределами [Tuite 2008].

В России адыгейский язык распространен преимущественно в Республике Адыгея и в Краснодарском крае. При этом в XIX веке — в последний период Кавказской войны, а также на протяжении последующих лет — значительное число носителей адыгейских диалектов покинули свои исконные территории. В результате по-видимому большая часть адыгейцев в настоящее время проживает в Турции и других странах Ближнего Востока, а также на Балканах. В работе [Коряков 2006: 22], оперирующей, в частности, результатами переписи населения России 2002 года, общее число носителей адыгейского языка оценивается приблизительно в 425 тысяч человек, в России — чуть меньше 130 тысяч человек. По результатам переписи населения 2010 года в качестве носителей адыгейского языка себя указали 117489 человек [www.perepis-2010.ru].

В настоящее время в адыгейском языке выделяется пять диалектов:

— абадзехский, на территории России практически отсутствующий; см. его описания [Кумахова 1972; Paris 1989];

— бжедугский, в настоящее время оказывающий значительное влияние на литературный язык; см. о нем, например, [Ситимова 2004];

— темиргоевский (чемгуйский), на котором основан и литературный язык [Биданок 2003]; описание особенностей темиргоевского диалекта см. в [Тхаркахо 1993];

— шапсугский; см. о нем [Керашева 1957].

С типологической точки зрения адыгейский язык характеризуется, в частности, агглютинативностью, признаками полисинтетизма, левым ветвлением; подробнее см. главу 1.

В сравнении с некоторыми другими языками Северного Кавказа (в особенности отдельными малыми языками Дагестана) адыгейский язык описан хорошо. История его описания до начала XX века изложена в монографии [Гишев 2009]. В XX веке адыгейский язык обзавелся двумя крупными грамматиками [Яковлев, Ашхамаф 1941] и [Рогава, Керашева 1966]. Во второй половине века были опубликованы и достаточно подробные исследования адыгейской грамматики на западных языках; см. в первую очередь работы Р. Сметса и К. Парис [Smeets 1983; Paris 1989]. Детальные исследования различных аспектов адыгейского языка в конце XX века и начале XXI века были предприняты адыгейскими лингвистами А.Н. Абреговым, Б.М. Берсировым, Н.Т. Гишевым, У.С. Зекохом, З.И. Керашевой, Ю.А. Тхаркахо и многими другими. В 2009 году вышел сборник статей [Тестелец (ред.) 2009], в котором авторы попытались изучить фрагменты адыгейской грамматики с учетом современных типологических теорий. Из сравнительных работ, охватывающих материал как адыгейского, так и кабардино-черкесского языков, а порою также и других языков абхазо-адыгской семьи нельзя не отметить монографию Ж. Дюмезиля [Dumézil 1932], а на русском языке — в первую очередь серию монографий М.А. Кумахова [1964; 1971; 1981; 1989]. Основные словари адыгейского языка включают [Водождоков (ред.) 1960; Хатанов, Керашева 1960; Шаов (ред.) 1975; Тхаркахо 1991; Paris, Batouka 1987—2005].

0.3.2. КРАТКИЙ ОБЗОР РЕЛЯТИВОВ И СХОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В адыгейском языке, на первый взгляд, можно выделить несколько типов конструкций, которые в какой-то мере отвечают данному выше пониманию относительных конструкций. Все они являются синтаксически ориентированными.

Наиболее грамматикализованные — то есть противопоставленные всем прочим — относительные конструкции образуют именную группу (вместе с синтаксически вершинным именем или без него). В относительном предложении могут появляться особые маркеры: релятивный префикс, указывающий на роль мишени (например, в (0.25) такой маркер указывает на то, что релятивизован агенс, а в (0.26) — на то, что релятивизован посессор), а также показатели, которые в данном контексте имплицитно подразумевают синтаксическое подчинение, — см. главу 2. Семантическая вершина может находиться как вне относительного предложения (0.25), так и внутри него (0.26), а иногда отсутствует вовсе (0.27).

(0.25) ...[псаоу укъэзгъэнэгъэ кІалэм] сыдкІэ уфэени?

... [psaw-ew wə-qe-z-ve-ne-ve ǰ'ale-m]
 целый-ADV 2SG.ABS-DIR-REL.A-CAUS-остаться-PST парень-OBL
 səd-ǰ'e wə-fe.je-n-jə ?
 что-INS 2SG.ABS-хотеть-MOD-ADD

‘...кем ты хочешь, чтобы тебе приходился парень, который тебя спас?’
 (Букв.: ‘...кем ты хочешь парня, который сделал так, чтобы ты остался целым?’) {Нарт къэбархэр}

(0.26) *Исламиеу зигугъу къэсиІыгъэр*

jəsλamjəj-ew z-jə-g^wəv^w qe-s-ǰə-ve-r
 «Ислами»-ADV REL.PR-POSS-упоминание DIR-1SG.A-делать-PST-ABS

‘[танец] «Ислами», который я упомянула (букв.: упоминание которого я сделала)’ {Адыгейская музыка}

(0.27) *Джы къашІэ, сишъашъ, хэта [мэфитІу хъугъэу къыуажэрэр]?*

ǰ'ə qa-ǰe, s-jə-pʂaʂ, xet-a [mef-jə-t^w]
 теперь DIR-знать(IMP) 1SG.PR-POSS-девушка кто-Q день-LNK-два

χ^wэ-в-ew qə-w-a-že-re-r] ?
 случаться-PST-ADV DIR-2SG.IO-DAT-ждать-DYN-ABS
 ‘Теперь угадай, моя девочка: кто тебя уже два дня ждет? (букв.: кто есть тот, кто тебя уже два дня ждет?)’ {Гъыщ}

Близки к относительным конструкциям построения, в которых глагол ведет себя аналогично качественным прилагательным, располагаясь после имени в составе единого именного комплекса. Такие конструкции типичны для результативных форм, выражающих состояние, наступившее в результате обозначенного в глаголе действия:

(0.28) Уятэ [мэлышъхъэ гъэжъуагъэ] ешх!
 w-jate [melə-šhe-ve-ž^wa-ve] je-šx
 2SG.PR-POSS + отец овца-голова-CAUS-вариться-PST DAT-есть
 ‘Пусть твой отец питается вареными овечьими головами!’³⁰ {ХакIэмызэ}

Адыгейские относительные конструкции тяготеют к рестриктивности. Так, построения, в которых относительное предложение выступает в качестве определения к личному местоимению или же местоимение оформлено как вложенная семантическая вершина релятива, оцениваются как неприемлемые (0.29)—(0.30)³¹. Релятивы с собственными именами в качестве семантических вершин до-

³⁰ Это выражение является ругательным и порою даже оценивается носителями как эвфемизм.

³¹ Некоторые (но не все) носители допускают появление релятивных предикаций, относящихся к 1-му или 2-му лицам в вокативных контекстах:

(i) %О, джыдэдэм къэжIожьыгъэр, кIожь уадэжь!
 %we, ž’ə-dede-m qe-ķ^we-ž’ə-ve-r, ķ^we-ž’ wa-dež’
 ты теперь-очень-OBL DIR-идти-RE-PST-ABS идти-RE(IMP) 2SG.PP-к
 ‘Ты, только что пришедший, возвращайся к себе домой!’ {Хх}

пустимы, но комментируя их, носители настаивают на выборе одного объекта из числа подобных, носящих то же имя (0.31), — соответственно, собственные имена в относительных конструкциях ведут себя как нарицательные, обозначая класс объектов, носящих соответствующее имя.

(0.29) **[Зихъэ лагъэ о] унасыпынчъ.*

*[z-jə-he ла-ве we] wə-nasəpənč

REL.PR-POSS-собака умирать-PST ты 2SG.ABS-несчастный

(Ожид.: ‘Ты, чья собака умерла, огорчен’.) {Xx}

(0.30) **[Тыгъуасэ орэу сыкызыльтэгъугъэр] ахъцэкIэ укыисэлъэIуа?*

*[təv^wase we-r-ew сә-қә-зә-лев^wә-ве-r] ахš'e-č'e

вчера ты-PRED-ADV 1SG.ABS-DIR-REL.IO-видеть-PST-ABS деньги-INS

wə-қә-s-e-ле?^w-а ?

2SG.ABS-DIR-1SG.IO-DAT-просить-Q

(Ожид.: ‘Ты, который меня вчера видел, просишь у меня денег?’) {Xx}

Появление именных групп, описывающих адресата и маркированных падежом в соответствии с ролью адресата в глаголе, зафиксировано в вокативных контекстах для кабардино-черкесского языка М.А. Кумаховым [1971: 185].

Дж. Хьюит [Hewitt 1979a: 143—144] приводит в качестве допустимого примера (ii), но наши консультанты его отвергают (возможно, из-за наблюдаемого в рассмотренных идиомах требования другого падежа в данном контексте; см. раздел 1.6.3):

(ii) **О зихъэ лагъэр унасыпынчъ.*

*we z-jə-he ла-ве-r wə-nasəpənč

ты REL.PR-POSS-собака умирать-PST-ABS 2SG.ABS-несчастный

(‘Ты, чья собака умерла, огорчен’.) {Xx}

Следует заметить, что в примерах (i)—(ii) местоимение явно не принадлежит собственно относительной конструкции, поскольку оно предшествует релятиву, а не следует за ним и не оформлено «адвербиальным» суффиксом.

- (0.31) *Мары [Асланэу садэжь хьакланIэ кьэклогъагъэр].*
 ma.rə [aslan-ew sa-dež' hač'ape qe-ḵ^we-va-ve-r]
 вот Аслан-ADV 1SG.PP-к в.гостях DIR-идти-PST-PST-ABS
 'Вот тот самый Аслан, что приходил ко мне в гости'. {Xx}

Тем не менее в текстах встречаются относительные конструкции, которые, вероятно, можно трактовать как нерестриктивные. Так, в приведенном выше примере (0.26) танец «Ислами» не противопоставлен другим танцам или другим одноименным объектам, а значит, релятив не является рестриктивным. В то же время относительное предложение в (0.26) не несет и какой-либо новой информации, то есть не выполняет типичную функцию нерестриктивных относительных предикаций.

В последующих главах мы ограничимся рассмотрением исключительно таких конструкций. Но помимо них имеются и другие кандидаты на статус релятивов. Следующие конструкции тоже описывают участника ситуации, обозначенной главным предложением, через зависимое предложение:

- (0.32) *Хэт ащ нае кьыфимыIотагъэми, зэкIэри цхьыцтыгъэх.*
 xet a-š' raje qə-f-jə-mə-ʔ^weta-ve-m-jə,
 кто тот-OBL для DIR-BEN-3SG.A-NEG-рассказывать-PST-COND-ADD
 zeč'e-r-jə š'xə-š'tə-ve-x
 все-ABS-ADD смеяться-AUX-PST-PL
 'Кому бы (xet) он об этом (aš' raje) ни рассказывал, все смеялись'. {Xx}

- (0.33) *Хэты IукагъэкIи, Саусэрыкъо нэмыкIы зыхиIуцтэн.*
 xetə ʔ^wə-č'a-ve-č'-jə sawəserəq^we neməč'ə
 кто LOC-выходить-PST-INS-ADD Сосруко кроме
 zə-x-jə-ʔ^wə-š't-ep
 RFL.IO-LOC-3SG.A-колоть-FUT-NEG
 'Кого встретит, если он не Сосруко, его не пронзит'. {Нарт кьэбархэр}

- (0.34) *О, сиунэ зэхэпкъутагъэу, ахъцэкIэ укъысэлъэIуа?*
 we s-jə-wəne ze-xe-p-q^wəta-ɸ-ew, aχš'e-č'e
 ты 1sg.PR-POSS-дом REC.IO-LOC-2SG.A-рушить-PST-ADV деньги-INS
 wə-qə-s-e-λeɣ^w-a ?
 2SG.ABS-DIR-1SG.IO-DYN-просить-Q
 ‘Ты, разрушивший мой дом, еще просишь у меня денег?’ {Xx}

Для нас важно, что конструкции, представленные в (0.32)—(0.34), не специализируются на функции описания участника ситуации, обозначенной главной предикацией. Первые два примера, на первый взгляд, напоминают коррелятивы, но в действительности это условные или условно-уступительные конструкции с вопросительным местоимением в функции неопределенного местоимения³². Второй пример включает предикацию, маркированную адвербиальным показателем; этой конструкцией по умолчанию переводятся на адыгейский язык нерестриктивные релятивы. При этом предикации, маркированные адвербиальным показателем, по-видимому, вообще являются немаркированным способом ввести подчиненную предикацию в предложение; соответственно, они не всегда описывают конкретного партиципанта, но могут выражать и вспомогательную информацию для всего высказывания. Таким образом, ни одна из этих конструкций не может описываться как исключительно релятивная, так что обе они остаются за пределами рассмотрения данной работы.

Относительные конструкции в адыгейском языке в целом, по-видимому, несколько более частотны, чем, например, в русских текстах. Это связано с тем, что они используются в значительно большем количестве контекстов. Так, релятив регулярно появляется для выражения фокуса на части предложения, не соответствующей предикату, который непосредственно характеризует описываемую ситуацию (см. подробнее [Сумбатова 2009]). В частности, релятивы нередко используются при фокусе на одном из участников ситуации. Ср.:

³² Интересно, что сходным образом могут использоваться условные конструкции с вопросительным местоимением в протазисе в турецком языке; см. [Kornflit 1997: 60—61].

- (0.35) [Ар зыхашыкыщтыгъэр] къужъ чыгыр ары.
 [a-r zə-x-a-ʃə-čʰə-šʰtə-we-r] qʷəʒ-čəγə-r
 тот-ABS REL.IO-LOC-3PL.A-делать-EL-AUX-PST-ABS груша=дереву-ABS
 a-rə
 тот-PRED
 ‘Его (шычепцын³³) делали из грушевого дерева’.
 Букв.: ‘То, из чего его делали, — грушевое дерево’.
 {Музыкальные инструменты}

Такая фокусная конструкция состоит из двух частей и сходна с типичными конструкциями с именным сказуемым, а в большинстве случаев даже может быть представлена в качестве разновидности этого структурного типа. В частности, (0.35) выглядит как типичное предложение идентификации, в котором референтное именованное сказуемое содержит квазисвязку *a-rə* ‘тот есть’, а в качестве подлежащего выступает релятив. В литературе структуры такого рода — предложения с именованными сказуемыми и релятивом без семантической вершины в качестве подлежащего — именуется *псевдоклефтами* (см., например, [Iatriadou, Varlocosta 1998])³⁴. Во всех подобных случаях относительная конструкция несет информа-

³³ Адыгейский народный музыкальный инструмент.

³⁴ В адыгейском языке в фокусной конструкции данного типа вторую часть могут образовывать не только именные сказуемые; ср. пример, где вторая часть представляет собой предикацию:

- (i) Тыкъахэзгъэщырэр тицыфым нахь лъапIэ дунаем тетэн.
 [tə-q-a-xe-z-we-šʰə-re-r] t-jə-čəfə-m nah
 1SG.ABS-DIR-3PL.IO-LOC-REL.A-CAUS-вести-DYN-ABS 1PL.PR-POSS-человек-OBL более
 ларе dwənaje-m tje-t-ep
 дорогой мир-OBL LOC-стоять-NEG
 ‘То, что от них нас отличает (букв.: заставляет нас выводить из них), — в мире дороже нашего человека нет’. {Обычай}

цию, которая не находится в фокусе высказывания, а фокусную составляющую образует другая часть предложения³⁵.

Как псевдоклефт часто строятся частные вопросы: вопросительное слово в этом случае образует фокусную часть. В качестве относительной конструкции обычно выступает и зависимая часть при частном косвенном вопросе (см. об этом [Caronigro, Polinsky 2011]). Оба эти факта иллюстрирует следующий пример, в котором первая часть представляет собой конструкцию с косвенным вопросом, а вторая — обычный частный вопрос:

(0.36) *ЫшIэрэба [сыкъызфэжIуагъэр], сыда [сызкIельэIуцтыр]?*

ə-ʃe-re-ba [sə-qə-z-fe-ɣ^wa-we-r], səd-a

3SG.A-знать-DYN-EMP 1SG.ABS-DIR-REL.IO-BEN-идти-PST-ABS что-Q

[sə-z-ç'-je-лeɣ^wə-š'tə-r] ?

1SG.ABS-REL.IO-RSN-DAT-просить-FUT-ABS

‘Он же знает, для чего я пришел, зачем я буду его просить?’

Букв.: ‘Он же знает то, для чего я пришел, что есть то, почему я буду его просить?’ {Едыдж}

Такие вопросы нельзя трактовать как вынос вопросительного местоимения (вопреки, например, [Colarusso 1979]), поскольку они преобразуют структурный тип всего предложения. Стоит упомянуть, впрочем, что в адыгейском языке допустимы и конструкции, в которых вопросительное слово остается внутри предложения. Подробнее о построении вопросов в адыгейском языке см. [Сумбатова 2009].

Наконец, как относительные адыгейский язык оформляет некоторые зависимые предикации, которые обычно переводятся обстоятельственными подчиненными предложениями:

(0.37) *[Коммунист кIалэм ар зызэхехым], ефэндым къыришожьыгъ...*

[k^wemwənjəst=ç'ale-m a-r zə-ze-x-j-e-xə-m]

коммунист-парень-OBL тот-ABS REL.TMP-RFL.IO-LOC-3SG.A-DYN-получить-OBL

³⁵ Типологическое обсуждение подобных конструкций см., например, в [Schachter 1973].

jefendə-m qə-r-jə-ʔ^we-ž'ə-v...

эфенди-OBL DIR-DAT-3SG.A-говорить-RE-PST

‘Когда парень-коммунист это услышал, он ответил эфенди...’

{Едыдж}

Конструкции такого типа подробно обсуждаются в разделе 4.2.5.

0.3.3. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АДЫГСКИХ РЕЛЯТИВАХ В ЛИТЕРАТУРЕ

Адыгейские относительные конструкции (чаще всего не под этим именем) описывались преимущественно в рамках общих описаний грамматики или системы глагольных форм (см., например, исследования, перечисленные в конце раздела 0.3.1). В то же время имеется и несколько работ, специально посвященных адыгейским релятивам; в их число входят статьи [Керашева 1970; 1977], обсуждающие структуру сказуемых относительных предикаций, и в особенности статья [Hewitt 1979a], рассматривающая относительные конструкции с точки зрения возможности релятивизации разных мишеней. Относительным конструкциям в адыгейском и кабардино-черкесском языках посвящена монография [Бижоев 1991] (во многом на ней основана и одна из частей другой работы того же автора [Бижоев 2005]). В 2006 году обобщения (по большей части ранее известные), касающиеся абадзехских относительных конструкций, были представлены в докладе Ж. Отье в Париже [Authier 2006]. Кроме того, в конце 2000-х и начале 2010-х годов определенные аспекты адыгейской релятивизации (в первую очередь связь с ней конструкций, на первый взгляд, не принадлежащих этому фрагменту грамматики) затрагивались в статьях И. Капонигро и М. Полинской [Caponigro, Polinsky 2008a; 2008b; 2011]. В этот же период были опубликованы и посвященные адыгейским относительным конструкциям исследования автора настоящей работы (см. [Ландер 2005a; 2005b; Ландер, Меретукова 2011; Lander 2010b]).

Начиная с XIX века основная часть рассматриваемых здесь конструкций в литературе по адыгейскому языку чаще всего описывалась как причастные (см. обзор [Бижоев 1991: 3—20], а формы, возглавляющие относительные предикации трактовались как особые глагольные формы — причастия, как отглагольные име-

на или даже как отдельная часть речи³⁶. Это было связано по меньшей мере с двумя особенностями адыгейских релятивов:

(i) во-первых, сказуемые релятивов сами могут маркироваться показателями таких предположительно именных категорий, как падеж и число, то есть согласно логике исследователей уже имеют именные свойства;

(ii) во-вторых, при построении обсуждаемых конструкций отсутствуют какие-либо специальные синтаксически автономные показатели подчинения (такие, как союзы или относительные местоимения) — и в этом они аналогичны причастным конструкциям других языков.

Поскольку согласно распространенной вплоть до конца XX века традиции, сложными предложениями признавались преимущественно сочетания финитных предикаций, а сложноподчиненными предложениями — предложения, соединенные союзами или отдельными словами с союзной функцией, адыгским языкам иногда отказывалось в существовании относительных конструкций, включающих придаточные предложения (см. обсуждение подобной теории Х.У. Эльбердова в [Бижоев 1991: 16])³⁷. В то же время «причастные обороты» рассматривались достаточно подробно, причем фактически с точки зрения выделенных позже параметров типологии релятивизации. Так, согласно ряду работ, посвященных адыгским языкам, причастия классифицировались по тому, что выступало в качестве мишени (см. [Бижоев 1991: 17—19]). Например, в классификации А.К. Шагирова [1965] противопоставлялись субъектные, объектные, орудные и обстоятельственные (пространственные, временные и причинно-целевые) причастия — в зависимости от отношения «определяемых причастиями предметов к действиям, заключенным в тех же причастиях». В «Грамматике адыгейского языка» Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой [1966: 315ff] причастия подразделялись на субъектные, объектные и обстоятельственные. Во всех этих случаях об эргативном противопоставлении не было и речи: субъектные причастия объединяли формы с релятивизацией непереходного подлежащего и агенса переходных глаголов и противопоставля-

³⁶ Последний подход см., например, в [Керашева 1977].

³⁷ Ср. также замечание Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой [1966: 434] о том, что «[в] адыгейском языке не имеется сложноподчиненных предложений того типа, который характерен для индоевропейских языков».

лись формам с релятивизацией пациенса переходных глаголов — вопреки морфологическим свидетельствам.

В отношении адыгейского языка использовалась и другая классификация, предложенная З. И. Керашевой [1960: 1093; 1977], основанная на возможности выражения в «причастии» категорий лица и числа субъекта и объекта. Здесь субъектными причастиями именовались формы переходного глагола с релятивизацией пациенса, объектными — формы с релятивизацией агенса; формы непереходных глаголов, в которых релятивизовывался субъект, назывались нейтральными причастиями, эргативность снова не учитывалась в должной мере. Впрочем, при выработке этой классификации были выделены результативные формы («бессубъектные причастия» в терминологии З.И. Керашевой), в которых агенс не выражается вовсе — ни личным показателем, ни относительным префиксом.

В трудах западных авторов, посвященных адыгским языкам, при описании релятивов тоже встречается термин «причастие». Например, Ж. Дюмезиль еще в своем обзоре западнокавказских языков [Dumézil 1932] выделял — как для абхазского языка, так и для адыгских языков — особый класс морфологических форм, названный им «причастиями-герундивами» (*participe-gérondif*). В 1979 году вышла статья Дж. Хьюита [Hewitt 1979a], специально посвященная относительным конструкциям в адыгейском языке, и в этой работе он тоже предпочел говорить о причастиях, хотя и указал эксплицитно, что, в отличие от причастий в абхазском языке, адыгейские причастия не отличаются от финитных форм в том, что касается выражения видо-временных значений за исключением формы настоящего времени динамических глаголов. Также термин «причастные конструкции» используется в описании кабардино-черкесского языка Р. Матасовича [Matasović 2006] и в на момент написания этой работы неопубликованных исследованиях кабардино-черкесских относительных конструкций А. Эпплбаум [Applebaum 2010a; 2010b]. Не исключено, правда, что как все эти авторы в данном случае отдавали дань традиции описания адыгских языков.

В других работах западных авторов термин «причастие» не используется. Это касается, в частности, описания абадзехского диалекта К. Парис [Paris 1989], недавних статей по адыгейским подчинительным конструкциям М. Полинской и

И. Капонигро [Caponigro, Polinsky 2008a; 2008b; 2011], равно как и описаний кабардино-черкесского языка Дж. Коларуссо [Colarusso 1989; 1992; 2006]. Правда, по большей части эти авторы не касаются статуса глагольных форм в рассматриваемых конструкциях.

Термин «причастие» для многих исследователей, по-видимому, может предполагать глагольное кодирование роли мишени. Обычно в адыгейском языке роль мишени действительно определяется в сказуемом относительного предложения, но такая ситуация наблюдается не всегда (см. пример (0.26) выше). Это, возможно, и препятствовало использованию термина «причастие» в некоторых работах.

В работах [Caponigro, Polinsky 2008a; 2008b], использующих генеративистское представление об относительных конструкциях, предлагается и описание, в котором относительный префикс не является собственно указанием на роль мишени, но представляет собой так называемое *wh*-согласование — согласование с элементом вроде относительного или вопросительного местоимения, выраженного или невыраженного, или «следом», оставшимся в результате его передвижения (ранее аналогичная идея была выдвинута для родственного абазинского языка [O'Herin 2002]). На месте именной группы мишени постулировался синтаксический ноль, хотя, в отличие от языков вроде английского, опущение именной группы в адыгейском языке не может однозначно указывать на роль мишени, поскольку синтаксически необязательными являются и другие именные группы (раздел 1.6). Таким образом, даже если релятивный префикс представляет собой лишь случай согласования, он все же должен играть принципиальную роль в определении мишени.

Собственно отношения семантической вершины и относительного предложения также описывались по-разному. Поскольку причастия обычно полагаются типичными определительными формами, в качестве основных конструкций принимались построения с постпозицией семантической вершины, в которых релятивы явно выступают в качестве определения. В некоторых работах, посвященных адыгейскому языку, сообщалось и о возможности препозиции семантической вершины, с оформлением адвербиальным суффиксом [Керашева 1970]. Впрочем, в [Яковлев, Ашхамаф 1941: 108; Paris 1989: 230] было эксплицитно заявлено, что

подобная семантическая вершина не предшествует относительному предложению, а располагается внутри него. В [Paris 1989: 230] — но еще раньше и в статьях [Керашева 1970; 1977] — в качестве одного из типов относительных (причастных у З.И. Керашевой) конструкций описывались результативные конструкции вроде (0.28). Наконец, в неопубликованной работе [Creissels 2005], содержащей обзор относительных конструкций, используемых в кавказском ареале, упоминается конструкция с адвербиальной семантической вершиной (со ссылкой на автора настоящей работы): она трактуется как особый тип релятивов, при котором семантическая вершина выступает как косвенная группа при безвершинном релятиве.

Возможности релятивизации тех или иных позиций помимо исследований, связанных с классификацией адыгских «причастий», по-видимому, детально рассматривались лишь Дж. Хьюитом [Hewitt 1979a]. Существенно, что он рассмотрел не только простейшие случаи релятивизации, но и релятивизацию из вложенных предложений и уделил особое внимание появлению в одной конструкции нескольких мишеней (при том, что впервые на такую множественную релятивизацию обратил внимание по крайней мере еще Ж. Дюмезиль [Dumézil 1932: 245]).

0.3.4. АРГУМЕНТИРУЕМЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Оформление подчинения. Вопреки принятой в отечественном языкознании позиции, мы полагаем, что для адыгейского языка нельзя постулировать морфологическую категорию причастия — по крайней мере категорию причастия, сравнимую с аналогичной категорией в европейских языках. Во многом это связано с полисинтетической природой адыгейского языка, которая вообще препятствует его описанию в терминах словоизменения. По-видимому, адыгейские релятивы — особый случай некатегориального подчинения, то есть подчинения, не связанного ни с подчинительными союзами, ни со специальными формами вершины зависимой составляющей.

Релятивы и семантическая вершина. Для адыгейского языка имеет смысл противопоставлять лишь конструкции с выраженной (постпозитивной) семантической вершиной и конструкции без таковой (свободные релятивы). Конструкции с вложенной семантической вершиной структурно не противопоставлены прочим.

При этом вложенная семантическая вершина не входит в область релятивизации и сохраняет многие вершинные свойства.

Релятивизируемые позиции. В адыгейском языке релятивизируется множество позиций, благодаря богатству глагольной морфологии. Здесь также представлено уникальное или крайне редкое явление релятивизации актантов, которые в независимых предложениях в качестве актантов не выражаются. Кроме того, адыгейский, как и другие абхазо-адыгские языки, демонстрирует редкий тип множественной релятивизации — релятивизацию нескольких мишеней в одном предложении. В адыгейском языке есть и ряд нетривиальных ограничений на релятивизацию, которые могут приводить к появлению особых конструкций вроде дублирования мишени.

Помимо этих положений в настоящей работе выдвигаются некоторые типологические гипотезы, касающиеся некатегориального подчинения, степени спаянности семантической вершины и релятива, дистантной релятивизации и др., которые, однако, требуют дальнейшей разработки на более широком языковом материале.

0.4. Материал исследования

0.4.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Материал, на котором основывается это исследование, имеет разнородное происхождение. Значительная часть материала была собрана в адыгейских лингвистических экспедициях Российского государственного гуманитарного университета. В 2003—2006 годах эти экспедиции проводились в ауле Хакуринохабль Шовгеновского района Республики Адыгея (в 2006 году также делались записи в Хатажукайском сельском поселении Шовгеновского района Республики Адыгея), в 2007 году — в ауле Агуй-Шапсуг Туапсинского района Краснодарского края, в 2010 году — в Хатажукайском сельском поселении³⁸. Кратко дадим описание лингвистической ситуации в этих населенных пунктах.

³⁸ Об экспедициях 2003—2007 годов см. [Сумбатова 2008], об экспедиции 2010 года — [Аркадьев, Ландер 2011].

Хакуринохабль (в советское время именовавшийся Шовгеновском) исходно представлялся в качестве средоточия абадзехского диалекта адыгейского языка на территории России [Кумахова 1972]. В настоящее время этим диалектом в ауле в полной мере владеет лишь небольшое количество пожилого населения. Большинство наших консультантов в Хакуринохабле использовали темиргоевский диалект, иногда с отдельными абадзехскими чертами (характерным для абадзехского диалекта «аканьем», фонологической заменой [čʷ] на [ʔʷ], суффиксом *-t* вместо *-šʷt* [FUT/AUX], окончанием косвенного падежа указательных местоимений *-j* вместо *-šʷ* и т.д.).

Хатажукайское сельское поселение состоит из трех аулов: Кабехабль, Пшичо и Хатажукай (формально к нему относится также находящийся на отдалении аул Пшизов). Эти аулы иногда считаются местом распространения наиболее исконных вариантов темиргоевского диалекта (см. [Тхаркахо 1993]) и расположены всего в нескольких километрах от Хакуринохабля. Темиргоевская речь аулов Хатажукайского сельского поселения обнаруживает отличия от речи жителей Хакуринохабля, причем не только в отсутствии абадзехских черт, но и в других аспектах. Однако в том, что касается исследовавшейся темы, различия между аулами незначительны — за исключением того, что жители Хакуринохабля с большей легкостью допускают релятивизацию посессора неабсолютивного партиципанта (раздел 4.2.1).

Аул Агуй-Шапсуг, речь жителей которого исследована в главе 5, значительно отличается от описанных выше населенных пунктов. Здесь проживают носители шапсугского диалекта адыгейского языка, во многом отличного от темиргоевского [Керашева 1957] и находящегося в более бедственном положении. В частности, как выяснилось, молодое поколение жителей Агуй-Шапсуга в настоящее время если и использует адыгейский язык, то лишь его сильно измененный вариант, который практически не понятен старшим поколениям. Среднее поколение жителей аула владеет адыгейским языком в полной мере [Сумбатова 2008: 292—293]. Один из шапсугских информантов, чья речь нами исследовалась в Агуй-Шапсуге, происходил из поселка Лазаревское.

Помимо экспедиций, автор исследования собирал материал, работая с консультантами в Майкопе и в Москве. В этих случаях консультанты происходили

либо из Майкопа (из темиргоевских и бжедугских семей), либо из Хакуринохабля, либо из аула Егерухай Кошехабльского района Адыгеи. Во всех случаях изучался темиргоевский диалект или его литературный вариант. Никаких существенных расхождений в том, что касается относительных конструкций, между этими консультантами выявлено не было.

Адыгейские данные, о которых шла речь, получены как при элицитации, так и из корпуса текстов. Во многих случаях корпусу текстов отдавалось предпочтение, но тем не менее данные элицитации, несомненно, сыграли важнейшую роль в этой работе. Кроме того, часть материала заимствована из опубликованных работ по адыгейскому языку.

Помимо материала по адыгейскому языку мы использовали и информацию о других языках. По большей части эта информация была заимствована из вторичных источников. Часть примеров из английского и индонезийского языков заимствованы из источников в интернете. Наконец, данные о ниджском диалекте удинского языка, тантынском даргинском (даргинском говоре села Танты)³⁹ и уляпском говоре бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка взяты из полевых материалов автора.

0.4.2. КОРПУС ТЕКСТОВ

Задействованный нами корпус адыгейских текстов включает:

- тексты, записанные в ауле Хакуринохабль (в том числе у носителей абадзехского диалекта) преимущественно Ф.И. Рожанским в 2003 году;
- тексты, записанные в Хатажукайском сельском поселении автором настоящей работы и другими участниками экспедиции в 2006 и 2010 годах;
- тексты, записанные в ауле Агуй-Шапсуг М.В. Попенко в 2007 году;
- опубликованные нарративные тексты;
- статьи из газеты «Адыгэ макъ»;
- отдельные тексты, приводимые на адыгейских интернет-сайтах.

³⁹ Традиционно даргинские разновидности описываются как диалекты и говоры. Тем не менее по многим лингвистическим критериям ряд даргинских разновидностей могут быть признаны самостоятельными языками. Место тантынского говора среди даргинских языков точно не определено.

По большей части использованные тексты представляют собой нарративы или описания обычаев и рецепты. В хакуринохабльских текстах 2003 года присутствуют диалогические вкрапления. Диалогический жанр (очевидно, в отредактированном виде) представлен также в опубликованных текстах.

Тексты, очевидно, могут послужить хорошим источником информации о том, как в действительности употребляются те или иные формы и конструкции. В то же время устные тексты, которые составляют значительную часть нашего корпуса, естественно, могут содержать речевые ошибки. В отдельных случаях подобные ошибки исправлялись консультантом, расшифровывавшим текст, хотя, конечно, и такие исправления порою могут быть связаны с идиомом конкретного носителя (в тех случаях, когда расшифровщиком является не автор текста).

0.4.3. ЭЛИЦИТАЦИЯ

Элицитация представляет собой технику работы с носителем языка, основанную на искусственных примерах. Эта техника предполагает активное взаимодействие языка-посредника (в нашем случае — русский язык) и языка-объекта (в нашем случае — адыгейский язык). Наиболее типичными методами получения информации в этом случае являются (см. подробнее [Кибрик 1972: 85ff]):

- (i) перевод с языка-посредника на язык-объект;
- (ii) оценка возможности тех или иных высказываний, составленных исследователем (возможно, на основании перевода консультантов).

Элицитация является важным источником информации о языке, но имеет особенности, которые некоторыми лингвистами воспринимаются как недостатки, — вплоть до того, что иногда утверждается, что полученные в результате элицитации данные должны использоваться лишь в последнюю очередь, при отсутствии прочих данных (см., например, [Aikhenvald 2007]). Причина такого отношения к элицитации состоит в том, что эта техника допускает определенное давление со стороны исследователя, а также влияние языка-посредника. К тому же, оценки возможности того или иного высказывания могут быть весьма неопределенными или варьировать — как от одного носителя языка к другому, так и у одного носителя в разное время. Это в особенности касается периферийных сложных конструкций, которые употребляются редко (если вообще употребляются) и, соответст-

венно, могут демонстрировать наибольшую неустойчивость как среди носителей, так и диахронически.

В этой связи необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, исследователю не так просто оценить периферийность той или иной конструкции. То, что кажется достаточно маргинальным для одного языка, может явиться вполне нормальным для другого. Например, как будет упомянуто в разделе 4.4.1, в монографии [Тов 2005] приводятся сложные адыгейские примеры на релятивизацию из зависимого предложения, которые в русском языке, судя по всему, не распространены; ср.:

(0.38) [ХьакІэу къэкІонэу зыфиІуагъэр] шьора? (КІэращ Т.)

[hač'-ew qe-ḱ^we-n-ew zə-f-jə-ʔ^wa-ve-r] š^we-r-a ?

гость-ADV DIR-идти-MOD-ADV REL.10-BEN-3SG.A-говорить-PST-ABS ВЫ-PRED-Q

‘Гости, о которых он говорил, что должны прийти, — это вы?’

[Тов 2005: 17]

В корпусе периферийность в корпусе может быть оценена только при обработке очень большого количества текстов, что для адыгейского языка пока является делом будущего. Таким образом, языковые эксперименты, проводимые исследователем, принципиальны для обнаружения тех или иных явлений.

Во-вторых, в оценках адыгейских консультантов порою наблюдается очень сильная вариативность, которая, возможно, имеет свои корни в строе адыгейского языка [Герасимов, Ландер 2006; Lander, Gerasimov 2007]. Этому явлению посвящен следующий раздел.

Несмотря на недостатки, элицитация, безусловно, является важнейшим методом для изучения возможностей языка. Только элицитация выявляет ограничения на использование конструкций, а опрос достаточного количества носителей позволяет определить жесткость таких ограничений.

0.4.4. ВАРИАТИВНОСТЬ⁴⁰

При интерпретации текстов и особенно при элицитации носители адыгейского языка регулярно демонстрируют значительно различающиеся суждения. Вариативность, несомненно, является нормальным свойством любого языка, но в отношении адыгейского языка исследователя-носителя русского языка поражает, что такая вариативность затрагивает. Мы будем исходить из следующего тезиса (имплицитно регулярно принимаемого в грамматических исследованиях, но тем не менее еще нуждающегося в верификации):

Принцип возможностей выражения:

В иерархии ДИСКУРС > СИНТАКСИС > МОРФОЛОГИЯ, чем ниже уровень, тем больше он накладывает ограничений в использовании и в выражении тех или иных смыслов.

Принцип возможностей выражения, надо думать, должен накладывать ограничения и на вариативность: чем больше ограничений, тем меньше вариативность. Судя по нашим предварительным наблюдениям, это обобщение работает и для адыгейского языка, но степень вариативности даже на уровне морфологии в нем крайне высока.

Продемонстрируем вариативность на морфологическом уровне на примере суффикса *-ʒʹə*, основными значениями которого могут быть признаны редитив 'назад' и репетитив 'опять' (см. описания в [Рогава, Керашева 1966: 310—313; Аркадьев, Короткова 2005; 2010])⁴¹; ср. (0.39). Очевидно вторичной функцией того же показателя является окказиональное маркирование медиальности⁴² (пример (0.40)).

⁴⁰ Этот раздел основан на работах [Герасимов, Ландер 2006; Lander, Gerasimov 2007].

⁴¹ В более ранних трудах в рамках адыгейского проекта РГГУ для этих значений использовались термины *реверсив* и *рефактив*, соответственно. В этой работе мы, однако, следуем терминологии недавнего типологического исследования [Стойнова 2012].

⁴² Медиальность в данном случае понимается как слабая референциальная различимость участников ситуации; ср. [Kemmer 1993].

(0.39) *УтЫсыжьыцт.*
 wə-təsə-ž'ə-š't
 2SG.ABS-садиться-RE-FUT
 'Ты сядешь снова/назад'. {Xx}

(0.40) *Ежь ышъхъа егъэшIожьы.*
 jež' ə-šha j-e-veš^we-ž'ə
 сам 3SG.PR-голова 3SG.A-DYN-уважать-RE
 'Он себя уважает'. {Xx}

Распределение перечисленных функций не фиксировано. Рассмотрим в этой связи следующий пример:

(0.41) *Ыпсэ Рустам ыакъыл езэожьыцтыгъэ.*
 ə-pse rwəstam ə-ʔaɣəl j-e-zewe-ž'ə-š'tə-ve
 3SG.PR-душа Рустам 3SG.PR-ум DAT-DYN-бороться-RE-AUX-PST
 а. 'Его душа снова борется с умом Рустама'.
 б. 'Душа Рустама борется с его собственным умом'. {Xx}

Для (0.41) консультанты предлагали две интерпретации, первая из которых предполагала репетитивную интерпретацию -ž'ə, а вторая — медиальную, основанную на том, что ситуация понималась как переходное действие, включающее лишь одного партиципанта. Как правило, носителей устраивала лишь одна из двух интерпретаций.

Тот же суффикс -ž'ə встречается в адыгейских конструкциях с множественной релятивизацией, в которых в относительном предложении есть по меньшей мере две кореферентных мишени (раздел 4.3.2):

(0.42) *зыдэжь пIастэ зэзгъэшхэжьыгъэр*
 zə-dež' paste z-e-z-ve-šxe-ž'ə-ve-r
 REL.PP-к пасте REL.IO-DAT-1SG.A-CAUS-есть-RE-PST-ABS
 'тот, кого я накормил пасте у него самого' {Xx}

Отдельные носители настаивают на том, что показатель *-ž'a*, чье появление в подобных примерах, очевидно, связано с предполагающей некоторую степень медиальности кореферентностью, в (0.42) обязателен; другие же признают его факультативность.

Таким образом мы видим, что в отношении одной и той же морфемы носители адыгейского языка могут (i) интерпретировать ее по-разному, причем настаивать на той или иной интерпретации и (ii) требовать ее присутствия, при том что другие носители допускают ее отсутствие. Естественный вывод состоит в том, что (по крайней мере рассмотренные) адыгейские словоформы не входят в фонд форм, единый для носителей адыгейского языка. Соответственно, можно полагать, носители адыгейского языка имеют некую свободу в том, как строить и интерпретировать словоформы. Это, конечно, отличает адыгейский язык (и многие другие полисинтетические языки) от языков «среднеевропейского стандарта» (включая русский), где подобная ситуация хотя и возможна, но периферийна.

0.5. Структура работы

Основная часть этого исследования состоит из шести глав.

В первой главе даются наиболее существенные сведения о грамматике адыгейского языка и специально рассматриваются вопросы об особенностях функционирования адыгейской морфологии, выражения актантов и о проблеме противопоставления имени и глагола.

Во второй главе обсуждается морфология адыгейской релятивизации — как специфические для относительной конструкции релятивные префиксы, так и выбор показателей динамичности и отрицания, интерпретация маркера множественного числа и невозможность усечения гласного сказуемого релятива.

Третья глава посвящена синтаксису относительных конструкций в адыгейском языке. Здесь предоставляется классификация основных конструкций, обсуждается возможность трактовки построений с постпозитивной глагольной формой, примыкающей к определяемому, как разновидности относительной конструкции. Особое внимание уделяется относительной конструкции с вложенной вершиной.

Кроме того, рассматривается позиция релятивов среди прочих определений в именной группе.

Четвертая глава представляет собой обзор возможных мишеней релятивизации, среди которых оказываются и весьма нетривиальные (например, образ действия, факт, время). Кроме того, мы обсуждаем специфические конструкции, связанные с кореферентностью мишени и другого актанта, а также релятивизацию из вложенных предикаций (дистантную релятивизацию).

В пятой главе описаны значительные отличия, которые демонстрируют относительные конструкции шапсугского диалекта адыгейского языка в том виде, в каком он используется в ауле Агуй-Шапсуг, по сравнению с литературным адыгейским языком.

В шестой главе предпринята попытка описать типологический контекст для ряда особых явлений, наблюдаемых в связи с адыгейской релятивизацией.

Работу завершает Заключение, в котором подводятся итоги и обсуждаются перспективы дальнейших исследований.

Глава 1.

Некоторые вопросы адыгейской грамматики

1.1. Вводные замечания

В этой главе описываются факты грамматики адыгейского языка, которые необходимы для понимания предлагаемого далее описания относительных конструкций. Ни один из разделов главы не претендует на полное освещение соответствующей проблематики. В то же время надо подчеркнуть, что, преимущественно опираясь на предшествующие работы, мы, тем не менее, не всегда следуем предложенным в них интерпретациям.

Изложение строится ниже вокруг трех специфических проблем, а именно полисинтетизма в морфологии (раздел 1.5), выражения актантов (раздел 1.6) и проблемы противопоставления имени и глагола (раздел 1.7). Прежде чем обратиться к этим вопросам мы представим типологический профиль адыгейского языка (раздел 1.2) и базовые сведения по морфонологии и морфологии (разделы 1.3—1.4).

1.2. Типологический профиль адыгейского языка

1.2.1. Полисинтетизм и агглютинативность

Адыгейский язык принято классифицировать как полисинтетический (см., например, [Кумахов 1964: 21; 1971: 3]) — в первую очередь благодаря потенциальной сложности словоформ и количеству передаваемой ими информации и возможности выражения в предикате большого количества актантов; ср. следующую словоформу:

- (1.1) *сыкъытдэпфырагъаджэцтыгъ*
sə-qə-t-de-p-fə-r-a-va-ž'e-š'tə-v
1SG.ABS-DIR-1PL.IO-COM-2SG.IO-BEN-3SG.IO-DAT-3PL.A-CAUS-читать-AUX-PST
'Я по их просьбе читал это тебе вместе с нами'. {Xx}

Полисинтетические свойства морфологии адыгейского языка в деталях обсуждается в разделе 1.5.

Морфология адыгейского языка за небольшими исключениями удовлетворяет основным критериям агглютинации.

(i) Морфемные швы в адыгейском языке, как правило, определяются легко. Во многих случаях граница морфемы совпадает с границей слога. Основное отклонение от агглютинации в том, что касается четкости границы между морфемами, составляют редкие случаи метатезы (раздел 1.3).

(ii) В литературном адыгейском языке практически отсутствует морфонологически не обусловленная алломорфия. Варианты морфем почти всегда могут быть объяснены какими-либо морфонологическими правилами. Возможным исключением из этого является выбор показателей ядерных падежей (раздел 1.2.2).

(iii) Крайне нетипичными для адыгейского языка являются морфемы, кумулятивно выражающие несколько грамматических значений. Отклонением от этого принципа оказывается показатель косвенного падежа множественного числа *-те*, который, однако, сосуществует с некумулятивными показателями косвенного падежа и множественного числа. Кроме того, согласно традиционному описанию, наличие падежа может указывать не только на синтаксическую функцию именной группы, но и на ее определенность/референтность¹.

1.2.2. МАРКИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Начиная с известных работ Дж. Николс [Nichols 1986; 1992] одним из принципиальных параметров описания грамматических конструкций и/или языков считается место (локус) маркирования синтаксических отношений. В адыгей-

¹ Сам факт того, что большая часть отклонений от прототипа агглютинации наблюдается в маркировании падежей, превращает падежную систему в несколько маргинальную часть адыгейской грамматики. С этим, возможно, коррелирует и то, что эта категория лишь в небольшой части ответственна за определение ролей актантов, описываемых именными группами, поскольку та же функция выполняется личными префиксами; см. раздел 1.5.

ском языке в качестве места маркирования синтаксического отношения может выступать как вершинный, так и зависимый элемент конструкции.

Актантные отношения обычно выражены в вершине посредством личных префиксов, *индексирующих* лицо и число актанта: актанты сказуемого (агенс, абсолютив, непрямые объекты), как правило, индексируются в сказуемом (1.2), по-сessor индексируется в объекте обладания (1.3), объекты послелогов — в послелогах (1.4). Некоторые личные префиксы являются нулевыми (раздел 1.4.3).

(1.2) *Сэри зэ Тхэм сежъугъэльъуба.*

se-r-jə ze the-m s-Ø-je-ž^w-ve-λeʔ^wə-ba

я-PRED-ADD один.раз Бог-OBL 1SG.ABS-3SG.IO-DAT-2PL.A-CAUS-просить-EMP

‘Вы же меня однажды заставили просить у Бога’. {Едыдж}

(1.3) *Тэ тилъэлу мыц фэд.*

te t-jə-λeʔ^w mə-š’ fe.d

мы 1PL.PR-POSS-просьба этот-OBL подобный

‘Наша просьба такова (букв.: подобна этому)’. {Нарт къэбархэр}

(1.4) *Уадэжь бэрэ, бэрэ сыщыІэнэу ськъэкІуагъ.*

wa-dež’ be-re, be-re sə-š’ə-ʔe-n-ew

2SG.PP-к много-DUR много-DUR 1SG.ABS-LOC-быть-MOD-ADV

sə-qe-ķ^wa-в

1SG.ABS-DIR-идти-PST

‘Я к тебе приехала надолго, надолго’. {Гъыщ}

Именные группы, соответствующие актантам, могут отсутствовать. Это поднимает вопрос о том, не являются ли личные префиксы собственно выражением актантов, то есть не могут ли они сами иметь референцию. Именно поэтому в настоящей работе в отношении функций личных показателей используется термин *индексация актантов* (ср. англ. indexing в [Nichols 1986]; см. также детальное обсуждение терминологии в [Haspelmath 2011b]), а не термин *согласование*, более обычный для русскоязычного читателя, но предполагающий — по крайней мере в

каноническом употреблении [Corbett 2006] — исключительно формальный процесс, обычно вызываемый именной группой или именем.

Зависимые элементы конструкций также могут получать специальное маркирование. Подобное *зависимостное маркирование* (англ. *dependent marking*) типично для конструкций с сирконстантами, но встречается и у индексируемых актантов. За небольшими исключениями зависимостное маркирование выполняется суффиксами, принадлежащими морфологической зоне *окончаний* (раздел 1.4.3). Для именных групп в описаниях постулируется четыре падежа; ср. таблицу 1-1.

Падеж	Показатель
Абсолютив (= номинатив, именительный)	-r
Косвенный падеж (= обликвус, эргатив)	-m, -me (PL), -š’/-j, -ə/-e
Адвербиалис (= превратительный)	-ew
Инструменталис (= творительный)	-(m)-č’e

Таблица 1-1. Падежные показатели адыгейского языка.

В литературе иногда встречается утверждение, что падежные показатели в адыгейском языке представляют собой групповую флексию и замыкают именную группу; см., например, [Kortjevskaja-Tamm 2003: 640]. В действительности, есть примеры, показывающие, что по крайней мере показатели абсолютива и косвенного падежа присоединяются к вершине именной группы, но не маркируют границу именной группы. Например, в (1.5) такая вершина имеет зависимые, следующие за ней, а следовательно, и за падежным маркером, что опровергает идею о групповой флексии:

(1.5) *Джары* [кыищышгыгъэр джаиц].

ž’a-rə [qə-š’ə-šə-ve-r ž’a-š’]
 тот-PRED DIR-LOC-делать-PST-ABS тот-OBL

‘Вот что случилось с ним’. (Букв.: ‘Случившееся с ним — то’.) {Нога}

Абсолютив и косвенный падеж обычно (но не всегда) маркируют роли, которые могут индексироваться в сказуемом; об их распределении см. разделы 1.2.3

и 1.6.3. Появление показателей этих падежей обычно увязывается в литературе с определенностью или референтностью маркируемой именной группы. Считается, что определенные/референтные группы оформляются падежными суффиксами, а неопределенные/нереферентные не оформляются, за некоторыми исключениями (подробнее см., например, [Халбад 1975; Багиорова 2000; Гишев 2008]). Но маркирование выраженными падежными суффиксами зависит не только от референциального статуса именной группы, но и от ее синтаксической функции: в некоторых синтаксических позициях показатели падежа могут появляться независимо от определенности/референтности именной группы. Кроме того, за исключением особых контекстов (вроде вокативного) независимо от референциального статуса падежные показатели должны появляться на именных группах, оформленных показателем множественного числа *-xe*. В связи с этим, по-видимому, правильнее считать, что хотя отсутствие падежного маркера всегда предполагает неопределенность/нереферентность, его присутствие не имплицитно какой-либо референциальный статус (ср. [Caronigro, Polinsky 2011: 75]). Ср. пример (1.6), представляющий собой первое предложение текста, в котором именная группа *mezət* ‘в лесу’ передает фоновую информацию и, по-видимому, не имеет референции к какому-либо конкретному лесу, то есть нереферентна:

- (1.6) *Абдзэхэ шыуиц мэзым хэтэу макІох.*
 abzexe-šəw-jə-š' mezə-m xe-t-ew ma-ḵ^we-x
 абадзех-всадник-LNK-три лес-OBL LOC-стоять-ADV DYN-идти-PL
 ‘Три абадзехских всадника едут по лесу’. {Едыдж}

Помимо неопределенных именных групп выраженными падежными маркерами обычно не оформляются личные местоимения, собственные имена, имена с посессивными префиксами — как считается, в силу заведомой определенности/референтности. Впрочем, и эти классы слов в отдельных контекстах принимают падежные маркеры; ср. примеры (1.7)—(1.8) с абсолютным показателем

на имени собственном и посессиве и (1.9) с косвенным падежом на личном местоимении (последнее возможно только в сочетании с послелогами²):

(1.7) *А Нэгъой Мыхамэтыр кIэлэ ибэу, кIэлэ гъэсагъэу Iэдэб хэльэу къэтэд-жыгъэу къаIотэжы ма(ры) жъыхэмэ...*

а не^wej məhametə-r č'ele=jəb-ew,

тот Нагоев Магомет-ABS парень-сирота-ADV

č'ele=ve-sa-v-ew ʔedeb xe-λ-ew

парень=CAUS-воспитываться-PST-ADV вежливый LOC-лежать-ADV

qe-tež'ə-v-ew q-a-ʔ^wete-ž'ə ma.rə žə-xe-me...

DIR-вставить-PST-ADV DIR-3PL.A-рассказывать этот.PRED старый-PL-OBL:PL

‘Старики рассказывают так, что этот Магомед Нагоев был мальчиком-сиротой, вырос воспитанным и вежливым парнем’. {Летчик}

(1.8) *...ау Сэтэнае япхъорэльфыр кышIэжыгъ.*

... aw setenaje ja-pχ^wereλfə-r q-ə-ʃe-ž'ə-v

но Сэтэнэй 3PL.PR + POSS-внук-ABS DIR-3SG.A-знать-RE-PST

‘...но Сэтэнэй узнала их внука’. {Нарт къэбархэр}

(1.9) *Сэц нэмыкIы Саусэрыкъуи ац иши ямэхапIэхэр кышIуиIон ылтэкIыцтэп.*

se-š' ne.mə.č'ə sawəserəq^w-jə a-š' jə-š'-jə

я-OBL кроме Сосруко-ADD тот-OBL POSS-конь-ADD

ja-mexape-xe-r qə-š^w-jə-ʔ^we-n

3PL.PR + POSS-слабое.место-PL-ABS DIR-2PL.IO-3SG.A-говорить-MOD

ə-леč'ə-š't-ep.

3SG.A-мочь-FUT-NEG

‘Кроме меня, слабые места Сосруко и его коня никто вам не расскажет’.

{Нарт къэбархэр}

² На основании этого У.С. Зекох [1969: 66—68] выделяет в этом случае отдельный «сравнительный» падеж.

Выбор показателя косвенного падежа зависит от класса именной группы. Наричательные имена маркируются показателем *-m*. Суффиксы *-š'* и *-j* свойственны указательным и личным местоимениям (в темиргоевском диалекте они находятся в отношении свободного варьирования, в литературном языке предпочитается *-š'*). Наконец, иногда для имен собственных с конечным согласным постулируется особое склонение, в котором косвенный («эргативный») падеж выражается гласным *-ə* или, реже, гласным *-e* (см., в частности, [Зекох 1969: 63—64]). Как отмечает М.А. Кумахов [1971: 104—108], такое маркирование производится непоследовательно: косвенные формы с конечным гласным конкурируют как с формами без такового, так и с формами с обычным косвенным суффиксом *-m*. В настоящей работе конечный гласный собственных имен в качестве самостоятельной морфемы не выделяется.

Адвербиалис и инструменталис обычно появляются на именных группах, не индексированных в вершине. Адвербиалис, как правило, маркирует именные группы с предикатной референцией (1.10), в том числе и такие, что могли бы считаться семантическими актантами глагола (1.11). Так называемый инструменталис может маркировать референтные и даже определенные группы; в этом случае он присоединяется к показателю косвенного падежа (ср. пример 1.12)³.

(1.10) *Сисабийхэр, Iалэхэр ренэу ськIыгьугьэх, штурвальнэу ренэу ськIыгьугьэх, помошникэу ренэу ськIыгьугьэх.*

s-jə-sabjəj-xe-r,	ʔ'ale-xe-r	rjen-ew
1SG.PR-POSS-ребенок-PL-ABS	парень-PL-ABS	целый-ADV
sə-č'ə-ɸ ^w ə-ɸe-x,	štwərwal'n-ew	rjen-ew
1SG.IO-LOC-сопровождать-PST-PL	штурвальный-ADV	целый-ADV
sə-č'ə-ɸ ^w ə-ɸe-x,	pwemwešnjək-ew	rjen-ew
1SG.IO-LOC-сопровождать-PST-PL	помощник-ADV	целый-ADV

³ На наш взгляд, это указывает на то, что инструменталис еще не окончательно лишился свойств послелого, от которого он, вероятно, произошел.

sə-č'ə-ʋ^wə-ʋe-x

1SG.IO-LOC-сопровождать-PST-PL

‘Мои дети, мальчики, всегда были со мной, сопровождали меня как штурвальные, сопровождали меня как помощники’. {Жизнь}

- (1.11) *Адыгэ быракъымрэ Шапсыгъэ быракъымрэ Щамсудинэ зэхигъэкIокIагъэх, хъауми тIури зы быракъэу елыта?*

adəʋe-bəraqə-m-re šapsəʋe-bəraqə-m-re š'amswədjəne

адыг=знамя-OBL-COORD шапсуг=знамя-OBL-COORD Шамсуддин

ze-x-jə-ʋe-ḵ^we-č'a-ʋe-x, haw-m-jə ʃ^wə-r-jə zə

REC.IO-LOC-3SG.A-CAUS-идти-EL-PST-PL нет-COND-ADD два-ABS-ADD один

bəraq-ew j-e-λət-a ?

знамя-ADV 3SG.A-DYN-считать-Q

‘Шамсуддин перепутал адыгейское знамя и шапсугское знамя или он считает их два одним знаменем?’ {Адыгэ макъ, 18.09.2010: 5}

- (1.12) *Джа струныцымкIэ еоцтыгъэ лъыжъ тхъамыкIыр.*

ž'a strwəp-jə-š'ə-m-č'e je-we-š'tə-ʋe λə.ž=thaməč'ə-r

этот струна-LNK-три-OBL-INS DAT-бить-AUX-PST старик-бедный-ABS

‘На этих трех струнах играл бедный старик’. {Музыкант}

Семантика адвербиалиса и инструменталиса весьма расплывчата⁴. Существенно, что между этими показателями распределяется маркирование большей части неактантных функций, хотя они и конкурируют с послелогоми и уточняющими подчиненными предикациями, а порою и между собой. Судя по предварительным наблюдениям, инструменталис склонен оформлять более топикальные группы, нежели адвербиалис (см. обсуждение в [Сердобольская, Кузнецова 2009]).

⁴ См., однако, попытку детального описания семантики адыгейского инструменталиса в [Сердобольская, Кузнецова 2009]. Функции адвербиалиса обсуждаются, в частности, в [Шагиров 2001; Vydrin 2008]. Помимо основных грамматических описаний о семантических функциях падежей см. также [Зекох 1969].

Показатели адвербиалиса и инструменталиса отличаются от показателей ядерных падежей еще и тем, что они способны оформлять не только именные группы, но и зависимые предикации, размещаясь в таком случае на их сказуемых (1.13)—(1.14); кроме того, адвербиалис регулярно образует разного рода обстоятельственные группы (1.15). Помимо адвербиалиса и инструменталиса для подчинения предикаций могут использоваться и другие показатели: кондиционалис *-me*, в первую очередь маркирующий протазис в условных конструкциях (1.16), окончание *-ze*, указывающее на одновременность (1.17) и др.

(1.13) *Туркумэ зи амыложью заушьэфыжыгыгь.*

tærk^wə-me z-jə a-mə-ʔ^we-ž'-ew
 турок-OBL:PL один-ADD 3PL.A-NEG-ГОВОРИТЬ-RE-ADV
 z-a-wəšefə-ž'-ə-в
 RFL.ABS-3PL.A-скрывать-RE-PST
 'Турки, ничего не говоря, скрылись'. {Едыдж}

(1.14) *Ау къэуубытыгьэкли, сьдэуцтэу ыпсэ хэпхыцта, чатэр ыпкышьолы хэмыхьэрэмэ?*

aw qe-wə-wəbətə-ve-č'-jə, səd.ew.š't-ew ə-pse
 но DIR-2SG.A-поймать-PST-INS-ADD как-ADV 3SG.PR-душа
 хе-р-хэ-š't-a, č'ate-r ə-pqəš^welə хе-мэ-хе-ре-ме?
 LOC-2SG.A-вынимать-FUT-Q меч-ABS 3SG.PR-тело LOC-NEG-входить-DYN-COND
 'Но даже если его поймаешь, как его убить, если меч не входит в тело?'
 {Нарт къэбархэр}

(1.15) *Пачьыхьэм ищагу дахьэхи занкляу хьакляцым ихьагьэх.*

pačəhe-m jə-š'ag^w da-he-x-jə zanč'-ew hač'e.š'ə-m
 царь-OBL POSS-двор LOC-входить-PL-ADD прямой-ADV кунацкая-OBL
 jə-ha-ve-x
 LOC-входить-PST-PL
 'Они въехали во двор царя и прямо в кунацкую вошли'.
 {Адыгэ тхьдэжхэр}

(1.16) *КІо ешхы-ешъу горэ цыцэмэ, кІотыгъэ.*
 ɕʷe je.ʃxə.je.ʃʷə-gʷe.re ʃ'ə-ʔe-me, ɕʷe-tə-ve
 ну пир-некий LOC-быть-COND идти-AUX-PST
 'Ну если был какой-нибудь праздник, он туда шел'. {Музыкант}

(1.17) *Тызэхэтызэ хъа гъожытІу кыІульади...*
 tə-ze-xe-tə-ze ha-vʷeʒ'-jə-ɕʷə
 1PL.ABS-REC.IO-LOC-стоять-SIM собака=желтый-LNK-два
 qə-ʔʷə-λad-jə...
 DIR-LOC-стремиться-ADD
 'В то время как мы стояли вместе, (к нам) побежали две желтые собаки...' {Украденная садака}

Наконец, в контексте вопроса о подчинении предикаций стоит упомянуть так называемые аористные конструкции, которые обычно передают последовательность действий. В них предикации за исключением последней, маркируемые аддитивным или консекутивными окончаниями, могут проявлять свойства подчиненных; ср.:

(1.18) *Лыжъыр ІуцхыцІыкІи, ипхъорэльф къесэмэркъэугъ...*
 λə.ʒə-r ʔʷə-ʃ'xəpɕə-ɕ'-jə, jə-pɕʷereɫf q-je-semerqewə-v...
 старик-ABS LOC-улыбаться-EL-ADD POSS-внук DIR-DAT-шутить-PST
 'Старик улыбнулся и в шутку сказал своему внуку...'
 {Жъогъобын, № 4, 2007}

1.2.3. ЭРГАТИВНОСТЬ

Подобно большинству других языков кавказского ареала, адыгейский язык проявляет свойства эргативного: многие грамматические процессы рассматрива-

ют субъект непереходного предиката (S) аналогично пациенсу переходного глагола (P) и противопоставляют их агенсу переходного глагола (A)⁵.

Так, личные показатели в адыгейском языке по форме и позиции делятся на три серии: абсолютные личные префиксы, индексирующие S и P, личные префиксы A и личные префиксы непрямого объекта (раздел 1.4.3). В системе зависимостного маркирования актантов также противопоставляются абсолютив, маркирующий S и P, и косвенный падеж, маркирующий именные группы, которым соответствуют неабсолютные личные префиксы в их синтаксической вершине:

S оформлен ABS, IO оформлен OBL:

(1.19) *Линэйкэр псынжъэм хэнагъ.*

ljənejke-r psəp̃ʒe-m xe-na-ʋ
линейка-ABS грязь-OBL LOC-увязнуть-PST
'Линейка⁶ застряла в грязи'. {Певец}

P оформлен ABS, IO оформлен OBL:

(1.20) *Хьалыжъор джэгухэм щагъэфедэх.*

haləʒ^we-r ʒ'eg^wə-xe-m š'-a-ve-fjede-x
халыж-ABS свадьба-PL-OBL LOC-3PL.A-CAUS-полезный-PL
'Халыжи употребляют на свадьбах'. {Сыр}

В первой части S оформлен ABS, IO оформлен OBL;

во второй части A оформлен OBL:

(1.21) *...лыр гьучычым пышлагъэу хьам рихьыжьи ехьы.*

lə-r ʋ^wəʒəʒ'ə-m рə-ʃa-ʋ-ew ha-m
мясо-ABS проволока-OBL LOC-делать-PST-ADV собака-OBL

⁵ См., в частности, посвященную эргативности адыгейского языка монографию [Гишев 1985]. Общие вопросы маркирования актантных противопоставлений в адыгейском языке подробно обсуждаются, например, в [Paris 1987; Smeets 1992].

⁶ Здесь тип повозки.

тоже возможно только для А, но не для S и Р, как и во многих (хотя и не во всех) других языках Кавказа; см. [Ландер, Выдрин в печати].

В более общем случае, по-видимому, можно постулировать принцип неизменности S и Р: при деривациях маркирование этих актантов остается неизменным [Letuchiy 2009]. Единственное возможное исключение — так называемая фацитивно-дифицитивная конструкция со значением ‘легко/трудно делать что-либо’: при присоединении фацитивного и дифицитивного суффиксов обычно в предложении не выражаются S и А, но выражение Р не затрагивается (см. [Летучий 2006; Letuchiy 2009]):

(1.24) *Мы кIалэм еункIыгъошIу.*

mə č'ale-m je-wəpč'ə-в^weš^wə

этот парень-OBL DAT-толкать-FAC

‘Этого парня легко толкнуть’. [Летучий 2006; Letuchiy 2009]

(1.25) *Ац фэдэ цэбзацэ нибжъи сшIыгъэп, шIыгъошIу хъуцтэп ар...*

a-š' fe.de š'ebzaš'e njabž'.jə s-šə-в-ep,

тот-OBL подобный стрела никогда 1SG.A-делать-PST-NEG

šə-в^weš^wə χ^wə-š't-ep a-r...

делать-FAC случаться-FUT-NEG тот-ABS

‘Я такой стрелы никогда не делал, и не будет легко её сделать...’

{Нарт къэбархэр}

Сложнее обстоит дело с синтаксической эргативностью — объединением S и Р в единый класс, противопоставляющий их А по синтаксическим свойствам. Часть критериев выделения подлежащего (например, эллипсис группы подлежащего в сочинительных конструкциях) для адыгейского языка неприменимы, поскольку описывающие актантов именные группы в предложении могут отсутствовать практически всегда (раздел 1.6). Рефлексивная конструкция (раздел 1.6.4) объединяет S и А как потенциальных контролеров рефлексива, но не очевидно, что это может использоваться для грамматического (а не исключительно семантического) объединения этих ролей, поскольку в некоторых языках правила реф-

лексивизации могут опираться не только на «подлежащность», но и на семантический признак агентивности; см., например, [Kroeger 1993: 36—38] для тагальского языка. В адыгейском языке контролерами рефлексива могут иногда выступать даже не прямые объекты, хотя в этих случаях они часто могут описываться как производные от S или A (в каузативных конструкциях и конструкциях с неканоническим маркированием агенса):

- (1.26) *Сэ зысфэгъэсэжъырэн.*
se zə-s-fe-ve-se-ž'ə-r-ep
я RFL.ABS-1SG.IO-BEN-CAUS-ВОСПИТЫВАТЬСЯ-RE-DYN-NEG
'Я не могу себя воспитывать'. {Xк}

S и A объединяются и по другим синтаксическим свойствам. Так, Я.Г. Тестелец [2003а] отметил, что эти актанты, но не P релевантны при таких специфических явлениях, как переключение референции, разрыв с интенсификатором и т.д. Следует заметить, правда, что в этой работе не представлены данные о конструкциях, в которых P был бы более топикален, нежели A — и как кажется, по крайней мере некоторые из наблюдаемых эффектов могут быть связаны с топикальностью.

Релятивизация, как мы увидим далее, следует преимущественно эргативной схеме, противопоставляя S и P, с одной стороны, и A, с другой стороны, как при выборе стратегии, так и в более специфических свойствах — например, в ограничениях на порядок слов (раздел 3.3.3) и множественную релятивизацию (раздел 4.3.2).

Существенно, что здесь для адыгейского языка переходность определяется формально, как особая конструкция, используемая при глаголах, обнаруживающих наиболее сильную семантическую переходность (в духе [Hopper, Thompson 1980; Testelec 1998b]). При этом имеется большое количество непереходных глаголов с несколькими актантами, в которых наиболее топикальный актант (подлежащее) выступает как S, а остальные актанты как не прямые объекты. Ср. следующие примеры:

- (1.27) *Сэтэнэе-гуацэр Лъэпшъ еджи...*
 seteneje-g^waš'e-r λepš ∅-je-ž'-jə...
 Сэтэнэй-княгиня-ABS Тлепщ 3SG.IO-DAT-звать-ADD
 'Княгиня Сэтэнэй обратилась к Тлепшу (букв.: позвала Тлепша)'.
 {Адыгэ тхыдэжъхэр}
- (1.28) *...урис пачъыхъам идзэхэр егъусэу зы чылагъо горэм къекIугъэх.*
 ... wəgəs-рацəha-m jə-ze-xe-r (...) zə č'əlav^we g^we.re-m
 русский-царь-OBL POSS-войско-PL-ABS один селение некий-OBL
 q-∅-je-k^wə-ve-x
 DIR-3SG.IO-DAT-идти-PST-PL
 '...войска русского царя (...) подошли к одному селению'.
 {История времен Кавказской войны}
- (1.29) *... нэбгырэ пчъагъэ штыкхэр аIыгъыхэу кIэуцухэшъи епыджхэшъи аIа-
 тыгъ.*
 ... nebyəre-pčavə štək-xe-r a-ʔəvə-x-ew
 человек-количество штык-PL-ABS 3PL.A-держать-PL-ADV
 č'e-wəc^wə-xe-š-jə ∅-je-pəž'-xe-š-jə a-ʔatə-ʋ
 LOC-вставить-PL-CS-ADD 3SG.IO-DAT-колодь-PL-CS-ADD 3PL.A-поднимать-PST
 '...некоторое количество человек со штыками встали, кололи его, под-
 няли его [на штыки]'. {Мужество}

Глаголы вроде 'звать', 'колодь' и, тем более, 'подходить к', безусловно, отклоняются от прототипа переходности в отношении степени затронутости пациенса [Тестелец 2003b]. Фактически в отношении них речь может идти о неканоническом маркировании субъекта поливалентного глагола, обусловленном лексической семантикой; ср. [Ландер, Выдрин, в печати].

1.2.4. Порядок слов

Порядок составляющих в независимой предикации в адыгейском языке — свободный. Так, для предложения, включающего сказуемое, а также именные

группы агенса, пациенса и непрямого объекта, признаются допустимыми все возможные варианты расположения именных групп перед глаголом:

- (1.30) a. *КъэкӀуагъэм зэкӀэ къэбархэр Аминэт къыфишотагъ.*
 qe-ḳʷa-we-m zečʼe qebar-xe-r amjənet
 DIR-идти-PST-OBL все история-PL-ABS Аминэт
 qə-f-jə-ɣʷeta-в
 DIR-BEN-3SG.A-рассказывать-PST
- b. *КъэкӀуагъэм Аминэт зэкӀэ къэбархэр къыфишотагъ.*
 qeḳʷawem amjənet zečʼe qebarxer qəfjəɣʷetaв
- c. *ЗэкӀэ къэбархэр къэкӀуагъэм Аминэт къыфишотагъ.*
 zečʼe qebarxer qeḳʷawem amjənet qəfjəɣʷetaв
- d. *ЗэкӀэ къэбархэр Аминэт къэкӀуагъэм къыфишотагъ.*
 zečʼe qebarxer amjənet qeḳʷawem qəfjəɣʷetaв
- e. *Аминэт къэкӀуагъэм зэкӀэ къэбархэр къыфишотагъ.*
 amjənet qeḳʷawem zečʼe qebarxer qəfjəɣʷetaв
- f. *Аминэт зэкӀэ къэбархэр къэкӀуагъэм къыфишотагъ.*
 amjənet zečʼe qebarxer qeḳʷawem qəfjəɣʷetaв.
 ‘Приехавший рассказал Аминэт все новости’. {Хк}

Более того, в адыгейском языке при определенных условиях наблюдается и разрыв составляющих. В частности, в псевдоклефтах, кратко описанных в разделе 0.3.2, сказуемое может разрывать релятив, образующий подлежащее. Ср. следующие примеры, в которых сказуемое выделено жирным шрифтом (в примере 1.32 речь идет о сказуемом второго псевдоклефта):

- (1.31) *Адыгэ тхъаматэм джэуапэу **мыры** къыритыжъыгъэр...*
 adəye-thamate-m ʒʼewap-ew **mə-rə** qə-r-jə-tə-žʼə-we-r
 адыг=глава-OBL ответ-ADV ЭТОТ-PRED DIR-DAT-3SG.A-давать-RE-PST-ABS
 ‘Вот что адыгские главы дали в качестве ответа...’
 Букв.: ‘То, что дали адыгские главы в качестве ответа, — вот’. {Едыдж}

(1.32) *Къояжъэр зикIасэр бжъэдыгъухэмрэ шапсыгъэхэмрэ арых, ау темиргойхэм къое цIынэр ары дальхъарэр.*

q^weja-že-r z-jə-č'ase-r bžedəx^wə-xe-m-re
сыр-жариться-ABS REL.PR-POSS-любимый-ABS бжедуг-PL-OBL-COORD
šapsəve-xe-m-re a-rə-x, aw tjemjərg^wej-xe-m
шапсуг-PL-OBL-COORD тот-PRED-PL но темиргоевец-PL-OBL
q^weje-čəne-r a-rə d-a-λha-re-r
сыр=сырой-ABS тот-PRED LOC-3PL.A-класть-DYN-ABS

‘Жареный сыр любят бжедуги и шапсуги, а темиргоевцы кладут свежий сыр’. Букв.: ‘Тот, кто любит жареный сыр, — бжедуги и шапсуги, но то, что кладут темиргоевцы, — свежий сыр’. {Печеный халыж}

Хотя в литературе обычно указывается, что наиболее типичной позицией сказуемого является финаль предложения (см., например, [Яковлев, Ашхамаф 1941: 17; Гишев 2003: 150]), это не более, чем тенденция; ср. срединное расположение сказуемого в следующем примере:

(1.33) *... сизакъоуи ислъхъэжъышъуцт а мэкъур...*
... s-jə-zaq^w-ew-jə jə-s-λhe-ž'ə-š^wə-š't
1SG.PR-POSS-единственный-ADV-ADD LOC-1SG.A-класть-RE-HBL-FUT
а meq^wə-r...
тот сено-ABS
‘...я один могу положить назад это сено’ {КIэрац}

В подчиненных предикациях принцип расположения сказуемого в конце соблюдается более жестко, но и здесь возможны его нарушения; ср. (1.34), где подлежащее зависимого предложения ‘прутик’ следует за его сказуемым:

(1.34) *Гупсэфэу хэхъа зыхъукIэрэ чыпэцIыкIур, лыр хъазыр.*
g^wəpsef-ew xe-ha-zə-x^wə-č'e-re
спокойный-ADV LOC-уходить=REL.TMP-случаться-INS-CONV

1.3. Сведения об адыгейской морфологии

Морфология адыгейского языка до сих пор не может считаться достаточно описанной — отчасти в силу наблюдающейся в нем вариативности (раздел 0.4.4), отчасти из-за того, что для этого языка до сих пор нет устоявшихся представлений о фонетическом слове (раздел 1.4.2). Настоящий раздел опирается в первую очередь на пионерские исследования Р. Сметса [Smeets 1984] и разработки П.М. Аркадьева и Я.Г. Тестельца [2009] и касается лишь некоторых морфологических проблем адыгейского языка.

Чередование /e/~a/. Это чередование является, возможно, самым важным морфологическим процессом для адыгейского языка, поскольку оно позволяет определить границы морфологического слова. Данное чередование подробно описано в работах [Smeets 1984: 206—211; Аркадьев, Тестелец 2009: 122—131].

Общее представление о чередовании /e/~a/ в [Аркадьев, Тестелец 2009: 124] формулируется следующим образом: «последовательность /CeCe/, где C — любой согласный или группа согласных, переходит в /CaCe/ непосредственно на конце словоформы или если за нею следуют морфемы из определенного набора». Следует учесть, что эта формулировка сама по себе не учитывает другие процессы, например, усечение конечного гласного (см. ниже и раздел 2.6), которое в данной модели следует за чередованием. Часть словоформы с имеющейся или восстанавливаемой конечной /e/, в которой происходит этот процесс, именуется областью чередования /e/~a/. Например, частотная словоформа *qe-ḱ^wa-ḱ* ‘пришел’ [DIR-идти-PST] имеет базовую форму /qe-ḱ^we-ve/, причем вся она образует область чередования, предпоследний гласный переходит в /a/, а последний усекается.

Суффиксы, не влияющие на данное чередование и следующие за его зоной в [Smeets 1984] именуется окончаниями (endings); см. раздел 1.4.3. Кроме них, за пределами зоны чередования находятся некоторые специфические морфологические конструкции (например, частотная имперфектная конструкция с вспомогательной морфемой *-š'tə* AUX, которая создает собственную область чередования /e/~a/). Также данное чередование не действует в отношении префиксов динамичности и опатива (см. раздел 1.4.3).

Ротацизм. В адыгейском языке фонема /j/ в определенных условиях (в первую очередь перед другим /j/) переходит в фонему /r/; см. [Аркадьев, Тестелец 2009: 140—144]. Ср. следующие примеры:

(1.37) ... нэбгырэ пшыкIуmIу риутыгъ.

... nebγərə-pʃə.kʷə.tʷə r-jə-wətə-ɸ (< j(e)-jə-wətə-ɸ)
 человек-двенадцать DAT-3SG.A-бить-PST
 ‘...избил двенадцать человек’. {Едыдж}

(1.38) ... слыгуанджэ зэрытым сшъхъа итэу езгъэжъагъ сэ.

... s-λə.gʷanʒ'e ze-rə-tə-m (< zə-jə-tə-m) s-ʃha
 1SG.PR-колени REL.IO-LOC-стоять-OBL 1SG.PR-голова
 jə-t-ew je-z-ve-ʒ'a-ɸ se
 LOC-стоять-ADV DAT-1SG.A-CAUS-начинаться-PST я
 ‘...я узнал нужду (букв.: я начала так, что моя голова стояла там же, где стояли мои колени)’. {Жизнь}

Эпентетический /r/. Та же фонема /r/ появляется при устранении запрещенной в адыгейском языке последовательности двух гласных или гласного и /jə/. В таком случае при морфологической интерпретации мы относим /r/ к следующей морфеме. Ср.:

(1.39) Мы пшъашгъэм ятэ бэ шIагъэу Кошыхъаблэ унэ зтегъэпсыхъагъэ шъыршI.

mə pʃaʃe-m jate be.ʃa.ɸ-ew kʷeʃ'əhable
 этот девушка-OBL POSS + отец давно-ADV Кошехабль
 wəne-ze-tje-ve-psəha-ɸe š'a-rjə-ʔ (< š'a-jə-ʔe)
 дом=RFL.IO-LOC-CAUS-закаливать-PST LOC-POSS-быть
 ‘В Кошехабле у отца этой девушки уже давно большое хозяйство’. {Хх}

- (1.40) *Хэты урикIал?*
 хетә wә-rjә-č'al (< wә-jә-č'ale) ?
 кто 2SG.ABS-POSS-парень
 'Чей ты сын?' {КIэращә}

Эпентетический /ә/. Для того, чтобы избежать консонантных кластеров на стыках морфем, при последовательности морфемы с конечным согласным и морфемы с начальным согласным между ними иногда вставляется гласный /ә/. В морфологическом представлении мы условно относим этот гласный к первой морфеме. Ср., например, форму косвенного падежа от слова *jәles* 'год' — *jәlesә-t* [год-OBL].

Можно предположить, что вставка /ә/ наблюдается только в пределах слова. Соответственно, его появление может свидетельствовать, что следующая за ним морфема относится к тому же слову, что и предыдущая. Этот критерий может использоваться для обоснования объединения в единое слово конструкций с так называемыми вспомогательными глаголами (раздел 1.4.3).

Усечение гласных. В определенных морфонологических контекстах конечные гласные слов, выступающих в качестве сказуемого, могут усекаются. Ср.:

- (1.41) *Джа фэдә лыгъә кьыхэфэгъагъ ащ.*
 ž'a-fede лә.ве qә-хе-fe-ва-в (< qә-хе-fe-ва-ве) а-š'
 тот-подобный мужество DIR-LOC-падать-PST-PST тот-OBL
 'Вот такое мужество он ощутил (букв.: в него упало)'. {Нога}

- (1.42) *Екатерина Сухановар Мьекъуапә цыщ пшъашъ, еджакIоу цыт.*
 jekatjerjәna swәханweva-r мәјеq^wаре š'ә-š' pšaš (< pšaše),
 Екатерина Суханова-ABS Майкоп LOC-часть девушка
 jež'aq^w-ew š'ә-t
 учащаяся-ADV LOC-стоять
 'Екатерина Суханова — девушка из Майкопа, учащаяся'.
 {Адыгә макъ, 14.09.2010}

Поскольку такое усечение гласного наблюдается в первую очередь в независимых предложениях, оно может свидетельствовать о финитности сказуемого. Впрочем, нам не очевидно, что это позволяет противопоставить финитные формы нефинитным (раздел 2.6).

Усечение гласных также имеет место, если к морфеме, оканчивающейся на гласный, присоединяется морфема, начинающаяся на гласный или на /j/:

- (1.43) *Алэри ыльэгъугъэнкИи зи фэлуагъэн.*
ale-r.jə ə-лeв^wə-вe-n-č'-jə (< ə-лeв^wə-вe-n-č'e-jə) z-jə (< zə-jə)
Алэ-ADD 3SG.A-видеть-PST-MOD-INS-ADD один-ADD
fe-ɽ^wa-в-ep (< fe-ɽ^we-вe-ep)
BEN-говорить-PST-NEG
‘Видел ли Алэ, никто сказать не мог’. {КІэрац}

Метатеза. При присоединении личного префикса 3 лица множественного числа *a-* к аппликативным префиксам, начинающимся с *j-* за исключением локативного преверба *jə-* (таковы посессивный префикс и дативный преверб), возникает комплекс *ja-*:

- (1.44) *ЯчИпІэ гъэнэфагъэу тeІ.*
ja-čəpe (< a-jə-čəpe) ve.nefa-в-ew tje-ɽ
ЗPL.PR + POSS-место ЗPL.PR-POSS-место определять-PST-ADV LOC-быть
‘Их место определено’. {Обычай}

- (1.45) *къяпльыжы*
q-ja-plə-ž'-jə (< qə-a-je-plə-ž'ə-jə)
DIR-ЗPL.IO + DAT-смотреть-RE-ADD DIR-ЗPL.IO-DAT-смотреть-RE-ADD
‘на них снова посмотрел и...’

Таким образом в этих комплексах наблюдается метатеза.

1.4. Адыгейское слово и его структура: общие положения

1.4.1. СИНТАКСИС VS МОРФОЛОГИЯ

Ключевым в описании полисинтетического языка является вопрос о соотношении морфологии и синтаксиса: полисинтетическая морфология способна выражать многое из того, что в неполисинтетических языках выражается синтаксисом. Но само противопоставление морфологии и синтаксиса, на котором зиждется это понимание, предполагает четкое понимание того, что является словом (по крайней мере для данного языка). Между тем, как неоднократно отмечалось в литературе (см., например, [Dixon, Aikhenvald 2003; Haspelmath 2011a]), понятие слова не является очевидным, поскольку разные критерии выделения слова могут давать разные результаты.

В адыгейском языке, как кажется, понятие слова имеет несомненную значимость парадоксальным образом в силу особенностей полисинтетической морфологии, которая, казалось бы, должна была сглаживать границы между морфологическим и синтаксическим уровнями. Дело в том, что возможность выполнения морфологией функций, традиционно приписываемых синтаксису, не исключает возможности выполнения тех же функций на синтаксическом уровне. Это дает возможность противопоставить морфологические и синтаксические стратегии выражения одних и тех же значений. Так, в (1.46a) роль бенефицианта указана морфологически префиксом в глаголе, а в (1.46b) — синтаксически послелогом. Более того, как показывает (1.46c), одна и та же роль может маркироваться дважды — как префиксом в глаголе, так и послелогом; это говорит о том, что две стратегии выражения, в принципе, независимы, а значит, демонстрируют разные уровни структуры⁷.

⁷ Аналогичное одновременное использование синтаксической и морфологической стратегий наблюдается и в некоторых других полисинтетических языках. Например, в статье [Вахтин 1985] сообщается о возможности одновременного выражения морфологией и синтаксисом модальности намерения, модальности долженствования и каузативного значения в одном из эскимосских языков.

- (1.46) a. *СурэтышЫм иньбджэгъухэм сурэт афишЫгъ.*
 swəretəʂə-m jə-nəbʒ'ev^wə-xe-m swəret
 художник-OBL POSS-друг-PL-OBL картина
 a-f-jə-ʂə-в
 ЗPL.IO-BEN-ЗSG.A-делать-PST
- b. *СурэтышЫм иньбджэгъухэм апае сурэт ышЫгъ.*
 swəretəʂə-m jə-nəbʒ'ev^wə-xe-m a-paje swəret
 художник-OBL POSS-друг-PL-OBL ЗPL.PP-для картина
 ə-ʂə-в
 ЗSG.A-делать-PST
- c. *СурэтышЫм иньбджэгъухэм апае сурэт афишЫгъ.*
 swəretəʂə-m jə-nəbʒ'ev^wə-xe-m a-paje swəret
 художник-OBL POSS-друг-PL-OBL ЗPL.PP-для картина
 a-f-jə-ʂə-в
 ЗPL.IO-BEN-ЗSG.A-делать-PST

‘Художник написал картину для своих друзей’. {Xx}

Выбор морфологической или синтаксической стратегий может быть обусловлен как прагматикой, так и сложностью словоформы, которая иногда «вытесняет» партиципанта в синтаксис.

Еще один пример того, что партиципant, маркируемый в глаголе как актaнт, в синтаксической структуре может быть маркирован как сирконстант, что демонстрирует необходимость противопоставлять синтаксическую и морфологическую структуры, приведен в (1.47). Здесь местоимение, соответствующее (нулевому) префиксу в глаголе, может быть оформлено как косвенным падежом (в норме — актaнтным), так и инструментальным (в норме — сирконстантным):

- (1.47) a. *Тэ ац тыщэпсэу.*
 te a-ʂ' tə-∅-ʂ'-e-psew
 мы тот-OBL 1PL.A-ЗSG.IO-LOC-DYN-жить

b. *Тэ акІэ тыщэпсэу.*

te a-č'e tә-Ø-š'-e-psew

мы тот-INS 1PL.A-3SG.IO-LOC-DYN-жить

‘Мы там живем’. {Xк}

Особую сложность в плане противопоставления синтаксиса и морфологии в адыгейском языке представляют так называемые именные комплексы — продукты модификации существительного разного рода определениями⁸. По ряду критериев именные комплексы ведут себя как слова (см., в частности, [Выдрин 2005]), хотя, по-видимому, не ставится под сомнение, что они строятся в процессе композиции высказывания и тем самым аналогичны сложным синтаксическим конструкциям. В промежуточных частях именного комплекса не происходит чередования /e/~ /a/:

(1.48) *гъунэгъу шъэожъые Іэтэхъо шъхъэпэе хъазырэу*

в^wәнев^wә-šewe.žәje-?ete.χ^we-šhepeje=hazәr-ew

сосед=мальчик=подросток=шаловливый=немного-ADV

‘немного шаловливый соседский мальчик’ {XакІэмызэ}

Другую сложность представляют собой конструкции с вспомогательными глаголами вроде (1.49), исследованные в [Керашева 1979; Киммельман 2007; Kimmelman 2010; Кушнир 2011]. Как показано в работах В.И. Киммельмана и Е.Л. Кушнир, эти конструкции также обладают разной степенью спаянности.

(1.49) *...мафэ къэс нахъыбэ мэхъу зэпыт...*

... mafe-qes nahә-be me-χ^wә=ze.pә.t...

день-каждый более-большой DYN-случаться=постоянно

‘...с каждым днем (их) все больше становится...’ {Гъыщ}

⁸ В литературе именные комплексы также иногда называются *определительными/атрибутивными комплексами*; см., например, [Абрегов 2005].

Ниже мы обсудим основные критерии выделения слова в адыгейском языке и коснемся трудностей, возникающих при их применении. Мы, однако, обойдем стороной фрагменты грамматики, для которых подобные трудности являются естественными: в частности, нас не будут интересовать сложности, возникающие при анализе в рамках противопоставления морфологии и синтаксиса сложных числительных, а также клитик, к которым, возможно, имело бы смысл отнести некоторые морфемы, трактуемые в этой работе как окончания (например, аддитив). Всестороннее исследование проблемы выделения слова в адыгейском языке — это, несомненно, задача отдельного исследования.

1.4.2. ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ПРОСОДИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ

Четкие собственно фонетические критерии, позволяющие выделить словоформы, в адыгейском языке, по-видимому, отсутствуют. Судя по нашим предварительным наблюдениям, многие словоформы имеют внутреннюю просодическую структуру, которая соответствует морфологической структуре, но эта гипотеза нуждается в проверке. Семантически мотивированное интонационное выделение частей слов в норме не допускается. Это касается и частей именных комплексов, в которых фокусироваться может только последняя часть. Так, в (1.50) в ответной части контрастивный фокус, очевидно, должен падать на имя в составе именного комплекса, но интонационно в таких случаях выделяется последняя часть именного комплекса, в данном случае прилагательное:

(1.50) — *О гъончэдж шлуцлэхэр къэщэфыгъ.*

we v^wenč'ež'=š^wəçe-xe-r qe-p-š'efə-v

ты брюки=черный-PL-ABS DIR-2SG.A-купить-PST

— *Хъау! Сэ *цокъэ шлуцлэхэр / цокъэ шлуцлэхэр къыщэфыгъ.*

haw, se *c^weqe=š^wəçe-xe-r / c^weqe=š^wəçe-xe-r

нет я обувь=черный-PL-ABS обувь=черный-PL-ABS

qə-s-š'efə-v

DIR-1SG.A-купить-PST

‘Ты купил черные брюки’. — ‘Нет, я купил черные ботинки!’ {Хк}

Возможность пауз внутри слов, наблюдаемая в отдельных полисинтетических языках — например, в австралийских языках пининь кун-уок [Evans 2003, I: 329] (см. также обсуждение в контексте особенностей функционирования полисинтетической морфологии в [Ландер 2007: 136]) и далабон [Evans et al. 2008]) — для адыгейского языка не обсуждалась. Тем не менее можно сказать, что по крайней мере зона актантной структуры ведет себя достаточно автономно, чтобы после нее возникала пауза, а иногда и ее повтор:

(1.51) *Вот уинысэ Сусанэ... э... кІо... уи... уишъхъагъусэ уимыІэжъми лъытэ-ныгъэ къызэрэфышІырэр?*

wet w-jə-nəse swəsanə... e... k^we... w-jə-...
 вот 2SG.PR-POSS-невестка Сусанна э... ну 2SG.PR-POSS-
w-jə-šhar^wəse w-jə-mə-ʔe-ž'-m-jə лətenəwe
 2SG.PR-POSS-супруг 2SG.PR-POSS-NEG-быть-RE-COND-ADD уважение
 qə-ze-re-p-f-jə-šə-re-r ?

DIR-REL.IO-MNR-2SG.IO-BEN-3SG.A-делать-DYN-ABS

‘Вот твоя невестка Сусанна... э... ну... твоя... твоей жены уже нет, насколько тебя почитает?’ {Почитание родственников}

В описаниях адыгейского языка нередко говорится об ударении [Яковлев, Ашхамаф 1941: 418—424; Рогова, Керашева 1966: 25—28; Аркадьев и др. 2009: 23; Smeets 1984: 128—129; Paris 1989: 155—156], однако экспериментальные исследования, проведенные Ю.Л. Кузнецовой в Хакуринохабле [Кузнецова 2006] и Л. Пашеном в Пшичо [Пашен 2006] показывают, что вопрос об адыгейском ударении крайне запутан. Оба исследователя зафиксировали большое количество индивидуальных подсистем расстановки ударения, что, как отмечает Л. Пашен, «указывает на то, что функциональная значительность ударения невелика». В этих условиях использование ударения в качестве критерия выделения слова, на наш взгляд, сомнительно.

1.4.3. ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЫ

Общие сведения. Адыгейские знаменательные словоформы по большей части обладают единообразной структурой, продемонстрированной на рисунке 1-1. Как видно, обычно знаменательная словоформа может быть поделена на пять морфологических зон, причем это касается как сложных полисинтетических глагольных словоформ, так и, например, именных комплексов и послелогов. В (1.52)—(1.54) предлагается анализ нескольких словоформ в терминах указанных зон.

Зона актантной структуры	Предосновные элементы	Каузативные показатели	Основа	Окончания
(A)	(B)	(C)	(D)	(E)

Рисунок 1-1. Структура адыгейской знаменательной словоформы.

Глагол

(1.52) *замыгъэшъунэу*

[z-a-]_A[mə-]_B[ʁe-]_C[š^wə-n]_D[-ew]_E

[RFL.ABS-3PL.A-]_A[NEG-]_B[CAUS-]_C[МОКНУТЬ-MOD]_D[-ADV]_E

‘чтоб не дать себе промокнуть’ {Едыдж}

Именной комплекс

(1.53) *изышолк джэнэ дахэр*

[∅-jə-]_A[zə-šwelk=ž'ene-daxe]_D[-r]_E

[3SG.PR-POSS-]_A[один-шелк=платье=красивый]_D[-ABS]_E

‘одно ее шелковое красивое платье’ {Хк}

Послелог

(1.54) *садэжъыцт*

[sa-]_A[dež'ə-š't]_D

[1SG.PP-]_A[к-FUT]_D

‘будет ко мне’ {Хк}

Противопоставление морфологических зон имеет как функциональные, так и формальные основания. Прежде чем перейти к описанию зон, подчеркнем, что часть терминов мы используем нестандартно и понимаем их исключительно технически. Так, хотя термин *окончание* в литературе часто появляется для флексий, здесь он всего лишь перевод используемого Р. Сметсом [Smeets 1984] термина *ending*, который не подразумевает, что соответствующие показатели представляют собой флексии. Термин *основа* тоже не должен пониматься аналогично тому, как он используется, например, при описании европейских языков: как мы увидим, адыгейская основа включает не только корень и словообразовательные аффиксы, но и некоторые суффиксы, которые в традиционных описаниях трактуются как словоизменительные — в первую очередь, показатели времени⁹.

Основа. Основа включает корень, а также модифицирующие его суффиксы¹⁰. Эти суффиксы могут включать как собственно словообразовательные форманты, так и морфемы, относимые не столько к словообразованию, сколько к «глагольным частицам» [Рогава, Керашева 1966: 297—314] и даже «словоизменению». В глаголах большая часть суффиксов, включенных нами в основу, модифицирует пропозицию, преимущественно указывая ее аспектуальные и темпоральные свойства (см. об их свойствах раздел 1.5.4). Ср. глагольную словоформу в (1.55), включающую суффиксы репититива/редитива (‘снова, назад’), диффисилитива (‘трудно’) и прошедшего времени:

⁹ Таким образом, этот термин употребляется здесь иначе, чем, в работах М.А. Кумахова, где основы не включают маркеры времени, но включают также аппликативные превербы, причем без сопровождающих их личных показателей, в связи с чем приходится говорить о прерывистых основах (см., например, [Кумахов 1964: 81—82]). В [Smeets 1984] используется два термина *stem* и *base*, которые можно было бы перевести как ‘основа’, причем их наполнение отличается: *base* является частью *stem*. Однако ни один из этих терминов не совпадает по употреблению с тем, как мы используем термин *основа*.

¹⁰ Мы не рассматриваем здесь редупликацию (см. о ней [Абрегов 2000; Берсиров 2001]), а также значимые чередования гласных, которые в глаголах могут маркировать переходность и некоторые пространственные значения (см. [Рогава, Керашева 1966: 82—83; Кумахов 1981: гл. V; Аркадьев, Летучий 2008], а также [Smeets 1992], где, однако, многие из этих явлений трактуются как суффиксация).

- (1.55) ...Гошсэху джы кыызтегъэуцожьыгъоягъ.
 ... g^weš'seχ^wə ǰ'ə qə-ze-tje-ke-wəc^we-ǰ'ə-**к**еja-**к**
 Гошсеху теперь DIR-RFL.IO-LOC-CAUS-встать-RE-DIF-PST
 '...Гошсеху теперь было трудно остановить'
 [Рогава, Керашева 1966: 299]

Основы могут включать несколько корней. Так, отдельные морфемы, условно представляемые в примерах как грамматические суффиксы, в действительности могут пониматься как отдельные корни, образующие с другими корнями сложные основы (ср. о подобных сложных основах, например, [Рогава, Керашева 1966: 282—292; Берсиров 2001]). Таковы, в частности, корни направленного движения: лативный *-he* и элативный *-ǰ'ə*, которые встречаются как отдельно, так и в сочетании с другими корнями (см. о них также [Капитонов 2007]). Ср., например, подобный сложный глагол с элативным корнем в (1.56) и тот же корень, самостоятельно образующий основу, в (1.57):

- (1.56) ...Пэнынэ плэнэпэ шлункым кыкьобыбыкыгъ.
 ... peŋəne pʌnepə-ʃ^wənç'ə-m qə-q^we-bəbə-ǰ'ə-**к**
 Пэнын угол=темный-OBL DIR-LOC-лететь-EL-PST
 '...Пэнын вылетел из темного угла'. {Нарт кьэбархэр}

- (1.57) Заринэ унэм кыкыгъ.
 zarjəne wəne-m q-jə-ǰ'ə-**к**
 Зарина дом-OBL DIR-LOC-уходить-PST
 'Зарина вышла из дома'. {Гъыщ}

Аналогичным образом, как сложную основу, вероятно, можно описывать и сочетание лексических частей именного комплекса. Следующий пример показывает, что основа именного комплекса ведет себя аналогично основе глагольного комплекса при построении более сложных выражений — здесь каузатива:

- (1.58) *Сэ о узгъэкIэлэ-цЫкIу-гушыщт.*
 se we wə-z-ve-č'ele-çəḵwə-ʔwəšə-š't
 я ты 2SG.ABS-1SG.A-CAUS-парень=маленький-умный-FUT
 'Я из тебя сделаю умного мальчика'. {Xк}

В то же время основы именных комплексов могут представлять собой не только сочетания корней, но и сочетания основ или даже включать в себя единицы, сами по себе включающие несколько морфологических зон. Так, в (1.59а) второй компонент именного комплекса содержит префикс отрицания, относящийся к зоне предосновных элементов. Примечательно, правда, что этот префикс может и «съезжать» в естественную позицию перед всей основой, сохраняя то же значение (1.59b).

- (1.59) а. *Пшъэшъэ мыдахэр тичылэм цыIэн.*
 pšeše=mə-daxe-r t-jə-č'əle-m š'ə-ʔ-ep
 девушка=NEG-красивый-ABS 1PL.PR-POSS-село-OBL LOC-быть-NEG
- б. *Мыпшъэшъэ дахэр тичылэм цыIэн.*
 mə-pšeše=daxe-r t-jə-č'əle-m š'ə-ʔ-ep
 NEG-девушка-красивый-ABS 1PL.PR-POSS-село-OBL LOC-быть-NEG
 'Некрасивых девушек у нас в селе нет'. {Xк}

Зона каузатива. Каузативные показатели располагаются непосредственно перед основой, а возможно, могут быть и отнесены к ней. Синхронно в адыгейском языке имеется единственный каузативный префикс *ве-*, но он может быть представлен в словоформе более одного раза при рекурсивной каузативизации (см. об этом [Smeets 1984: 273; Paris 1989: 182; Hewitt 2004: 138; Летучий 2009b: 400—407; Lander, Letuchiy 2010: 274—278])¹¹. Ср.:

¹¹ Формы с двойными каузативами для адыгских языков отмечались еще раньше М.А. Кумаховым [Кумахов 1964: 152; 1965: 114]. Однако поскольку он исходил из допущения, что в словоформе показатели повторяться не могут, в этих работах постулировалось две омонимичных морфемы с каузативным значением.

(1.60) *Домбаир лым аригъащи, къуашьом раригъэгъэуцагъ.*

dwembajə-r λə-m а-г-јə-ка-š'-јə

зубр-ABS мужчина-OBL 3PL.IO-DAT-3SG.A-CAUS-нести-ADD

q^waš^we-m г-а-г-јə-ве-ве-вəс^wа-в

лодка-OBL LOC-3PL.IO-DAT-3SG.A-CAUS-CAUS-вставить-PST

‘Мужик велел вынести зубра, а он велел положить его (золото) в лодку’.

{Хьут}

Окончания и предосновные элементы. Эти две зоны, несомненно, сходны как по функциям, так и по формальным свойствам — несмотря на то, что из них первая представлена суффиксами, а вторая — префиксами. Окончания включают, в частности:

(i) маркеры синтаксической функции, в том числе падежные показатели и суффиксы, указывающие на функцию зависимой предикации (условный суффикс, маркеры конвербов и т.д.);

(ii) прагматические маркеры — аддитивный суффикс суффикс *-јə*, вопросительный суффикс *-а*, суффикс *-ба* ‘ведь; разве не’;

(iii) суффикс отрицания *-ер*;

(iv) суффикс множественного числа *-хе* (в именных комплексах маркирующих число именной группы, а в глагольных комплексах указывающий на множественность абсолютного актанта);

(v) суффикс динамических глаголов *-ре* (раздел 2.3).

Важнейшие предосновные элементы включают:

(i) показатель оптатива (*w*)*ere-*;

(ii) префикс отрицания *тə-*;

(iii) префикс динамических глаголов.

Как видно, функции окончаний и предосновных элементов схожи: они маркируют синтаксическую функцию, полярность, иллюкутивную силу. О распределении показателей отрицания см. раздел 2.4, о показателях динамичности — раздел 2.3, о показателе множественного числа — раздел 2.5.

Формально окончания и предосновные элементы отличаются тем, что в них не происходит чередование /e/~a/. Окончания таким образом могут определять

зону этого чередования: она заканчивается непосредственно перед ними. Например, в (1.61) чередование в *ḱ^we-xe-ze* ‘идя’ не происходит, поскольку две последних морфемы относятся к зоне окончаний и, соответственно, в области чередования остается один слог; в то же время в *zə-š’ə-z-e-zawe-xe-re-m* (<*zə-š’ə-z-e-zewe-xe-re-m*) чередование наблюдается в первом слоге двусложного корня, так как непосредственно за ним следуют окончания.

(1.61) *Джауцтэу кIохээ зыщызэаохэрэм нэсыгъэх.*

ž’a.w.š’t-ew ḱ^we-xe-ze zə-š’ə-z-e-zawe-xe-re-m

так-ADV идти-PL-CONV REL.IO-LOC-REC.IO-DAT-драться-PL-DYN-OBL

nesə-we-x

достигать-PST-PL

‘Так идя, они добрались до места, где была битва’.

{Адыгэ тхыдэжъхэр}

Предосновные элементы, как правило, тоже не реагируют на чередование /e/~a/; ср. (1.62)—(1.63). Этот факт заставил Р. Сметса [Smeets 1984] постулировать для гласных в соответствующих префиксах особую фонему — не подвергающуюся чередованию /ê/. Однако с учетом функциональных сходств предосновных элементов и окончаний запрет на чередование естественно описывать как свойство морфологической зоны.

(1.62) *Ары, пшэсэн щынагъо ыIыгъэу хатэм къыдэхъэ.*

a-rə, pšesen-š’əna.ɸ^we ə-ʔəw-ew xate-m

тот-PRED крапива-страшный 3SG.A-держатъ-ADV огород-OBL

qə-d-e-he

DIR-LOC-DYN-входить

‘Да, страшную крапиву в руке держа, в огород заходит’. {Гъыщ}

- (1.63) *Орэчъэ!*
 were-će
 ОРТ-бежать
 ‘Пусть бежит!’ [Рогава, Керашева 1966: 203]

Впрочем, в глаголах без префиксов зоны актантной структуры и основных упомянутых выше предосновных морфем в условиях, когда обычно появляется динамический префикс (прежде всего, в настоящем времени), возникает префикс *те-*, в котором чередование /e/~a/ возможно (ср. первый глагол в следующем примере):

- (1.64) *Мачъэ, мэхъапкIэ, мэшакIо, зыпшыкIэ, зегъэпсэфы.*
 та-će, ме-һарç’е, ме-šak^wе, зэ-рšә-ç’е
 DYN-бежать DYN-галопировать DYN-охотиться REL.TMP-уоставать-INS
 z-j-e-ve-psefə
 RFL.ABS-3SG.A-CAUS-отдыхать
 ‘Бежит, скачет, охотится, когда устает, отдыхает’. {Нарт къэбархэр}

Хотя мы условно глосслируем этот префикс как показатель динамичности, в силу отсутствия любых других префиксов в словоформе, строго говоря, этот префикс приписать какой-либо конкретной позиции невозможно¹².

Наконец, заметим, что некоторые аффиксы, встречающиеся в указанных зонах, имеют одинаковое происхождение. Так, суффикс отрицания *-ep* в адыгейском языке предположительно диахронически связан с префиксом отрицания *та-* (см. [Smeets 1984: 253—257]). В других абхазо-адыгских языках одна и та же морфема синхронно или диахронически выступает и в префиксальной части, и в суффиксальной (см. [Smeets 1984: Ch. 6, 7; Кумахов 1989: 208ff]).

Зона актантной структуры. Данная зона включает в первую очередь личные показатели и маркеры, определяющие роли соответствующих актантов. Общая схема зоны актантной структуры изображена на рисунке 1-2.

¹² Автор признателен П.М. Аркадьеву, который обратил его внимание на этот факт.

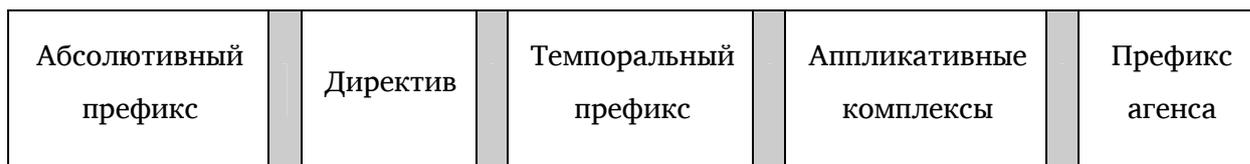

Рисунок 1-2. Зона актантной структуры.

Личные показатели, используемые в глаголе, подразделяются на три серии: абсолютивную серию, серию показателей непрямого объекта и серию показателя агенса. Ср. таблицу 1-2.

	ABS	IO	A
1SG	sə-	s-	
1PL	tə-	t-	
2SG	wə-	p-	
2PL	ŝ ^w ə-	ŝ ^w -	
3SG	—	∅-	ə-/jə-
3PL	—	a-	
RFL/REC	zə-	zə-/ze-	—
REL	—	zə-	

Таблица 1-2. Серии личных префиксов.

Серии личных префиксов различаются позицией в зоне актантной структуры. Как показывает рисунок 1-2, абсолютивные личные показатели располагаются в самом начале зоны. В 3-м лице абсолютива личные префиксы отсутствуют¹³. Префиксы агенса, наоборот, непосредственно предшествуют следующей зоне (то есть зоне предосновных элементов) и всегда получают ненулевое выражение. Префиксы непрямого объекта входят в состав аппликативных комплексов, которые в прототипическом случае имеют вид: [ИНДЕКС — АППЛИКАТИВНЫЙ ПРЕФИКС], то есть представляют собой последовательность индексирующих показателей и морфем, определяющих роль соответствующих актантов в ситуации и в глаголах

¹³ Следуя [Аркадьев и др. 2009], мы не постулируем в данном случае нулевой личный префикс. Это обусловлено причинами описательного характера, не релевантными для настоящей работы.

именуемых ниже превербами¹⁴. В одном глаголе может быть несколько аппликативных комплексов; ср. сказуемое в следующем примере, которое содержит комплекс с превербом *ʒ’ə-*, вводящим место действия, и комплекс с превербом *xe-*, вводящий множество людей, к которому относятся участники ситуации (здесь благодаря реципрокальному префиксу этот комплекс буквально означает ‘среди друг друга’, то есть ‘вместе’):

- (1.65) *Зы гъэмэфэ пчыхъэ а лIитIум язым — Къызбэчы ихъэкIэц лIы куп цызэхэ-сыгъ.*
- зэ вemefe=pč’əhe а λ-jə-ɬ’wə-m ja-zə-m — qəzbeč’ə
 один лето-вечер тот мужчина-LNK-два-OBL ЗPL.PR-один-OBL Кзбеч
 jə-heč’eš’ λə=k’wəp [Ø-ʒ’ə-] [ze-xe-] sə-в
 POSS-кунацкая мужчина-группа 3SG.IO-LOC-REC.IO-LOC-сидеть-PST
 ‘Однажды летним вечером в кунацкой одного из тех двух человек —
 Кзбеча — собралась (букв.: сидели друг с другом) группа мужчин’.
 {КIэращ}

Среди аппликативных комплексов полезно выделять **дативный комплекс**, включающий дативный префикс *je-* (в некоторых морфонологических контекстах этот маркер выступает как *e-*). В терминах работы [Lehmann, Verhoeven 2006] этот маркер можно назвать экстраверсивным — в том смысле, что он вводит семантически обязательного участника ситуации, выраженной основой, или по крайней мере участника, чья роль не требует уточнения, поскольку она выводима из семантики основы глагола (1.66) или ее сочетания с каузативом (1.67). Примечательно, что дативный префикс — это единственный преверб, который может исчезать вообще по морфонологическим причинам (пример 1.68).

¹⁴ Иногда аппликативный комплекс содержит несколько аппликативных префиксов, которые последовательно вводят друг друга.

- (1.66) *Сабанэкьо цыкIур шьуIоти шьукьысэпль, шьукьысаджэцтыгъэ, и лъагэ сызэрэхьугъэм шьукьепль!*

sabaneq^we-çəḵ^wə-r š^w-ʔ^we-t.jə
 Сабаноков=маленький-AVS 2PL.A-говорить-CS
 š^wə-qə-s-e-pλ, š^wə-qə-s-a-ž'e-š'tə-ve,
 2PL.ABS-DIR-1SG.IO-DAT-смотреть(IMP) 2PL.ABS-DIR-1SG.IO-DAT-звать-AUX-PST
 jə λaγe sə-ze-re-χ^wə-ve-m
 и высокий 1SG.ABS-REL.IO-MNR-случаться-PST-OBL
 š^wə-q-∅-je-pλ
 2PL.ABS-DIR-3SG.IO-DAT-смотреть(IMP)
 ‘Вы говорили «маленький Сабаноков», так что посмотрите! — вы меня (так) звали, и посмотрите, какой я стал высокий!’
 {Маленький Сабаноков}

- (1.67) *...а пстэури пачьыхъэм дэжъ аригъэцагъ.*

...a pstewə-r-jə paçəhe-m dež' a-r-jə-ve-š'a-v
 тот все-AVS-ADD царь-OBL к 3SG.IO-DAT-3SG.A-CAUS-везти-PST
 ‘...он велел им отвезти все это к царю’. {Адыгэ тхыдэжхэр}

- (1.68) *Мамэ кьысиЦуагъ сэ титIуи зы шлъэсым тыкьэхьугъэу.*

mame qə-s-jə-ʔ^wa-v se t-jə-t^w-jə zə jələsə-m
 мама DIR-1SG.IO-3SG.A-говорить-PST я мы-LNK-два-ADD один год-OBL
 tə-qe-χ^wə-v-ew
 1PL.ABS-DIR-случаться-PST-ADV
 ‘Мама мне сказала, что мы обе родились в один год’. {Гьыщ}

Особенность дативных комплексов состоит в том, что из аппликативных комплексов они располагаются ближе всего к основе и префиксу агенса (при его наличии). Ср. недопустимость словоформы (1.69b), в которой дативный комплекс оторван локативным комплексом со значением ‘там’ от префикса агенса, при возможности словоформы (1.69a) с обратным порядком комплексов (с морфонологически обусловленным исчезновением собственно дативного преверба):

t-jə-ve-ləv^wə-v-ep ?

1PL.IO-3SG.A-CAUS-видеть-PST-NEG

‘Что же я сделала Богу, что он не дал нам увидеть горя?’ {Дети}

(1.72) *Адыгэ зэныбджэгъу дэдэхэр хьаджэ зэдэкIуагъэх.*

adəye=ze.nəbž'e^wə-dede-xe-r haž'e ze-de-**ḳ**^wa-ve-x

адыг=друг:REC-очень-PL-ABS хадж REC.IO-COM-идти-PST-PL

‘Хорошие друзья-адыгейцы отправились вместе (букв.: друг с другом) в хадж’. {Едыдж}

(1.73) *РыгуыцIэхэу, рызэнэкъокъухэу зыхъурэм...*

∅-rə-g^wəš'ə?e-x-ew,

3SG.IO-INSTR-разговаривать-PL-ADV

∅-rə-ze-neq^weq^wə-x-ew zə-χ^wə-re-m...

3SG.IO-INSTR-REC.IO-DAT-соперничать-PL-ADV REL.TMP-случаться-DYN-OBL

‘Когда так говорили, так соперничали...’ {КIэращ}

Такое противопоставление дескриптивно удобно, хотя и не отвечает действительному положению вещей по целому ряду причин. Во-первых, для «версионных» и других нелокативных функций используются превербы, которые встречаются и в локативных функциях, причем можно предположить, что локативные функции для них являются исходными. Во-вторых, локативные морфологические конструкции могут задействовать последовательности превербов, из которых некоторые могут иметь очевидно не локативное значение или же фактически представлять собой инкорпорированные имена (преимущественно обозначения частей тела). Наконец, превербы, у которых локативное значение удобно выделять в качестве основного, иногда используются и в нелокативных функциях. С учетом всего этого используемое далее глоссирование превербов, более или менее следующее описанному выше представлению следует считать в значительной степени условным.

Частным случаем аппликативной морфологии является маркирование отторжимого посессора в объекте обладания: индексирующий его личный показатель вводится аппликативным префиксом *jə-* (1.74)¹⁵.

- (1.74) *Ar tə tixʰablə ɕyɕ.*
 a-r te t-jə-hable šʷə-šʷ
 тот-ABS мы 1PL.PR-POSS-квартал LOC-часть
 ‘Он из нашего квартала. {Герой}’

Индексирование неотторжимого посессора проводится без аппликативной морфологии, фактически личными префиксами серии агенса, с ненулевым индексом 3 лица единственного числа; ср. *ə-pse* [3SG.PR-душа] ‘его душа’. Конструкция с неотторжимым посессором обычно появляется при выражении отношений родства, отношения ‘часть — целое’ и некоторых других; подробнее см. [Рогава 1980; Горбунова 2009].

Так называемый темпоральный префикс *zə-* обычно наблюдается в зависимых глагольных формах, оформленных падежными окончаниями; ср., например, (1.75). Данный префикс всегда предшествует всем аппликативным комплексам. В нашей интерпретации темпоральный префикс, а также постулируемые Р. Сметсом в той же позиции другие подчинительные префиксы *zere-* представляют собой разновидности релятивизации; см. разделы 4.2.3 и 4.2.4.

- (1.75) *Orzəmədʒy sənabʒɛr kʰyzyratym, nartmə aɕɕuagʰ...*
 werzemeʒʷə sena-bʒe-r qə-zə-∅-r-a-tə-m
 Орзэмэдж вино-рог-ABS DIR-REL.TMP-3SG.IO-DAT-3PL.A-давать-OBL

¹⁵ Посессивный префикс *jə-* отличается от омонимичного локативного преверба морфологическими свойствами: в сочетании с личным префиксом 3 лица множественного числа *a-* с посессивным префиксом, но не с локативным префиксом происходит метатеза (раздел 1.3).

Посессивный префикс *jə-* появляется на глаголе ‘быть’ в предикативных посессивных конструкциях; см., например:

part-me a-r-jə-ʔ^wa-в...
 нарт-OBL:PL 3PL.IO-DAT-3SG.IO-говорить-PST
 ‘Когда Орзэмэджу дали рог вина, он сказал...’ {Нарт къэбархэр}

Наконец, еще один элемент зоны актантной структуры, директивный префикс *qe-*, имеет исходное значение ‘сюда’, которое сохраняется во многих словоформах глаголов движения. В настоящее время тот же префикс зачастую употребляется и в непространственной функции — для выражения инверсивного отношения [Тестелец 2003: 60—64], представляющего неожиданное с точки зрения топикальности соотношение ролей¹⁶. Например, с учетом известной иерархии лиц, в которой 1-е и 2-е лицо располагаются выше 3-го лица, и иерархии ролей, в которой агенс стоит выше реципиента, соотношение агенса 2-го лица и реципиента 3-го лица (1.76a) представляется естественным и специально не маркируется, а соотношение агенса 3-го лица и реципиента 2-го лица (1.76b) оказывается нестандартным и может требовать появления директивного префикса:

- (1.76) а. *ептыгъ*
 ∅-je-p-tə-в
 3SG.IO-DAT-2SG.A-давать-PST
 ‘ты ему (это) дал’ [Кумахов 1971: 253]
- б. *къышъуитыгъ*
 qə-š^w-jə-tə-в
 DIR-2PL.IO-3SG.A-давать-PST
 ‘он вам (это) дал’ [Кумахов 1971: 253]

-
- (i) *Тхъэм кIочIэшхо шI...*
 the-m ʔ^weʃe-šx^we ∅-jə-ʔ ...
 Бог-OBL сила-большой 3SG.PR-POSS-быть
 ‘У Бога много силы...’ {Едыдж}

¹⁶ Обзор и обсуждение разных подходов к этой категории см., например, в монографии [Zúñiga 2006].

В отсутствие абсолютного личного префикса директивный маркер располагается в начале словоформы. Если абсолютный личный показатель присутствует, *qe-*, как правило, следует непосредственно за ним (1.77). Тем не менее если первый аппликативный комплекс содержит личный показатель 3-го лица множественного числа *a-*, директив факультативно может его разрывать (1.78)¹⁷.

- (1.77) ...джаштэу **сыкыхъажьы яти сытекууагъ**.
 ... ʒ'a.š't-ew **sə-q-jə-ha-ž'-jə** jat-jə
 так-ADV 1SG.ABS-DIR-LOC-входить-RE-ADD POSS + отец-ADD
 sə-tje-k^wəwa-в
 1SG.ABS-LOC-кричать-PST
 '...так я вошла назад и накричала на его отца'. {Сахар}

- (1.78) **Адыгэ шхынхэм уакъэтегуцъИан зыхъукIэрэ...**
 adəγe-šxən-xe-m **w-a-qe-tje-g^wəš'ə?a-n**
 адыг=еда-PL-OBL 2SG.ABS-3PL.IO-DIR-LOC-рассказывать-MOD
 zə-χ^wə-č'e-re...
 REL.TMP-случаться-INS-CNV
 'Когда рассказываешь об адыгейских блюдах...' {Адыгейские блюда}

¹⁷ Можно предположить, что подобное поведение личного префикса 3-го лица множественного числа связано с тем, что это единственный личный показатель на гласный. По правилам адыгейской морфонологии при сочетании морфемы, заканчивающейся на гласный, и морфемы, начинающейся на гласный, первый гласный исчезает (за исключением определенного круга случаев, когда вставляется аугмент *-r-*). Сочетание абсолютного префикса и личного префикса *a-* в таком случае должно образовывать единый слог. Если вставка директивного префикса происходит после применения этого правила, он должен разорвать последовательность *a-* и следующего за ним преверба, поскольку разорвать слог он не может; если же директив вставляется до «слияния» абсолютного префикса и *a-*, гласный в первом показателе сохраняется и разрыва аппликативного комплекса не происходит.

Отклонения от структуры словоформы. Представленная структура словоформы не универсальна для адыгейских знаменательных слов. Это связано, в первую очередь, с разного рода вспомогательными элементами, которые могут следовать за основой. Наиболее показательна в этой связи так называемая форма имперфекта и ее производные. Форма имперфекта образуется вспомогательной морфемой *š'tə-* в сочетании с показателем прошедшего времени — эта комбинация в литературном адыгейском языке присоединяется непосредственно к основе, все окончания следуют за ней. Морфему *š'tə-* можно считать потомком вспомогательного глагола (вероятно, *š'ə-tə-* [ЛОС-стоять] (ср. [Smeets 1984: 281]), на что указывает то, что она не входит в основу: до нее образуется отдельная область чередования /e/~a/ (1.79) и такая же область чередования образуется после нее (ср. две области чередования в первом глаголе в примере 1.80):

(1.79) *Хаткъокъор ылъэпкъыкIэ абдзахэщтыгъ.*

hatq^weq^we-r ə-лeрqə-č'e **abzaxe-š'tə-в** (< abzexe-š'tə-ве)

Хаткоко-ABS 3SG.PR-нация-INS абадзех-AUX-PST

‘Хаткоко по нации был абадзех’. {Адыгэ тхыдэжъхэр: 232}

(1.80) *Илъэс къэс къақлощтыгъагъэшъ, джыри къэкIощт.*

jəles-qes ze **qa-қ^we-š'tə-ва-ве-š** (< qe-қ^we-š'tə-ве-ве-š),

год-каждый один.раз DIR-идти-AUX-PST-PST-CS

ž'ər-jə qe-қ^we-š't

теперь-ADD DIR-идти-FUT

‘(Он) ежегодно один раз приезжал, поэтому и на этот раз он приедет’.

[Рогава, Керашева 1966: 197]

Таким образом, и помимо именного комплекса в адыгейском языке возможны две области чередования /e/~a/ в пределах одного слова, причем вторая область чередования может пониматься как образующая вторую основу.

Как упоминалось выше, ту же проблему поднимают и многочисленные вспомогательные глаголы, к которым смысловые глаголы присоединяются без показателей подчинения. Поскольку свойства вспомогательных глаголов разнятся,

никаких общих выводов в отношении них, по-видимому, сделать нельзя. Для нас важно, что в отношении некоторых таких единиц их сочетания с лексическими глаголами обнаруживают признаки единого слова, но при этом не обязательно следуют описанной выше морфологической структуре. Рассмотрим в этой связи вспомогательный глагол *fed* ‘казаться, быть похожим’, пример конструкции с которым приведен в (1.81). Е.Л. Кушнир [2011: 220] отмечает, что «он уже почти утратил самостоятельность»: ее консультанты не допускали ни разрыва его сочетания со смысловым глаголом, ни присоединения к предшествующему *fed* смысловому глаголу окончания множественного числа, ни оформления смыслового глагола показателями времени (эти маркеры появлялись на вспомогательном глаголе). Показания наших консультантов несколько отличались от данных Е.Л. Кушнир¹⁸: в частности, темпоральные маркеры могли появляться как на смысловом глаголе, так и на вспомогательном, причем в смысловом глаголе в этом случае обнаруживалась собственная зона чередования /e/~a/ (1.82). Хотя это, казалось бы, могло указывать на то, что конструкцию с *fed* следует рассматривать как сочетание двух слов, как показывает (1.83), между ее частями допустимо появление эпентетического гласного, что, напротив, говорит о ее цельности.

(1.81) *Джыри зыхэсэшлэ фэд.*

ʒ'ə.rjə zə-xe-s-e-ʃe-fe.d

снова RFL.IO-LOC-1SG.A-DYN-знать=подобный

‘Как будто я снова ощущаю это’. {Герой}

(1.82) *Ар ыгъэпщынагъэ фэдэцт.*

a-r ə-ve-pš'əna-ve-fede-š't (<ə-ve-pš'əne-ve-fede-š't)

тот-ABS 3SG.A-CAUS-возмещать.долг-PST-подобный-FUT

‘Он делает вид, что уже выплатил долг (букв.: что его уже заставили вернуть долг)’. {Хк}

¹⁸ В условиях продолжающейся грамматикализации такая вариативность, разумеется, вполне допустима.

- (1.83) *Ахэр кьысэпльы фэд.*
a-xe-r qə-s-e-plə-fed
TOT-PL-ABS DIR-1SG.IO-DAT-смотреть = подобный
'Они делают вид, что смотрят на меня'. {Xк}

Структура словоформы как критерий выделения слова. Если исключить из рассмотрения упомянутые выше явления, связанные с вспомогательными глаголами, представляющие собой естественные для грамматикализации переходные случаи между морфологией и синтаксисом, структура знаменательной словоформы служит естественным критерием для противопоставления двух уровней. Как указывалось выше, адыгейский язык допускает свободный порядок слов. В то же время порядок морфем внутри словоформы регламентирован — и даже если он допускает варьирование (раздел 1.5), вариативность эта ограничена морфологической зоной, чье собственное положение определяется структурой словоформы. Соответственно, адыгейский язык позволяет более или менее противопоставлять уровень синтаксиса и уровень, на котором сочетаются морфемы.

1.5. Особенности функционирования полисинтетической морфологии

Как указывалось в разделе 0.2, важная особенность морфологии (или существенной части морфологии) многих полисинтетических языков состоит в том, что она обнаруживает значительные сходства с синтаксисом, отличающие ее от канонического словоизменения и канонического словообразования в том смысле, в котором эти понятия используются для языков «среднеевропейского стандарта». Описательная модель, в которой постулируется словарь — множество лексем, абстрактных единиц, существующих «вне какого-либо конкретного синтаксического контекста» [Aronoff 1994: 11] (цит. по [Stump 2001: 277]), а сами лексемы представляются как множества парадигматически противопоставленных словоформ, для языков вроде адыгейского не применима. Парадигматические схемы не могут адекватно отразить функционирование морфологии в таких языках, поскольку они игнорируют роль, которую играют в ней синтагматические отношения, в ре-

зультате чего, например, для них случайностью оказывается возможность появления разных форм с одинаковой семантикой. Описание словаря в свою очередь сталкивается с другой проблемой: полисинтетические языки типа адыгейского обладают значительным потенциалом строительства слов в соответствии с данным контекстом, включающим возможность рекурсии и существенной свободы сочетаемости аффиксов, что противоречит упомянутому выше пониманию лексем. В таком виде полисинтетическая агглютинативная морфология противоречит реализационным морфологическим моделям, в которых конкретная словоформа в речи предстает в виде реализации заранее заданных для лексемы признаков, а ключевым для описания формы оказывается ее место в некоторой парадигме [Stump 2001].

В настоящем разделе в этом свете рассматриваются специфические черты адыгейской полисинтетической морфологии. При этом мы уделим особое внимание зоне актантной структуры, хотя в разделе 1.5.4 кратко коснемся и строения основы.

1.5.1. Композиционность

Принцип композиционности состоит в том, что значение высказывания складывается из значений его частей и правил их соединения. Данный принцип особо важен в синтаксисе, поскольку он обеспечивает возможность интерпретации незнакомых сложных высказываний, не основанных на шаблонах. Хотя весьма вероятно, что интерпретация синтаксических структур не всегда композиционна, несомненно, что в какой-то мере данный принцип в синтаксисе действует.

Одна из важных импликаций принципа композиционности заключается в том, что сложные части высказывания могут соединяться друг с другом, а значит, само высказывание может делиться нетривиальным путем на составные части (не обязательно линейно организованные). Формальный и интерпретационный статус отдельной составляющей в норме не должен меняться в процессе дальнейшей композиции высказывания (хотя возможно, иногда он может быть исходно неспецифицирован). Как раз это деление высказывания на части с неизменным статусом, очевидно, не является принципиальным для морфологии непалисинтетических языков — ср., например, морфологическую дентранзитивизацию или мену

прямого объекта путем использования аппликатива, которые дают возможность элиминировать признаки, определяемые основой, меняя ее интерпретационный статус.

В адыгейском предикате композиционность внутреннего синтаксиса проявляется в том, что порядок построения словоформы более или менее жестко соответствует порядку интерпретации. Нарращение влево производится практически в полном соответствии с наращением семантической структуры. Так, за исключением абсолютного личного префикса, показатели актантов почти всегда строго предшествуют субкатегоризирующим их частям словоформы: префиксы агенса и дативные комплексы ставятся непосредственно перед основой, личные показатели «дополнительных актантов» (места, бенефицианта и т.д.) — перед вводящими их аппликативными префиксами. Это дает возможность выделить внутри адыгейской словоформы отдельные морфологические составляющие (ср. [Тестелец 2004]), на чем основано описание в терминах аппликативных комплексов.

Как упоминалось выше, дативные комплексы, как правило, следуют за всеми остальными. Порядок прочих аппликативных комплексов в адыгейском языке, в принципе, по большей части определен не жестко и может варьировать. Ср. следующие примеры:

(1.84) *ЕджанІэм Руслъан мэфэкІышхо фыцашІыгъ / цыфашІыгъ.*

jež'ape-m gwəslan mefeč'əšx^we Ø-fə-Ø-š'-a-šə-v /

школа-OBL Руслан торжество 3SG.IO-BEN-3SG.IO-LOC-3PL.A-делать-PST

Ø-š'ə-Ø-f-a-šə-v

3SG.IO-LOC-3SG.IO-BEN-3PL.A-делать-PST

‘В школе для Руслана сделали праздник’. {Бж}

(1.85) *цырысэтхы / рыщысэтхы*

Ø-š'ə-Ø-rə-s-e-txə /

3SG.IO-LOC-3SG.IO-INSTR-1SG.A-DYN-писать

Ø-rə-Ø-š'ə-s-e-txə

3SG.IO-INSTR-3SG.IO-LOC-1SG.A-DYN-писать

‘я где-то чем-либо пишу (нечто)’ [Яковлев, Ашхамаф 1941: 356]

Можно предположить, что в какой-то степени порядок аппликативных комплексов определяется их семантической сферой действия, то есть порядком, в котором они присоединяются при композиционном построении смысла словоформы. Впрочем, в большинстве случаев верификация этой гипотезы затруднена тем, что аппликативные комплексы в отношении основы выступают как сирконстанты, добавляющие семантически не обязательную информацию, порядок присоединения которых не важен. В [Caponigro, Polinsky 2011] в качестве доказательства связи со сферой действия приводится зависимость порядка аппликативных комплексов от сферы действия вводимых ими кванторных групп; ср. следующий пример из указанной работы:

(1.86) *ЗэКІэми кІалэхэм зы пшъашъэм фырадшІыгъ.*

zeč'e-m-jə č'ale-xe-m zə pšaše-m

все-OBL-ADD парень-PL-OBL один девушка-OBL

∅-fə-ra-d-jə-ʒə-v

3SG.IO-BEN-3PL.A-COM-3SG.A-делать-PST

a. 'Он сделал это для одной (конкретной) девушки вместе со всеми парнями'.

b. *'Он сделал это вместе со всеми парнями для одной (какой-нибудь) девушки'.

[Caponigro, Polinsky 2011: 81]

Как утверждают И. Капонигро и М. Полинская, в этом предложении сфера действия кванторной группы 'одна девушка' должна включать в себя кванторную группу 'все парни', а не наоборот — другими словами, речь должна идти о конкретной девушке, а интерпретация, в которой выбор бенефицианта определяется относительно каждого элемента множества 'все парни' запрещена. Это авторы увязывают с порядком аппликативных комплексов: бенефактивный комплекс располагается перед комитативным и, соответственно, не может иметь более узкую сферу действия.

Наши консультанты не подтверждают данные М. Полинской и И. Капонигро: подобные примеры получают обе возможные интерпретации. Не исключено, что это связано с более или менее автономным функционированием морфологии и синтаксиса в адыгейском языке. В то же время зависимость порядка аппликативных комплексов от их семантической сферы действия явно наблюдается в каузативных словоформах: комплексы, относящиеся к каузируемой ситуации располагаются ближе к основе, нежели комплексы, относящиеся к ситуации каузирования. Так, в (1.87), где бенефактивный комплекс вводит адресата письма, то есть относится к каузируемой ситуации, (i) комитативный комплекс, стоящий дальше от основы (1.87a), интерпретируется как относящийся к ситуации каузирования (в данном случае — просьбы), (ii) комитативный комплекс, располагающийся между бенефактивным комплексом и основой (1.87b), уже обязательно относится к каузируемой ситуации написания.

(1.87) а. *Ышыпхъу письмэ адыфезгъэтхыгъ.*

э-щэрχ^wэ рjэs'me

3SG.PR-сестра письмо

a-də-∅-f-∅-je-z-ve-txə-в

3PL.IO-COM-3SG.IO-BEN-3SG.IO-DAT-1SG.A-CAUS-писать-PST

‘Я и они (букв.: я с ними) попросили его написать письмо его сестре’.

б. *Ышыпхъу письмэ фадезгъэтхыгъ.*

э-щэрχ^wэ рjэs'me

3SG.PR-сестра письмо

∅-f-a-d-∅-je-z-ve-txə-в

3SG.IO-BEN-3PL.IO-COM-3SG.IO-DAT-1SG.A-CAUS-писать-PST

‘Я попросил его вместе с ними написать письмо’.

*‘Я и они (букв.: я с ними) попросили его написать письмо его сестре’.

{Xк}

Корреляция семантической сферы действия и взаимного расположения касается и дативных комплексов. В словоформе, в которой представлен дативный комплекс, представляющий реципиента «внутренней» каузируемой ситуации, и

дательный комплекс, вводящий осуществляющего ее участника, последний должен предшествовать первому, поскольку он понимается уже не как агенс, а как каузируемый, участник «внешней» ситуации каузирования:

(1.88) *ešʷozgʷətʃt*

∅-je-šʷ-e-z-ve-tə-š't

3SG.IO-DAT-2PL.IO-DAT-1SG.A-CAUS-давать-FUT

a. 'я заставлю его дать это вам'

b. *'я заставлю вас дать это ему'

{Xx}

В грамматиках зафиксирована тенденция, в соответствии с которой локативные комплексы предшествуют нелокативным (см., например, [Яковлев, Ашхамаф 1941: 355]). Можно думать, это связано с общей тенденцией более стативных сирконстантов иметь в своей сфере действия менее стативные сирконстанты. В любом случае, наличие подобной тенденции — как и изложенные выше факты — указывает на то, что одни аппликативные комплексы могут быть чувствительны к наличию других аппликативных комплексов, а значит, соответствующая часть зоны актантной структуры сама по себе имеет иерархически организованное устройство.

Впрочем, композиционность зоны актантной структуры не является абсолютной. Так, в адыгейских предикатах наблюдается ограничение, запрещающее присутствие двух локуторных личных префиксов (то есть личных показателей 1-го или 2-го лица) с одинаковыми лично-числовыми характеристиками. В (1.89) даны два варианта построения словоформы, описывающей ситуацию, в которой роли реципиента и малефицианта выполняет говорящий; из них допустим только вариант, в котором личный префикс 1-го лица единственного числа располагается только в позиции префикса реципиента (1.89a), одновременное появление в словоформе двух показателей, указывающих на говорящего недопустимо (1.89b):

- (1.89) а. *къышIуситыгъ*
 qə-ŕ^wə-s-jə-tə-ɸ
 DIR-MAL-1SG.IO-3SG.A-давать-PST
- б. **къысшIуситыгъ*
 *qə-s-ŕ^wə-s-jə-tə-ɸ
 DIR-1SG.IO-MAL-1SG.IO-3SG.A-давать-PST
- ‘он мне это навязал’
 (букв.: ‘он дал мне это против (моей) воли’) {Eг}

О других отклонениях от композиционности см. раздел 1.5.5.

1.5.2. РЕКУРСИЯ¹⁹

Рекурсия, под которой мы здесь понимаем применение правила построения сложной структуры к материалу, который уже образован с применением этого правила, представляет собой известную характеристику синтаксического уровня²⁰. В то же время для (неполисинтетической) морфологии это крайне маргинальное явление. В некоторых теориях рекурсия как возможность бесконечного расширения структуры принимается в качестве возможного критерия разграничения синтаксического и морфологического уровней (см., например, [Шаляпина 1986]).

Хотя, на наш взгляд, утверждение о возможности использования рекурсии в качестве универсального критерия противопоставления морфологии и синтаксиса является слишком жестким, нельзя не признать, что рекурсия в морфологии намного более ограничена, нежели в синтаксисе. Это хорошо видно и в адыгейском

¹⁹ Настоящий раздел во многом основывается на отдельных частях статьи [Lander, Letuchiy 2010].

²⁰ См. обзор вопроса в [van der Hulst 2010]. При этом универсальность синтаксической рекурсии в 2000-е годы ставилась под сомнение: в частности, Д. Эверетт предположил отсутствие синтаксической рекурсии в амазонском языке пираха [Everett 2005], что в дальнейшем спровоцировало значительную дискуссию. Нам представляется вполне естественным предположение Х. ван дер Хульста о том, что синтаксис может стремиться к рекурсивности в силу рекурсивности семантики [van der Hulst: 1].

языке, например, для каузативной деривации. Как указывалось в разделе 1.4.3, адыгейский язык допускает присутствие в одной словоформе нескольких каузативных префиксов; ср. пример (1.60) выше, а также (1.90)—(1.91):

(1.90) *есэгъэгъакІо*

Ø-je-s-e-ve-va-ķ^we

3SG.IO-DAT-1SG.A-DYN-CAUS-CAUS-идти

‘я заставляю его отправить (букв.: каузировать пойти) это’ {Xx}

(1.91) *резгъэгъэльэгъугъэр*

Ø-r-Ø-je-z-ve-ve-лeв^wэ-ve-r

3SG.IO-DAT-3SG.IO-DAT-1SG.A-CAUS-CAUS-видеть-PST-ABS

‘тот, кто заставил его показать ему это (букв.: заставить его это видеть)’

{Xx}

Разумеется, множественные каузативы — явление не уникальное, но встречающееся во многих языках мира (см. [Kulikov 1993; Burgess 1995]). Тем не менее важно отметить, что в адыгейском языке не наблюдается нередко наблюдаемая идиоматизация множественных каузативов, ведущая к выражению интенсивной или косвенной каузации, — двойные каузативы вроде тех, что показаны в (1.90)—(1.91), строго композиционны и выражают двойную каузацию. Эта композиционность, как отмечает Дж. Хьюит [Hewitt 2004: 138], отличает западнокавказские двойные каузативы от аналогичных конструкций во многих других кавказских языках. Тем не менее в адыгейском языке множественная каузативизация обнаруживает по крайней мере два отклонения от композиционности (см. обсуждение в [Lander, Letuchiy 2010: 276—278]). Во-первых, независимо от степени лексикализации сочетания каузативного показателя и основы, в одной словоформе не может присутствовать более двух каузативных показателей. Рассмотрим в качестве примера деривацию, связанную с каузативным глаголом *кe.лэжэ* ‘щекотать’, употребление которого проиллюстрировано в (1.92a). Хотя этот глагол содержит каузативный префикс, он явно лексикализован: соответствующий корень *лэжэ* ‘щекотаться’ употребляется лишь в отношении частей тела, в то время как предпола-

гаемый каузируемый участник в (1.92a) может быть одушевленным. Несмотря на очевидную лексикализацию, к *ве.ləʒə-* может быть добавлен только один каузативный префикс; ср. (1.92b) и недопустимый пример (1.92c).

- (1.92) a. *Згъэлэджыгъ.*
z-ве-leʒ'ə-в
 1SG.A-CAUS-щекотаться-PST
 'Я его пощекотал'.
- b. *Езгъэгъэлэджыгъ.*
∅-je-z-ве-ве-leʒ'ə-в
 3SG.IO-DAT-1SG.A-CAUS-CAUS-щекотаться-PST
 'Я заставил X пощекотать Z'.
- c. **∅-г-∅-je-z-ве-ве-ве-leʒ'ə-в*
 3SG.IO-DAT-3SG.IO-DAT-1SG.A-CAUS-CAUS-щекотаться-PST
 (Ожид.: 'Я попросил X заставить Y пощекотать Z'.)
 {Xx}

Во-вторых, при множественной каузативизации один из каузативных маркеров может быть усечен (ср. [Smeets 1984: 225, 273]); см. пример (1.93). Такое усечение можно было бы считать примером гаплогии — исчезновения морфемы, мотивированного фонологически тождественным контекстом [Stemberger 1981], но и тогда важно, что в адыгейском языке этот процесс факультативен, а кроме того, связан с некоторыми факторами семантико-прагматического характера [Летучий 2009b: 403—405; Lander, Letuchiy 2010: 277—278].

- (1.93) *Пхъэхыр сигъэгъэчаныгъ / сигъэчаныгъ.*
рхэхэ-г s-jə-ве-ве-č'anə-в / s-jə-ве-č'anə-в
 пила-ABS 1SG.IO-3SG.A-CAUS-CAUS-острый-PST 1SG.IO-3SG.A-CAUS-острый-PST
 'Он заставил меня наточить (букв.: сделать острой) пилу'. {Xx}
 [Летучий 2009b: 404; Lander, Letuchiy 2010: 277]

Таким образом хотя рекурсия при построении морфологической каузативной конструкции и допустима, на нее накладываются ограничения, которые навряд ли свойственны синтаксическому уровню.

Рекурсия среди аппликативных комплексов в зоне актантной структуры намного менее ограничена. Если считать разные аппликативные комплексы принадлежащими к одной категории, уже появление нескольких таких комплексов следует признать рекурсией. Более того, адыгейский язык допускает и присутствие в одной словоформе нескольких одинаковых превербов:

(1.94) *сафыфэтхэ*
s-a-fə-∅-fe-txe
1SG.ABS-3PL.IO-BEN-3SG.IO-BEN-DYN-писать
'Я пишу ему для них'. / 'Я пишу им для него'. {Xк}

(1.95) *адызыдэсэхы*
a-də-zə-de-s-e-hə
3PL.IO-COM-RFL.IO-COM-1SG.A-DYN-носить
'Я вместе с ними с собой это несу'. {Xк}

Основное требование, выдвигаемое к таким конструктам, состоит в том, что роли, вводимые одинаковыми превербами, не должны быть идентичны. Таким образом два одинаковых аппликативных комплекса не могут использоваться для сочинения актантов с одинаковыми ролями. Это тоже указывает на то, что последовательность аппликативных комплексов устроена иерархично и два разных комплекса не могут занимать равные позиции в структуре.

В отличие от того, что мы наблюдали в каузативных конструкциях, нет оснований считать, что грамматика ограничивает максимальное число аппликативных комплексов в словоформе, хотя в действительности возможное количество аппликативов, по-видимому, зависит от носителя и навряд ли может превышать четыре. При сильном усложнении словоформы говорящий может избрать синтаксическую стратегию выражения того же смысла, которая, судя по всему, все же

является проще для производства. В результате, и здесь морфология и синтаксис противопоставлены.

1.5.3. НЕФИКСИРОВАННОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Наличие обычной неполисинтетической морфологии в норме фиксируется для лексем. Это положение тривиально для канонической словообразовательной морфологии, которая собственно и образует лексемы. Появление канонической словоизменительной морфологии, в свою очередь, определяется тем, какие грамматические категории в слове выражаются, что тоже определяется для лексем или классов лексем. В то же время для рассматриваемой полисинтетической морфологии связь с лексемой не очевидна, и в этом смысле можно говорить о нефиксированности ее появления и выражения соответствующих значений. Очевидное проявление подобной нефиксированности морфологии связано с тем, что она не должна быть обязательна и ее появление в идеале должно быть исключительно мотивировано семантически.

Оставляя в стороне вопрос об обязательности личного показателя абсолютного актанта (который непосредственно связан с тем, готовы ли мы постулировать в этом случае нулевой префикс), следует признать, что ни один компонент зоны актантной структуры не является обязательным.

Наиболее очевидно это для недативных аппликативных комплексов. Эти комплексы обычно приносят необязательную информацию; поэтому они могут быть опущены или заменены на другие. Хотя подобные комплексы — или, вернее, образующие их превербы — нередко описываются как элементы словообразования (см., например, [Кумахов 1964; Атажахова 2006]), во многих случаях их связь с основой не является лексически заданной. Более того, во многих случаях аппликативные комплексы, очевидно, могут «пристраиваться» к основе в процессе речи, в зависимости от контекста и передаваемой информации. Для западнокавказских языков в целом этот факт отмечает, например, К.С. Шакрыл, когда он говорит, что глаголы с большим количеством префиксов являются «эвентуально образующимися формами» [1971: 156]. З.И. Керашева рассматривает локативные превербы как «особый тип словоизменения, локативное словоизменение», при котором «[п]оявление локаторов [то есть локативных превербов — Ю.Л.] в глаголе

зависит от контекста, т.е. от взаимодействия с другими членами предложения» и имя «вызывает появление особого форманта в соответствии с его [имени — Ю.Л.] локальным классом» [Керашева 1993: 84—85]; таким образом, она специально акцентирует несловообразовательные функции превербов (хотя и не отказывает им в словообразовательной функции целиком). Еще более очевидна лексическая необусловленность для нелокативных аппликативных комплексов — при том, что считать их словоизменением также нельзя, поскольку словоформы с ними не образуют парадигматических рядов с словоформами, лишенными соответствующих аппликативных комплексов

Дативные комплексы, как было сказано выше, в значительной степени привязаны к семантике основы. Тем не менее и они нередко могут отсутствовать, когда вводимый ими актанта не релевантен для сообщения. Ср. следующие два примера с глаголом *сеqe-* ‘кусать’:

(1.96) ...*мотэу тецакьэээрэ, джатэу кьыготкьызэрэ, адрэри кьытэлпгытыгь-агьэ.*

... mwe.t-ew t-∅-je-caqe-ze.re, ž'a.t-ew
 так-ADV 1PL.ABS-3SG.IO-DAT-кусать-CONV так-ADV

qə-g^we-t-č'ə-ze.re, a-dre-r-jə
 DIR-LOC-1PL.A-отламывать-SIM тот-другой-ABS-ADD

qə-t-e-pлэ-tə-ва-ве

DIR-1PL.IO-DAT-смотреть-AUX-PST-PST

‘...так мы кусали (это), так отрывали (от этого), а тот смотрел на нас’.

{Обряд исцеления}

(1.97) *Ар боу Iaeу мэцакьэ.*

a-r bw-ew ?aj-ew me-caqe

тот-ABS много-ADV ужасный-ADV DYN-кусать

‘Она (крапива) очень ужасно кусается’. {Гъыщ}

Личный префикс агенса отсутствует в двух случаях. Первый случай связан с контекстами, в которых информация об агенсе не существенна. Такой контекст

наблюдается, в частности, в результативных формах, то есть формах, которые выражают состояние, явившееся результатом некоторой ситуации (1.98), а в случае наличия отрицательного показателя — отсутствие такого состояния (1.99), в глагольных формах, образованных модальным суффиксом *-л* в масдарной функции (1.100) и в отдельных других случаях, например, при выражении значения ‘помимо’ (букв.: ‘будучи уведенным из’; пример 1.101).

(1.98) ...*кIалэ горэ (...)* *пчъэкъяухэм кыкыбоуцуагъ, кIакIом кIоцIыгъэчэрэзагъ, гъучIышъо, къяуацIэ...*

... *čʼale-g^{were} (...)* *рсеq^{waxe-m} qə-q^{wе-wэс^{wa}-в,}*
 парень-некий угол.за.дверью-OBL DIR-LOC-встать-PST

čʼaқ^{wе-m} к^wесэ-ве-čʼereza-в, в^wэчэ-š^{wе}, q^wарсе...
 бурка-OBL LOC-CAUS-крутить-PST железо-SML смуглый

‘...какой-то парень (...) встал за углом двери, в бурку завернутый, похожий на железо, смуглый...’ {Нарт къэбархэр}

(1.99) ...*цумпэр кыкIэшъучыцтэн, мылгъэсыгъэу шъушхыцтэн.*

... *с^wэпре-г qə-čʼe-š^{wэ}-čʼə-šʼt-ep, мэ-лесэ-в-ew*
 клубника-ABS DIR-LOC-2PL.A-рвать-FUT-NEG NEG-мыть-PST-ADV

š^{wэ}-šxə-šʼt-ep

2PL.A-есть-FUT-NEG

‘...вы не будете рвать клубнику, вы не будете есть ее немытую’. {Гъыщ}

(1.100) *Чъыг лытэныр хинэжы, гупшысэмэ ахэхъагъ.*

čəγ-лате-нэ-г х-јə-пе-žʼ-јə, g^wəрşəse-me
 дерево-считать-MOD-ABS LOC-3SG.A-бросать-RE-ADD мысль-OBL:PL
 а-хе-һа-в

3PL.IO-LOC-входить-PST

‘Бросив считать деревья, она погрузилась в мысли’. {Гъыщ}

(1.101) *Ар хэгэжкьри, цыфмэ афэдэу гуцыІэн ыльэкьыщтыгъэ.*

a-r **хе-ве-ц’э-г.јә**, cəf-me a-fe.d-ew
TOT-ABS LOC-CAUS-уходить-ADD человек-OBL:PL ЗPL.Ю-подобный-ADV
g^wə.š’ə.ʔe-n ə-лeç’ə-š’tə-ве.
разговаривать-MOD ЗSG.A-мочь-AUX-PST
‘Помимо этого, он мог разговаривать подобно людям’.
{Нарт къэбархэр}

Второй случай представляет собой понижение грамматического статуса агентивного участника. При понижении семантической переходности (в смысле [Hopper, Thompson 1980]) агентивный участник может быть выражен как непря- мое дополнение, вводимое аппликативным превербом. Это явление наблюдается, например, в конструкциях возможности (потенциалиса), в которых агентивный участник вводится бенефактивным превербом (1.102)²¹, случайности (инадверти- тива), где такой участник вводится специальным превербом *ʔe.ç’e* (1.103), а также при лексикализованных понижениях переходности, например, при глаголе ‘ка- заться’, образованном путем понижения агенса ‘знать’ до малефицианта (1.104):

(1.102) *Дыныр тштэгъагъэмэ ахэр чІэтыдыжъынхэти кьымафэр тфихыщтыгъ- эп.*

djənə-r t-šte-ka-ve-me a-xe-r
религия-ABS 1PL.A-принимать-PST-PST-COND TOT-PL-ABS
çe-tə-зэ-ž’ə-n-xe-t.јә ç’əmafe-r
LOC-1PL.A-бросить-RE-MOD-PL-CS зима-ABS
t-f-јә-хэ-š’tə-в-ep
1PL.Ю-BEN-LOC-уходить-AUX-PST-NEG
‘Если бы мы религию приняли, нам бы пришлось их выбросить и мы бы не могли пережить зиму’. {Едыдж}

²¹ Понижение формального статуса агенса в конструкциях со значением возможности весьма распространено как в языках Северного Кавказа. См. обсуждение и типологиче- скую классификацию в [Ландер, Выдрин, в печати].

(1.103) *Лым хьэр ІэкІэукІагъ.*

лэ-м he-r Ø-ʔe.č'e-wəč'a-в

мужчина-OBL собака-ABS 3SG.IO-INADV-убивать-PST

‘Мужчина невольно убил собаку’. [Рогава, Керашева 1966: 281]

(1.104) *Тятэ лыгъэ хэмылтыгъэу кышІошІырэн.*

t-jate лэ.ве хе-тэ-лэ-в-ew

1PL.PR-POSS + отец мужество LOC-NEG-лежать-PST-ADV

qə-Ø-š^we-šə-r-ep

DIR-3SG.IO-MAL-знать-DYN-NEG

‘Нашему отцу не кажется, что у него нет мужества’. {Герой}

Сходное явление наблюдается и при образовании реципрокальных словоформ от переходных основ. Согласно многим описаниям (см., например, [Letuchiy 2007; Аркадьев и др. 2009: 63—64]), в таких формах префикс агенса заменяется на показатель *zere-*. В более ранних описаниях вроде грамматики [Рогава, Керашева 1966: 272—274] связь реципрокального показателя *zere-* с позицией префикса агенса не отмечается и лишь указывается, что он превращает переходные глаголы в непереходные; интересно, однако, что, приводя примеры Г.В. Рогава и З.И. Керашева эксплицитно делят этот показатель на две части *ze-re-*. В статье [Lander, Letuchiy 2010] приводятся аргументы в пользу того, *zere-* действительно включает две морфемы — аппликативный преверб *re-* (вероятно, происходящий из инструментального *rə-*) и вводимый им реципрокальный префикс *ze-*, чья референция контролируется абсолютивом²². В таком случае образование реципро-

²² Основным аргументом в пользу такой трактовки предоставляет допускаемая некоторыми носителями возможность разрыва сегмента *ze-re-* инадвертитивным префиксом (i). См. подробнее [Lander, Letuchiy 2010: 270—271].

(i) *ТызэІэкІэрэуІагъэх.*

tə-ze-ʔe.č'e-re-wəʔa-вe-x

1PL.ABS-REC.IO-INADV-INSTR-ранить-PST-PL

‘Мы случайно ранили друг друга’. [Lander, Letuchiy 2010: 270]

кальных форм предусматривает понижение синтаксического статуса агенса до непрямого объекта, вводимого превербом, и последовательную его реципрокализацию, причем взаимные конструкции в результате включают лишь один реципрокальный личный префикс:

(1.105) *Илъэс шъэныкъорэ тызэдэлэжъагъ, шӀу тызэрэлтэгъугъ.*

jələs-ʂe-nəq^we-re tə-ze-de-lež'a-ы, §^wə
 год=сто=половина-DUR 1PL.ABS-REC.Ю-COM-работать-PST добро
 tə-ze-re-лeв^wə-ы
 1PL.ABS-REC.Ю-RCP-видеть-PST
 'Проработали друг с другом пятьдесят лет, друг друга любили'.
 {Религия}

Грамматическая необязательность личных префиксов агенса, а также аппликативных комплексов, говорит против их трактовки как словоизменения. Личные префиксы в аппликативных комплексах обязательны и наиболее близки к словоизменению — но строго говоря, их наличие определяется наличием преверба с соответствующей валентностью, но не лексемой. Поэтому, вероятно, в серии личных маркеров непрямого объекта имеются нулевые показатели — их наличие в структуре предсказывается присутствием вводящего их преверба. Напротив, для префиксов агенса это неверно: отсутствие личного показателя агенса не несет никакой информации и лишь имплицитно его релевантность.

1.5.4. МОДИФИКАЦИЯ ОСНОВЫ²³

Композиционность, допустимость рекурсии и нефиксированность выражения в не меньшей степени свойственны и суффиксам, участвующим в построении основы, в том числе показателям времени. Поскольку, как указывалось выше, эти свойства не вполне укладываются в понятие словоизменительной морфологии,

²³ Данный раздел основывается на статьях [Короткова, Ландер 2007a; 2007b; Korotkova, Lander 2010].

можно думать, что и образование разных основ суффиксами нельзя считать частью словоизменения.

Порядок суффиксов строго определяется их сферой действия: суффикс имеет широкую сферу действия относительно всей (непрефиксальной) части словоформы, находящейся слева от него, и узкую сферу действия относительно того, что находится от него справа. Этот принцип легко продемонстрировать на примере функционирования суффикса симулятива ('казаться'). При выражении данного значения допустима отдельная временная референция как части основы, предшествующей показателю симулятива, так и части, его включающей – и расположение соответствующих аффиксов целиком определяется тем, на какой семантический компонент они воздействуют. Так, если временные аффиксы относятся к кажущейся ситуации, они предшествуют симулятиву (1.106a), а если к ситуации симулятива — следуют за ним (1.106b):

(1.106) а. *Ац кыгурылогъашъо.*

a-š' qə-g^wə-rə-ʔ^we-va-š^we

ТОТ-OBL DIR-сердце-LOC-говорить-PST-SML

'Кажется, он понял'. {Xx}

б. *Ац кыгурылошъуагъ.*

aš' qə-g^wə-rə-ʔ^we-š^wa-в

ТОТ-OBL DIR-сердце-LOC-говорить-SML-PST

'Казалось, он понимал'. {Xx}

Разные суффиксы времени и модальности функционируют аналогично — как операторы, воздействующие на предшествующую часть основы, но не как словоизменятельные маркеры, указывающие на значение заранее данной категории. В результате в адыгейском языке возможны сочетания разных темпоральных суффиксов. Основные показатели, относимые к этой группе аффиксов включают маркер прошедшего времени *-ве*, модальный показатель *-л* и суффикс будущего времени *-š't*, также иногда появляющийся и в других ирреальных контекстах. Благодаря тому, что они могут сочетаться друг с другом, а порою позволяют и рекурсию, от одной глагольной основы могут быть образованы множество временных

форм. Ср. фрагмент парадигмы, предлагаемой в [Рогава, Керашева 1966: 214—233] для глагола *қ^wе*- ‘идти’ в таблице 1-3 (термины для обозначения темпорально-модальных форм взяты из источника).

Прошедшее совершенное	<i>кІуа-гъэ</i> <i>қ^wа-ве</i> идти-PST	‘пошёл’
Будущее I	<i>кІо-цт</i> <i>қ^wе-š’t</i> идти-FUT	‘пойдёт’
Будущее II	<i>кІо-н</i> <i>қ^wе-п</i> идти-MOD	‘пойдёт’
Давнопрошедшее	<i>кІо-гъа-гъэ</i> <i>қ^wе-ва-ве</i> идти-PST-PST	‘пошёл (было)’
Предположительное I прошедшего совершенного	<i>кІо-гъэ-цт</i> <i>қ^wе-ве-š’t</i> идти-PST-FUT	‘вероятно, пошёл’
Предположительное III	<i>кІо-гъэ-н</i> <i>қ^wе-ве-п</i> идти-PST-MOD	‘вероятно, пошёл’
Сослагательное II	<i>кІо-ны-гъэ</i> <i>қ^wе-пә-ве</i> идти-MOD-PST <i>кІо-ны-гъа-гъэ</i> <i>қ^wе-пә-ва-ве</i> идти-MOD-PST-PST	‘пошёл бы’

Таблица 1-3. Некоторые временные формы адыгейского глагола.

Рекурсия допустима как для темпоральных суффиксов, так и для нетемпоральных, хотя она в значительной степени ограничена семантически: повтор одного и того же оператора зачастую ведет к невысказанным или слишком сложным значениям. В (1.107) представлена рекурсия с использованием симулятивного суффикса. В (1.108) дается словоформа, включающая два показателя прошедшего времени, чья функция сводится к ретроспективному сдвигу, то есть к сдвигу темпоральной локализации ситуации по оси времени в прошлое (см. также пример

на «давнопрошедшее» время в таблице 1-3)²⁴, а в (1.109) представлена форма с тремя показателями прошедшего времени (эта форма принимается уже не всеми носителями).

(1.107) *Ар гъожъышъуашъу.*

a-r Ɂ^weʒ'ə-ŝ^wa-ŝ^w

тот-ABS желтый-SML-SML

‘Он бледнее, чем желтый’. {Хк} [Korotkova, Lander 2010: 308]

(1.108) *Сикъошынхэ Сенкевичэм кыгъэлъэгъогагъ Москва даже.*

s-jə-q^weʃən-xe sjenkjevjəč'e-m Ɂ-ə-ve-λeɁ^we-va-Ɂ

1SG.PR-POSS-кувшин-PL Сенкевич-OBL DIR-3SG.A-CAUS-видеть-PST-PST

mweskva daʒje

Москва даже

‘Мои кувшины даже Сенкевич в Москве давным-давно показывал’.

{Нога}

(1.109) *ЗэрэзэзогъэгъэпагъэхэмкIэ лыжъым ыгу хэжыгъ.*

ze-re-z-e-zewe-ve-ve-ra-ve-xe-m-č'e λəʒə-m

REL.IO-FACT-REC.IO-DAT-драться-PST-PST-ASS-PST-PL-OBL-INS старик-OBL

ə-g^wə xe-č'ə-Ɂ

3SG.PR-сердце LOC-уходить-PST

‘Старик огорчился, что они подрались’.²⁵

Ни один из суффиксов, входящих в основу, не является обязательным в сочетании со всеми корнями (о лексикализации см. раздел 1.5.5). Грамматическая необязательность касается и временных суффиксов — они могут отсутствовать, в результате чего форма получает некую временную интерпретацию по умолчанию.

²⁴ См. о подобных конструкциях [Плунгян 2001; Сичинава 2005: гд. 3; Plungian, van der Auwera 2006], о функционировании суффикса прошедшего времени в адыгейском языке — [Короткова 2005; 2009].

²⁵ Пример был предложен не представившимся носителем адыгейского языка в Майкопе.

Для независимых сказуемых это, как правило, настоящее время, но для сказуемых подчиненных предложений это может быть и прошедшее время (грамматики описывают такие не маркированные по времени формы как «аорист»; см., например, [Рогава, Керашева 1966: 173—174]).

В частности, то, что обычно описывается как изменение по категории времени, не представляет собой словоизменение. В частности, благодаря возможности сочетания темпоральных суффиксов, строго говоря, адыгейский язык не позволяет построить формальную временную парадигму в том смысле, что формы не могут быть заданы закрытым списком без учета семантики, обусловленной сочетаемостью разных аффиксов друг с другом. Таким образом о какой-либо парадигматике в данном случае можно вести речь исключительно исходя из семантики, но не из грамматических правил.

Следует подчеркнуть, что на морфологическом уровне суффиксы проявляют вершинные свойства по отношению к модифицируемой ими части основы — в частности, они определяют формальную дистрибуцию всего сочетания. Так, присоединение хабилитивного суффикса ‘мочь’ к статической основе делает основу динамической, требуя появления в настоящем времени показателя динамичности (см. пример 1.161 в разделе 1.7.1), присоединение модального суффикса *-п* к глагольным основам может образовывать формы с масдарной интерпретацией и именной дистрибуцией (1.110) и, напротив, присоединение других темпорально-модальных показателей к именным основам может обуславливать их сочетаемость с наречием (см. раздел 1.7.2) и т.д.

(1.110) *Джащ кьыщегъэжъагъэу нартмэ жъыукъыныр ханэжъыгъ.*

ž'a-š'	qə-š'-je-ve-ž'a-в-ew	nart-me
ТОТ-OBL	DIR-LOC-DAT-CAUS-начаться-PST-ADV	нарт-PL:OBL
žə-wəč'ə-nə-r	x-a-ne-ž'ə-в	
старый-убить-MOD-ABS	LOC-3PL.A-оставить-RE-PST	
‘С той поры нарты оставили обычай убивать стариков’.		
{Нарт къэбархэр}		

По-видимому, аналогично функционированию грамматикализованных суффиксов может описываться и вклад знаменательных корней и основ при образовании сложных основ (см. раздел 1.4.3). Так, в сочетаниях с простыми корнями директивные корни обнаруживают свойства морфологических вершин: они частично определяют набор превербов, возникающих в словоформе [Arkadiev, Letuchiy 2011], в связи с чем сочетания превербов с этими корнями иногда представляются в качестве отдельных морфологических единиц, пусть и разрывных [Берсиров 2001].

Не исключено, что общее представление о модификации основы может быть распространено и на структуры формирования основы именного комплекса, но этот вопрос остается за рамками настоящего исследования.

1.5.5. ОТКЛОНЕНИЯ ОТ КОМПОЗИЦИОННОСТИ

Исходя исключительно из представленной выше картины, можно было бы подумать, что описанный уровень языковой структуры отличен от того, что описывается под ярлыком «морфология» в языках средневропейского стандарта и может представлять собой вовсе и не морфологию, а дополнительный уровень, промежуточный между морфологией и синтаксисом. Тем не менее такие предположения не оправдываются, поскольку для выражения более канонических словоизменения и словообразования по сути используется тот же материал.

Прежде всего необходимо заметить, что в адыгейском языке весьма часто (на первый взгляд, намного чаще, нежели в синтаксисе) наблюдается лексикализация сочетаний морфем, наиболее очевидным признаком которой оказывается их некомпозиционность. Лексикализировываться могут как сочетания корней с суффиксами (ср., например, *ǰхэп* ‘еда’, явно производное от корня *ǰхэ* ‘есть’), так и сочетания корней с превербами (e.g., *ǰ’е-варǰе* ‘спрашивать у’, буквально сочетание преверба ‘под’ и корня ‘спрашивать’) и даже с целыми аппликативными комплексами (*зе-хе-хэ* [RFL.Ю-ЛОС-получить] ‘слышать’). Отдельную проблему в этом отношении представляют устойчивые именные комплексы, для которых граница между лексикализованными сочетаниями основ и сочетаниями основ, допускающими отдельную интерпретацию, весьма зыбка (см. обсуждение критериев их противопоставления в [Кумахов 1964: 34ff; Абрегов 2000: 159—163]).

Подобная лексикализация лишь в редких случаях приводит к переосмыслению формальной структуры, в результате которой бывшие сочетания морфем начинают вести себя как неразрывное целое. Напротив, во многих случаях, несмотря на явную идиоматичность сочетания, отдельные части словоформы сохраняют свою автономность. Например, в частотных сочетаниях *fe.de*- ‘подобный’ (1.111a), *fe.je*- ‘хотеть’ (1.112) синхронно следует усматривать наличие бенефактивного преверба *fe*²⁶, на что указывает то, что эта морфема отделима от корня — в частности, при построении префиксальных отрицательных форм (1.112) и при каузативизации (1.111b).

(1.111) а. *EmIэ такъырър Саусэрыкъо фэдэна?*
jeṭe-taqrə-r sawəserəq^we fe.de-n-a ?
 глина-кусок-ABS Сосруко подобный-MOD-Q
 ‘Разве может кусок глины быть похож на Сосруко?’
 {Нарт къэбархэр}

б. *Ахэр зэфэгъадэщтыгъэ...*
a-xe-r ze-f-a-va-de-š'tə-ve...
 ТОГ-PL-ABS REC.Ю-BEN-CAUS-соответствовать-AUX-PST
 ‘Их сравнивали...’ {КІэращ}

(1.112) *Фай — фэмыеми, ахыщтыгъэ.*
fa.j — fe-mə-je-m-jə, a-hə-š'tə-ve
 хотеть BEN-NEG-хотеть-COND-ADD ЗPL.A-уносить-AUX-PST
 ‘Хотела она или не хотела — крали ее’. {Скачки}

В этой связи необходимо специально подчеркнуть существование в адыгейском языке связанных корней, то есть корней, употребляемых исключительно с какими-либо превербами. К ним относятся, в частности, основные статические глаголы позиции (-*s*- ‘сидеть’, -*t*- ‘стоять’, -*л*- ‘лежать’) и наблюдающийся в (1.112) корень -*je*-, директивные корни и некоторые другие. Очевидно, что связанные лек-

²⁶ Диахронически на целесообразность вычленения в этих словах данного преверба указывается, например, в [Dumézil 1932: 92; Шагиров 1977, II: 106—108].

сические единицы более естественны для морфологического уровня, нежели для прочих уровней.

Построение сложных морфологических конструкторов также обнаруживает ограничения, которые не всегда согласуются с провозглашаемой в разделе 1.5.1 композиционностью и, вероятно, имеют под собой исключительно формальную основу, более естественную для морфологии. Например, понижение грамматического статуса агенса до непрямого объекта, описанное в разделе 1.5.3, по крайней мере иногда невозможно при наличии лексически заданного дативного непрямого объекта; ср. недопустимость форм вроде (1.113). Вероятно, такие построения не грамматичны из-за конфликта правила, требующего, чтобы дативные аппликативные комплексы располагались после всех остальных, и некоего правила (возможно, окказионального), согласно которому формы инадвертитива должны образовываться путем простой замены префикса агенса на аппликативный комплекс с превербом *ʔeç'e-*.

- (1.113) а. **esIэкIэтыгъ*
**je-s-ʔeç'e-tə-в*
DAT-1SG.IO-INADV-давать-PST
- б. **sIэкIэтыгъ*
**s-ʔeç'-je-tə-в*
1SG.IO-INADV-DAT-давать-PST
- (Ожид.: 'я случайно это ему дал'.) {Xx}

В то же время, например, появление реципрокального показателя *ze.re-*, анализировавшегося в разделе 1.5.3 как сочетание реципрокального префикса *ze-* и преверба *re-*, после дативного комплекса вполне допускается (1.114). Можно думать, что причина этого состоит в том, что *ze.re-* уже в большей степени воспринимается как единое целое и как показатель некоей грамматической формы.

(1.114) *Джауцтэу мэфэреным къезэрэфэкIыхъэу, Тхьожъые къызтеуцуи, моуцтэу къыIуагъ...*

ǰ'awə.š't-ew mefe-rjenə-m **q-je-ze-re-feč'ə-h-ew,**

так-ADV день-целый-OBL DIR-DAT-REC.IO-RCP-ГНАТЬ-LAT-ADV

tχ^wežəje qə-ze-tje-wəc^w-jə, mwewə.š't-ew q-ə-ɾ^wa-ɰ...

Тхожий DIR-RFL.IO-LOC-встать-ADD так-ADV DIR-3SG.A-говорить-PST

‘Так они целый день друг друга гоняли, и Тхожий встал и так сказал...’

{Нарт къэбархэр }

Таким образом, некоторые части адыгейской словоформы все же могут приобретать и свойства словоизменения.

В заключение раздела подчеркнем еще раз, что и рекурсия внутри адыгейской словоформы хотя и возможна, но все же ограничена. В работе [Lander, Letuchiy 2010] выдвигается три критерия оценки степени рекурсивности конструкции: (i) качественный критерий, рассматривающий, какие комбинации однотипных операторов (преобразований) допустимы, (ii) количественный критерий, рассматривающий, сколько раз может повторяться одна и та же операция, (iii) критерий эксплицитности, рассматривающий, насколько выражение операций эксплицитно и композиционно. Как показано в этой статье, степень рекурсивности не является одинаковой для разных операций внутри адыгейской словоформы; см. рисунок 1-3. Наиболее рекурсивны негативные аппликативы, сочетания которых ограничиваются исключительно неморфологическим принципом запрета на множественное заполнение одной семантической роли. Менее рекурсивна модификация основы: возможность сочетания разных модификаторов обусловлена их семантикой; кроме того, отсутствие модификаторов может приводить к заполнению семантических параметров по умолчанию (так возникает интерпретация настоящего времени). Еще менее рекурсивны дативные аппликативы, чья сочетаемость определяется основой и каузативными показателями; при этом собственно дативный преверб может иногда исчезать. Наконец, наименее рекурсивна каузативная деривация, которая формально ограничена как по количественному, так и по качественному критерию; более того, при двойной каузации один из каузативных префиксов может быть опущен.

Рекурсивность →

	Каузативная деривация	Дативные апликативы	Модифика- торы основы	Недативные апликативы
Качественный критерий	Существует только одна рекурсивная комбинация.		Сочетания ограничены селективными ограничениями.	Сочетания морфологически не ограничены.
Количественный критерий	Не более двух дериваций.	Количество дериваций ограничено основой.		Очевидные ограничения на количество отсутствуют.
Критерий эксплицитности	Операторы могут быть не выражены.		Отсутствие операторов может помешать интерпретацию.	Выраженные операторы обязательны.

Рисунок 1-3. Типы рекурсивности в адыгейской словоформе.

Примечательно, что в синтаксисе аналитические построения, выражающие множественную каузацию, — это наиболее канонический случай рекурсии, в то время как наличие нескольких сирконстантов, наоборот, понимается как рекурсия отнюдь не всеми. Перенося эти представления на морфологический уровень, можно обнаружить, что наиболее каноническая рекурсия в адыгейской словоформе наиболее ограничена, а наименее каноническая рекурсия — наименее ограничена. Такие ограничения явно противопоставляют рассматриваемый уровень синтаксису.

1.6. Выражение актантов

1.6.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Поскольку полисинтетические языки передают в пределах словоформы значительно больше информации, чем непалисинтетические языки, возникает вопрос, насколько полисинтетической морфологии доступны основные функции синтаксиса и, в частности, выражение актантных отношений. Действительно, нельзя ли предположить, что и для выражения актантов в таких языках синтаксис не требуется, а морфологических средств вполне достаточно²⁷?

Выше мы видели, что в адыгейском слове могут индексироваться все основные актанты. Тем не менее природа этой индексации осталась не определена. Теоретически это может быть как исключительно формальный механизм, связывающий сказуемое и актантные именные группы, так и семантически обусловленный механизм, допускающий собственно выражение актантов в сказуемом. Очевидно, выбор между этими двумя вариантами должен зависеть от степени семантической обусловленности появления и выбора показателей индексации: каноническое согласование минимально информативно и обусловлено семантически (см. [Corbett 2006: 11]), а каноническое выражение актантов — напротив, максимально. Этому вопросу посвящены разделы 1.6.2—1.6.4.

Косвенным свидетельством в пользу «смещения» выражения актантов в морфологию может быть поведение именных групп, которые описывают соответствующих партиципантов. Если эти именные группы обнаруживают свойства, отличные от обычных актантных именных групп, это может говорить как раз в пользу того, что подобное «смещение» действительно произошло. Данный аспект проблемы рассматривается в разделах 1.6.5.

²⁷ Гипотеза, согласно которой актанты в некоторых языках могут выражаться не на синтаксическом уровне, а на морфологическом, разумеется, не нова и иногда возводится к представлению В. фон Гумбольдта об инкорпорированных местоимениях в языке науатль [von Humboldt 1836/1984]. В последние десятилетия эту гипотезу разрабатывали, в частности, Р. Ван Валин (см., например, [Van Valin 1985; 1986]), Э. Джелинек [Jelinek 1984; 1995; Jelinek, Demers 1994], Л. Фальц [Faltz 1995], М. Митун [Mithun 2003], А.А. Кибрик [Kibrik 2011] и многие другие.

1.6.2. САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ ИНДЕКСОВ?

Если индексирующие показатели могут самостоятельно (то есть без именных групп) в какой-то степени выражать актанты, они должны быть способны самостоятельно — без помощи вспомогательных синтаксических средств — определять референцию актанта. Во многих случаях это действительно возможно.

Конструкции с индексами 3-го лица без именных групп легко допускают анафорическую интерпретацию — кореферентность соответствующего актанта с ранее выраженным актантом. Впрочем, для анафоры могут использоваться и независимые указательные местоимения. Ср. следующий пример, где для протагониста рассказа и для адресата сообщения независимое местоимение не используется, однако для отсылки к высказыванию появляется указательное местоимение *ǰ'ar*²⁸:

- (1.115) «*Лэныгъэми лыгъэ хэлъ*» — *ыпси хэ҃҃ыгъ джар къариШожьышгы.*
лэпэве-т-јэ лэве хе-л, э-рs-јэ
смерть-OBL-ADD мужество LOC-лежать 3SG.PR-душа-ADD
хе-ǰ'э-в ǰ'a-г q-a-r-јэ-ʔ^we-ǰ'э-ŝ-јэ
LOC-выходить-PST тот-ABS DIR-3PL.IO-DAT-3SG.A-говорить-RE-CS-ADD
'«И в смерти есть мужество», — он умер, сказав им это'.
{Маленький Сабанок}

В роли местоимений иногда выступают и другие средства — например, релятивы *zə-f-јэ-ʔ^we-re* [REL.IO-BEN-3SG.A-говорить-DYN] / *zə-f-a-ʔ^we-re* [REL.IO-BEN-3PL.A-говорить-DYN], буквально переводимые как 'тот, о ком говорится; упоминаемый'; ср. рисунок 1-4 и морфологический анализ соответствующей надписи в (1.116).

²⁸ В некоторых случаях появление независимых местоимений сужает круг вероятных антецедентов анафорической связи (см. [Тестелец 2009: 696—697]).

Рисунок 1-4. Надпись в Майкопе.

(1.116) *Всероссийскэ политическэ партиеу Единая Россия. Зыфиорэм и Адыгэ шъолъыр къутамэ игъэцэкІэкІо комитет.*

vsjerwesjajske-pweljətjəč'jeske-partjəj-ew jedjənaja rwesjəja.

всероссийская=политическая=партия-ADV единая Россия

zə-f-jə-ɾ^we-re-m ∅-jə-adəyə-ŝ^weλər-q^wətame

REL.IO-BEN-3SG.A-говорить-DYN-OBL 3SG.PR-POSS-адыг=полоса=ветка

jə-ve.ce.č'e.k^we-k^wemjətjet

POSS-исполнитель=комитет

‘Всероссийская политическая партия «Единая Россия». Исполнительный комитет ее (букв.: упоминаемой) Адыгейского регионального отделения’

Во второй части приведенной надписи приводится анафорическая отсылка к первой, для чего оказывается недостаточно нулевого личного префикса, но используется и релятив ‘тот, о ком говорит’.

Появление индексов 1-го и 2-го лица достаточно для идентификации соответствующих актантов: свободные местоимения в таких случаях не требуются (1.117), хотя и возможны, по-видимому, без ярко выраженного эмфатического оттенка (1.118).

(1.117) *Ащыцэу зы кышъуфэсІотэн.*

a-š'ə-š'-ew zə qə-š^wə-fe-s-ɣ^wete-n
ЗРЛ.ІО-ЛОС-часть-ADV один DIR-2PL.ІО-BEN-1SG.A-рассказывать-MOD
'Из них я одну (историю) вам расскажу'. {Нога}

(1.118) *Тэ тэчыиешъ тракторым тис.*

te t-e-čəje-š traktwerə-m t-jə-s
мы 1PL.ABS-DYN-спать-CS трактор-OBL 1PL.ABS-ЛОС-сидеть
'Мы спим, в тракторе сидим'. {Случай в поле}

Индексы 2-го лица могут иметь неопределенную референцию в генерических предложениях (1.119), в вопросах (1.120) и в протазисе условных конструкций (1.121)—(1.122).

(1.119) *Уахътэм ыкІуачІэ олъэгъу.*

waχte-m ə-κ^wa.če w-e-λev^wə
время-OBL 3SG.PR-сила 2SG.A-DYN-видеть
'Видишь силу времени'. {Адыгэ макъ, 19.10.2011}

(1.120) *Лым ыныбжъ сьдэуцтэу кьэпшІэцта?*

λə-m ə-nəbž' səd.ew.š't-ew qe-p-š^e-š't-a ?
мужчина-OBL 3SG.PR-возраст как-ADV DIR-2SG.A-знать-FUT-Q
'Как узнать (букв.: узнаешь) век человеческий?' {Хьут}

(1.121) *КІо адыгэ орэдхэм ядэхагъэ пшІэным пае Ислъамие икъашъо закъо уе-
дэІуми екъу.*

κ^we adəye=wered-xe-m ja-dexa.ve p-š^e-nə-m
ну адыг=песня-PL-OBL 3PL.PR + POSS-красота 2SG.A-знать-MOD-OBL
paje jəsλamjəje jə-qaš^we zaq^we w-je-de?^wə-m-jə
для Ислами POSS-танец единственный 2SG.ABS-DAT-слушать-COND-ADD

j-e-q^{wə}

3SG.A-DYN-заполнять

‘Ну чтоб узнать красоту адыгейских песен, если один раз услышишь та-
нец «Ислами», — достаточно’. {Музыкальные инструменты}

(1.122) *Адыгеиц Краснэ Полянэм пэблагъ, занкІэу укІомэ, километрэ 50-
м ехъурэп.*

adəjɛjə-r krasne.pweljane-m pe-blaɣ, zanç'-ew

Адыгея-ABS Красная.Поляна-OBL LOC-близкий прямой-ADV

wə-ḱ^we-me, kɟəlwemjetre 50-m je-χ^{wə}-r-ep

2SG.ABS-идти-COND километр 50-OBL DAT-случаться-DYN-NEG

‘Адыгея близко к Красной Поляне, если прямо ехать, 50 километров не
будет’. {Адыгэ макъ, 12.02.2010}

Индексы 3-го лица множественного числа регулярно используются в неир-
реальных имперсональных конструкциях. В следующем примере имперсональный
индекс вводится комитативным аппликативом:

(1.123) *Іофэу колхозым кыфѣжсагъэм сто процентэу ренэу Іоф адышлагъ...*

ʔ^wef-ew k^welx^wezə-m qə-f-je-ž'a-we-m stwe

работа-ADV колхоз-OBL DIR-BEN-DAT-начинаться-PST-OBL сто

prwecjənt-ew rjən-ew ʔ^wef **a-də-ḡa-ɣ...**

процент-ADV весь-ADV работа 3PL.IO-COM-делать-PST

‘Дела, которые начинались в колхозе, на сто процентов целиком (мною)
выполнялись совместно (букв.: с ними)’. {Жизнь}

При элицитации вне контекста признается допустимой неопределенная
референция индексируемого актанта без именной группы (1.124). Тем не менее в
корпусе текстов такие примеры практически не встречаются — как правило, при
неопределенной референции актантов возникают именные группы с неопреде-
ленными местоимениями (см. о них [Капитонов 2008; 2009]); ср. (1.125).

(1.124) *Къыфиджыгъ.*

qə-∅-f-jə-ʒ'ə-в

DIR-3SG.IO-BEN-3SG.A-читать-PST

‘Кто-то/он читал это/что-то для него/кого-то’. {Xx}

(1.125) *Адрэми зыгорэ къылтагъ шъхъаем чIэрэн.*

a-dre-m-jə

zə-g^we.re

q-ə-ʔ^weta-в

ʃhaje.m

тот-другой-OBL-ADD один-некий DIR-3SG.A-рассказывать-PST однако

ʃe-r-ep

1SG.A + знать-DYN-NEG

‘Другой что-то рассказал, хотя я (это) не знаю’. {Сахар}

В разделе 1.6.4 будет показано, что индексы могут выражать кореферентность внутри одной предикации, хотя иногда для этого используются и аналитические конструкции.

Судя по всему, можно признать, что индексирующие показатели действительно могут без помощи именных групп передавать минимально необходимую информацию о референции актантов.

1.6.3. НЕЗАВИСИМОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ ИНДЕКСОВ

Каноническое согласование, указывающее на грамматические связи в предложении, предполагает совпадение согласовательных признаков у контролера и мишени, так что в языках с согласованием если расхождение в этих признаках и допускается, оно маргинально [Corbett 2006: 24]. В то же время если индексирующие показатели действительно служат средством выражения актантов, выражаемые ими признаки (в нашем случае — признаки лица и числа) должны быть мотивированы семантически, а не соответствующими им именными группами. Последнее и наблюдается для индексов в адыгейском языке.

Признаки лица в индексе и соответствующей ему именной группе обязательно совпадают, если речь идет о местоименных именных группах 1-го и 2-го лиц, то есть о локуторных местоимениях. В других случаях расхождение признаков лица в именной группе и в индексе допустимо; другими словами, именной

группе, эксплицитно не указывающей на референт 1-го или 2-го лица, может соответствовать локуторный индекс; ср.:

(1.126) *Къоджэдэсхэм шьыпкъэр къытаIo.*

q^wež'e.de.s-xe-m šəpɕe-r qə-t-a-ɾ^we
сельчанин-PL-OBL правда-ABS DIR-1PL.IO-3PL.A-говорить
'Нам, жителям села, говорят правду'. {Xx}

(1.127) *Хьалыжъор нэбгырищыми зэфэдэу тыхыгъэшъ...*

haləž^we-r neβɣər-jə-š'ə-m-jə ze-fe.d-ew
халыж-ABS человек-LNK-три-OBL-ADD REC.IO-подобный-ADV
t-šxə-ve-š...
1PL.A-есть-PST-CS
'Халыжи мы, три человека, на равных ели, так что...' {Хьут}

Насколько нам известно, это явление впервые было замечено для адыгских языков Дж. Коларуссо, который описывает его для кабардино-черкесского языка под ярлыком «нерестриктивных относительных конструкций» [Colarusso 1992: 190]. Нам кажется, что поскольку в качестве именных групп в этом случае могут выступать и обычные имена, говорить об относительных конструкциях здесь не вполне уместно.

Для адыгейского языка конструкции с несовпадением признаков лица были подробно исследованы на материале говора аула Хакуринохабль А.В. Беляевой [2006b] (см. также [Аркадьев и др. 2009: 80—83]). Одно из наиболее интересных ее наблюдений состояло в том, что для многих носителей этого говора все неместоименные именные группы, индексировавшиеся локуторными показателями, маркировались косвенным падежом — даже если они описывали абсолютивный акт; ср.:

(1.128) *Тэ, кIалэхэм, заом тыщакIыцтыгъэ.*

te, č'ale-xe-m, zawe-m tə-š'-a-wəč'ə-š'tə-we
мы парень-PL-OBL война-OBL 1PL.ABS-LOC-3PL.A-убивать-AUX-PST
'Нас, ребят, на войне убивали'. [Беляева 2006b]

В работе А.В. Беляевой обсуждается гипотеза, исходно высказанная Я.Г. Тестельцом, согласно которой косвенный падеж приписывается любой индексируемой именной группе. Если группа, описывающая абсолютивный актанта, выражена локуторным местоимением, падеж на ней не виден, так как на таких местоимениях падеж не выражается (раздел 1.2.2). Выраженный абсолютивный падеж появляется только при актантах 3-го лица, то есть тогда, когда абсолютивный индекс отсутствует (раздел 1.4.3). Крайне примечательно, что в соответствии с этой гипотезой, не именная группа определяет индексацию, а, наоборот, наличие индекса определяет маркирование именной группы.

Грамматично для адыгейского языка и несовпадение признаков числа именной группы и личного показателя, индексирующего соответствующий актанта. Как указывает М.А. Кумахов [1971: 7—13], маркирование множественного числа в неместоименных именных группах, в принципе, факультативно — поскольку число выражается соответствующими этим группам индексами (см. также обсуждение в [Тхаркахо 1990: 65—69; 2003: 360—363]); ср.:

(1.129) *Фызым аIо.*

fəzə-m a-ʔ^we
женщина-OBL 3PL.A-говорить
'Женщины говорят'. [Кумахов 1971: 8]

(1.130) *Мы хабзэу арабым / арабхэм адэжъ кыкIыгъэр джырэ нэс мэпсэу.*

mə xabz-ew arabə-m / arab-xe-m a-dež'
этот обычай-ADV араб-OBL араб-PL-OBL 3PL.PP-у
q-jə-č'ə-we-r ž'ə-re nes me-psew
DIR-LOC-выходить-PST-ABS теперь-ADJ до DYN-жить
'Этот обычай, пришедший от арабов, существует до сих пор'. {Xк}

Показательно и множественное число личного префикса в конструкциях вроде следующей, где агенс при сказуемом соответствует участникам нескольких ситуаций²⁹:

(1.131) *Зым илъэс шъэныкъу, адрэм тІокІищ, яцэнэрэм шъэ аІуагъ.*

zə-m jəʎ.es-ʂe.nəq^wə, a-dre-m t^w.e.čʰ-jə-šʰ,
 один-OBL год-пятьдесят тот-другой-OBL двадцать-LNK-три
 ja.šʰe.ne-re-m ʂe a-ʔ^wa-в
 третий-ADJ-OBL сто ЗРЛ.А-говорить-PST

‘Сказали: один — пятьдесят лет, другой — шестьдесят лет, третий — сто лет’. {Хьут}

Тем не менее в современном языке признаки числа индексирующего показателя и индексируемой именной группы чаще совпадают. Правда, существуют и контексты, которые допускают вариативность в числе личных префиксов (см. также [Тхаркахо 2003: 361—362]). Таковы, например, конструкции, которые включают именные группы, указывающие на множества людей; ср. следующий пример:

(1.132) *Зэхахъэм къыдэкІыгъэ чылэм ац пае къэбар ашІагъ / ышІагъ.*

ze.xa.he-m qə-de-čʰə-ve čʰəle-m a-šʰ paje qebar
 сход-OBL DIR-LOC-выходить-PST село-OBL тот-OBL для новость
 a-ʂa-в / ə-ʂa-в
 ЗРЛ.А-знать-PST ЗSG.А-знать-PST

‘Деревня, собравшаяся на сход, узнала новости о нем’. {Хх}

В этом предложении агентивная именная группа, указывающая на множество людей, может соответствовать как личному префиксу единственного числа,

²⁹ Можно заметить, впрочем, что глагольные формы множественного числа в таких предложениях допустимы и в языках типа русского; соответственно, не исключено, что появление показателя множественного числа здесь не обязано коррелировать с типом лично-числового маркирования.

так и личному префиксу множественного числа. Впрочем, единственное число в данном случае можно было бы связать с интерпретацией, при которой жители деревни представляются как единое целое; см. о таком явлении.

Еще одно примечательное исключение связано с конструкцией, действующей дистрибутивное кванторное слово *perç* ‘каждый’; см. раздел 1.6.5.

В целом, по-видимому, можно признать, что выбор индексирующих показателей обычно мотивирован семантически.

1.6.4. ВЫРАЖЕНИЕ КОРЕФЕРЕНТНОСТИ ВНУТРИ ПРЕДИКАЦИИ

Наиболее обычным способом выражения кореферентности внутри предикации являются используются рефлексивный префикс *zə-/ze-* реципрокальный префикс *ze-*, которые при кореферентности двух актанта одного предиката заменяют один из соответствующих префиксов:

(1.133) *О узитхъаматэжъ.*

we wə-z-jə-thamate-ž'

ТЫ 2SG.ABS-RFL.PR-POSS-начальник-RE

‘Ты сам себе хозяин’. {Xx}

(1.134) *Тызэхэт тэри, теплъы.*

tə-ze-xe-t te-r.jə, t-j-e-plə

1PL.ABS-REC.IO-LOC-стоять мы-ADD 1PL.ABS-DAT-DYN-смотреть

‘Мы друг с другом стоим, смотрим на нее’. {Украденная садака}

(1.135) *Тюу сэмэркъэухэр зэдэтишъыцтыгъэ.*

ʈ^w-ew semerqewə-xe-r ze-de-t-šə-š'tə-ve

два-ADV шутка-PL-ABS REC.IO-COM-1PL.A-делать-AUX-PST

‘Вдвоем мы шутили друг с другом’. {Семья}

Выбор контролера рефлексива/реципрока (то есть актанта, префикс которого не заменяется на *zə-/ze-*) определяется как формальными, так и семантическими факторами. Отчасти этот выбор связан с иерархией АГЕНС > АБСОЛЮТИВ >

НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ: так, в переходных глаголах с префиксом агенса при его кореферентности с другим актантом он выступает в качестве контролера рефлексива; в непереходных глаголах, то есть глаголах без префикса агенса контролером зачастую (но не всегда) оказывается абсолютный актант. Но существенна для выбора контролера и семантика: у более агентивного актанта больше шансов стать контролером. Это правило конфликтует с формальной иерархией при кореферентности абсолютного актанта и непрямого объекта, когда последний обладает большими агентивными свойствами: в таком случае одни конструкции (например, потенциальные конструкции с пониженным агенсом, каузативные конструкции с кореферентностью абсолютного актанта и каузируемого агенса, формально непрямого объекта) требуют, чтобы контролером был не прямой объект, а другие обнаруживают вариативность в выборе контролера. В результате рефлексив и реципрок дают возможность выделить разные классы глаголов и глагольных конструкций. Этот вопрос был подробно исследован А.Б. Летучим; см. [Аркадьев и др. 2009: 63—67].

Иногда вместе с рефлексивным префиксом может появляться слово *jež'* 'сам', маркированное падежом кореферентного актанта (1.136). В контекстах, в которых рефлексивная морфология возможна, но отсутствует, *jež'* самостоятельно не устанавливает кореферентность и выступает только в качестве интенсификатора: нерефлексивная индексация при нем в таком случае не допускает кореферентного прочтения внутри предикации (1.137). В прочих контекстах, когда морфологическое маркирование кореферентности невозможно, появление *jež'* может ее имплицировать (1.138).

(1.136) *Ежыыр зигъэгусэни, губжыни ымылоу хъупхъэ.*

jež'ə-r z-jə-ve-g^wəse-n-jə, g^wəbžə-n-jə
 сам-ABS RFL.ABS-3SG.A-CAUS-обижаться-MOD-ADD сердиться-MOD-ADD
 ə-mə-ɽ^w-ew χ^wəpχe
 3SG.A-NEG-говорить-ADV молодец

'Сам обидится (букв.: заставит себя обидеться) — не скажет, что сердится, молодец'. {Адыгэ макъ, 16.02.2011}

(1.137) *Ежыым еплтыжыгыгъ.*

jež'ə-m je-pλə-ž'ə-ы

сам-OBL DAT-смотреть-RE-PST

а. 'Он посмотрел на него самого'.

б. *'Он посмотрел на себя'. {Хх}

(1.138) *...кыыуагъ Къызбэчи ежъ Иофым зэрепльрэри.*

... q-ə-ɣ^wa-ы qəzbeč'-jə jež' ɣ^wefə-m

DIR-3SG.A-говорить-PST Кзбеч-ADD сам дело-OBL

ze-r-je-pλ-re-r-jə

REL.IO-MNR-DAT-смотреть-DYN-ABS-ADD

'...сказал Кзбеч и то, как он сам смотрит на дело'. {КІэрац}

Иначе ведет себя порою описываемое в качестве рефлексивного местоимения [Рогава, Керашева 1966: 88] слово *šha* (букв.: 'голова'): оно допускает рефлексивную интерпретацию (1.139), но не может индексироваться рефлексивным префиксом (1.140). При этом *šha* в рефлексивной функции тоже может появляться в синтаксических контекстах, исключающих появление морфологических рефлексивных показателей, — например, в позиции сказуемого именной предикации (1.141).

(1.139) *НахьэІэри ышъхъа фэлэжъэжы.*

nahe-ɣ'e-rjə ə-šha fe-lež'e-ž'ə

более-новый-ADD 3SG.PR-голова BEN-работать-RE

'А младший на себя работает'. {Дети}

(1.140) *О пшъхъа уритхъаматэжъ / *узитхъаматэжъ.*

we p-šha wə-∅-rjə-thamate-ž'³⁰ /

ты 2SG.PR-голова 2SG.ABS-3SG.PR-POSS-начальник-RE

³⁰ Морфемное разбиение относительно нулевого префикса в данном случае является условным, поскольку появление *-r-* обусловлено исключительно морфонологически.

(1.143) ...*зым зыр цыщынэжьэу цытыгъ*.

... zə-m zə-r š'ə-š'əne-ž'-ew š'ə-tə-ɸ

один-OBL один-ABS LOC-бояться-RE-ADV LOC-стоять-PST

‘...боятся друг друга’. {Адыгэ макъ, 03.09.2011}

С учетом возможного нарушения падежного маркирования эти конструкции, возможно, следует понимать как некомпозиционные, не поддающиеся последовательному описанию через отношения их частей; в таком случае говорить о семантическом вкладе индекса или взаимных местоимений здесь не приходится. С другой стороны, согласно А.Б. Летучему (устн. сообщ.), такие выражения чаще встречаются в зависимых предикациях, что может указывать на неполную грамматикализацию данных выражений в качестве реципрокальных: не исключено, что реципрокальное значение в этом случае возникает за счет контекста. Это можно продемонстрировать на следующем примере:

(1.144) *Зым зыр ешлужьызэрэ ыпэкIэрэ къакIомэ ынэгу къызкIаплтъэкIэ зэшлужьыгъэ фэдэу кIозэрэ сэмэркъэу къашьоу ари цыт.*

zə-m zə-r je-š^wə-ž'ə-ze.re ə-pe-č'e-re

один-OBL один-ABS DAT-мириться-RE-CONV 3SG.PR-перед-INS-ADD

qə-ḱ^we-me ə-neg^wə qə-z-č'a-p^wle-č'e

DIR-идти-COND 3SG.PR-лицо DIR-REL.TMP-LOC-смотреть-INS

z-e-š^wə-ž'ə-we fe.d-ew ḱ^we-ze.re semerqew-qəš^w-ew

REC.IO-DAT-мирится-RE-PST подобный-ADV идти-CONV шутка-танец-ADV

a-r-jə š'ə-t

тот-PRED-ADD LOC-стоять

‘Один с другим мирится, спереди подойдя, на его лицо когда посмотрит, как будто они мирятся, идет, шуточный танец так проходит’.

{Музыкальные инструменты}

Реципрокальное выражение *zə-m zə-r* здесь появляется только в начале, хотя семантически несколько первых предикаций описывают взаимные ситуации. В действительности, значение взаимности здесь появляется, на наш взгляд, благо-

даря эксплицитному выражению взаимности в одной из вышестоящих предикаций. По-отдельности вложенные предикации, думается, попросту подразумевают актанты с неопределенной референцией. Информация, что эта референция доступна обоим предикатам другой предикации возникает из контекста.

В разделе 0.4.4 было показано также, что определенную роль в установлении кореферентности может играть редитивный/репититивный суффикс -ž'ə (см. также [Arkadiev, Letuchiy 2011], но, судя по всему, четких и единых для всех носителей правил его употребления в данной функции не существует.

В заключение раздела упомянем еще одну форму, которая может описываться как устанавливающая кореферентность: форма послелога *dež'/djə* 'у; к' с индексом *ja-* обычно выступает в качестве возвратной формы со значением 'у себя; к себе'; ср.:

(1.145) *Ыужырэ мафэ Саусьрыкъо, ядэжь къэкIожьы тетзэрэ, лъэхъэ плъыжь гъогум тельэу ыльэгъугъ.*

ə-wəžə-re mafe sawəsəraq^we ja.dež' qe-ḱ^we-ž'ə=tje-t-ze.re

3SG.PR-след-ADJ день Сосруко домой DIR-идти-RE=LOC-стоять-CONV

лехе=рлэж' в^weg^wə-m tje-λ-ew ə-лeв^wə-в

путы-красный дорога-OBL LOC-лежать-ADV 3SG.A-видеть-PST

'На другой день, когда Сосруко возвращался домой, он увидел красные пути, лежащие на дороге'. [Рогава, Керашева 1966: 65]

В целом, на наш взгляд, можно признать, что внутри предикации прототипически нагрузка по выражению кореферентности ложится все же на морфологию. Синтаксические средства выражения кореферентности в адыгейском языке, судя по всему, входят в фиксированные конструкции, для которых различение функций индексов и именных групп не релевантно.

1.6.5. ЗАМЕЧАНИЯ О ПОВЕДЕНИИ АДЫГЕЙСКИХ ИМЕННЫХ ГРУПП

В наиболее строгом виде гипотеза о том, что актанты выражаются морфологически, предполагает, что именные группы не являются синтаксическими актантами, а функционируют подобно всем прочим сирконстантам [Jelinek 1984;

Van Valin 1985; 1987; Bresnan, Mchombo 1987]. В основе этого лежит презумпция того, что семантические актанты могут быть выражены только один раз; ср., например, известный «тега-критерий» в генеративистских теориях [Chomsky 1993: 36], «принцип функциональной уникальности» в лексико-функциональной грамматике (см., например, [Bresnan, Mchombo 1987: 745]), «критерий недопустимости повторной реализации валентности» в [Шаляпина 2007: 217—218]³¹.

Присвоение именным группам статуса сирконстанта могло бы объяснить как большую свободу поведения этих именных групп, так и отсутствие у них некоторых свойств актантов. К числу проявлений большей синтаксической свободы обычно относят свойства, ассоциируемые с так называемыми неконфигурационными языками (языками, в которых конфигурация элементов не обязательно непосредственно указывает на синтаксические отношения): в частности, свободный порядок слов, допустимость опущения именных групп, возможность разрывных синтаксических групп³². Как было показано в упомянутых работах, посвященных функциям морфологической индексации, эти свойства могли быть сведены к характеристикам сирконстантов — в первую очередь определенной вариативности их расположения, факультативности, допустимости наличия нескольких сирконстантов, описывающих одного партиципанта.

Эти свойства в какой-то степени представлены в адыгейском языке. Как указывалось в разделе 1.2.4, порядок слов в адыгейском языке относительно свободный, а разрывные синтаксические группы (речь идет в первую очередь об именных группах) хотя адыгейскому языку и не свойственны, но все же им допускаются. Выраженные именные группы в предложении также не обязательны; ср., например, отрывок из текста:

³¹ Существуют и работы, в которых эта презумпция эксплицитно отвергается, причем при обсуждении морфологической индексации. См., например, [Kibrik 2011; Haspelmath 2011b].

³² Само наличие этих свойств не обязательно указывает на сирконстантный статус именных групп или по крайней мере не обязательно предполагает наличие в языке системы индексации; см. [Austin, Bresnan 1996].

(1.146) *Джанчэтэ Къуинэшъу Болэтыку Хъатыгъужъыкыуае кыкIи, кылтъыкIуи, яди ыцэннышъ орэд зэфыригъэусынэу ыцэнэу къэлтэIугъэти, «дэгъу, сыкъ-экIон», — ылушъи рицэжъагъ.*

ž'anč'ete=q^wəjəneš^wə bweletək^wə hatəv^wəžəq^waje qə-č'-jə,
Джанчете=Куйныш Болетко Хатажукай DIR-выходить-ADD
qə-lə-ḱ^w-jə, ja.djə ə-š'e-nə-š wered
DIR-LOC-идти-ADD домой 3SG.A-вести-CS песня
ze-fə-r-jə-ve-wəsə-n-ew ə-š'e-n-ew
RFL.IO-BEN-DAT-3SG.A-CAUS-сочинять-MOD-ADV 3SG.A-вести-MOD-ADV
qe-ləŋ^wə-ve-tjə, deŋ^wə, sə-qe-ḱ^we-n,
DIR-просить-PST-CS хороший 1SG.ABS-DIR-идти-MOD
ə-ŋ^wə-š-jə r-jə-š'e-ž'a-ŋ
3SG.A-говорить-CS-ADD DAT-3SG.A-вести-INCH-PST

‘К Джанчете Куйнышу приехал из Хатажукая Болетко, приехал за ним, попросил, чтобы он (Болетко) его к себе взял, так что (Джанчете) для него песню сочинил, (Джанчете) сказал: «Хорошо, я приеду», и (Болетко) его повез’.

В этом отрывке два основных героя повествования — Джанчете Куйныш и князь Болетко — вводятся только в первой предикации, а в последующих предикациях какие-либо описывающие их свободные именные группы отсутствуют. При этом и за пределами первой предикации эти два героя продолжают выступать в качестве актантов большей части сказуемых, в которых они при необходимости индексируются.

Что касается отсутствия у именных групп актантных свойств, то в этой связи стоит упомянуть крайне интересное наблюдение, обсуждаемое в [Jelinek 1995; Baker 1995; 1996; Faltz 1995], которое состоит в том, что в языках, в которых предположительно индексы выступают в качестве актантов, именные группы не могут содержать *чистые кванторы* (true quantifiers), то есть кванторы, которые ставят интерпретацию референцию именной группы в зависимость от сказуемого. К такого рода кванторам относятся выражения вроде ‘каждый’ и партитивные кванторы типа ‘большинство’ — в норме именные группы типа ‘каждый X’ и

‘большинство X’ не имеют независимой референции. На первый взгляд, адыгейский язык противоречит этому предсказанию: словари указывают, что в нем имеются как дистрибутивное кванторное слово *perč* ‘каждый’³³, так и кванторное слово *naħəbe* ‘большинство’ (см., например, [Водождоков (ред.) 1960]; об употреблении этих и других кванторных выражений см. обзор [Nikolaeva 2012]).

Пример приименного использования дистрибутивного квантора *perč* ‘каждый’ дан в (1.147):

- (1.147) *Къуаджэ пэпчъ ыкIи район гупчэм концертхэр къащатыгъэх.*
 q^waž’e-**perč** эц’.jə rajwen-g^wəpč’e-m k^wencjert-xe-r
 аул-каждый и район-середина-ОВЛ концерт-PL-ABS
 q-a-š’-a-tə-ve-x
 DIR-3PL.IO-LOC-3PL.A-давать-PST-PL
 ‘Они дали концерт в каждом ауле и в районном центре’.
 {Адыгэ макъ, 15.08.2011}

Примечательно, что группы с дистрибутивным квантором в адыгейском языке ведут себя необычно. Во-первых, актаны, описываемые такими группами могут индексироваться личными показателями как единственного числа, так и множественного числа (1.148)—(1.149)³⁴, что для *согласования* типологически крайне не стандартно: как правило, дистрибутивные именные группы не допускают индексации маркерами множественного числа [Татевосов 2002: 80]. Во-вторых, адыгейские группы с дистрибутивным квантором могут выступать в качестве сказуемого, что для дистрибутивных именных групп вообще считается практически невозможным (см. обоснование и обсуждение кажущихся исключений в [Partee 1986]); ср. вопросно-ответную пару (1.150).

³³ Следует сделать оговорку, что *perč* — не единственное дистрибутивное кванторное слово в адыгейском языке. Помимо него имеются также квантор *qes*, квантифицирующий темпоральные группы, и квантор *šhaž*, который, однако, не является приименным и выступает как наречие; см. [Nikolaeva 2012].

³⁴ Насколько нам известно, этот факт был впервые отмечен С.А. Минором в Адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ 2004 года.

(1.148) *Зы пчэдыжъ горэм Мухъамодэ рихъухъагъ цунагъо подаркэхэр къафищэфынэу, шлухъафтын цыклухэр ис пэпчъ афишлэнэу.*

zə pč'edəž'-g^were-m mwəhamwede r-jə-χ^wə-ha-в

один утро-некий-OBL Мухаммед DAT-3SG.A-случаться-LAT-PST

jə-wəpav^we pwedarke-xe-r q-a-f-jə-š'efə-n-ew,

POSS-семья подарок-PL-ABS DIR-3PL.IO-BEN-3SG.IO-купить-MOD-ADV

š^wəhaftən=çəḵ^wə-xe-r **jə-s-perč**

подарок=маленький-PL-ABS LOC-сидеть-каждый

a-f-jə-š'e-n-ew

3PL.IO-BEN-3SG.A-делать-MOD-ADV

‘Как-то утром Мухаммед решил купить подарки своей семье, сделать по маленькому подарку каждому в ней’. {Подарки}

(1.149) *Сэ сымаджэ пэпчъ сеплгыгъ / сяплгыгъ.*

se səmāž'e-perč s-∅-je-рлэ-в /

я больной-каждый 1SG.ABS-3SG.IO-DAT-смотреть-PST

s-ja-рлэ-в

1SG.ABS-3SG.PL + DAT-смотреть-PST

‘Я осмотрел каждого больного’. {Хк}

(1.150) *Хэта халыжъо къызытефагъэр? — Халыжъо къызытефагъэр клалэ пэпчъ.*

xet-a xaləž^we qə-zə-tje-fa-ve-r? — xaləž^we

кто-Q халыж DIR-REL.IO-LOC-падать-PST-ABS халыж

qə-zə-tje-fa-ve-r č'ale-perč

DIR-REL.IO-LOC-падать-PST-ABS парень-каждый

‘Кому досталось по халыжу? — По халыжу досталось каждому мальчику.

(Букв.: Кто тот, кому достался халыж? — Тот, кому достался халыж, — каждый парень.)’ {Хк}

Соответственно, это кванторное выражение не проявляет свойств чистого квантора и не может считаться весомым аргументом в пользу актантного статуса включающих его именных групп.

Партиитивный квантор *nahəbe* ‘большинство’, в действительности, представляет собой именной комплекс ‘тот, кто более большой’, в котором область квантификации — множество, из которого выбирается большинство, маркируется как непрямым объектом:

(1.151) *ЕджакIомэ анахьыбэр адыг, адрэхэр урысых, украинцэх, цыганхэри ахэ-тых.*

jež'aq^we-me a-nahə-be-r adəγ, a-dre-xe-r

учащийся-OBL:PL ЗРЛ.Ю-более-большой-ABS адыг тот-другой-PL-ABS

wəgəsə-x, wəkrajənce-x, сəγan-xe-r-jə а-хе-тə-х

русский-PL украинец-PL цыган-PL-ADD ЗРЛ.Ю-LOC-стоять-PL

‘Большинство учащихся — адыгейцы, прочие — русские, украинцы, есть даже цыгане’. {Адыгэ макъ, 20.04.2011}

Не удивительно, что такой именной комплекс может выступать и в качестве сказуемого, а значит, он не может считаться полноправным кванторным словом, чья интерпретация обязательно зависит от интерпретации некоей другой единицы (а не от контекста):

(1.152) *БлэкIыгъэ штэсым къэгъэлтэгъонэу цыIагъэхэм ар анахьыб.*

ble-č'ə-we jələsə-m qe-we-лeв^we-n-ew š'ə-ʔa-we-xe-m

LOC-уходить-PST год-OBL DIR-CAUS-видеть-MOD-ADV LOC-быть-PST-PL-OBL

а-г а-nahə-b

тот-ABS ЗРЛ.Ю-более-большой

‘Это больше, чем то, что было показано в прошлом году’.

{Адыгэ макъ, 1.07.2011}

Итак, судя по представленным данным, даже те свойства именных групп, которые могли бы указывать на их актантность, в действительности, не очевидны.

В разделе 3.3.3 мы увидим, что именные группы ведут себя не как актанты и по некоторым другим критериям.

1.6.6. Выводы

Как кажется, для адыгейского языка имеется немало аргументов в пользу того, что актанты по крайней мере могут выражаться морфологическими индексами. Как правило, присутствие именной группы не является обязательным, но даже если она появляется, выбор личного префикса от нее не зависит (или по крайней мере не обязательно зависит). Особо существенным представляется нам то, что именно морфология оказывается основным средством выражения кореферентности, а попытки установления кореферентности (или вообще референции, как в случае с кванторными группами) исключительно именными группами проявляют идиосинкретические свойства.

Мы не готовы, впрочем, сделать вывод, что в адыгейском языке актанты всегда выражаются морфологическими показателями, а именные группы выступают в качестве сирконстантов. Во-первых, такое простое деление необходимо скорее для формальных моделей языка, в то время как с дескриптивной точки зрения очевидно, что определенную информацию об актанте в таких случаях могут нести и морфология, и синтаксис. Во-вторых, не исключено, что функции, связанные с установлением актантов, могут передаваться то морфологическим показателям, то именным группам в зависимости от контекста, конструкции или носителя.

Тем не менее для дальнейшего изложения будет важно, что морфологические показатели в адыгейском языке могут вести себя как актанты, а (некоторые) именные группы — как сирконстанты. Далее мы будем противопоставлять две части предикации, в общих чертах следуя концепции в духе референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валина, который делит предикацию на **ядро**, включающее сказуемое и его актанты, и **периферию**, включающую сирконстанты (см., например, [Van Valin 2005: 4ff]). В ядро адыгейской предикации обязательно входит сказуемое вместе с личными префиксами. Если считать, что абсолютная именная группа, не выраженная личным местоимением, не индексируется в ска-

зуемом (раздел 1.6.3), она, вероятно, должна входить в ядро. Действительно, как мы увидим в главе 3 (разделы 3.3.3 и 3.4.2), для некоторых (но не для всех) носителей такая абсолютивная группа ведет себя как элемент ядра. Прочие именные группы, описывающие актанты, могут включаться как в ядро, так и в периферию.

1.7. Проблема противопоставления глагола и имени

Адыгейский относится к числу языков, в которых имена и глаголы противопоставляются весьма слабо — по крайней мере если исходить из того, что частеречные противопоставления должны иметь формальную грамматическую, а не семантическую природу.

Факт слабого противопоставления имен и глаголов можно увидеть невооруженным глазом уже при сравнении разных описаний. Так, многие элементы морфологии, которые в академической грамматике Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой [1966] описываются в разделе «Глагол», в грамматике У.С. Зекоха [2000] рассматриваются в разделе «Имя существительное». Примечательно, что такова же ситуация и в других абхазо-адыгских языках — например, в грамматическом описании абазинского языка А.Н. Генко [1955] основная часть морфологии и вовсе обсуждается в разделе, посвященном причастиям. Синтаксические свойства разных типов знаменательных слов тоже, на первый взгляд, в значительной степени совпадают; в грамматиках это отражается в том, что регулярно постулируется свободное образование отыменных глаголов.

Наиболее подробно вопрос о частях речи в адыгских языках обсуждался в описаниях кабардино-черкесского языка [Багов и др. (ред.) 1970: 53—59; Кумахов (ред.) 2006, I: 83—87], хотя для адыгейского языка и была предпринята попытка критического анализа этого вопроса в трудах У.С. Зекоха [1991; 2002]. Заметим, что в этих работах, к сожалению, нередко смешиваются явления нерегулярной конверсии (ср., например, цитируемую часто для кабардино-черкесского, но имеющую место и в адыгейском языке возможность корня *psɛle-* выражать как

значение ‘слово, речь’, так и значение ‘говорить’³⁵) и совершенно регулярных отношений, меняющих не столько семантику, сколько синтаксическую функцию; см. ниже.

На наш взгляд, при рассмотрении вопроса о частеречных противопоставлениях важно противопоставлять вопрос о морфологической сочетаемости основ и корней и вопрос о синтаксической дистрибуции словоформ. В какой-то степени это деление соответствует известному противопоставлению морфологических и синтаксических частей речи (см., например, [Алпатов 1990]). Синтаксические части речи, определяемые через предположительно универсальные синтаксические функции, более существенны, поскольку только они допускают прямое сопоставление разных языков по частеречному параметру [Тестелец 1990: 78—79], в то время как «морфологические части речи разных языков прямо не сопоставимы друг с другом, но могут быть сопоставлены и, в частности, быть одинаково названы через соотнесенность с синтаксическими частями речи» [Алпатов 1990: 45]. Специально подчеркнем, что ниже нас практически не интересуют семантические основания классификации частей речи, порою представленные в литературе (см. обсуждение в [Алпатов 1990: 31—34]), поскольку части речи для нас — это классификация грамматическая, являющаяся результатом грамматикализации, которая не предполагает полную семантическую мотивированность.

Как и в других разделах этой главы, мы не претендуем здесь на окончательное решение рассматриваемого вопроса. Вместе с тем, нам представляется, что обзор проблемы противопоставления имени и глагола может способствовать пониманию морфологических и синтаксических структур, обсуждаемых в дальнейших главах³⁶.

³⁵ Семантическое отношение между этими единицами для адыгейского языка предсказуемо и, как мы увидим, регулярно: это отношение между действием ‘говорить’ и его абсолютным актантом ‘говоримое’. Тем не менее в именном употреблении эта основа, по-видимому, может образовывать словоформы, которые неудобно трактовать как релятивы вроде ‘то, что говорится’; см. о релевантных критериях ниже.

³⁶ В первую очередь мы обсуждаем контраст между существительными и глаголами. Адыгейские прилагательные обычно считаются подклассом имен, хотя мы не исключаем, что по каким-то параметрам они могут сближаться и с глаголами; при этом с большой веро-

1.7.1. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ

Для многих языков удобно говорить об именной морфологии и глагольной морфологии. Важно, что использоваться подобное противопоставление может двумя способами:

(i) во-первых, сама сочетаемость с морфологией одного или другого типа может быть критерием для противопоставления имени и глагола — в таком случае проводится классификация исходных единиц, к которым может присоединяться эта морфология;

(ii) во-вторых, могут классифицироваться морфологические единицы, образуемые морфологией одного или другого типа; условно назовем их дериватами.

Эти две классификации могут смешиваться: одно и то же описание способно оперировать терминами вроде *именная основа*, относящимся к первому типу классификации, и *именная форма*, относящемуся ко второму типу классификации. Тем не менее, строго говоря, классификацию исходных единиц и классификацию дериватов необходимо различать, даже если в каких-то языках при каких-то морфологических операциях между такими классификациями наблюдается изоморфизм.

Сочетаемость с предосновными элементами и окончаниями. Как правило, при противопоставлении именной и глагольной морфологии речь идет о словоизменительной морфологии (в [Алпатов 1990] это именуется «узким подходом»): например, в описаниях нередко указывается, что падеж — категория именная, а время — глагольная, на основании чего делаются какие-то выводы. Попытка приложения такого критерия к адыгейскому языку требует в первую очередь обращения к окончаниям и предосновным элементам. Между тем эти типы показателей минимально различают исходные единицы. Один из таких показателей — окончание множественного числа *-хе* — появляется у всех знаменательных лексем, но в описаниях трактуется по-разному: как обычный суффикс множественного числа для предположительных имен и как «согласовательный» суффикс

ятностью разные классы прилагательных следует рассматривать отдельно друг от друга. Непроизводные наречия в адыгейском языке образуют небольшой класс слов и, вероятно, должны рассматриваться с точки зрения параметров, периферийных для нашей темы.

(1.155) a. *Ац хэти кьыкІэхъан ылъэкІыщтыгъэн.*

a-š' xet-jə qə-č'e-ha-n ə-леџ'ə-š'tə-в-ер
TOT-OBL КТО-ADD DIR-LOC-приходить-MOD 3SG.A-мочь-AUX-PST-NEG
'Никто не мог его догнать'. {Нарт къэбархэр}

b. *...ац укьызыфэхъум, цыфэн кьыфэхъугъэр, цыфэгъэ гори зыхэмыль хъэйуан нахъ.*

... a-š' wə-qə-zə-f-e-χ^wə-m, çəf-ер
TOT-OBL 2SG.ABS-DIR-REL.TMP-BEN-DYN-случаться-OBL человек-NEG
qə-fe-χ^wə-ве-г, çəfe.ве-g^we.r-jə
DIR-BEN-случаться-PST-ABS человечность=некий-ADD
zə-xe-mə-λ hejwan nah
REL.IO-LOC-NEG-лежать животное более

'...когда ты у него родился, это не человек родился (букв.: тот, кто родился — не человек), скорее животное, в котором нет ничего человеческого'. {КІэращ}

(1.156) a. *Джы тэтэжъ цымыщынэжъхэми хъуцт.*

ž'ə tetež š'ə-mə-š'əne-ž'-xe-m-jə χ^wə-š't
теперь дед LOC-NEG-бояться-RE-PL-COND-ADD случаться-FUT
'Теперь им не надо будет больше бояться бабушки'. {Гъыщ}

b. *Мы лыр имыльэпкъ хэхъагъ.*

mə λə-г jə-mə-лерq xe-ha-в
этот мужчина-ABS POSS-NEG-род LOC-входить-PST

'Этот мужчина оказался не в своем роду (то есть, например, сел за чужой стол)'. {Хк}

Наконец, имеется ряд предосновных элементов и окончаний, которые связываются с динамичностью/статичностью основы. В грамматике [Рогава, Керашева 1966: 103—104] предлагаются критерии, указывающих на такую оппозицию: на статичность могут указывать отсутствие форм аориста, императива, оптатива, некоторых конвербов. Наиболее показательна форма настоящего времени, кото-

рая сочетаясь с нестатическими основами всегда содержит префикс или суффикс динамичности:

(1.157) *Тур мэлъаЮ, яцэнэрэм зыпари ыШорэн.*

ʦ^wə-r me-лаʔ^we, ja.ʃ'e.ne-re-m zə.par-jə
два-ABS DYN-просить третий-ADJ-OBL ничего-ADD

ə-ʔ^we-re-p

3SG.A-говорить-DYN-NEG

‘Двое просят, третий ничего не говорит’. {Едыдж}

Основная часть глагольных основ выступает в качестве динамических. В качестве статических основ могут выступать основы, включающие корни со значением позиции (-s- ‘сидеть’, -t- ‘стоять’, -л- ‘лежать’), корень *ʔe-* ‘быть’, предположительно связанный с ним корень *je-* (*fa-je-* ‘хотеть, быть должным’), корни *de-* ‘соответствовать’ (*fe-de-* ‘подобный’), *ʔav-* со значением ‘держат’, -š'- ‘быть частью’, фасилитивные и дифисилитивные основы (например, *ʃe-в^weʃ^wə-* [делать-ФАС] ‘легко делать’), а также именные основы. Впрочем, многие из этих основ окказионально или регулярно могут выступать и как динамические (ср. пример 1.158), с итеративным или стадильным значением [Аркадьев 2004]. В результате для таких основ тесты на динамичность могут давать неоднозначный результат, а показательным становится возможность употребления в настоящем времени без динамического префикса.

(1.158) *Къутас дыныр загъорэ Іэклэзы, плъызэу зауэрэ цэсы...*

q^wətas=dənə-r zəv^we.re ʔeç'-e-zə, pləz-ew

бахрома-шитье-ABS иногда INADV-DYN-выпускать застывать-ADV

zawəle-re š'-e-sə...

несколько-DUR LOC-DYN-сидеть

‘Иногда бахрому роняет, застыв, некоторое время сидит...’

(Из песни.) {Адыгэ макъ, 17.08.2009}

только к единицам, описывающим ситуации — явным претендентам на статус глаголов, но и к единицам, которые (по крайней мере на певый взгляд) описывают не столько ситуации, сколько некоторые объекты, и претендуют быть именами:

(1.160) *КІэлэегъаджэу кІо тІуми Іоф зэдатиІэцтыгъ, ежыр географыцтыгъ, сэ сыязыковедыцтыгъ.*

č'elejevaž'-ew k^we t^wə-m-jə ʔ^wef ze-da-t-še-š'tə-в,
учитель-ADV ну два-OBL-ADD работа REC.IO-COM-1PL.A-делать-AUX-PST
jež'ə-r γjeweyrafə-š'tə-в, se sə-jazək^wevjedə-š'tə-в
сам-ABS географ-AUX-PST я 1SG.ABS-языковед-AUX-PST
'Оба вместе работали учителями, она была географ, я был языковед'.
{Семья}

Как мы увидим далее, дериваты с показателями времени обладают свойствами, которые хотелось бы считать глагольными, а именно сочетаемостью с наречиями и особым поведением в отношении падежных показателей; тем не менее они сохраняют и возможность сочетаться с (неинкорпорированными) прилагательными, то есть оставляют при себе и именные свойства.

Соответственно, такая морфология не дает четких оснований для классификации дериватов и исходных единиц. Причина этого в том, что она передает некоторые дополнительные аспекты того, что описывает исходная единица, семантически зачастую выполняет роль своего рода сирконстантов и изменяет сочетаемость единицы исключительно в той степени, в какой ее может изменить это указание на дополнительные аспекты. К такой морфологии относятся многие показатели, традиционно описываемые как глагольные, в том числе, например, описанный в разделе 1.5.4 показатель симулятива, аппликативные комплексы³⁷ и

³⁷ Не исключено, что особый статус имеет в этом отношении посессивная морфология, которая обычно присоединяется только к именам (см. [Lander, Testeletts 2006; Михина 2009]). Тем не менее посессивные аппликативы способен принимать один глагол — 'быть'.

даже каузатив, который, который, как показал А.Б. Летучий [2007; 2009b], может представляться не как образующий описание новой ситуации, а как добавляющий информацию о ситуации, выраженной в основе³⁸. Назовем показатели, обладающие такими свойствами, морфологическими адьюнктами.

Некоторые адьюнктные показатели непосредственно влияют на сочетаемость деривата, делая его динамичным. Таков, например, суффикс хабилитива; в (1.161) показывается, что в отрицательных формах настоящего времени он требует появления суффикса динамичности:

(1.161) *Дэгъоу цыІэшъурэп / *цыІэшъоп.*

dev^w-ew š'ə-ʔe-š^wə-r-ep / *š'ə-ʔe-š^w-ep

хороший-ADV LOC-быть-HBL-DYN-NEG LOC-быть-HBL-NEG

‘Он не может хорошо жить’. {Бж}

Мы исходим из динамичности как семантического свойства и не принимаем его во внимание при противопоставлении частей речи.

Наряду с подобной морфологией в адыгейском языке имеется и морфология, ограниченная в выборе исходных единиц и в не меньшей степени ограничивающая дериваты. Таковы, например, суффикс образа действия -č'e (отличающийся от показателя инструменталиса принадлежностью основе, а не зоне окончаний), суффикс деятеля -k^we, суффикс места -pe. Эти морфемы присоединяются к основам одного типа, а образуют основу другого типа, что видно по изменению актантной структуры: если у основы абсолютным актантом был актант ситуации, выраженной исходной единицей, определяемый корнем, у деривата абсолютный актант определяется уже суффиксом. Так, в (1.162) абсолютный актант при предикате *bəbə-ve* [лететь-PST] — ‘тот, кто летит’, а в (1.163) абсолютный актант при предикате *bəbə-pe* — ‘место, где происходит летание’. Будем считать показатели вроде -pe собственно словообразовательными, сознавая, правда, что

³⁸ Ср. следующее его утверждение: «По своему устройству адыгейские каузативы близки скорее не к каноническим каузативным конструкциям, а к предложениям с причинным сирконстантом типа ‘вынужденно’, ‘по деланию X-а’» [Летучий 2009b: 400].

они отличаются от классического словообразования по некоторым критериям, в первую очередь по абсолютной продуктивности.

(1.162) *Апэ коллективыр Иорданиям икълэзу Амман быбыгъэ.*

ape k^weljektjəvə-r jəwerdanjəje-m jə-qal-ew amman

впереди коллектив-ABS Иордания-OBL POSS-город-ADV Аман

bəbə-ve

летать-PST

‘Сперва коллектив полетел в иорданский город Аман’.

{Адыгэ макъ, 10.08.2010}

(1.163) *Тэ тиццагу нцIаишъохэмкIэ быбынIэ.*

te t-jə-š’ag^w pɕašɣ^we-xe-m-č’e bəbə-pe

мы 1PL.PR-POSS-двор ласточка-PL-OBL-INS летать-PLACE

‘Наш двор для ласточек — место полетать’. {Хк}

Простейшее противопоставление типов морфологических образований, не включающих окончания (и за редкими исключениями не включающих предосновные элементы), связано с возможностью включения в именной комплекс: резонно считать, что модификацию знаменательными элементами в таком комплексе допускают лишь именные единицы. Судя по всему, все основные собственно словообразовательные элементы с этой точки зрения образуют именные основы. Ср., например, следующий пример комплекса с суффиксом образа действия:

(1.164) *уичэцзекIуакIэ*

w-jə-č’eš’=z-je-ɕ^wa-č’e

2SG.PR-POSS-ночь=RFL.IO-DAT-идти-MANNER

‘то, как ты гуляешь ночью’ {Хк}

Интересно, что аналогичным образом себя может вести и модальный префикс *-n*: он способен образовывать имена действия (масдары), которые далее могут модифицироваться в именном комплексе (1.165). Однако он не ограничен в

в. *Ктуагъэр хъакІэ.*

ḵ^wa-ve-r hač'e

идти-PST-ABS гость

‘Тот, кто пошел, — гость’.

Значительная нагрузка в различении синтаксической функции падает на окончания и предосновные элементы. Например, функционирование словоформы в качестве вершины именной группы может маркироваться показателями падежа, а функционирование словоформы как сказуемого, напротив, может определяться благодаря отсутствию такового и, иногда, усечению конечного гласного (раздел 2.6).

Для именных групп, вершинами которых являются имена (существительные и прилагательные), появление падежного показателя одновременно маркирует референциальный статус — определенность или референтность (раздел 1.2.2). Для ряда консультантов если в качестве вершины именной группы выступал глагол, показатель падежа воспринимался как обязательный или по крайней мере как не маркирующий референциальный статус (в этом случае наличие или отсутствие такого показателя семантически не обусловлено)⁴⁰. Тем не менее значительная часть наших консультантов все же связывала присутствие падежных окончаний с референтностью и в тех случаях, когда они присоединялись к глаголу (ср. примеры 1.168) — вопреки [Ландер, Тестелец 2005; Lander, Testelelets 2006; Аркадьев и др. 2009: 34—35; Михина 2009]. Соответственно, этот тест не может считаться удовлетворительным для противопоставления именных и глагольных основ.

(1.168) а. *Фарзэ Іусыр слъэгъугъэп.*

farze ʔ^wэ-сэ-г s-лeв^wэ-в-ep

Фарс LOC-сидеть-ABS 1SG.A-видеть-PST-NEG

‘Того, кто сидел у Фарса, я не видела’.

⁴⁰ Окациональное опущение падежных показателей на релятивных сказуемых, которые одновременно возглавляют матричную группу, отмечает, например, Ю.А. Тхаркахо [1990: 40—41; 2003: 330—331].

b. *Фарзэ Іус слъэгъугъэп.*

farze ʔ^wэ-s s-лeв^wэ-в-ep

Фарс LOC-сидеть 1SG.A-видеть-PST-NEG

‘Никого, кто бы сидел у Фарса, я не видела’.

{Xк}

Наличие в основе (даже именной) темпорального показателя делает ее более глагольной — снижает вероятность того, что падежные показатели будут одновременно влиять на референциальный статус. Кроме того, для именных вершин именных групп только наличие темпоральных показателей делает возможным модификацию адвербиалами (1.169a); как показывает (1.169b) имена без темпоральных показателей с адвербиалами не сочетаются:

(1.169) a. *илъэсыбэрэ синачальникыщтыгъэр*

jələsə=be-re s-jə-nač'al'njəkə-š'tə-ve-r

год=много-DUR 1SG.PR-POSS-начальник-AUX-PST-ABS

‘тот, кто на протяжении многих лет был моим начальником’

b. **илъэсыбэрэ синачальникыр*

*jələsə=be-re s-jə-nač'al'njəkə-r

год=много-DUR 1SG.PR-POSS-начальник-ABS

(Ожид.: ‘тот, кто на протяжении многих лет мой начальник’)

Для именных основ, впрочем, это нельзя считать доказательством преобразования имени в глагол; см. ниже.

Наиболее работающий тест на глагольность словоформы связан с ее поведением в именной группе. Только именные словоформы могут выступать в качестве вершины именной группы при наличии относительного предложения, которое ее модифицирует (1.170a), аналогичная конструкция с модифицируемым глаголом недопустима (1.170b):

(1.170) а. *Тетрадь зылыгыгыгэ пшьашгэм зыгорэ кьылонэу ригэжсгагэ.*
 tjetrad zə-ʔəvə-ve pšaše-m zə-g^we.re
 тетрадь REL.A-держать-PST девушка-OBL один-некий
 q-ə-ʔ^we-n-ew r-jə-ve-ž'a-в
 DIR-3SG.A-говорить-MOD-ADV DAT-3SG.A-CAUS-начинаться-PST
 'Девушка, которая держала тетрадь, начала что-то говорить'.

б. **Тетрадь зылыгыгыгэ кьэчъагэм зыгорэ кьылонэу ригэжсгагэ.*
 *tjetrad zə-ʔəvə-ve qe-ča-ve-m zə-g^we.re
 тетрадь REL.A-держать-PST DIR-бежать-PST-OBL один-некий
 q-ə-ʔ^we-n-ew r-jə-ve-ž'a-в
 DIR-3SG.A-говорить-MOD-ADV DAT-3SG.A-CAUS-начинаться-PST
 (Ожид.: 'Прибежавшая, которая держала тетрадь, начала что-то гово-
 рить'.)

{Xк}

Именные основы, маркированные темпоральными префиксами, допускают модификацию относительными предложениями даже при наличии адвербиалов:

(1.171) *Тэ тыгъуасэ кьытэццэцагэ илгэсыбэрэ начальныкыгэр непэ Краснодар кгуагэ.*
 te təv^wase qə-t-e-çəçə-ve jələsə=be-re
 мы вчера DIR-1PL.IO-DAT-ругаться-PST год=много-DUR
 pač'al'njəkə-ve-r njere krasnwedar k^wa-ve
 начальник-PST-ABS сегодня Краснодар идти-PST
 'Тот, кто был нашим начальником много лет, который вчера на нас ругался, сегодня уехал в Краснодар'. {Xк}

Таким образом, противопоставление имен и глаголов для адыгейского языка все же может быть постулировано, хотя оно и занимает маргинальное положение. В разделе 1.7.3 обсуждаются возможные подходы к слабому различению частей речи.

1.7.3. ДВА ПОДХОДА К СЛАБОМУ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЮ ИМЕН И ГЛАГОЛОВ

Моносемические языки vs. полисемические языки. Слабое противопоставление имен и глаголов — не уникальное явление, зафиксированное в разных языковых семьях и ареалах. Утверждения о слабом противопоставлении имен и глаголов или даже об отсутствии такого противопоставления делались для древнекитайского языка (см., например, [Старостин 1994]), мундари (австроазиатская семья; см. обсуждение в [Evans, Osada 2005]), ацтекских языков [Launey 2003], североирокезских языков [Sasse 1988] (но см. критику в [Mithun 2000]), салишских языков [Jelinek, Demers 1994; Jelinek 1995], вакашских языков [Swadesh 1938; Jacobsen 1979], языков майя, ряда языков австронезийской семьи, в частности, тагальского и многих других типологически сходных языков [Шкарбан 1995; Himmelmann 2007], самоанского [Mosel, Hovdhaugen 1994] (естественно, этот список не претендует ни на полный охват релевантных языков, ни на полный охват соответствующей литературы). Но это множество языков не однородно. В [Lander, Testelefs 2006] среди языков со слабым различием частей речи противопоставляются два типа: *полисемический* и *моносемический*.

В языках полисемического типа несмотря на то, что одно и то же слово, на первый взгляд, может употребляться в разных синтаксических функциях (например, в функции обозначения актанта и в функции сказуемого), наблюдаемые семантические сдвиги не предсказуемы. Для таких языков удобно постулировать развитую конверсию — немаркированный переход из одной части речи в другую. К этому типу относятся, например, древнекитайский язык и язык мундари.

В языках моносемического типа семантика разных употреблений слова непосредственно и обязательно определяется синтаксической функцией. Так, в адыгейском языке, как мы видели, глагол, образующий именную группу в актантной позиции, описывает один из актантов ситуации, обозначенной основой; имя, описывающее некий класс объектов, в позиции сказуемого всегда функционирует как предикат 'быть таким объектом'. К моносемическому типу можно отнести языки вроде тагальского, салишские языки, вакашские языки и т.д.

Существенно, что языки со слабым противопоставлением имени и глагола, относящиеся к полисемическому типу, могут проявлять свойства моносемическо-

го типа, демонстрируя регулярную, но не обязательную предсказуемость семантики синтаксической функцией; таковы некоторые океанийские языки вроде самоанского. В то же время и для языков моносемического типа, в принципе, конверсия не исключена.

Далее мы будем рассматривать только языки моносемического типа. Предсказуемость семантики употреблений знаменательных слов в подобных языках провоцировала исследователей на описание всей знаменательной лексики в этих языках как образующей единый класс. При этом отчетливо выделяются два подхода, условно называемые ниже *предикатно-ориентированным* и *имя-ориентированным*.

Предикатно-ориентированный подход основан на том, что семантика любого имени представима в качестве логического предиката в той же степени, что и семантика глагола. Например, значение предложения *Пришел некий художник* передается формулой $\exists x$ [пришел(x) & художник(x)], расшифровывающейся как 'Существует x такой, что x пришел и x является человеком'. В соответствии с предикатно-ориентированным подходом, представленным, например, в работах [Jelinek, Demers 1994; Jelinek 1987; 1995; Launey 2003; Himmelmann 2007], (моносемические) языки без противопоставления имен и глаголов эксплуатируют это свойство имен: (i) знаменательные слова в таких языках принадлежат классу предикатов; «имена» представляются как предикаты точно так же, как и глаголы; (ii) наиболее естественной (и немаркированной) для предикатов любого рода является позиция сказуемого; (iii) в актантных позициях предикаты требуют номинализации/релятивизации, это касается и слов с предметной семантикой — употребление «имени» 'X' должно интерпретироваться как 'тот, который X'.

Для адыгейского языка подобное теоретическое представление, насколько нам известно, в литературе не предлагалось. Между тем оно дает объяснение морфологическим сходствам между именами и глаголами: являясь предикатами, и те и другие имеют актантную структуру, которая выражается более или менее единообразно, и присоединяют разного рода морфологические модификаторы, которые обычно применимы в первую очередь к единицам предикатного характера (например, показатели темпоральной референции). Другое достоинство рассматриваемого подхода состоит в том, что он объясняет соотношение разных

функций по маркированности: функция сказуемого для предикатов, естественно, немаркирована, особые показатели функции появляются только в нестандартной для предикатов функции зависимых элементов и актантов.

В то же время предикатно-ориентированный подход не объясняет указанные выше различия в поведении между именами и глаголами: возможную асимметрию в маркировании падежей и в присоединении адвербиалов и прилагательных, очевидную асимметрию в функционировании внутри именной группы.

Имя-ориентированный подход сводит простое предложение к именной предикации, предполагая, что глаголы имеют дистрибуцию, аналогичную именам в языках с более жестким противопоставлением частей речи. Например, то же предложение *Пришел некий художник* в соответствии с этим подходом интерпретируется приблизительно как 'Некий художник — пришедший'. Такое представление допускает как использование «глагольной» формы, функционирующей как актантная номинализация или причастие, в позиции имени, так и появление имени в позиции сказуемого в тех же условиях, что и появление этой «глагольной» формы.

Имя-ориентированный подход имеет долгую историю для описаний языков со слабым противопоставлением имен и глаголов; в частности, он предлагался и иногда предлагается до сих пор для так называемых австронезийских языков филиппинского типа [Starosta et al. 1982; 2009; Kaufman 2009]. Как видно, этот подход пытается свести ситуацию в языках со слабым противопоставлением частей речи к ситуации в языках с жестким противопоставлением имени и глагола, но не за счет семантики, а за счет синтаксиса. Такое представление тем более обосновано, что граница между именными и глагольными предикациями не четка: случаи, когда (квази)именные формы интерпретируются (в сочетании со связкой при ее наличии) как немаркированные сказуемые не редки. Простейший пример представляет русская форма прошедшего времени, исходно представлявшая собой причастие.

Для адыгейского языка наиболее подробная попытка такого описания была предложена У.С. Зекохом (см., например, [Зекох 1991; 2002] и обсуждение в [Герасимов 2004]) — по-видимому, независимо от аналогичных иностранных работ; сходная, но отличная гипотеза выдвигалась в [Lander 2004; Ландер, Сумбатова

2004]). Интересно, что в работах Зекоха все же постулировалось противопоставление имен и глаголов, но под последними понимались лишь формы с префиксом динамичности, не доступным для большей части имен. В качестве основных критериев для противопоставления Зекох упоминает не только сочетаемость слов, называемых им именными (или «мертвыми словами»), с показателями морфологии именных групп (падежами и именным сочинением), но и возможность присоединения суффикса отрицания *-er* (словоформы с префиксом динамичности с этим показателем не сочетаются, в отличие от всех прочих; в отрицательных формах настоящего времени появляется динамический суффикс — см. раздел 2.4).

В поддержку своего мнения Зекох указывает и на картину, наблюдаемую в литературном варианте и большей части диалектов кабардино-черкесского языка, где в позиции неотрицательного сказуемого независимого декларативного предложения все словоформы за исключением динамических глаголов настоящего времени принимают окончание *-ŝ* («связку»; ср. примеры 1.172—1.175), либо маркер ретроспективного сдвига *-t*⁴¹.

Кабардино-черкесский язык (абхазо-адыгская семья)

(1.172) *Ap студентц.*

a-r stwədjent-ŝ

тот-ABS студент-IND

‘Тот — студент’. [Багов и др. (ред.) 1970: 119]

(1.173) *Cə ap ciŝəц.*

se a-r s-jə-ʔe-ŝ

я тот-ABS 1SG.PR-POSS-БЫТЬ-IND

‘Я имею то’. [Багов и др. (ред.) 1970: 119]

⁴¹ Трактовка этого окончания как показателя ретроспективного сдвига встречается, например, в работе [Сомин 2011].

(1.174) *Абы ар ишац.*

a-bə a-r jə-š-a-š

ТОТ-OBL ТОТ-ABS 3SG.A-вести-PST-IND

‘Тот повел его’. [Багов и др. (ред.) 1970: 124]

(1.175) *Абы ар ешэр.*

a-bə a-r j-e-še-r

ТОТ-OBL ТОТ-ABS 3SG.A-DYN-вести-DYN

‘Тот ведет его’. [Багов и др. (ред.) 1970: 124]

Для форм настоящего времени в таких случаях некоторые описания склонны говорить об их производности от причастий; ср.: «В формах прошедшего совершенного и будущего времени динамические глаголы не отличаются от статических глаголов. Формы названных времен образованы от причастий посредством присоединения к ним копулы-суффикса *-ц* или аффикса прошедшего времени *-т*» [Кумахов (ред.) 2006, I: 159].

Важность этих корреляций нельзя преуменьшать. В то же время они допускают и иную трактовку, согласно которой формы настоящего времени объединяются в первую очередь не с именами, а со статическими предикатами вообще. То, что указанные признаки в адыгейском и кабардино-черкесском языках не стоит привязывать к противопоставлению имени и глагола, видно, например, по тому, что они не коррелируют, например, с возможностью образования формы императива (Зекох избегает обсуждения частеречного статуса императивных форм, объединяя их с междометиями [1991: 53—54]). Кроме того, вопреки исходной установке Зекоха на то, что префикс динамичности появляется только в финитных сказуемых, он встречается и в сказуемых зависимых предикаций, например, при темпоральной релятивизации (раздел 4.2.5):

(1.176) *Лъахъчэу зыкызеишым тхъаматэри а моментым ахэтыгъэу цытыти...*

лахъч’-ew zə-qə-z-j-e-šə-m thamate-r-jə

низкий-ADV RFL.ABS-DIR-REL.TMP-3SG.A-DYN-делать-OBL начальник-ABS-ADD

a mwemjəntə-m a-xe-tə-ŋ-ew šʔə-tə-tjə...
 тот момент-OBL ЗPL.IO-LOC-стоять-PST-ADV LOC-стоять-CS
 ‘Когда он низко пролетел (букв.: себя сделал), в тот момент среди них
 стоял и председатель...’ {Испуганный председатель}

Таким образом, этот показатель может появляться в сказуемых релятивов, кото-
 рые Зекох, очевидно, должен признавать причастиями и, следовательно, именной
 частью речи. В результате приходится признать, что предложенная этим автором
 классификация слов по частям речи не выдерживает приводимых им критериев.
 Заметим, правда, что само по себе это не опровергает имя-ориентированный под-
 ход, который оперирует не столько с частями речи, сколько с составляющими и
 может допустить для любого сказуемого, в том числе и содержащего динамиче-
 ский префикс, скрытую релятивизацию.

Отвлекаясь от конкретной концепции Зекоха, стоит подчеркнуть, что имя-
 ориентированный подход не отрицает возможность противопоставления имен и
 глаголов, но предполагает его только в пределах именной группы, что соответст-
 вует адыгейским данным.

Интересно, что в рамках имя-ориентированного подхода допустимо объяс-
 нение наблюдаемой в адыгейском языке тенденции к оформлению глаголов, воз-
 главляющих именные группы, падежными показателями (раздел 1.7.2). Свобод-
 ные релятивы (то есть относительные предложения, не содержащие семантиче-
 скую вершину) вообще в тенденции являются определенными [Jacobson 1995],
 что для адыгейского языка требовало бы выраженного падежного маркирования.
 Не исключено, что эта тенденция ведет к грамматическому обобщению, требую-
 щему трактовки всех таких групп как формально определенных.

Наиболее важный аргумент против имя-ориентированного подхода, на наш
 взгляд, состоит в том, что он не объясняет формальную немаркированность ска-
 зуемых в противовес формальной маркированности актантов: для ситуации, в ко-
 торой функционально немаркированным употреблением для большинства форм
 является именное, ожидалась бы обратная ситуация [Croft 1991].

Итак, ни предикатно-ориентированный подход, ни имя-ориентированный
 подход не способны четко объяснить всю морфосинтаксическую дистрибуцию

адыгейских словоформ. Тем не менее нельзя исключать, что каждый из этих подходов в чем-то прав, раскрывая потенциальные (не только для исследователя, но и для носителя) осмысления структур адыгейского языка.

1.7.4. Итоги

Хотя имя и глагол в адыгейском языке противопоставлены в меньшей степени, чем в языках «среднеевропейского стандарта», существуют некоторые факты, позволяющие утверждать, что оппозиция между двумя основными частями речи в адыгейском языке все же присутствует. Наибольшие основания для постулирования такой оппозиции дают контексты, семантически ассоциируемые с именами. Как было показано в разделе 1.7.1, в адыгейском языке существует морфологическая деривация, превращающая глаголы в имена, но нет морфологической деривации, которая однозначно преобразовывала бы имена в глаголы. В том же разделе мы видели, что имена могут быть модифицированы знаменательными основами в пределах именного комплекса. Наконец, в разделе 1.7.2 было продемонстрировано, что имена и глаголы противопоставляются по возможности модификации относительными предложениями.

Намного хуже знаменательные части речи противопоставлены на уровне предложения: здесь имена и глаголы способны функционировать как в качестве актантов, так и в качестве сказуемого. В разделе 1.7.3 мы обсудили два подхода к этому явлению, один из которых основан на способности всех знаменательных слов толковаться как семантические предикаты, а второй — на теоретической возможности сведения разных предикаций к именным. Ни один из этих подходов не смог описать все детали морфосинтаксической дистрибуции имен и глаголов. Несмотря на это, данные трактовки, на наш взгляд, следует иметь в виду при рассмотрении конкретных грамматических явлений адыгейского языка.

1.8. Выводы

В этой главе не ставилось целью решить какие-либо описательные или теоретические вопросы, касающиеся адыгейского языка. Тем не менее мы, можно надеяться, показали, что этот язык структурно существенно отличается от языков

вроде русского или английского. Эти отличия связаны не только с общеизвестными типологическими параметрами вроде синтаксического строя (аккузативности, эргативности и т.д.), но и с менее изученными в отечественной литературе, но не менее существенными параметрами вроде типа морфологии, выражения актантов, противопоставления имени и глагола.

В частности, функционирование значительной части морфологии в полисинтетическом адыгейском языке обладает значительной свободой, уподобляя ее во многих отношениях синтаксическому уровню. Морфология сама передает основную информацию об участниках описываемой ситуации и может устанавливать референцию актантов. Имя и глагол в адыгейском языке противопоставлены слабо — в особенности на уровне предложения, что дает повод предположить, что адыгейское предложение может иметь другую структуру, нежели та, что постулируется для адыгских языков по образцу русского синтаксиса.

В дальнейших главах мы покажем, что описанная специфика помогает объяснить некоторые нестандартные явления, связанные с тем, как в нем устроена релятивизация, и предложить адыгейским относительным конструкциям описание, которое находилось в большей гармонии с типологическими чертами адыгейского языка.

Глава 2.

Морфология адыгейской релятивизации

2.1. Общие замечания

Поскольку адыгейский язык является полисинтетическим, неудивительно, что наиболее существенные функции при образовании относительных конструкций — указание на подчиненный статус относительной предикации и на то, какая роль релятивизируется, — в значительной степени ложатся в нем на морфологию. В этом свете естественным выглядит упомянутое в разделе 0.3.3 решение важнейших грамматических описаний адыгейского языка, постулирующих в нем категорию причастия (см. [Яковлев, Ашхамаф 1941: 338; Рогава, Керашева 1966: 314—327]) — подчиненной, нефинитной формы, появление которой сигнализирует об относительной конструкции. Представление адыгских релятивных конструкций как причастных призвано одновременно подчеркнуть отсутствие в этих языках синтаксических служебных слов, маркирующих подчинение относительной предикации, — подчинительных союзов или относительных местоимений.

Имеющиеся в литературе описания адыгских «причастий» достаточно детализированы и во многом отражают морфосинтаксическое своеобразие адыгских языков. Тем не менее, на наш взгляд, используемая в них терминология не адекватна, поскольку ведет к восприятию адыгейских относительных конструкций как аналогов причастных конструкций в языках непалисинтетических, конструкций, подразумевающих парадигматическое противопоставление специализированных причастных форм прочим. Между тем, как указывалось в разделе 1.5, для адыгейского языка описание, использующее парадигматические противопоставления форм, не является безусловно применимым.

Основная цель этой главы состоит в описании вклада морфологии в построение адыгейских релятивных конструкций. Ниже мы рассмотрим следующие морфологические признаки, которые могут противопоставлять релятивные конструкции нерелятивным:

- (i) особенности выражения в системе личных префиксов (раздел 2.2);

- (ii) наличие специального показателя *-re* в формах настоящего времени динамических сказуемых относительных предложений (раздел 2.3);
- (iii) префиксальное отрицание, отличное от суффиксального отрицания, которое обнаруживается у (прототипических) сказуемых простых предложений (раздел 2.4);
- (iv) нестандартная интерпретация суффикса множественного числа *-xe* (раздел 2.5);
- (v) отсутствие усечения последнего гласного сказуемого (раздел 2.6).

Первое из этих явлений связано с указанием на мишень, но, как будет видно, не определяет какую-либо специфическую форму сказуемого относительного предложения. Признаки (ii), (iii) и (v) хотя и ассоциируются с некоторой формой сказуемого, не противопоставляют относительные конструкции другим конструкциям. Наконец, особая интерпретация показателя множественного числа может быть объяснена без обращения к понятию формы сказуемого. Таким образом, далее показано, что ни один из этих признаков не может послужить основанием для выделения причастных форм, что согласуется с идеей непарадигматичности полисинтетической морфологии.

2.2. Особенности в системе личных префиксов

Как указывалось выше (раздел 0.1.3), во многих языках информация о том, какой партиципant ситуации, описанной относительным предложением, релятивизуется, извлекается из синтаксической структуры, в частности, из отсутствия именной группы, соответствующей мишени. В адыгейских относительных конструкциях именная группа, соответствующая мишени и сохраняющая ее падеж, выражена быть не может:

- (2.1) а. [Щытыгъэхэм] Дзыбэ Алий ахэфагъ.
 [š'ə-tə-ve-xe-m] зэbe aləj a-xe-fa-в
 LOC-стоять-PST-PL-OBL Дзыбов Алий ЗPL.IO-LOC-падать-PST
 'Алий Дзыбов попал в ряды стоящих'. {Едыдж}

- в. * [Цыфхэр цытыгъэхэм] Дзыбэ Алий ахэфагъ.
 * [çəf-xe-r šʼə-tə-we-xe-m] zəbe aləj
 человек-PL-ABS LOC-стоять-PST-PL-OBL Дзыбов Алий
 а-хе-фа-в
 ЗPL.Ю-LOC-падать-PST
 (Ожид.: ‘Алий Дзыбов попал в ряды стоящих людей’.) {Хк}

Это, впрочем, не дает надежного указания на то, какая роль релятивизируется, поскольку в адыгейском языке в предложении не обязаны присутствовать все именные группы, соответствующие ядерным участникам ситуации (см. раздел 1.6.5). Тем не менее адыгейский язык обладает хорошими морфологическими средствами указания на роль релятивизируемого участника. В зависимости от состава префиксов актантной структуры в адыгейском языке противопоставляются две стратегии релятивизации:

- (i) немаркированная стратегия, при которой личный префикс мишени отсутствует, используется при релятивизации абсолютного актанта,
- (ii) прономинальная стратегия, при которой появляется специальный релятивный префикс, используется во всех остальных возможных случаях.

2.2.1. НЕМАРКИРОВАННАЯ СТРАТЕГИЯ

В конструкции с немаркированной стратегией релятивизации личный префикс мишени отсутствует. Эта стратегия допускается только при релятивизации абсолютного актанта и иллюстрируется следующими примерами:

- (2.2) [Мый кIэнкIэу хэлъыр] IахэмкIэ хэзгъуатырэпшъы...
 [mə-j çʼençʼ-ew xe-λə-r] ʔa-xe-m-çʼe
 ЭТОТ-OBL яйцо-ADV LOC-лежать-ABS рука-PL-OBL-INS
 xe-z-в^watə-r-ep-šə...
 LOC-1SG.A-находить-DYN-NEG-CS
 ‘Я яйцо, которое здесь лежит, руками не нахожу, так что...’ {Певец}

- (2.3) *ХьакIэм [Iaxъэу ышхыгъэм] пэпчъ зы чаныч къытыгъ.*
 haç'e-m [ʔah-ew ə-šxə-ve-m] pərç zə č'arəç'
 гость-OBL доля-ADV 3SG.A-есть-PST-OBL каждый один копейка
 q-ə-tə-в
 DIR-3SG.A-давать-PST
 'Гость за каждую часть, которую он съел, дал по одной копейке'. {Хьут}

В (2.2) релятивизируется подлежащее непереходного глагола, в (2.3) — пациенс переходного глагола. В обоих случаях личный показатель абсолютного актанта отсутствует.

Отсутствие префикса мишени делает обсуждаемые словоформы идентичными с точки зрения индексации абсолютного актанта формам независимого сказуемого с абсолютным актантом 3-го лица (поскольку такой актант в сказуемом не индексируется). Ср. глагольные формы в относительных конструкциях (2.4a) и (2.5a) с аналогичными формами в независимых предложениях (2.4b) и (2.5b):

- (2.4) a. *сэ слъэгъугъэ унэр*
 se s-лeв^wə-ve wəne-r
 я 1SG.ABS-видеть-PST дом-ABS
 'дом, который я увидел' {Xx}
- b. *Сэ унэр слъэгъугъэ.*
 se wəne-r s-лeв^wə-ve
 я дом-ABS 1SG.ABS-видеть-PST
 'Я увидел дом'. {Xx}
- (2.5) a. *Сэ сIыгъ тхылъыр.*
 se s-ʔəв txələ-r
 я 1SG.A-держать книга-ABS
 'книга, которую я держу' {Xx}

b. *Сэ тхылтгыр сЫгъ.*

se tхэлэ-г s-гэ-в
я книга-ABS 1SG.A-держатъ
'Я держу книгу'. {Xx}

Как указывалось в разделе 0.3.2, адыгейские относительные конструкции не сочетаются с местоимениями 1-го и 2-го лица независимо от роли мишени. Соответственно, при немаркированной стратегии сказуемые и не могут иметь абсолютивный актанта 1-го или 2-го лица. С учетом этого ограничения думается, что противопоставление форм 3-го лица абсолютивного актанта и относительных форм, выражающих релятивизацию этого актанта, в том, что касается индексации, смысла не имеет¹.

Аналогичная ситуация наблюдается и в других абхазо-адыгских языках. В кабардино-черкесском языке формы сказуемого при релятивизации абсолютивного актанта, как и в адыгейском языке, совпадают с формами 3-го лица. В абхазском и абазинском языках, в которых личные префиксы отражают род актанта, на месте абсолютивного префикса при релятивизации этого актанта возникает соответствующий показатель среднего рода (не-человека); это, вероятно, можно интерпретировать как нейтрализацию релятивизуемого актанта по категории рода.

2.2.2. ПРОНОМИНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Прономинальная стратегия предусматривает появление на месте индекса мишени релятивизации относительного префикса. Так, в (2.6) этот маркер обнаруживается на месте личного префикса агенса, а в (2.7) он появляется на месте

¹ Теоретически допустимы еще два описательных решения: можно считать, что личный префикс в этом случае опускается (ср. [Hewitt 1979a: 135]), или постулировать нулевой релятивный префикс. Недостаток этих решений — в их неэкономности: они вынуждены постулировать либо дополнительную операцию, либо дополнительный префикс. В то же время представление через опущение индекса уподобляет немаркированную стратегию синтаксическим стратегиям, действующим опущение именных групп. Релятивизация через опущение морфологического индекса зафиксирована, например, в южноамериканском языке ашеника (аравакская семья) [Givón 2001: 189].

личного префикса, вводимого инструментальным превербом; в обоих случаях это означает, что соответствующая роль релятивизована:

(2.6) [Домбаир кызыщэчын щэчъалъэ] *пщым илэн.*
 [dwembajə-r qə-zə-š'ečə-n š'ečalə] pš'ə-m jə-ʔ-er
 зубр-ABS DIR-REL.A-взвесить-MOD весы князь-OBL POSS-БЫТЬ-NEG
 'У князя не было весов, которые бы взвесили зубра'. {Хьут}

(2.7) [Пшьашъэр ззращэцт кури] *ахэтэу кьэсыгъэх.*
 [pšaše-r ze-r-a-š'e-š't kʷə-r-jə]
 девушка-ABS REL.IO-INSTR-ЗРЛ.A-вести-FUT подвода-ABS-ADD
 а-хе-т-ew qe-sə-ke-x
 ЗРЛ.IO-LOC-стоять-ADV DIR-достигать-PST-PL
 'Вместе с подводой (букв.: подвода, находясь в них), на которой они увезут девушку, они прибыли'. [Рогава, Керашева 1966: 323]

В литературном адыгейском языке релятивный префикс обычно выступает в виде *зə-*, но перед служебными морфемами, начинающимися на /r/, он может принимать вид *ze-*. Это касается, в частности, инструментального преверба (пример 2.8; то же наблюдается при предположительно связанных с инструментальным показателем превербах факта и образа действия — см. разделы 4.2.3—4.2.4), а также дативного преверба *je-* и локативного преверба *jə-* в тех случаях, когда по правилу ротацизма (раздел 1.3) /j/ в них переходит в /r/; ср. (2.9)—(2.10). В диалектах этот префикс может приобретать и другой вид (глава 5).

(2.8) *Ащ [электроэнергийер зэрыкlorэ линие] 82-рэ зэпитхъыгъ.*
 а-š' [eljektrwenjerγjəje-r ze-rə-kʷe-re ljənjəje]
 тот-OBL электроэнергия-ABS REL.IO-INSTR-идти-DYN линия
 82-re ze-p-jə-tχə-в
 82-DUR RFL.IO-LOC-3SG.A-обдирать-PST
 'Он 82 раза обрывал линию, по которой шла электроэнергия'.
 {Адыгэ макъ, 30.03.2011}

(2.9) [Къызэрагъэфэхым] нэбгырэ пчъагъэ штыкхэр алыгъыхэу кІэуцухэшъи епыджэхэшъи алатыгъ.

[qə-ze-r-a-ve-fe-xə-m] nebyəre-pčave
 DIR-REL.TMP-DAT-3PL.A-CAUS-падать-LAT-OBL человек=количество
 štək-xe-r a-ʔəvə-x-ew č'e-wəc^wə-xe-š-jə
 штык-PL-ABS 3PL.A-держать-PL-ADV LOC-встать-PL-CS-ADD
 je-pəž'-xe-š-jə a-ʔatə-v
 OBL-колодь-PL-CS-ADD 3PL.A-поднять-PST

‘Когда его скинули, некоторое количество людей встали с ним на штыках, кололи его, подняли его (на штыки)’. {Маленький Сабанокков}

(2.10) [Общественнэ транспортэу узэрысыр] террористхэм аубытыгъэмэ узэрэзеклощтыр ары тыкъызтегуцыІэгъагъэр.

[webš'jestvjenne=transpwert-ew wə-ze-rə-sə-r]
 общественный=транспорт-ADV 2SG.ABS-REL.IO-LOC-сидеть-ABS
 tjerwerjəst-xe-m a-wəbətə-ve-me
 террорист-PL-OBL 3PL.A-хватать-PST-COND
 wə-ze-re-z-je-k^we-š'tə-r a-rə
 2SG.ABS-REL.IO-MNR-RFL.IO-DAT-идти-FUT-ABS TOT-PRED
 tə-qə-z-tje-g^wəš'əʔe-ka-ve-r
 1PL.ABS-DIR-REL.IO-LOC-говорить-PST-PST-ABS

‘Мы уже обсуждали то, как надо себя вести, если террористы захватили общественный транспорт, в котором вы находитесь’.

{Адыгэ макъ, 22.01.2010}

Прономинальная стратегия используется при релятивизации всех неабсолютивных участников ситуации. Более того, релятивный префикс встречается в позициях, которые в независимых предикациях отсутствуют (глава 4). В частности, как использование прономинальной стратегии здесь трактуется образование временных придаточных предложений, упомянутых в разделе 0.3.2; ср. также следующий пример:

фикс может встречаться в одной предикации несколько раз; ср. следующий пример с *zə-* в позициях непрямого объекта и посессора абсолютного актанта:

(2.13) *zипортфель кыызэхьылъэкIэрэр.*

z-jə-pwertfjel qə-z-e-həле-č'e-re-r

REL.PR-POSS-портфель DIR-REL.IO-DAT-тяжелый-INT-DYN-ABS

‘тот, для кого его (букв.: чей) портфель был слишком тяжел’

{ХакIэмызэ}

Это явление, именуемое множественной релятивизацией, подробно рассматривается в разделе 4.3.2. Подробнее о релятивизации разных синтаксических ролей см. главу 4.

Признание префикса *zə-* относительным местоимением нарушает предложения в литературе универсалии, в соответствии с которыми относительные местоимения не встречаются в конструкциях с расположением релятива перед вершиной и в конструкциях с вложенной семантической вершиной (см., например, [Downing 1978: 396; de Vries 2002: 131; 2005: 23]). Можно предположить, что нарушение этих универсалий — результат морфологического, а не синтаксического выражения относительных местоимений, того, что они не замещают в предложении именные группы и не выносятся на границу релятива³.

Относительный префикс *zə-* омонимичен возвратному/рефлексивному префиксу. Тем не менее рефлексивный и релятивный префиксы имеют разную дистрибуцию: только возвратный показатель допускается в позиции абсолютного префикса и только релятивный маркер допускается в позиции префикса

³ Обычно относительные местоимения, вынесенные на границу релятива, одновременно маркируют эту границу (невынос относительных местоимений наблюдается в коррелятивах и диахронически связанных с ними конструкциях [de Vries 2005: 22]). В конструкциях с препозицией относительного предложения можно было бы ожидать выноса относительного местоимения вправо, но такой вынос, по-видимому, не соответствует топиальности относительного местоимения; этим можно объяснить недопустимость вынесенных местоимений при препозиции релятива. Если относительное местоимение не выносится на границу, его наличие не противоречит препозитивному расположению релятива.

агенса. Единственное пересечение возможных позиций относительного и возвратного префиксов — позиция префикса непрямого объекта, и эта позиция может служить источником омонимичных словоформ. Для этого необходимо, чтобы потенциальный контролер рефлексива не был релятивизован и имелась бы еще по крайней мере одна роль, которая могла бы интерпретироваться в качестве мишени (это могут быть немаркированный абсолютивный актант 3-го лица или другой не прямой объект с показателем *zə-*). Ср.:

- (2.14) *зэгуншысэжьырэр*
z-e-g^wəpšəse-ž'ə-re-r
 a. RFL.IO-DAT-думать-RE-DYN-ABS
 ‘тот, кто думает о себе’ {Xк}
 b. REL.IO-DAT-думать-RE-DYN-ABS
 ‘тот, о ком он снова думает’ {Xк}
- (2.15) *зытесхьуагьэр*
zə-tje-s-χ^wa-ke-r
 a. RFL.IO-LOC-1SG.A-укрывать-PST-ABS
 ‘то, чем я укрыл себя’ {Xк}
 b. REL.IO-LOC-1SG.A-укрывать-PST-ABS
 ‘тот, кого я укрыл этим’ {Xк}

Несмотря на возможность смешения с показателем, встречающимся исключительно в сказуемом, релятивный префикс не характеризует форму сказуемого относительного предложения, поскольку он встречается и в других составляющих релятива.

2.2.3. ОПУЩЕНИЕ РЕЛЯТИВНОГО ПРЕФИКСА

При релятивизации причины (см. раздел 4.2.2) относительный префикс в слоте, вводимом превербом причины *č'e-* может как присутствовать, так и отсутствовать. Ср. фрагмент текста (2.16), в котором в первом предложении релятив-

ного показателя нет, а во втором он появляется⁴, а также элицитированные примеры (2.17)—(2.18):

(2.16) а. *Ау сыккыызэкIожьым сяупчIыгъ [урыс ТыкукIэ кIяджагъэхэр] да сIуи сэ.*

sə-qə-z-e-kʷe-ž'ə-m s-ja-wəpčə-v
 1SG.ABS-DIR-REL.TMP-DYN-идти-RE-OBL 1SG.ABS-3PL.IO + DAT-спрашивать-PST
 [wərəs=təkʷə-č'e č'-ja-ž'a-ve-xe-r] da
 русский=Тыкуй-INS RSN-3PL.IO + DAT-звать-PST-PL-ABS да
 s-ʔʷ-jə se
 1SG.A-говорить-ADD я

‘Когда я пришел, я спросил у них, почему (букв. причину того, что) их (хутор) называют Русский Тыкуй,— сказал я’.

б. *Лыжъэу кIэлэегъаджэу Iоф ккыздэзышIэцтыгъэм ккысиIуагъ [ацтэу зыкIэхъугъэри].*

лэ.ž-ew č'elejeваž'-ew ʔʷef
 старик-ADV учитель-ADV работа
 qə-z-de-zə-š'e-š'tə-ve-m qə-s-jə-ʔʷa-v
 DIR-1SG.IO-COM-REL.A-делать-AUX-PST-OBL DIR-1SG.IO-3SG.A-говорить-PST
 [a.š't-ew zə-č'e-χʷə-ve-r-jə]
 так-ADV REL.IO-RSN-случаться-PST-ABS-ADD

‘Старик-учитель, который работал со мной, рассказал причину того, что так получилось’.

{Маленький Сабанокков}

(2.17) [*ЗыкIуIуагъэр / кIуIуагъэр*] сшIэрэн.

[zə-č'-jə-ʔʷa-ve-r / č'-jə-ʔʷa-ve-r]
 REL.IO-RSN-3SG.A-говорить-PST-ABS RSN-3SG.A-говорить-PST-ABS
 s-š'e-r-ep
 1SG.A-знать-DYN-NEG

‘Я не знаю (то), почему он это сказал’. {Xx}

⁴ Квадратными скобками в (2.16) выделены только причинные относительные конструкции.

(2.18) *Джары [сэ а тхылтыпIэр стхын зыкIэсэмылтэкIыцт / кIэсэмылт-экIыцт причинэр].*

ʒ'a-rə [se a tɬələpe-r s-tɬə-n

TOT-PRED я тот бумага-ABS 1SG.A-писать-MOD

zə-č'e-se-mə-łeč'ə-š't / č'e-se-mə-łeč'ə-š't prjəč'jəne-r]

REL.IO-RSN-1SG.A-NEG-мочь-FUT RSN-1SG.A-NEG-мочь-FUT причина-ABS

‘Вот причина, почему я не смогу заполнить (букв.: написать_ эту бумагу)’. {Xк}

Причинный актант появляется в глаголе только в относительных конструкциях. Таким образом, уже наличие соответствующего преверба может сигнализировать о релятивизации этого актанта. В других аналогичных случаях с появлением актанта, не предусмотренного в независимом предложении (раздел 4.2.2), релятивный префикс отсутствовать не может — но в них используются превербы, которые могут выступать и вне относительных предложений.

Отсутствие релятивного префикса в конструкциях с релятивизацией причины не следует смешивать с немаркированной стратегией, поскольку в данном случае непоявление маркера релятивизации факультативно.

2.3. Динамический суффикс

В литературном адыгейском языке динамические сказуемые большей части относительных предложений в настоящем времени содержат показатель *-re*⁵:

⁵ В одном маргинальном подтипе относительных конструкций появляется префикс динамичности; см. раздел 4.2.5.

- (2.19) *Ары, тэрэз* [ыlorэр].
 а-рэ, terez [ə-ʔ^we-re-r]
 тот-PRED верный 3SG.A-говорить-DYN-ABS
 ‘Да, правильно он говорит’. (Букв.: ‘Да, правильно говоримое им’.)
 {Охотник}

Для литературного варианта языка появление *-re* в таких контекстах обязательно — аналог (2.19) без этого суффикса информантами отвергается (но см. раздел 5.3 о шапсугском адыгейском):

- (2.20) **Тэрэз ыlor*.
 *terez ə-ʔ^we- r
 верный 3SG.A-говорить-ABS
 (Ожид.: ‘Правильно говоримое им’.) {Хк}

При стативных основах появление *-re*, как и появление динамического префикса, в норме приводит к значениям, связанным с темпорально ограниченными проявлениями выражаемых основами свойств. Ср. следующую минимальную пару, где первый пример (содержащий *-re*) акцентирует привязку значения предиката к временной оси:

- (2.21) а. [*Мысымаджэрэ цыф*] *цылэн*.
 [мэ-сэмаž’e-re çəf] š’ə-ʔ-er.
 NEG-здоровый-*re* человек LOC-быть-NEG
 ‘Нет людей, которые (иногда) не болеют.’ {Хх}
- б. [*Мысымаджэ цыф*] *цылэн*.
 [мэ-сэмаž’e çəf] š’ə-ʔ-er.
 NEG-здоровый человек LOC-быть-NEG
 ‘Нет людей, не больных’. (= ‘Здоровых людей нет’.) {Хх}

Суффикс *-re* принадлежит зоне окончаний и формально не сопоставим со стандартными способами выражения времени, входящими в основу. В идиоме,

описанном Р. Сметсом, позиция этого показателя среди других окончаний не фиксирована: *-re* может как предшествовать показателю множественного числа, так и следовать за ним [Smeets 1984: 183]. В литературном языке позиция *-re* (в данной функции) перед маркером множественного числа недопустима:

- (2.22) *къакIохэрэр* / **къакIорэхэр*
 qa-ḱ^we-xe-re-r / *qa-ḱ^we-re-xe-r
 DIR-идти-PL-DYN-ABS DIR-идти-DYN-PL-ABS
 ‘приходящие’ {Xx; Xk}

Поскольку в отношении дистрибуции этот показатель во многом аналогичен префиксу динамичности *e-/me-* (за исключением того, что префикс в норме не появляется в зависимых предложениях, а суффикс, наоборот, свойственен преимущественно зависимым предикациям), *-re* можно считать показателем динамичности. Такое решение принимается в монографии [Smeets 1984]. Значительная часть других трудов по адыгейскому языку хотя и описывают употребления *-re*, теоретической трактовки ему не дают — такова, в частности, грамматика Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой [1966], где этот маркер неоднократно упоминается в разных контекстах. Однако в отдельных работах — например, в [Кумахов 1989: 255, 257ff; Гишев 1989: 184; 2003: 117] — суффикс упоминается в качестве маркера причастий динамических глаголов настоящего времени (хотя М.А. Кумахов вслед за Г.В. Рогавой [1983] считает, что диахронически *-re* не был причастным показателем). Далее мы покажем, что эта точка зрения не вполне адекватно отражает ситуацию, наблюдаемую в адыгейском языке.

За пределами относительных предложений продуктивный суффикс *-re* встречается в сочетании с показателем «финитного» отрицания *-ep* (2.23), в некоторых обстоятельственных предложениях (2.24)—(2.25)⁶ и в общих вопросах

⁶ В обстоятельственных полипредикативных конструкциях суффикс *-re* на зависимом сказуемом также регулярно сочетается с другим суффиксом *-ze*, который тоже используется при совпадении времени главной и зависимой предикаций (см. также [Рогавы, Керашева 1966: 177]):

(2.26)⁷, причем — как и в относительных конструкциях — его использование преимущественно связано с настоящим временем или выражением одновременности:

(2.23) *О зэхэпхырэн шъхай ежсь зэхехы.*

we	ze-xe-p-xə-r-ep	šxaj	jež'
ты	REC.IO-LOC-2SG.A-слышать- <i>re</i> -NEG	но	сам

(i) *Заозэрэ ыльгакъо кыпыаути шым кьэфэхыгъ.*

zawe-ze-re	э-лаq ^w e	qə-p-a-wə-t.jə	šə-m
драться-CONV- <i>re</i>	2SG.PR-нога	DIR-LOC-3PL.A-боронить-CS	лошадь-OBL
q-je-fe.xə-в			
DIR-DAT-падать-PST			

‘Когда он воевал, ногу ему отхватили, он с лошади упал’. {Нога}

⁷ Встречается также непродуктивное использование *-re* при образовании «относительных прилагательных» вроде *пјере-ре* ‘сегодняшний’ (< *пјере* ‘сегодня’), местоимений (ср. *зəg^we-re* ‘некий’), адвербиалов (*be.re* ‘долго’), а также — в сочетании с другими морфемами — использование показателя для образования порядковых числительных (о морфологии числительных см. [Мороз 2011]). Появление *-re* в этих случаях формально противопоставлено его употреблению в относительных конструкциях. Например, иногда *-re* предшествует даже не принадлежащим к зоне окончаний темпоральным суффиксам:

(i) *Тыгъосэрэгъэ джэгум сыкыщышъуагъ.*

təv ^w ese-re-ve	ž'eg ^w ə-m	sə-qə-š'ə-š ^w a-в
вчера- <i>re</i> -PST	свадьба-OBL	1SG.ABS-DIR-LOC-танцевать-PST
‘Я танцевал на вчерашней свадьбе’. {Хк}		

Кроме того, подобное «словообразовательное» *-re* несколько неожиданно блокирует чередование /e/~a/: например, словоформа **təv^wase-re* оценивается как несуществующая.

В этих функциях суффикс *-re* встречается и в кабардино-черкесском языке (ср. *пwebe.re.j* ‘сегодняшний’ < *пwebe* ‘сегодня’). Поскольку в этом языке *-re* не используется в сказуемых относительных предложениях, это тоже аргумент против отождествления рассматриваемого суффикса и динамического показателя.

ze-x-j-e-xə

REC.IO-LOC-3SG.A-DYN-слышать

‘Ты не слышишь, а она слышит’. {Жена связиста}

(2.24) Чъыхэрэ сэ слъэгъугъэ.

čəje-xe-re se s-лєв^wə-вє

спать-PL-ге я 1SG.A-видеть-PST

‘Я его увидел, в то время как они спали’. {Хх}

(2.25) Арти Шхъэгъуацэ, псыхъоу Белая урыскIэ рaлорэ, узэпырыкIымэ Кургъы мэз аIоу...

a-r-t.jə šheg^waš'e, psəχ^w-ew bjelaja wəgəs-č'e

тот-PRED-CS Шхэгуацэ река-ADV Белая русский-INS

r-a-ɾ^we-re, wə-ze-pə-rə-č'ə-me

DAT-3PL.A-говорить-ге 2SG.ABS-RFL.IO-LOC-INSTR-выходить-COND

k^wəg^wə-mez a-ɾ^w-ew...

Кург=лес 3PL.A-говорить-ADV

‘Так вот, если перейти Шхэгуацэ, — по-русски говорят «река Белая» — лес Кург, говорят...’ {Маленький Сабанокков}

(2.26) Саусэрыкъо сьд ышIэгъагъэу къыпшIошIырэ о?

sawəsəgəq^we səd ə-še-ka-в-ew qə-p-š^we-šə-re we

Сосруко что 3SG.A-делать-PST-PST-ADV DIR-2SG.IO-MAL-делать-ге ты

‘А догадываешься ли ты, что сделал Сосруко?’ {Нарт къэбархэр: 59}

Как и в относительных предложениях, *-re* в указанных контекстах сочетается только с немаркированными по времени динамическими предикатами. Кроме того, он занимает ту же морфологическую позицию, что и в сказуемых относительных предложениях. Исходя из этого, естественно считать, что во всем трех указанных контекстах используется один и тот же показатель.

Мы не готовы в настоящий момент достаточно точно определить семантику *-re* и не уверены, что она может быть описана унифицировано для всех контек-

стов⁸. Тем не менее, судя по всему, этот маркер не может представляться как определяющий конкретную синтаксическую категорию, а значит, не может трактоваться и как показатель причастий.

2.4. Префиксальное отрицание

В ряде описаний адыгейского языка глагольные формы строго разграничиваются на финитные, выражающие «самостоятельное, независимое от другого глагола действие», и нефинитные/инфинитные, передающие «неопределенное, зависимое от другого (финитного) глагола действие» [Рогава, Керашева 1966: 110–111] (см. также, например, [Гишев 1989: 108] и др.). Для абхазо-адыгских языков это противопоставление, безусловно, является крайне важным — в особенности в отношении абхазского и абазинского языков, где имеются две серии глагольных форм, различающих показатели в зависимости от финитности. Для адыгских языков нередко считается, что противопоставление двух классов форм коррелирует с тем, как выражается отрицание. Традиционно утверждается, что (за небольшими исключениями) отрицание в финитных формах маркируется суффиксом *-ep* (2.27), а в нефинитных формах — префиксом *тә-* (2.28) [Рогава, Керашева 1966: 112, 239; Гишев 1989: 110–113, 156; 2003: 78–79; Тхаркахо 2003: 351; Керашева 2005]:

(2.27) *АдыгацIэр шъушIэнри кьышъутефэрэп шъо!*

adəɣa-çe-r š^w-jə-ʔe-n-rjə qə-š^wə-tje-fe-r-ep š^we
 адыг-ИМЯ-ABS 2PL.PR-POSS-БЫТЬ-MOD-ADD DIR-2PL.IO-LOC-падать-DYN-NEG ВЫ
 ‘И зватьсь адыгами вам не достойно!’ {КIэрац}

(2.28) *...лIым ыныбжъ къашIэн амылъэкIэу Iофышхо хъугъэ.*

...lə-m ə-nəbž' q-a-š^e-n a-mə-лeç'-ew
 человек-OBL 3SG.PR-возраст DIR-3PL.A-знать-MOD 3PL.A-NEG-мочь-ADV

⁸ В [Ландер 2005a] высказывается идея, что *-re* представляет собой показатель фоновой информации. В настоящий момент нам не очевидно, что под такое описание подпадают все случаи использования этого показателя.

ʔ^wefə-šx^we χ^wə-ve.

работа-большой случаться-рст

‘Не могли [букв.: не смогли] возраст человека узнать, трудное дело оказалось.’ {Хьут}

В сказуемых относительных предложениях отрицание в норме получает префиксальное выражение (2.29), что, казалось бы, дает основание постулировать здесь особые глагольные формы, отличные от финитных:

(2.29) *Сыда* [о Тхэм узкIемыльэIурэр]?

səd-a [we the-m wə-z-č'-je-mə-λeʔ^wə-re-r]?

что-Q ты Бог-OBL 2SG.ABS-REL.IO-RSN-DAT-NEG-просить-DYN-ABS

‘Почему ты ничего у Бога не просишь?’

(Букв.: Что есть то, из-за чего ты у Бога ничего не просишь?) {Едыдж}

Но как указывалось в литературе [Рогава, Керашева 1966: 253—254; Тхаркахо 1990: 60—61; 2003: 351—353; Smeets 1984: 301; Керашева 2005: 229; Ландер, Сумбатова 2007; Чугреева 2009: 12], зависимость выбора показателя отрицания от финитности не абсолютна: существуют, с одной стороны, финитные формы, действующие префиксальное отрицание, и, с другой стороны, нефинитные формы, использующие отрицание суффиксальное.

В [Smeets 1984: Ch. 6] и [Ландер, Сумбатова 2007] показано, что выбор отрицания может диктоваться иными принципами, нежели финитность. Р. Сметс фактически сводит противопоставление между суффиксальным и префиксальным отрицанием к их сфере действия, постулируя, что суффикс *-er* выражает предикатное отрицание, в сфере действия которого находится нексус, ядро предложения, а префикс *тə-* выражает атрибутивное отрицание, в сфере действия которого находится конкретное понятие (notion) [Smeets 1984: 327].

В [Ландер, Сумбатова 2007] между двумя типами отрицания проводится функциональное разграничение. Смысл всего высказывания представляется в виде комбинации операторов {ПРЕСУППОЗИЦИИ} + ИЛЛОКУТИВНАЯ СИЛА (ИСТИННОСТНАЯ

оценка (пропозиция)), а противопоставление функций отрицательных показателей формулируется следующим образом:

- отрицательный суффикс кодирует отрицательное значение оператора истинностной оценки;
- отрицательный префикс выражает все прочие виды отрицания.

Поскольку истинностная оценка определяется для всей пропозиции, передаваемой высказыванием, в то время как относительная конструкция касается лишь части пропозиции (а во многих случаях выражаемая в ней предикация и во все находится в пресуппозиции), при релятивизации допустимо только появление префиксального отрицания. Это касается даже тех редких примеров, когда относительная конструкция находится в позиции главного сказуемого:

(2.30) *Сариет [зынахь пшъэшъэ дахэ] мы дунаем темыт.*

sarjəjet [zə-nah pʃeʃe-daxe] mə dwənaje-m

Сариет REL.10-более девушка-красивая этот мир-OBL
tje-mə-t

LOC-NEG-стоять

‘Сариет — такая, что девушек красивее ее (букв.: которой) на свете нет’.

{Xx}

Если выбор между показателями отрицания не определяется синтаксической дистрибуцией формы, пропадают основания для противопоставления синтаксических классов форм по данному признаку. В частности, выбор отрицания не может служить достаточным аргументом для выделения категории причастия в адыгейском языке.

2.5. Интерпретация показателя множественного числа

Интересная особенность сказуемых относительных предложений связана с интерпретацией суффикса множественного числа *-хе*. Как указывалось в разделе 1.4.3, в норме этот суффикс появляется на сказуемом при абсолютивном актанте множественного числа. Однако в относительных предложениях возникновение *-хе*

может быть связано не только с множественностью абсолютивного актанта (2.31), но и с множественностью неабсолютивной мишени (2.32)⁹:

(2.31) *Джауцтэу клохэээ, [зыщызэзаохэрэм] нэсыгъэх.*

ǰ'a.w.š't-ew ǰ^we-xe-ze [zə-š'ə-z-e-zawe-xe-re-m]

так-ADV идти-PL-SIM REL.IO-LOC-REC.IO-DAT-бить-PL-DYN-OBL

несə-ве-х

достигать-PST-PL

‘Так, идя, дошли до места, где была битва.’ {Адыгэ тхыдэжъхэр}

(2.32) *Ар [сызыфэкIуагъэхэ цIыфхэм] афэтхагъ.*

а-г [sə-zə-fe-ǰ^wa-ве-хе сəf-xe-m]

тот-ABS 1SG.ABS-REL.IO-BEN-идти-PST-PL человек-PL-OBL

а-fe-тха-в.

3PL.IO-BEN-писать-PST

‘Он написал людям, к которым я пошел.’ {Xx, Xk}

Такие примеры, как (2.32), допускают две интерпретации.

Во-первых, можно предположить, что суффикс множественного числа здесь не имеет отношения к сказуемому, но маркирует множественность референта всей именной группы. Подобная интерпретация возможна благодаря тому, что множественность референта именной группы маркируется тем же суффиксом и наиболее естественна для примеров, где сказуемое выступает в качестве вершины всей именной группы; ср.:

(2.33) *Ар [сызыфэкIуагъэхэм] афэтхагъ.*

а-г [sə-zə-fe-ǰ^wa-ве-хе-m] а-fe-тха-в

тот-ABS 1SG.ABS-REL.IO-BEN-идти-PST-PL-OBL 3PL.IO-BEN-писать-PST

‘Он написал тем, к кому я пошел.’ {Xk}

⁹ Допустимость (2.32) признается большинством консультантов автора, но тем не менее иногда ставится под сомнение.

последнее действительно имеет место, указывает сразу несколько конструкций, из которых наиболее заметной является построение вопросов. В этом случае функция релятивизации сходна с *синтаксической* функцией залога: релятивизация может повысить партиципанта до статуса, позволяющего ему участвовать в определенных морфосинтаксических конструкциях.

Существенно, что и та и другая трактовки позволяют считать, что допустимая особая функция суффикса *-хе* в относительных предложениях не является особенностью морфологической формы релятивного сказуемого.

2.6. Проблема конечного гласного

Еще один критерий, который мог бы использоваться для противопоставления финитных и причастных форм, связан с наличием/отсутствием в форме сказуемого последнего гласного: в то время как у сказуемых независимых предложений последний гласный нередко может или даже должен быть усечен,¹⁰ усечение не допускается нашими консультантами в сказуемых относительных предложениях¹¹. Ср. следующие пары конструкций:

¹⁰ Усечение в независимых динамических сказуемых обычно не происходит в отсутствие окончаний при односложной основе.

¹¹ Ср., впрочем, следующий пример из Т.М. Керашева, в котором конечный гласный на сказуемом релятива все же отсутствует:

- (i) ... [хъурьшьо пaлo зыщыгъ кIалэр] якIолIэнкIэ цынэу чыжьэклэ яплтэу цытыгъ.
 ... [χ^wəɾəš^we-paɽ^we zə-š'ə-в č'ale-r] ja-ķ^we-λe-n-č'e
 овчина-шапка REL.A-носить-PST парень-ABS ЗPL.IO-идти-ALL-MOD-INS
 š'ə-n-ew č'əž'e-č'e ja-pλ-ew š'ə-tə-в.
 бояться-MOD-ADV далеко-INS ЗPL.IO + DAT-смотреть-ADV LOC-стоять-PST
 'Пока они не положили сено в арбу и Алэ со злостью не сел на коня и не уехал,
 парень в овчинной шапке, боясь подойти к ним, смотрел на них издали.'
 {КIэрац}

- (2.35) a. *Долэт лъэпэуагъ(э).*
 dwelet лерewa-в(е)
 Довлет спотыкаться-РСТ
 ‘Довлет споткнулся’. {Хк}
- b. [*Лъэпэуагъэ / *Лъэпэуагъ кIалэр*] *тефагъэп, игъогу техъажьыгъ.*
 лерewa-ве / *лерewa-в č’ale-г tje-fa-в-ep,
 спотыкаться-РСТ спотыкаться-РСТ парень-ABS LOC-падать-РСТ-NEG
 jə-в^weg^w tje-ha-ž’ə-в
 POSS-дорога LOC-двигаться-RE-РСТ
 ‘Споткнувшийся мальчик не упал, а пошел дальше’. {Хк}
- (2.36) a. *КIэлэеджакIохэр мокиэ блэчыгъэх / *блэчыгъэхэ.*
 č’elejež’aq^we-xe-г mwe-č’e ble-čə-ве-x / *ble-čə-ве-xe
 ученик-PL-ABS тот-INS LOC-бежать-РСТ-PL LOC-бежать-РСТ-PL
 ‘Ученики там пробежали’. {Хк}
- b. [*Мокиэ блэчыгъэхэ / *блэчыгъэх кIэлэеджакIохэм*] *апэрэ чIыпэр
 къахьыштэн.*
 [mwe-č’e ble-čə-ве-xe / *ble-čə-ве-x č’elejež’aq^we-xe-m]
 там-INS LOC-бежать-РСТ-PL LOC-бежать-РСТ-PL ученик-PL-OBL
 a.pe.re čəpe-г q-a-hə-š’t-ep
 первый место-ABS DIR-3SG.A-нести-FUT-NEG
 ‘Ученики, которые там пробежали, не займут первое место’. {Хк}

Отсутствие усечения в относительных предложениях, по-видимому, не имеет морфонологической подоплеки¹². С одной стороны, оно не зависит от зоны, к которой относится конечная морфема — это может быть и суффикс (примеры 2.35), и окончание (примеры 2.36). С другой стороны, в адыгейских относитель-

¹² Вопреки И. Капонигро и М. Полинской, которые обратили внимание на пару примеров, маркированных суффиксом будущего времени -š’t с конечным гласным в релятиве и без него в независимом сказуемом такое усечение с суффиксом будущего времени, но объяснили контраст запретом на один конкретный кластер согласных /š’t(#)C/ [Caponigro, Polinsky 2011: 84].

ных конструкциях отсутствуют общие запреты на кластеры согласных, которые могли бы приводить к наблюдаемому явлению. Так, в относительных конструкциях со стативным глаголом в настоящем времени он может оканчиваться на согласный:

- (2.37) ... блэкльыщт ягьунэгьу шъэожъыеу Сашэ зьидэс цагьум.
 ... ble-č'ə-š't [ja-в^wəпев^wə=šewežəj-ew saše
 LOC-уходить-FUT ЗPL.PR + POSS-сосед=мальчик-ADV Саша
 zə-de-s š'av^wə-m]
 REL.IO-LOC-сидеть двор-OBL
 '... она пройдет мимо двора, где живет соседский мальчик Саша'.
 {Гъыщ: 54}

В сказуемых независимых предложениях (как глагольных, так и именных) усечение последнего гласного часто оценивается как обязательное (2.38)—(2.40). Тем не менее иногда — в особенности, если сказуемое является именным — присутствие этого гласного все же допускается (2.41)¹³.

¹³ У некоторых консультантов в Хакуринохабле последний гласный в финитных контекстах оказывался смыслоразличительным: формы с гласным указывали на то, что подлежащее обладает прототипическими свойствами, ассоциируемыми с основой [Кузнецова 2006]; ср.:

- (i) a. Мыр кIал.
 тə-г č'al
 этот-AVS парень
 (Ответ на вопрос 'Это мальчик или девочка?':) 'Это мальчик'.
 b. Мыр кIалэ.
 тə-г č'ale
 этот-AVS парень
 'Он мальчик (и поэтому ему можно до двух часов ночи гулять)'.

Хатажукайские консультанты подобные эффекты отрицали.

(2.38) *Мы тхакIом тхыль гъэшIэгъон пчъагъэ ытхыцт / *ытхыцты.*

mə txaḵ^wem txaλ=ve.ʃev^we.n-pɕave

этот писатель книга=интересный=количество

ə-txa-š't / *ə-txa-š'tə

3SG.A-писать-FUT 3SG.A-писать-FUT

‘Этот писатель напишет много интересных книг’. {Xк}

(2.39) *Ахъцэ иI / *иIэ.*

aχš'e jə-ʔ / *jə-ʔe

деньги POSS-быть POSS-быть

‘У него есть деньги’. {Xк}

(2.40) *Тарзан [хъэ ябг] / *[хъэ ябгэ].*

tarzan [he=jabγ] / *[he=jabγe]

Тарзан собака=злой собака=злой

‘Тарзан — злой пес’. {Xк}

(2.41) *Ар тхъамат / тхъаматэ.*

a-r thamat / thamate

тот-ABS начальник начальник

‘Он начальник’. {Xк}

Следующий пример (2.42) из корпуса текстов демонстрирует глагольные сказуемые с неусеченным последним гласным в контексте, который, на первый взгляд, является аналогичным контекстам независимых предикаций. Впрочем, то, что последний гласный сохранился только в сказуемых, после которых следует еще что-либо, может указывать на их недостаточную независимость.¹⁴

¹⁴ Поскольку в этом примере в силу морфологических и морфонологических причин отсутствует эксплицитный динамический показатель, формы с неусеченным гласным теоретически могут трактоваться как редко встречающиеся формы аориста без аддитивного показателя.

(2.42) *Зэгоуты, кыуаажэзэ езэци, гъолгыгъэ чыенэу, кызыуцыжскІэ о укь-эклогъахэу кычІэкІыцт.*

z-e-g^wewətə, qə-w-a-že-ze j-e-zeš'-jə,
RFL.IO-DAT-колоть DIR-2SG.IO-DAT-ждать-SIM 3SG.IO-DAT-скучать-ADD

в^wелэ-ве čəje-n-ew, qə-zə-wəš'ə-ž'-č'e
ложиться.спать-PST спать-MOD-ADV DIR-REL.TMP-просыпаться-RE-INS

we wə-qe-ḱ^we-va-x-ew qə-čec'ə-š't

ты 2SG.ABS-DIR-идти-PST-PL-ADV DIR-оказываться-FUT

‘Волнуется (букв.: колет себя), надоело тебя ждать, легла спать, когда проснётся — окажется, что ты уже приехала’. {Гъыц}

Вопрос о правилах сохранения и усечения последнего гласного нельзя считать решенным. Но так или иначе, сохранение последнего гласного не свидетельствует о какой-то конкретной синтаксической категории, поскольку оно наблюдается в разнородных контекстах. Предположительно усечение гласного в финитных контекстах следует считать скорее характеристикой этих контекстов, нежели характеристикой употребляемых форм.

2.7. Выводы

Как было показано в данной главе, в адыгейском языке не существует специальных показателей причастия:

- сказуемое относительного предложения не обязано содержать специальные показатели релятивизации того или иного партиципанта (относительный префикс в конструкции может появляться и вне сказуемого, а формы без относительного префикса формально не отличимы от так называемых финитных форм);
- суффикс динамичности *-re* не может считаться показателем причастия, поскольку тот же суффикс встречается и в нерелятивных контекстах, финитных и нефинитных;
- префиксальное отрицание, появляющееся в относительных конструкциях, характеризует не морфосинтаксическую функцию их сказуемых, но особое

значение, которое для относительных конструкций обязательно, но ими не ограничивается;

- особенности интерпретации суффикса множественного числа по сути не определяют специальную морфологическую форму (определяющую конструкцию), но выводятся из особых синтаксических свойств относительной конструкции;
- морфонологические особенности (наличие последнего гласного) сказуемых относительных предложений не указывают на их специальную функцию.

Таким образом, выделение причастий в адыгейской грамматике не обоснованно. На то, что глагольная форма имеет функцию сказуемого относительного предложения, однозначно указывает только его синтаксическая позиция, в то время как все морфологические особенности формы от этой функции независимы и могут как присутствовать, так и отсутствовать в зависимости от контекста.

Исходя из этого, можно считать, что в адыгейских относительных конструкциях представлено явление некатегориального подчинения, когда на зависимую функцию клаузы указывает не морфологическая форма или какой-либо особый показатель (например, союз), но лишь синтаксическая позиция и общие свойства подчиненной составляющей.

Глава 3.

Синтаксис адыгейской релятивизации

3.1. Вводные замечания

В этой главе речь преимущественно пойдет о внешней сочетаемости адыгейских релятивов — о месте компонентов относительной конструкции в составе матричной именной группы. Традиционно этот вопрос ассоциируется с синтаксисом относительных конструкций, хотя адыгейский язык заставляет здесь сделать специальную оговорку. Сочетание сказуемого относительного предложения с вершиной матричной именной группы в нашем случае может осуществляться как на уровне морфологического слова, так и на более высоком уровне сочетания слов (раздел 3.2.2). Таким образом, термин «синтаксис» в заглавии главы стоит понимать как указание не на определенный уровень языковой структуры, но на сочетаемость смысловых единиц, которые парадигматически могут функционировать как слова — при том, что эта синтаксическая сочетаемость может затрагивать как собственно синтаксический уровень, так и уровень слова.

Глава построена следующим образом:

- в разделе 3.2 противопоставляются два типа относительных конструкций — полные относительные конструкции, в которых вершиной именной группы является семантическая вершина, и свободные релятивы, в которых в качестве вершины матричной именной группы выступает сказуемое относительного предложения, исследуются проблемы установления вершин в этих конструкциях, а также обсуждается вопрос о возможности трактовки как релятивной конструкции, в которой глагол инкорпорируется в именной комплекс после имени;
- раздел 3.3 посвящен особому явлению, наблюдаемому в адыгейском языке, — относительной конструкции с вложенной семантической вершиной;
- в разделе 3.4 описывается место основных компонентов релятива относительно других элементов именной группы, функционирующих в качестве определений или детерминаторов

- последний раздел главы содержит выводы.

3.2. Полные относительные конструкции vs свободные релятивы

3.2.1. ОСНОВЫ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Как и для многих других языков, для адыгейского языка целесообразно противопоставлять относительные конструкции, в которых имеется семантическая вершина, выступающая в качестве вершины матричной именной группы (3.1),¹ и относительные конструкции, в которых такой семантической вершины нет (3.2).

(3.1) [Адрэ игъусэ къыштэгъэ хъалыжъуищыри] Iaxы 9 мэхъу...

[a-dre jə-v^wəse q-ə-šte-ve-haləž^w-jə-š'ə-r-jə]

тот-другой POSS-спутник DIR-3SG.A-принимать-PST-халыж-LNK-три-ABS-ADD

?ah-jə-9 me-χ^wə...

доля-LNK-9 DYN-случаться

‘А три халыжа², которые были у другого спутника, составляют девять частей’. {Хьут}

¹ Строго говоря, возможность приписывания семантической вершине статуса синтаксической вершины не вполне очевидна: семантическая вершина, вероятно, является фразовой категорией, то есть может помимо имени включать и его определения, в то время как синтаксическая вершина обычно понимается как терминальная категория, включающая только одно слово. В какой-то степени это расхождение кажется плодом различия теоретических подходов, основанных на составляющих и зависимых, и может быть элиминировано в теориях, учитывающих как деление на составляющие, так и наличие зависимостей (см., например, [Гладкий 1985]), и в теориях, избегающих противопоставления терминальных категорий (слов) и фразовых категорий (синтаксических групп) — например, в категориальной грамматике (см. [Dowty 2003]). Далее мы будем исходить из того, что данная проблема решаема и не нарушает целостности нашего описания.

² Халыж — адыгейское блюдо.

- (3.2) *Арыти [хьалыжъуитф къэзыштагъэр] къэгуцыи...*
 a-rə-t.jə [haləʒ^w-jə-tf qe-zə-ʃta-ve-r]
 TOT-PRED-CS халыж-LNK-пять DIR-REL.A-принимать-PST-ABS
 qe-g^wəʃ'əʔ-jə...
 DIR-говорить-ADD
 'После этого тот, у кого было пять халыжей, говорит...' {Хьут}

Относительные конструкции с выраженной семантической вершиной, которая одновременно является и вершиной именной группы, ниже именуются *полными относительными конструкциями*, относительные конструкции, в которых в качестве вершины ИГ не выступает выраженная семантическая вершина — *свободными релятивами* (ср. английский термин free relative).

Эти определения требуют специальных пояснений:

- во-первых, поскольку само понятие синтаксической вершины является несколько размытым (см. обсуждение в [Zwicky 1985] и в сборнике [Corbett et al. (eds) 1993]), оно требует доказательства вершинности имен в примерах вроде (3.1) выше; этот вопрос обсуждается в разделе 3.2.2;
- во-вторых, эти определения оставляют открытыми вопросы о том, что является синтаксической вершиной в свободных релятивах и необходимо ли постулировать там нулевую синтаксическую вершину (для адыгейского языка см., например, [Caponigro, Polinsky 2011: 92—93]); эта проблема затрагивается в разделе 3.2.3;
- в-третьих, противопоставление полных относительных конструкций и свободных релятивов в предложенной выше формулировке не эквивалентно противопоставлению конструкций с выраженной семантической вершиной и конструкций без таковой; очевидно, что свободные релятивы могут включать конструкции с семантической вершиной, не являющейся синтаксической вершиной матричной именной группы — подобные конструкции, иллюстрируемые (3.3), подробно обсуждаются в разделе 3.3.

- (3.3) *ХьакIэм [Iахьэу ышхыгъэм] нэлчъ зы чаныч къытыгъ.*
 hač'e-m [ʔah-ew ə-šxə-ve-m] pеrč zə č'arəč'
 гость-OBL доля-ADV 3SG.A-есть-PST-OBL каждый один копейка
 q-ə-tə-в
 DIR-3SG.A-давать-PST
 'Гость за каждую часть, которую он съел, дал по одной копейке'. {Хьут}

3.2.2. Полные относительные конструкции

В литературном адыгейском языке в полных относительных конструкциях зависимое предложение всегда предшествует семантической вершине:

- (3.4) *Джауцтэу кьыIуц, Орзэмэджы сэнабжъэр [пчъэкъуахэм кьоуцогъэ кIалэм] фиццигъ.*
 ž'a.w.š't-ew q-ə-ʔ^w-jə, werzemež'ə sena-bže-r
 так-ADV DIR-3SG.A-говорить-ADD Орзэмэдж вино=рог-ABS
 [pče.q^waxe-m q^we-wəc^we-ve-č'ale-m] f-jə-š'ejə-в
 угол.двери-OBL LOC-вставить-PST=парень-OBL BEN-3SG.A-протянуть-PST
 'Сказав это, Орзэмэдж протянул рог вина парню, вставшему за дверь'.
 {Нарт къэбархэр}

- (3.5) *Ац [зэкIэми кьаIорэ орэдхэр] ешIэ.*
 a-š' [zeč'e-m-jə q-a-ʔ^we-re wered-xe-r]
 тот-OBL все-OBL-ADD DIR-3PL.A-говорить-DYN песня-PL-ABS
 j-e-še
 3SG.A-DYN-знать
 'Она знает песни, которые все поют'. {Хх; Хк}

Постпозиция сложного относительного предложения невозможна независимо от того, где маркируются основные категории именной группы (число и падеж). Ср. относительную конструкцию в (3.5) и словосочетания, в которых семантическая вершина предшествует относительному предложению и которые не-

грамматичны независимо от того, где маркируется падеж и маркируется ли он вообще:

- (3.6) a. *орэдхэр зэкIэми кьаIорэхэр
 *wered-xe-r zeč'e-m-jə q-a-ʔ^we-re-xe-r
 песня-PL-ABS все-OBL-ADD DIR-3PL.A-говорить-DYN-PL-ABS
- b. *орэдхэ зэкIэми кьаIорэхэр
 *wered-xe zeč'e-m-jə q-a-ʔ^we-re-xe-r
 песня-PL все-OBL-ADD DIR-3PL.A-говорить-DYN-PL-ABS
- c. *орэд зэкIэми кьаIорэхэр
 *wered zeč'e-m-jə q-a-ʔ^we-re-xe-r
 песня все-OBL-ADD DIR-3PL.A-говорить-DYN-PL-ABS
- d. *орэдхэр зэкIэми кьаIорэхэ
 *wered-xe-r zeč'e-m-jə q-a-ʔ^we-re-xe
 песня-PL-ABS все-OBL-ADD DIR-3PL.A-говорить-DYN
- e. *орэдхэ зэкIэми кьаIорэхэ
 *wered-xe zeč'e-m-jə q-a-ʔ^we-re-xe
 песня-PL все-OBL-ADD DIR-3PL.A-говорить-DYN
- f. *орэд зэкIэми кьаIорэхэ
 *wered zeč'e-m-jə q-a-ʔ^we-re-xe
 песня все-OBL-ADD DIR-3PL.A-говорить-DYN
- (Ожид.: 'песни, которые все поют') {Xx; Xk}

Ограничение на порядок слов в адыгейской полной относительной конструкции указывает на асимметрию между ее компонентами. Тем не менее с учетом слабой различимости частей речи — и, в частности, того, что, на первый взгляд, именную группу согут образовывать как имена, так и глаголы (см. раздел 1.7.2) — синтаксическая вершинность семантической вершины нуждается в дополнительном обосновании.

Далее обсуждаются конструкции, которые в той или иной степени могут прояснить этот вопрос.

Позиция определений. Определения в полной относительной конструкции присоединяются к семантической вершине.

Посессор обязательно формально маркирован в семантической вершине, а не в сказуемом относительного предложения. Нереперентный посессор инкорпорируется в семантическую вершину (3.7a); его инкорпорация в сказуемое релятива запрещена независимо от того, располагается ли он непосредственно перед всем сказуемым (3.7b) или инкорпорируется в его основу (3.7c):

- (3.7) a. [Трубэ зыхэмыты чырбыц унэм] сыфаеп.
 [trwəbe zə-xe-mə-tə č'ərbəš'=wəne-m] sə-fa.j-ep
 труба REL.IO-LOC-NEG-стоять кирпич=дом-OBL 1SG.ABS-хотеть-NEG
- b. *[Трубэ чырбыц зыхэмыты унэм] сыфаеп.
 *[trwəbe č'ərbəš'=zə-xe-mə-tə wəne-m] sə-fa.j-ep
 труба кирпич=REL.IO-LOC-NEG-стоять дом-OBL 1SG.ABS-хотеть-NEG
- b. *[Трубэ зыхэмычырбыцты унэм] сыфаеп.
 *[trwəbe zə-xe-mə-č'ərbəš'=tə wəne-m] sə-fa.j-ep
 труба REL.IO-LOC-NEG-кирпич=стоять дом-OBL 1SG.ABS-хотеть-NEG
 'Я не хочу кирпичный дом, в котором нет трубы'. {Хк}

Референтный посессор в полной относительной конструкции может индексироваться на семантической вершине, но не на сказуемом относительного предложения:

- (3.8) a. [Усабэ зышлагэ сиклалэр] еджанлэм члэхьагь.
 [wəsa-be zə-ʃa-ve s-jə-č'ale-r] jež'ape-m
 стих=много REL.A-знать-PST 1SG.PR-POSS-парень-ABS школа-OBL
 çe-ha-в
 LOC-уходить-PST
- b. *[Усабэ сизышлагэ клалэр] еджанлэм члэхьагь.
 *[wəsa-be s-jə-zə-ʃa-ve č'ale-r] jež'ape-m
 стих=много 1SG.PR-POSS-REL.A-знать-PST парень-ABS школа-OBL

če-ha-в

LOC-уходить-PST

‘Тот мой ребенок, который знает много стихов, поступил в школу’. {Xк}

Прилагательные и числительные в полной относительной конструкции образуют единый комплекс с семантической вершиной, но не со сказуемым относительного предложения — при том, что в других конструкциях эти определения со сказуемым релятива сочетаются (см. раздел 3.2.3):

(3.9) a. *ац ыгу хэзыгъэкIыгъэ цыф ябгэр*

a-š' ə-g^wə хе-зэ-ве-ц'э-ве сәф=jabγe-r

тот-OBL 3SG.PR-сердце LOC-REL.A-CAUS-уходить-PST человек=злой-ABS

b. **ац ыгу хэзыгъэкIыгъэ ябгэ цыфыр*

*a-š' ə-g^wə хе-зэ-ве-ц'э-ве-jabγe сәфə-r

тот-OBL 3SG.PR-сердце LOC-REL.A-CAUS-уходить-PST=злой человек-ABS

‘злой человек, который ее обидел (букв.: оторвал [кусок] от ее сердца)’

{Xк}

(3.10) a. *ац кыыцагъэ хьитIур*

a-š' q-ə-š'a-ве h-jə-т'wə-r

тот-OBL DIR-3SG.A-вести-PST собака-LNK-два-ABS

b. **ац кыыцагъэ тIу хьэр / хьэхэр*

*a-š' q-ə-š'a-в-jə-т'wə he-r / he-xe-r

тот-OBL DIR-3SG.A-вести-PST-LNK-два собака-ABS собака-PL-ABS

‘две собаки, которых он привел’ {Xк}

Определительные конструкции в именной группе должны строиться вокруг синтаксической вершины. Соответственно, данный тест указывает на то, что семантическая вершина в полной относительной конструкции имеет и привеллигированный синтаксический статус.

Инкорпорация. Сказуемое относительного предложения может образовывать с семантической вершиной единый именной комплекс³. В этом случае сказуемое релятива не может иметь собственную область чередования /e/~a/ (см. о нем раздел 1.3) [Аркадьев, Тестелец 2009: 127]. Ср. следующие примеры, где противопоставлены релятивное сказуемое — часть комплекса (примеры 3.11а и 3.12а) и синтаксически автономное сказуемое относительного предложения (примеры 3.11б и 3.12б), а также пример из текста (3.13):

(3.11) а. *клогъэ пшьашъэр*
 k^we-we-p^hsa^he-r
 идти-PST-девушка-ABS

б. *кгуагъэ пшьашъэр*
 k^wa-we p^hsa^he-r
 идти-PST девушка-ABS

‘ушедшая девушка’ [Аркадьев, Тестелец 2009: 127]

(3.12) а. *Инджылыбзэр ары [сэ зэзгъэшIэгъа бзэр]*.
 jənʒ’ələ-bze-r a-rə [se z-e-z-we-^hse-wa-bze-r]
 Англия-язык-ABS тот-PRED я RFL.IO-DAT-1SG.A-CAUS-знать-PST-язык-ABS

б. *Инджылыбзэр ары [сэ зэзгъэшIагъэ бзэр]*.
 jənʒ’ələ-bze-r a-rə [se z-e-z-we-^ha-we bze-r]
 Англия-язык-ABS тот-PRED я RFL.IO-DAT-1SG.A-CAUS-знать-PST язык-ABS
 ‘Язык, который я выучил, — английский язык’. {Xк}

(3.13) [Узфэе уасэр] *фэошIышь пшьэшъэжъыем янэ-ятэхэм афеогъэхъы*.
 [wə-z-fe.je-wase-r] fe-w-e-^hə-^h
 2SG.ABS-REL.IO-хотеть=цена-ABS BEN-2SG.A-DYN-делать-CS

³ Примечательно в этой связи, что в одном из ранних проектов адыгейской орфографии, предложенном Д.А. Ашхамафом, такие сочетания передавались одним графическим словом: *тхэрэкIалэр* ‘пишущий мальчик’, *тхэгъэстудентыр* ‘писавший студент’, *клогъэлIыр* ‘поехавший мужчина’. См. об этом [Биданок 2003: 43].

p̆sĕse-zəje-m jane-jate-xe-m
 девушка=маленький-OBL POSS + мать=POSS + отец-PL-OBL
 a-f-je-w-e-ve-hə
 ЗРЛ.Ю-БЕН-DAT-2SG.A-DYN-CAUS-нести
 ‘Делаешь калым, какой решаешь, и отправляешь его родителям девушки’.
 {Адыгейская свадьба}

В комплексах, содержащих односложное имя с гласным /e/ без модификаторов помимо релятива, чередование в предшествующем релятивном сказуемом, по-видимому, может не происходить (3.12с). Таким образом сказуемое относительного предложения ведет себя отлично от инкорпорированных именных определений, которые также располагаются в именном комплексе перед именем, но в которых чередование в таких случаях обязательно.

(3.12) с. *Инджылыбзэр ары [сэ зэзгъэшIэгъэ бзэр].*

jənʒ'ələ-bze-r a-rə [se z-e-z-ve-ʃe-ve-bze-r]

Англия-язык-ABS тот-PRED я RFL.Ю-DAT-1SG.A-CAUS-знать-PST-язык-ABS

‘Язык, который я выучил, — английский язык’. {Хк}

Помимо чередования /e/~a/ для определения границ именного комплекса важна его морфология. Это касается в первую очередь зоны показателей актантной структуры, которые располагаются в начале именного комплекса и тем самым могут маркировать его границы. Пример (3.14) показывает (вполне ожидаемо!), что в сказуемом относительного предложения, предшествующем личному префиксу посессора, то есть вынесенному за границы именного комплекса, обязательно есть собственная область чередования /e/~a/ (если она вообще возможна):

(3.14) *къыздакIорэ / *къыздэжIорэ ишъашгъэр*

а. qə-z-da-ḵ^we-re jə-p̆săše-r

DIR-1SG.Ю-COM-идти-DYN POSS-девушка-ABS

t-jə-c^weχ^we-re-šə-m]

č'e-ha-š't-ep

1PL.PR-POSS-ползти-DYN=лошадь-OBL

LOC-входить-FUT-NEG

(Ожид.: ‘Твоя бегущая оршадь не обгонит нашу еле идущую лошадь’.)

{Xк}

Ограничений на выражение, имплицитируемых подобной инкорпорацией, не известно. В частности, инкорпорация сказуемого относительного предложения не исключает появления других его компонентов (ср. примеры 3.12 выше).

Судя по всему, в рассматриваемой конструкции не семантическая вершина инкорпорируется в сказуемое относительного предложения, а, наоборот, релятивное сказуемое инкорпорируется в семантическую вершину. В пользу этого говорят то, что, как показано выше, морфология сказуемого относительного предложения при инкорпорации иногда не существенна для морфонологических правил, что естественно для инкорпорируемого, но не для инкорпорирующего.

Поскольку инкорпорирующее обычно является формальной вершиной, то, что сказуемое относительного предложения инкорпорируется в семантическую вершину, представляет собой аргумент за формальную вершинность имени в полной относительной конструкции.

Падежное маркирование. В литературном адыгейском языке падеж в полной относительной конструкции обычно маркируется на именном комплексе (3.17a) и не может быть маркирован на сказуемом относительного предложения (3.17b):⁴

(3.17) a. [Сэ кьэсхьыгьэ шэжъыим] джэгукІэкІэ урымыджэгу.

[se qe-s-hə-ve šežəjə-m] ž'eg^wəč'e-č'e wə-rə-mə-ž'eg^w

я DIR-1SG.A-нести-PST нож-OBL игра-INS 2SG.ABS-INSTR-NEG-играть

b. *[Сэ кьэсхьыгьэм шэжъыим / шэжъый] джэгукІэкІэ урымыджэгу.

*[se qe-s-hə-ve-m šežəjə-m / šežəj] ž'eg^wəč'e-č'e

я DIR-1SG.A-нести-PST-OBL нож-OBL нож игра-INS

⁴ В разделе 5.4 будет показано, что это правило нарушается в шапсугском диалекте.

wə-rə-mə-ʒ'eg^w

2SG.ABS-INSTR-NEG-играть

‘Не играйся ножом, который я принес’. {Xк}

При сочинении семантических вершин в именной группе должны присутствовать два именных комплекса, несущих падежные маркеры:

(3.18) [Ахэмэ альэгъугъэхэ машор / *машо ыкIу Iугъор] адрэхэми альэгъугъэх.

[a-xe-me a-лeв^wэ-вe-xe maʂ^we-r / *maʂ^we ə.č'.jə ɾ^wəв^we-r]

ТОТ-PL-OBL:PL ЗPL.A-видеть-PST-PL ОГОНЬ-ABS ОГОНЬ И ДЫМ-ABS

a-dre-xe-m-jə a-лeв^wэ-вe-x

ТОТ-другой-PL-OBL-ADD ЗPL.A-видеть-PST-PL

‘Огонь и дым, которые они увидели, увидели и другие’. {Xк}

На то, что в (3.18) релятив относится ко всей сочиненной группе, указывает суффикс множественного числа на его сказуемом. Независимо от того, маркирует ли этот показатель множественность абсолютного актанта или множественность семантической вершины⁵ (которые здесь совпадают), его появление было бы невозможно, если бы релятив соотносился только с одним из следующих за ним имен. Очевидно, что в (3.18) представлена только одна именная группа, но в ней имеется два компонента, маркированных падежом.

Маркирование на слове грамматической категории всей именной группы — а падеж в адыгейском языке, по-видимому, является именно такой категорией — представляет собой одно из наиболее надежных указаний на статус синтаксической вершины (ср. [Zwicky 1985]). Следственно, изложенные выше факты представляют собой важный аргумент в пользу того, что семантическая вершина в полной относительной конструкции одновременно является и синтаксической вершиной всей именной группы.

Маркирование множественного числа. Как было показано в разделе 2.5, множественное число референта матричной именной группы в полных относи-

⁵ О такой возможности см. раздел 2.5, а также следующий подраздел.

тельных конструкциях может выражаться как на семантической вершине, так и на сказуемом относительного предложения:

- (3.19) a. *сызыфэкIуагъэ цыфхэр*
sə-zə-fe-ɣ^wa-ve ɕəf-xe-r
1SG.ABS-REL.IO-BEN-идти-PST человек-PL-ABS
- b. *сызыфэкIуагъэхэ цыфхэр*
sə-zə-fe-ɣ^wa-ve-xe ɕəf-xe-r
1SG.ABS-REL.IO-BEN-идти-PST-PL человек-PL-ABS
- c. %*сызыфэкIуагъэхэ цыфыр*
%sə-zə-fe-ɣ^wa-ve-xe ɕəfə-r
1SG.ABS-REL.IO-BEN-идти-PST-PL человек -ABS
'люди, к которым я пришел' {Xx} (= 2.34)

Тем не менее разные варианты маркирования множественного числа не равноприемлемы в разной степени. Примеры вроде (3.19с), в которых показатель множественного числа в полной относительной конструкции имеется только на сказуемом релятива, большинством опрошенных консультантов были отвергнуты. Идеальными признаются примеры вроде (3.19а), где суффикс *-xe* появляется только на имени, с небольшим сомнением принимаются словосочетания типа (3.19b). Таким образом, маркирование числа на семантической вершине более желательно (если не обязательно), чем маркирование числа на сказуемом относительного предложения.

Если место выражения числа можно использовать в качестве критерия вершинности, семантическая вершина в большей степени претендует на это вершинное свойство, чем сказуемое релятива.

Сочинение относительных предложений. В адыгейском языке имеется несколько конструкций, выражающих сочинение предикаций, но ни одна из них не свойственна относительным.

Семантически независимые друг от друга относительные предложения обычно не сочиняются посредством союза *əʃʒə* 'и', а также аддитивной частицы *-jə*, которая обычно присоединяется к не маркированной по времени основе (так

называемому аористу). Появление этих показателей обычно имплицитно подразумевает временную последовательность двух предикаций, то есть делает одну из них семантически зависимой от другой. Например, в (3.20)—(3.21) перестановка конъюнктов исключается, поскольку в условиях требования временной последовательности она приводит к аномальной семантике:

(3.20) a. [Ахьцэр стезыхыгъэ ыкIу кIэзыIажьыгъэ тыгъуакIор] сэ сшIэрэн.

[аχš'e-r s-tje-zə-xə-ve əč'jə
деньги-ABS 1SG.IO-LOC-REL.A-отнимать-PST и
č'e-zə-ʔa-ž'ə-ve тəв^wақ^we-r] se s-ʃe-r-ep.
LOC-REL.A-ринуться-RE-PST вор-ABS я 1SG.ABS-знать-DYN-NEG
'Я не знаю вора, который отнял у меня деньги и убежал'. {Хк}

b. #[КIэзыIажьыгъэ ыкIу ахьцэр стезыхыгъэ тыгъуакIор] сэ сшIэрэн.

#[č'e-zə-ʔa-ž'ə-ve əč'jə аχš'e-r
LOC-REL.A-ринуться-RE-PST и деньги-ABS
s-tje-zə-xə-ve тəв^wақ^we-r] se s-ʃe-r-ep.
1SG.IO-LOC-REL.A-отнимать-PST вор-ABS я 1SG.ABS-знать-DYN-NEG
'Я не знаю вора, который убежал и отнял у меня деньги'. {Хк}

(3.21) a. [Ахьцэр стезыхи кIэзыIажьыгъэ тыгъуакIор] сэ сшIэрэн.

[аχš'e-r s-tje-zə-x-jə č'e-zə-ʔa-ž'ə-ve
деньги-ABS 1SG.IO-LOC-REL.A-отнимать-ADD LOC-REL.A-ринуться-RE-PST
тəв^wақ^we-r] se s-ʃe-r-ep.
вор-ABS я 1SG.ABS-знать-DYN-NEG
'Я не знаю вора, который отнял у меня деньги и убежал'. {Хк; Бж}

b. #[КIэзыIажьы ахьцэр стезыхыгъэ тыгъуакIор] сэ сшIэрэн.

#[č'e-zə-ʔa-ž'-jə аχš'e-r s-tje-zə-xə-ve
LOC-REL.A-ринуться-RE-ADD деньги-ABS 1SG.IO-LOC-REL.A-отнимать-PST
тəв^wақ^we-r] se s-ʃe-r-ep.
вор-ABS я 1SG.ABS-знать-DYN-NEG
'Я не знаю вора, который убежал и отнял у меня деньги'. {Хк; Бж}

Оттенок временной последовательности показывает, что относительные предложения в этих примерах образуют единую составляющую. Этот факт особенно примечателен в свете того, что конструкция с *э́'јә* 'и' в адыгейском языке получила большое распространение благодаря влиянию русской конструкции с союзом *и* [Кумахова 1979]; между тем в русском языке *и* может соединять относительные предложения независимо от порядка событий (ср. допустимость группы *вор, который убежал и который отнял у меня деньги*).

В отличие от конструкции с *-јә*, конструкция с *э́'јә* с сомнением, но признается допустимой при сочинении относительных предикаций, одна из которых является стативной, а вторая динамической, в результате чего интерпретация, связанная с временной последовательностью для них недопустима:

- (3.22) а. *?тыгъуасэ къэкӀуагъэ ыкӀи Пшыжъхъаблэ унэ цызиӀэ уиныбджэгъур*
?təv^wase qe-ḵ^wa-ve э́'јә pš'əžhable wəne š'ə-z-jə-ʔe
 вчера DIR-идти-PST и Пшизов дом LOC-REL.PR-POSS-быть
w-jə-nəbž'ev^wə-r
 2SG.PR-POSS-друг
- б. **тыгъуасэ къэкӀуи Пшыжъхъаблэ унэ цызиӀэ уиныбджэгъур*
**təv^wase qe-ḵ^w-jə pš'əžhable wəne š'ə-z-jə-ʔe*
 вчера DIR-идти-ADD Пшизов дом LOC-REL.PR-POSS-быть
w-jə-nəbž'ev^wə-r
 2SG.PR-POSS-друг
- ‘твой друг, который приехал вчера и у которого есть дом в Пшизове’
 {Xк}

Отдельные носители допускают сочинение посредством частицы *-re*, соединяющейся ко всем конъюнктам:

- (3.23) [*Зышхын зэратыгъэрэ къызфаӀотагъэрэ цыфым*] *дэгъоу ышӀэцт.*
[zə-šxən ze-r-a-tə-ve-re
 REL.PR-еда REL.IO-DAT-3PL.A-давать-PST-COORD

В таких конструкциях, однако, невозможно опущение имени — независимо от того, маркируются ли относительные предложения падежными показателями или нет:

(3.26) а. *[Тхыльхэр зыдиз, кьогьум кьот] кьыкьохыгьэн фае.

*[txəl-xe-r zə-d-jəz q^wew^wə-m q^we-t]
 книги-PL-ABS REL.IO-COM-полный УГОЛ-OBL LOC-стоять
 qə-q^we-xə-we-n fa.je
 DIR-LOC-нести-PST-MOD должный

б. *[Тхыльхэр зыдыыр, кьогьум кьотыр] кьыкьохыгьэн фае.

*[txəl-xe-r zə-d-jəzə-r q^wew^wə-m q^we-tə-r]
 книги-PL-ABS REL.IO-COM-полный-ABS УГОЛ-OBL LOC-стоять-ABS
 qə-q^we-xə-we-n fa.je
 DIR-LOC-нести-PST-MOD должный

(Ожид.: ‘Надо вынести то, что стоит в углу, полно книгами’.) {Xк}

Таким образом и эти конструкции демонстрируют асимметрию между относительными предложениями и семантической вершиной.

Выводы. Итак, полные относительные конструкции обнаруживают свойства, указывающие на асимметричное отношение между относительным предложением и семантической вершиной. Таким образом, несмотря на описанное в разделе 1.7.2 сходство в дистрибуции между именными и глагольными формами, внутри именных групп они явно противопоставлены. Принципы маркирования падежа и множественного числа, присоединение определений и инкорпорация однозначно указывают, что синтаксическая вершина именной группы и семантическая вершина в полной относительной конструкции совпадают.

3.2.3. СВОБОДНЫЕ РЕЛЯТИВЫ

Свободные релятивы образуют составляющие с обычными синтаксическими свойствами именных групп. Это касается как внешнего синтаксиса, то есть функционирования синтаксической группы в предикации, оформления ее падежными показателями, так и внутреннего синтаксиса — допустимости появления разно-

образных приименных модификаторов, например, указательных местоимений и порядковых числительных (последние, впрочем, могут быть оформлены и как обстояательства, оформленные адвербиальным суффиксом); ср.:

(3.27) *Ау [мы кьэсІоцтыр] тарихъымкІэ нафэ*
 aw [mә qe-s-ɽ^we-š'tә-r] tarjәxә-m-č'e nafe
 но этот DIR-1SG.A-говорить-FUT-ABS история-OBL-INS отчетливый
 'Но то, что я расскажу, исторически очевидно'. {Едыдж}

(3.28) *[Ятфанэрэ / ятфанэу кьыкьокІыгъэм] сэ сигъэщынагъэп.*
 [ja.tfa.ne-re / ja.tfa.n-ew qә-q^we-č'ә-ve-m] se
 пятый-ADJ пятый-ADV DIR-LOC-уходить-PST-OBL я
 s-jә-ve-š'әпа-в-ep
 1SG.ABS-3SG.A-CAUS-бояться-PST-NEG
 'Пятый появившийся / появившийся пятым меня не напугал'. {Хк}

Единственное принципиальное отличие свободных релятивов от прочих именных групп состоит в том, что они не могут выступать в качестве семантической вершины в полной относительной конструкции. Другими словами, относительное предложение, описывающее некоторого участника ситуации, не может быть модифицировано другим относительным предложением:

(3.29) **[Сариет ымыльэгъугъэхэ кьэуцугъэхэр] синьбджэгъух.*
 *[sarjәjet ә-мә-лев^wә-ve-xe qe-wәс^wә-ve-xe-r]
 Сариет 3SG.A-NEG-видеть-PST-PL DIR-останавливаться-PST-PL-ABS
 s-jә-nәbž'ev^wә-x
 1SG.PR-POSS-друг-PL
 (Ожид.: 'Те остановившиеся, которых Сариет не видела, — мои друзья'.)
 {Хк}

Если в именной группе со свободным релятивом появляется вторая относительная предикация, то либо обе предикации получают одинаковый синтаксичес-

ский статус (в примере 3.30 сказуемые обеих предикаций сочинены и получают одинаковое падежное оформление), либо используется квазисочинительная конструкция (3.31)—(3.32), либо один из релятивов выступает как вложенная семантическая вершина другого (3.33):

(3.30) [*Мышхаггэри чьяггэри*] [*ихаггэмрэ мычьяггэмрэ*] *кьыпэчъэцт*.
 [мэ-šха-ве-г-г-яэ čя-а-ве-г-г-яэ] [šха-ве-м-ге
 NEG-есть-PST-ABS-ADD спать-PST-ABS-ADD есть-PST-OBL-COORD
 мэ-čя-а-ве-м-ге] гя-ре-че-š't
 NEG-спать-PST-OBL-COORD DIR-LOC-бежать-FUT
 ‘Непоевший и поспавший обгонит поевшего и непоспавшего’. {Xк}

(3.31) *Сирием икIхи, хьаджэм кIуаггэхэр*
 sjəɾjəje-m я-č'-х-яэ haž'e-m kʷa-ве-хе-г
 Сирия-OBL LOC-уходить-PL-ADD хадж-OBL идти-PST-PL-ABS
 ‘уехавшие из Сирии и отправившиеся в хадж’ {Едыдж}

(3.32) *сэ сыкьэзыггашхи Азаматди сызыцаггэр*
 se sə-qe-zə-ва-šх-яэ azamat-djə sə-zə-š'a-ве-г
 я 1SG.ABS-DIR-REL.A-CAUS-есть-ADD Азамат-к 1SG.ABS-REL.A-вести-PST-ABS
 ‘тот, кто меня накормил и отвел к Азамату’ {Xк}

(3.33) *кьэуцуггэхэу Сариег ымылгэггуггэхэр*
 qe-wəcʷə-ве-х-ew sarjəjet ə-mə-лeвʷə-ве-хе-г
 DIR-останавливаться-PST-PL-ADV Сариег 3SG.A-NEG-видеть-PST-PL-ABS
 ‘те остановившиеся, которых Сариег не видела’ {Xк}

В отличие от полных относительных конструкций, в свободных релятивах сказуемое относительного предложения обнаруживает основные свойства вершины именной группы. Так, оно образует единый комплекс с прилагательными (3.34)—(3.35):

(3.34) [Чъэрэ фыжъыр] [чъэрэ шлуцэм] *нахи нахь псынкл*.
 [če-re-fəʒ'ə-r] [če-re-ʃ^wəce-m] nah-jə nah psənç'
 бежать-DYN-белый-ABS бежать-DYN-черный более-ADD более быстрый
 'Белая скачет быстрее черной'.

(Букв.: 'Бегущая белая быстрее бегущей черной'.) {Xк}

(3.35) а. [Зэорэ джабгъур] *сэмэгум текло*.
 zewe-re-ʒ'ab^wə-r semeg^wə-m tj-e-ḱ^we
 драться-DYN=правый-ABS левый-OBL LOC-DYN-идти

б. *[Заорэ джабгъур] *сэмэгум текло*.
 *zawe-re ʒ'ab^wə-r semeg^wə-m tj-e-ḱ^we
 драться-DYN правый-ABS левый-OBL LOC-DYN-идти
 'Правый дерущийся побеждает левого'. {Xк}

Пример (3.35b) показывает, что прилагательное в этой конструкции не способно образовывать самостоятельное слово, поскольку перед ним не может проходить граница зоны чередования /e/~a/. В то же время, как можно заметить, прилагательные в этих случаях идут после зоны окончаний сказуемых, то есть сказуемое ведет себя так, как будто оно само инкорпорировано.

Как и в обычных именных комплексах, сказуемое свободного релятива не присоединяет морфологические связанные именные определения и посессивные префиксы.

Падежные показатели в свободных релятивах присоединяются непосредственно к сказуемому относительного предложения (или к определениям, которые следуют за ним); ср. (3.36). Это касается и тех случаев, когда отдельные зависимые сказуемого располагаются правее него (3.37).

(3.36) [Лым ыныбжъ къытезгъафэрэм] *сипишашъэ естыцт*.
 [lə-m ə-nəbʒ' qə-tje-z-ka-fe-re-m]
 человек-OBL 3SG.PR-возраст DIR-LOC-REL.A-CAUS-падать-DYN-OBL

s-jə-pʂaʂe je-s-tə-ʂ't
 1SG.PR-POSS-девушка DAT-1SG.A-давать-FUT
 ‘Тому, кто угадает возраст человека, отдам свою дочь’. {Хьут}

(3.37) *Джары* [кыыщышыгыгэр джац].

ʒ'a-rə [qə-ʂ'ə-ʂə-ve-r ʒ'a-ʂ']
 тот-PRED DIR-LOC-делать-PST-ABS тот-OBL
 ‘Вот то, что с ним сделалось’. {Нога}

Как было показано выше, если имеется две сочиненных относительные конструкции, образующие одну именную группу, падеж должен быть на сказуемом каждой из них (см. пример 3.33).

Если референт всей матричной именной группы — множественного числа, соответствующий показатель на сказуемом относительной конструкции крайне желателен (3.38), но не обязателен, если множественное число выражено в другом месте. Последнее наблюдается, в частности, при маркировании числа референта именной группы в сказуемом, от которого она зависит (пример 3.39; о факкультативности выражения числа в именных группах см. раздел 1.6.3), но также и в относительной конструкции с вложенной вершиной (3.40), обсуждаемой в разделе 3.3.

(3.38) *Кло* [дэсыгъэхэр] урысых.

ɸ^we [de-sə-ve-xe-r] wəɾəsə-x
 ну LOC-сидеть-PST-PL-ABS русский-PL
 ‘Ну там жили русские’. {Мале нький Сабанокков}

(3.39) *Пшысэхэри зэхалъхьацтыгъэх*, [альэгъурэри] кьаIотэжъыцтыгъэх.

pʂese-xe-r-jə ze-x-a-λha-ʂ'tə-ve-x,
 сказка-PL-ABS-ADD REC.IO-LOC-3PL.A-класть-AUX-PST-PL

[a-лeв^wэ-re-r-jə] q-a-ʔ^wete-ž'ə-š'tə-вe-x
 ЗPL.A-видеть-DYN-ABS-ADD DIR-ЗPL.A-рассказывать-RE-AUX-PST-PL
 ‘Они слагали сказки, пересказывали то, что видели’.
 {Адыгейская музыка}

(3.40) [Цыфхэу пытэу чьыерэм] Иофышхохэр агъэцакIэх.
 [çəf-x-ew рэт-ew čəje-re-m] ʔ^wefə-šx^we-xe-r
 человек-PL-ADV крепкий-ADV спать-DYN-OBL дело-большой-PL-ABS
 а-вe.cač'e-x
 ЗPL.A-осуществлять-PL
 ‘Люди, которые крепко спят, делают великие дела’. {Xx}

Большая часть этих фактов допускает и трактовку, предполагающую нулевую синтаксическую вершину именной группы, в которую бы инкорпорировалось сказуемое относительного предложения. В пользу такой интерпретации говорит и то, что прилагательные присоединяются к сказуемым релятивов уже после зоны окончаний, то есть морфологическая структура сказуемых релятивов несущественна при построении именного комплекса, — правда, эти же примеры можно было бы описывать как полные относительные конструкции, в которых релятивное сказуемое инкорпорировано в само прилагательное.

Впрочем, примеры с множественным падежным маркированием вроде (3.33) в таком случае требуют постулирования не одной, а двух оформленных падежными показателями нулевых вершин внутри одной именной группы. Подобная трактовка представляется неоправданной и излишне сложной, поскольку сочинение определений внутри именной группы обычно повтора вершины не требует. Поэтому далее мы будем продолжать считать вершиной в свободных релятивных конструкциях сказуемое относительного предложения.

3.2.4. Постпозитивные релятивы?

Как упоминалось в разделе 0.3.2, некоторые глагольные формы могут включаться (инкорпорироваться) в именной комплекс, располагаясь на месте прилагательных — после, а не перед определяемым именем. Теоретически можно

было бы предположить, что такие построения представляют собой еще один тип полных относительных конструкций⁶. Тем не менее, как будет показано ниже, употребление этих конструкций в значительной степени ограничено и они вряд ли могут рассматриваться в одном ряду с другими конструкциями, обсуждаемыми выше.

Наиболее легко в позицию прилагательных помещаются результативные формы, описывающие состояние, наступившее в результате обозначенной основой:

- (3.41) [ХьэкIэ гъэшхагъэм] унэр кьегъэдахэ.
 [heč'e-ve-šxa-ve-m] wəne-r q-j-e-ve-daxe
 гость-CAUS-есть-PST-OBL дом-ABS DIR-3SG.A-DYN-CAUS-красивый
 'Накормленный гость красит дом'. {Xк}

- (3.42) Джары [шхъангъупчъэ фэмышIыгъэр].
 ʒ'a-rə [šhanv^wəpče-fe-mə-šə-ve-r]
 тот-PRED окно=BEN-NEG-закрывать-PST-ABS
 'Вон незакрытое окно'. {Xк}

Для результативных форм в функции определения⁷ эта конструкция признается обычной, хотя препозиция по отношению к определяемому имени для них тоже не исключена. Судя по следующим примерам, в этом случае они также должны входить в именной комплекс: именной комплекс в (3.43а) включает бо-

⁶ В таком виде они и предстают, например, в [Paris 1989: 230]; в качестве одного их подтипов причастий соответствующие формы описываются и в [Керашева 1977]. Для кабардино-черкесского языка конструкции этого типа представляются в качестве «редуцированных относительных предложений» в [Applebaum 2010a; 2010b; Applebaum, Berez 2009].

⁷ З.И. Керашева [1970; 1977] описывала результативные формы как причастия, то есть, вероятно, полагала, что определительная форма для них является основной. Тем не менее эти формы регулярно встречаются и в функции независимого сказуемого, как признавала и сама Керашева [1970/1995: 443].

лее типичную для результативных форм постпозицию внутри именного комплекса, (3.43b) демонстрирует возможность препозиции инкорпорированной результативной формы, (3.43c) показывает сомнительность появления результативной формы в качестве неинкорпорированного определения (с собственной зоной чередования /e/~ /a/).

- (3.43) a. [Гушысэ Iуагъэр] кIодыцтэн.
 [g^wəpšəse=ɣ^wa-ve-r] k^wedə-š't-ep
 мысль-говорить-PST-ABS исчезать-FUT-NEG
- b. [Iогъэ гушысэр] кIодыцтэн.
 [ɣ^we-ve=g^wəpšəse-r] k^wedə-š't-ep
 говорить-PST=мысль-ABS исчезать-FUT-NEG
- c. ???[Iуагъэ гушысэр] кIодыцтэн.
 ???[ɣ^wa-ve g^wəpšəse-r] k^wedə-š't-ep
 говорить-PST мысль-ABS исчезать-FUT-NEG
 ‘Высказанная мысль не потеряется’. {Xк}

При элицитации многие (но не все) консультанты могут размещать в позиции прилагательного стативные глаголы (3.44). Появление здесь динамических глаголов обычно расценивается как недопустимое (см., впрочем, далее об одном исключении); консультанты предлагают заменить конструкцию на обычный релятив (в приводимых примерах — с вложенной вершиной); ср. (3.45):

- (3.44) кIэлэ цысыр
 č'ele-š'ə-sə-r
 парень=LOC-сидеть-ABS
 ‘сидящий парень’ {Xк}

- (3.45) a. *[кIэлэ плъэрэр] / *[кIэла плъэрэр]
 *[č'ele-pɬe-re-r] / *[č'ela-pɬe-re-r]
 парень=смотреть-DYN-ABS парень=смотреть-DYN-ABS

- b. *кIалэу плъэрэр*
 ç'al-ew рле-ге-г
 парень-ADV смотреть-DYN-ABS
 'смотрящий парень' {Xк}

Как можно было заметить, инкорпорируемые глаголы могут иметь сложную морфологическую структуру. Они могут содержать аппликативные превербы (примеры 3.42, 3.44), префикс отрицания (3.42), каузативный префикс (3.41). Очевидно, что это приводит к своеобразной рекурсии морфологических зон: глагольные формы, формально включенные в зону основы именного комплекса, могут содержать другие зоны. В связи с этим интересно, что некоторые консультанты допускают рекурсивное возникновение в инкорпорированных глаголах отдельных зон чередования /e/~a/; в результате возникают именные комплексы, содержащие несколько таких зон чередования.

- (3.46) a. %суп гъэжъуагъэ фабэр
 %swэр=ве-ž^wa-ве=fabe-г
 суп-CAUS-варить-PST-теплый-ABS
- b. суп гъэжъогъэ фабэр
 swэр=ве-ž^we-ве=fabe-г
 суп-CAUS-варить-PST-теплый-ABS
 'теплый свареный суп' {Xк}

Возможность аппликативных превербов в инкорпорированном глаголе уже подразумевает по крайней мере нулевые, невыраженные личные префиксы. Впрочем, появление в этой конструкции форм, содержащих выраженные индексы, включая релятивный показатель, нередко (хотя и не всегда; см. пример 3.49, признанный консультантом) оценивается как недопустимое или по крайней мере сомнительное (в парах примеров 3.47a и 3.47b первый демонстрирует разрешенный вариант с обычной полной конструкцией):

- (3.47) a. *зэптыгъэ чыпIэр*
 z-e-pлэ-ве-ц̣эре-г
 REL.IO-DAT-смотреть-PST=место-ABS
- b. ??*чыпIэ зэптыгъэр*
 ??ц̣эре=z-e-pлэ-ве-г
 место=REL.IO-DAT-смотреть-PST-ABS
 ‘осмотренное место’ {Xк}
- (3.48) a. *тызэптыгъэ чыпIэр*
 тэ-z-e-pлэ-ве-ц̣эре-г
 1PL.ABS-REL.IO-DAT-смотреть-PST=место-ABS
- b. **чыпIэ тызэптыгъэр*
 *ц̣эре= тэ-z-e-pлэ-ве-г
 место=1PL.ABS-REL.IO-DAT-смотреть-PST-ABS
 ‘осмотренное нами место’ {Xк}
- (3.49) [*Шхъангъупчъэ Iупхыгъэр*] *фэпшыжъынэу пцыгъупшагъ.*
 [šhanɸ^wəpɸe=ɣ^wə-p-hə-ve-r] fe-p-ɸə-ž’ə-n-ew
 окно=LOC-2SG.A-открывать-PST-ABS BEN-2SG.A-закрывать-RE-MOD-ADV
 p-š’ə-ɸ^wəpɸa-ɸ
 2SG.IO-LOC-забываться-PST
 ‘Ты забыл закрыть открытое тобой окно’. {Xк}

Интересно, что для отдельных построений, в которых референтные личные префиксы признаются недопустимыми, консультанты разрешают имперсональное использование форм 3-го лица множественного числа (см. о нем раздел 1.6.2):

- (3.50) a. **[Къое исхыгъэр] пшхы хъуцт.*
 *[q^weje=jə-s-xə-ve-r] p-šxə=χ^wə-š’t
 сыр=LOC-1SG.A-нести-PST-ABS 2SG.A-есть-случаться-FUT
 (Ожид.: ‘Сыр, который я приготовила, есть можно’.) {Xк}

b. [Къое рахыгъэр] пихы хъуцт.

[q^weje=r-a-xə-ve-r]

p-šxə=χ^wə-š't

сыр=LOC-1SG.A-нести-PST-ABS

2SG.A-есть=случаться-FUT

‘Готовый сыр можно есть’. {Хк}

Кроме того, в рассматриваемой конструкции допустимы формы с рефлексивными префиксами, по крайней мере если сочетания с ними лексикализованы. В следующем примере сочетание морфем *ze-xe-š'e*- [RFL.IO-LOC-вести], располагающееся в именном комплексе после имени, имеет значение ‘организовывать’:

(3.51) [Калхоз зэхэцэгъакIэм] ептыкIэу фыриIар цыIэкIэжъымрэ цыIэкIакIэмрэ зэрагъапиэу джахэм арыгуцыIэцтыгъэх.

[kalx^wez=ze-xe-š'e-va-č'e-m]

je-рIа-č'-ew

КОЛХОЗ=RFL.IO-LOC-вести-PST=новый-OBL

DAT-смотреть-MNR-ADV

fə-rjə-ʔa-r

š'ə-ʔe-č'e-žə-m-re

BEN-POSS-быть-ABS LOC-быть-MANNER=старый-OBL-COORD

š'ə-ʔe-č'a-č'e-m-re

ze-r-a-va.pš-ew

LOC-быть-MANNER=новый-OBL-COORD REC.IO-DAT-3PL.A-сравнивать-ADV

ž'a-xe-m a-rə-g^wəš'əʔe-š'tə-ve-x

ТОТ-PL-OBL 3PL.IO-INSTR-думать-AUX-PST-PL

‘Они размышляли о взгляде, который у них был на только что образованный колхоз, сравнивая старую жизнь с новой’. {Герой}

Зафиксирована постпозитивная инкорпорация глагольной словоформы *zə-f-a-ʔ^we-re* [REL.IO-BEN-3PL.A-говорить-DYN] (букв. ‘то, о чем говорят’), которая формально содержит не только релятивный префикс, но и динамический суффикс, вопреки сказанному выше. По-видимому, это связано с тем, что данная форма уже в значительной степени лексикализована и выступает в функции, близкой к местоименной (см. также раздел 1.6.2 об аналогичной и связанной форме *zəfjəʔ^were*).

- (3.52) *Адыгэ шхынхэу мы сталовэм нахь цытшыхэу цыхабзэр лыгъэжъагъэр ары, лы улыгъэр лыгъэжъагъ зыфалорэр, етланэ нахь цэкIо чинахи зыфалорэр.*

adəye-šxən-x-ew mə stalweve-m nah š’ə-t-šə-x-ew
 адыг=еда-PL-ADV ЭТОТ столовая-OBL более LOC-1PL.A-делать-PL-ADV
 š’ə-xabze-r lə=ve-ža-ve-r а-рə,

LOC-закон-ABS мясо=CAUS-жариться-PST-ABS ТОТ-PRED

lə=wəpə-ve-r,

мясо=отбивать-PST-ABS

lə=ve-ža-v-zə-f-a-ŋ^we-re-r, jeṭane

мясо=CAUS-жариться-PST-REL.IO-BEN-3PL.A-говорить-DYN-ABS ПОТОМ

nah š’-e-ḱ^we č’jənaχjə-zə-f-a-ŋ^we-re-r

более LOC-DYN-идти чинахи=REL.IO-BEN-3PL.A-говорить-DYN-ABS

‘То, что обычно мы готовим в этой столовой из адыгейских блюд, — жареное мясо, отбивное мясо, упоминаемое жареное мясо, потом больше идет упоминаемое чинахи’. {Чинахи и жареное мясо}

- (3.53) *ЖэрыIо народнэ творчество зыфалорэм орэдхэри зэхалъхьацтыгъэх.*

že.rə.ŋ^we-narwedne-twerč’jestwe-zə-f-a-ŋ^we-re-m

устный=народный=творчество=REL.IO-BEN-3PL.A-говорить-DYN-OBL

wered-xe-r-jə ze-x-a-λha-š’tə-ve-x

песня-PL-ABS-ADD REC.IO-LOC-3PL.A-собирать-AUX-PST-PL

‘Они слагали песни в упоминаемом устном народном творчестве’.

{Музыкальные инструменты}

Наконец, наиболее существенным в характеристике рассматриваемой конструкции представляется нам то, что инкорпорированный глагол здесь не способен иметь какие-либо зависимые. Например, следующая именная группа признается невозможной:

- (3.54) *чылэм къое цышыгъэр
 *č'əle-m q^weje-š'ə-ʃə-ve-r
 село-OBL сыр=LOC-делать-PST-ABS
 (Ожид.: 'сыр, сделанный в ауле') {Xx}

Приведенные выше факты можно суммировать следующим образом. Очевидно, допустимость конструкции понижается, чем больше у инкорпорированного глагола имеется черт самостоятельной предикации, указывающей на некоторую отдельную ситуацию, — самостоятельной временной референции, самостоятельной референции актантов, возможности описывать какие-либо дополнительные аспекты ситуации. С учетом этого, причисление этой конструкции к релятивным для адыгейского языка сомнительно. Впрочем, как будет показано в разделе 6.3, аналогичная конструкция в идиомах кабардино-черкесского языка развилась во вполне самостоятельную относительную конструкцию.

Заметим, что за исключением инкорпорации результативных форм и фиксированной формы *zafa^were* данная конструкция в используемом нами корпусе текстов не встретилась, а наши консультанты подчеркивали ее разговорность.

3.3. Относительные конструкции с вложенной вершиной

3.3.1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В адыгейских относительных конструкциях семантическая вершина не всегда выступает в качестве вершины матричной группы. Она регулярно появляется и внутри относительной предикации (3.55)—(3.57). Такие конструкции далее именуется относительными конструкциями с вложенной вершиной.

- (3.55) ...[чъыгъэу къыпэкIафэхэрэр] тIокIым бэкIэ къехъу.
 ...[čəv-ew qə-pe-č'a-fe-xe-re-r] t^we.č'ə-m be-č'e
 дерево-ADV DIR-LOC-LOC-падать-PL-DYN-ABS двадцать-OBL много-INS

q-j-e-χ^{wə}

DIR-DAT-DYN-случаться

‘...деревьев, которые ей попались, становится больше двадцати’.

{Гыш}

- (3.56) [Бжъэу санэр зэрагъэхъоцтым] нахьытэрапишэу цэджыблищ рагъэтIыс-хъэцтыгъэ.

[bʒ-ew sane-r ze-r-a-ve.χ^{wə}e-š'tə-m] nahə.pe.ra.pʃ-ew

чаша-ADV вино-ABS REL.IO-LOC-3PL.A-лить-FUT-OBL прежний-ADV

š'ež'ə.bl-jə-š' r-a-ve-ʈəs-he-š'tə-ve

ядовитая.змея-LNK-три LOC-3PL.A-CAUS-сесть-AUX-PST

‘Перед этим в чашу, куда вино нальют, запускали трех ядовитых змей’.

{Нарт къэбархэр}

- (3.57) тикIэлэгъаджэ унэу анахь шIу ылтэгъурэр

t-jə-č'elejevaž'e wən-ew a-nah š^{wə}ə ə-лeв^{wə}-re-r

1PL.PR-POSS-учитель дом-ADV 3PL.IO-более добро 3SG.A-видеть-DYN-ABS

‘самый любимый нашим учителем дом’ {Xx}

Как видно из приведенных примеров, вложенная семантическая вершина получает особое оформление, а именно маркируется адвербиальным показателем. Изредка в текстах встречаются отклонения от этого правила (ср. примеры 3.58—3.59), но большинство опрошенных консультантов и в этих случаях настаивали на появлении адвербиального суффикса.

- (3.58) Къалэм кыкIц, [ипхьорэльфэу Мэзтыку къэкIуагъэм] тэтэжъэу Къэплъан IоуIухъэшъ цыс.

qale-m q-jə-č'-jə, [jə-pχ^{wə}ereλf-ew meztək^{wə}

село-OBL DIR-LOC-уходить-ADD POSS-внук-ADV Мэзтык

qe-ḱ^wa-ve-m] tete.ž-ew qerλan ʔ^w-e-wəʔ^wə.he-š š'ə-s
 DIR-идти-PST-OBL дедушка-ADV Каплан LOC-DYN-беседовать-CS LOC-сидеть
 'В село приехал (внук), и дедушка Каплан со своим приехавшим внуком
 Мэзтыком беседуя, сидит'. {ХакIэмызэ}

(3.59) Ау [ыкопкышъхытIу гъучI IадэмкIэ ыубытыгъагъэр] цIыфы пкышъолым
 фэдэу шъабэу къэнагъэх.

aw [ə-k^we.pqə=šh-jə-ṭ^wə в^wэц ʔade-m-č'e
 но 3SG.PR-бедро-голова-LNK-два кузнец клещи-OBL-INS
 ə-wəbətə-va-ve-r] çəfə=pqəš^welə-m fe.d-ew
 3SG.A-братъ-PST-PST-ABS человек-тело-OBL подобный-ADV
 šab-ew qe-na-ve-x
 нежный-ADV DIR-оставаться-PST-PL
 'Но два бедра, за которые кузнец брался клещами, остались нежными,
 как человеческое тело'. {Адыгэ тхыдэжъхэр}

Грамматически конструкция с вложенной вершиной не противопоставлена ни свободным релятивам, ни полным относительным конструкциям. Примеры вроде (3.55)—(3.59) выше можно считать частным случаем свободных релятивов. Наряду с ними допустимы и полные относительные конструкции, включающие вложенную вершину. В таких построениях есть две семантических вершины:

(3.60) [ДзэкIолIэу икъалэ къэзгъэгъунагъэ лыхъужъыр] ядэжъ къэкIожъыгъ.
 [zeḱ^weλ-ew jə-qale qe-z-ve-в^wəпа-ve λəχ^wəžə-r] ja.dež'
 солдат-ADV POSS-город DIR-REL.A-CAUS-рубеж-PST герой-ABS домой
 qe-ḱ^we-ž'ə-в
 DIR-идти-RE-PST
 'Герой-солдат, защитивший свой город, вернулся домой'. {Хк}

- (3.61) ?*Мары* [сарафанэу пфэздыгэ джанэр].
 ?ma.rə [sarafan-ew p-fe-z-də-ve ž'ane-r]
 ВОТ.PRED сарафан-ADV 2SG.IO-BEN-1SG.A-ШИТЬ-PST платье-ABS
 'Вот платье-сарафан, которое я тебе сшила'. {Хк}

Впрочем, такие конструкции слишком громоздки и, по-видимому, если и встречаются в речи, то не часто. Поэтому далее мы рассматриваем исключительно вложенные вершины в свободных релятивах.

Вложенная семантическая вершина обнаруживает свойства синтаксической вершины. Этот вопрос обсуждается в разделе 3.3.2. В разделе 3.3.3 мы увидим, что, как указывают некоторые тесты, хотя вложенная вершина и располагается внутри относительного предложения, она не входит в область релятивизации.

3.3.2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВЕРШИННЫЕ СВОЙСТВА ВЛОЖЕННОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВЕРШИНЫ

В свободных релятивах семантическая вершина вступает в конкуренцию за свойства синтаксической вершины со сказуемым относительного предложения.

Позиция определений. Вложенная вершина легко присоединяет к себе определения-прилагательные, образуя с ними единый именной комплекс (3.62). В то же время присоединение таких определений к сказуемому относительной конструкции в этой конструкции нежелательно (ср. примеры 3.63):

- (3.62) *къамылышгъхэ унэ кIыхэу зимакет музеем кIэтыр.*
 qamələ-šhe-wəne-č'əh-ew z-jə-makjet mwəzjejə-m
 камыш=крыша=дом=длинный-ADV REL.PR-POSS-макет музей-OBL
 č'e-tə-r
 LOC-СТОЯТЬ-ABS
 'длинный дом с камышовой крышей, макет которого стоит в музее'
 {Герой}

- (3.63) a. *стол пытэу мы пхъашIэм ышыгъэр*
 stwel-pət-ew мə phaʃe-m ə-ʃə-ve-r
 стол=крепкий-ADV этот столяр-OBL 3SG.A-делать-PST-ABS
- b. **столэу мы пхъашIэм ышыгъэ пытэр*
 *stwel-ew мə phaʃe-m ə-ʃə-ve-pəte-r
 стол-ADV этот столяр-OBL 3SG.A-делать-PST-крепкий-ABS
 ‘крепкий стол, изготовленный этим столяром’ {Xx}

Только к вложенной семантической вершине, но не к сказуемому релятива может присоединяться другая относительная предикация. Конструкция с релятивом, модифицирующим вложенную семантическую вершину другого релятива, представляет собой наиболее естественный для адыгейского языка способ нанизывания релятивов — использования двух или более относительных предложений для описания одного участника внутри единой именной группы:

- (3.64) [сэ сызцыгушIулырэ пчъэхэу] бэмышIэу згъэлагъэхэр
 [se sə-z-ʃ'ə-g^wəʃ^wə-č'ə-re pʃe-x-ew] be.mə.ʃ-ew
 я 1SG.ABS-REL.IO-LOC-радоваться-EL-DYN дверь-PL-ADV недавно-ADV
 z-ve.la-ve-xe-r
 1SG.A-красить-PST-PL-ABS
 ‘недавно выкрашенные мною двери, на которые я уже налюбовался’ {Xx}

Появление числительных в свободном релятиве с вложенной вершиной признается приемлемым как при семантической вершине (3.65a), так и при сказуемом релятива (3.65b). Примечательно, что второй претендент на вершинные свойства в этом случае факультативно маркируется суффиксом множественного числа (в норме в конструкциях с числительными множественное число не получает отдельного выражения):

- (3.65) a. *хьитIоу ац кьыцагъэр / кьыцагъэхэр*
 h-jə-t^w-ew а-ʃ' q-ə-ʃ'a-ve-r /
 собака-LNK-два-ADV тот-OBL DIR-3SG.A-вести-PST-ABS

q-ə-š'a-ve-xe-r

DIR-3SG.A-вести-PST-PL-ABS

b. хъэу / хъэхэу *ац кьыццагъитIур*

h-ew / he-x-ew a-š' q-ə-š'a-в-jə-ɬ^wə-r

собака-ADV собака-PL-ADV тот-OBL DIR-3SG.A-вести-PST-LNK-два-ABS

‘две собаки, которых он привел’ {Xк}

Также к вложенной семантической вершине могут присоединяться указательные местоимения; см. раздел 3.3.3.

В отличие от внешней вершины вложенная вершина представляет собой полную именную группу, то есть составляющую, которая может включать все возможные детерминаторы и определения. С учетом этого позиция большей части определений, строго говоря, не должна считаться принципиальным фактором в выборе синтаксической вершины матричной именной группы: можно считать, что эти определения принадлежат не матричной группе, а другой именной группе, вложенной. Впрочем, то, что такие модификаторы обычно группируются во вложенной вершине, как кажется, заслуживает внимания и указывает на ее особый статус.

Наиболее показательно участие вложенной семантической вершины в посессивных конструкциях. Посессор может как примыкать к вложенной вершине (3.66a), так и быть оторванным от нее (3.66b). Тем не менее именно к ней присоединяются посессивные префиксы:

(3.66) a. *дэпкъым а цыфым исурэтэу пылъэгъагъэр*

deɾqə-m a ɕəfə-m jə-swəret-ew рə-ле-ва-в-er

стена-OBL тот человек-OBL POSS-картина-ADV LOC-лежать-PST-PST-ABS

b. *а цыфым дэпкъым исурэтэу пылъэгъагъэр*

a ɕəfə-m deɾqə-m jə-swəret-ew рə-ле-ва-ве-r

тот человек-OBL стена-OBL POSS-картина-ADV LOC-лежать-PST-PST-ABS

‘портрет этого человека, висевший на стене’ {Xх}

Особый интерес представляет пример (3.66b). Если считать, что посессор относится к вложенной именной группе, окажется, что вложенная вершина определяет наличие отделенного от нее зависимого, что не является нормальным⁸. Но если посессор характеризует матричную группу, появление посессивного маркирования на вложенной вершине должно трактоваться как то, что данная составляющая способна определять синтаксис матричной группы и, следовательно, обладает свойствами ее вершины.

Маркирование числа. Множественное число референта относительной конструкции может быть маркировано как в сказуемом относительного предложения, так и во вложенной вершине. При элицитации наиболее приемлемы примеры, где число выражено и там и там (3.67a). Лишь частью консультантов допускается выражение числа исключительно во вложенной вершине (3.67b) или, наоборот, исключительно в сказуемом относительного предложения (3.67c).

- (3.67) a. *цЫфхэу ахъчэ кьытфязгъэхьыгъэхэр*
 ɕəf-x-ew ахъч'е qə-t-f-ja-z-ve-hə-ve-xe-r
 человек-PL-ADV деньги DIR-1PL.IO-3PL.A + DAT-REL.A-CAUS-нести-PST-PL-ABS
- b. %**цЫфхэу ахъчэ кьытфязгъэхьыгъэр*
 %*ɕəf-x-ew ахъч'е qə-t-f-ja-z-ve-hə-ve-r
 человек-PL-ADV деньги DIR-1PL.IO-3PL.A + DAT-REL.A-CAUS-нести-PST-ABS
- c. %*цЫфэу ахъчэ кьытфязгъэхьыгъэхэр*
 %ɕəf-ew ахъч'е qə-t-f-ja-z-ve-hə-ve-xe-r
 человек-ADV деньги DIR-1PL.IO-3PL.A + DAT-REL.A-CAUS-нести-PST-PL-ABS
 ‘люди, приславшие эти деньги’ {Xx}

Тем не менее в корпусе текстов встречаются примеры, в которых множественное число в свободном релятиве с вложенной семантической вершине выражается только в сказуемом относительного предложения:

⁸ В грамматике зависимостей эта ситуация предстает как нарушение проективности: отношение зависимости между вложенной вершиной и посессором пересекает отношение между сказуемым релятива и располагающимся перед вложенной вершиной его зависимым.

(3.68) ... [чъыгэу ыльэгъухэрэр] ельытэ.

... [čəγ-ew ə-λev^wə-xe-re-r] j-e-λəte
дерево-ADV 3SG.A-видеть-PL-DYN-ABS 3SG.A-DYN-считать
'(она) считает деревья, которые видит'. {Гъыщ}

(3.69) *БлэкЫгъэ илъэсым [кЪымафэ гъомылэу дгъэхъазырыгъагъэхэр] къоным хэшЫкЫгъашъэх.*

ble-č'ə-ve jələsə-m [č'əmafe-ɸ^weməl-ew
LOC-уходить-PST год-OBL зима=пища-ADV
d-ve-hazərə-va-ve-xe-r] q^welə-m xe-šə-č'ə-va-še-x
1PL.A-CAUS-готовить-PST-PST-PL-ABS свинина-OBL LOC-делать-LAT-PST-EXC-PL
'В прошлом году мы сделали слишком много запасов еды на зиму из свинины'. {Едыдж}

Таким образом, если маркирование множественного числа может указывать на формальную вершину матричной группы, сказуемое свободного релятива в большей степени претендует на этот статус, но и вложенная вершина соответствующие свойства обнаруживает.

3.3.3. СТРУКТУРНАЯ ПОЗИЦИЯ ВЛОЖЕННОЙ ВЕРШИНЫ

Некоторые факты указывают на то, что вложенная вершина появляется в структуре высказывания вне области релятивизации. Другими словами, несмотря на то, что семантическая вершина в обсуждаемой конструкции может располагаться среди других элементов относительной предикации, она не участвует в семантической композиции этой предикации, необходимой для выделения одного ее партиципанта в качестве мишени.

Расположение в относительной предикации: общие сведения. Вложенная семантическая вершина может как предшествовать всем (прочим) компонентам относительной предикации (3.70), так и следовать за некоторыми из них (3.71)— (3.72):

(3.70) [Адыгэ шхынхэу мы сталовэм нахь цытшыхэу цыхабзэр] лыгъэжъагъэр ары.

[adəye-šxən-x-ew mə stalweve-m nah šʔə-t-šə-x-ew
адыг-еда-PL-ADV этот столовая-OBL более LOC-1PL.A-делать-PL-ADV
šʔə-xabze-r] lə-ve-ža-ve-r a-rə
LOC-обычай-ABS мясо-CAUS-жарить-PST-ABS тот-PRED

‘Адыгейская еда, которую мы в этой столовой обычно готовим, — жареное мясо’. {Чинахи и жареное мясо}

(3.71) Хэт [шъо цыф цэрылоу кышъухэкыгъэр]?

xet [š^we çəf-çerəʔ^w-ew qə-š^wə-xe-çʔə-ve-r]
кто вы человек-известный-ADV DIR-2PL.IO-LOC-уходить-PST-ABS

‘Какой известный человек вышел из вашего народа?’

Букв.: ‘Кто вышедший из вас известный человек?’ {Едыдж}

(3.72) [Тхьаматэм къэбарэу кылотэщтым] клэхъопсэу цунагъо къежэщтыгъ, ау цушъэфыгъэу цысыгъ.

[thamate-m qebar-ew q-ə-ʔ^wete-šʔə-m] çʔe-x^weps-ew
глава-OBL новость-ADV DIR-3SG.A-рассказать-FUT-OBL LOC-мечтать-ADV
jə-wəna^we q-je-žə-šʔə-в, aw z-jə-wəšəfə-в-ew
POSS-семья DIR-OBL-ждать-AUX-PST но RFL.ABS-3SG.A-скрыть-PST-ADV
šʔə-sə-в

LOC-сидеть-PST

‘Семья ждала с нетерпением рассказа, который расскажет вождь, но он сидел молча’. {Едыдж}

Ограничения на позицию в относительном предложении. У большинства опрошенных консультантов (в особенности у людей более старших поколений) наблюдались два ограничения на позицию вложенной вершины в относительном предложении.

(i) Вложенная семантическая вершина не может располагаться между элементом, содержащим релятивный префикс, и сказуемым относительного предложения:

- (3.73) a. [Чыгэу зыпашъхэ итыр] къэт[эмыгъ.
 [çəγ-ew zə-paʃhe jə-tə-r] qe-temə-ɸ
 дерево-ADV REL.PR-перед LOC-стоять-ABS DIR-пустить.почки-PST
- b. *[Зыпашъхэ чыгэу итыр] къэт[эмыгъ.
 *[zə-paʃhe çəγ-ew jə-tə-r] qe-temə-ɸ
 REL.PR-перед дерево-ADV LOC-стоять-ABS DIR-пустить.почки-PST
 ‘Дерево, перед которым он стоял, пустило почки’. {Xx}

(ii) Вложенная семантическая вершина не может располагаться между абсолютивной именной группой и сказуемым относительного предложения:

- (3.74) a. [Цыфэу къуаер зышхырэр] гъэрэзагъэу цыт.
 [çəf-ew q^waje-r zə-ʃxə-re-r] ɸe-reza-ɸ-ew
 человек-ADV сыр-ABS REL.A-есть-DYN-ABS CAUS-довольный-PST-ADV
 ʃ’ə-t
 LOC-стоять
- b. ??[Къуаер цыфэу зышхырэр] гъэрэзагъэу цыт.
 ??[q^waje-r çəf-ew zə-ʃxə-re-r] ɸe-reza-ɸ-ew
 сыр-ABS человек-ADV REL.A-есть-DYN-ABS CAUS-довольный-PST-ADV
 ʃ’ə-t
 LOC-стоять
 ‘Кушающий сыр человек доволен’. {Xx}

- (3.75) a. [Хъэу гъогур зэпызычырэр] охътэ пчъагъэ хъугъэу сторожым дэжъ цэпсэу.
 [h-ew ɸ^weg^wə-r ze-pə-zə-ç’ə-re-r]
 собака-ADV дорога-ABS REC.IO-LOC-REL.A-уходить-DYN-ABS

weχte=pǰawe χ^wэ-в-ew stwerwežə-m dež' š'-e-psew
 время=количество случаться-PST-ADV сторож-OBL к LOC-DYN-жить
 в. ??[Гъогур хъэу зпызычырэр] охътэ пчъагъэ хъугъэу сторожым дэжь
 цэпсэу.
 ??[В^weg^wэ-r h-ew ze-pə-zə-č'ə-re-r]
 дорога-ABS собака-ADV REC.IO-LOC-REL.A-уходить-DYN-ABS
 weχte=pǰawe χ^wэ-в-ew stwerwežə-m dež' š'-e-psew
 время=количество случаться-PST-ADV сторож-OBL к LOC-DYN-жить
 'Пересекающая дорожку собака уже долго живет у нашего сторожа'. {Xx}

Прочие элементы относительного предложения не налагают ограничений на позицию вложенной вершины; ср. (3.71)—(3.72) выше, а также (3.76)—(3.77):

(3.76) [Сэ чэтэу сыхырэр] къэжъогъапэп.
 [se č'et-ew s-šxə-re-r] qe-ž^we-ka-p-ep
 я курица-ADV 1SG.A-есть-DYN-ABS DIR-варить-PST-AST-NEG
 'Курица, которую я ем, — недоваренная (букв.: не совершенно вареная)'.
 {Бж}

(3.77) [Неуц Иоф-шлагъэу стын фаер] псынкIэ.
 [njewəš' ʔ^wef.šav-ew s-tə-n fa.je-r] psənč'e
 завтра работа-ADV 1SG.A-давать-MOD должный-ABS легкий
 'Работа, которую завтра надо сдать, — легкая'. {Бж}

Итак, для этих носителей, следующих указанным ограничениям, вложенная вершина не может входить в отрезок предикации, включающий сказуемое относительного предложения, его абсолютивную именную группу, элементы, содержащие относительный префикс. Этот список включает элементы, минимально необходимые для интерпретации релятивизации — ядро предикации и элементы, содержащие относительный префикс. Присутствие прочих групп не обязательно для описания ситуации, включающей релятивизируемого партиципанта, оно лишь уточняет такую ситуацию.

Таким образом, вложенная семантическая вершина не может входить в ту часть относительной конструкции, которая необходима для релятивизации. Мы предполагаем, что та часть, в которой не может располагаться семантическая вершина, собственно и образует в адыгейском языке область релятивизации. В этом случае область релятивизации не охватывает здесь все относительное предложение. Некоторые подтверждения этому мы увидим ниже (см. также раздел 3.4.2).

Вынос в постпозицию. Отдельные носители допускают расположение семантической вершины, оформленной адвербиальным показателем *-ew*, после сказуемого относительного предложения, как в (3.78). Особенно легко подобный вынос в постпозицию допускается в частных косвенных вопросах (3.79)—(3.80), которые в адыгейском языке представляют собой подтип относительных конструкций (раздел 0.3.2).

(3.78) *Загъорэ жъалымэу зекIохэрэм цыфхэу, ренэу шъыпкъагъэ ахэльэу залытэжыи шуа?*

[zav^we.re žaləm-ew z-je-ḵ^we-xe-re-m çəf-x-ew]

иногда жестокий-ADV RFL.IO-DAT-идти-PL-DYN-OBL человек-PL-ADV

rjen-ew šəpɔavə a-xe-λ-ew z-a-λətə-ž'ə

весь-ADV правда ЗPL.IO-LOC-лежать-ADV RFL.ABS-ЗPL.A-считать-RE

š^w-a

добро-Q

‘Люди, которые иногда ведут себя жестоко, всегда ли чувствуют себя справедливыми?’ {Xx, Xk}

(3.79) *Сэ сшIэрэп [ар зыщыхъугъэр (чыпIэу)].*

se s-šə-r-ep [a-r zə-š'ə-χ^wə-ve-r (çəp-ew)]

я 1SG.A-знать-DYN-NEG тот-ABS REL.IO-LOC-случаться-PST-ABS место-ADV

‘Я не знаю (место), где это случилось’. {Xx}

- (3.80) *Сэ сшIэрэп [сэц пае ыгу штыр (гупшысэу)].*
 se s-ṣe-r-ep [se-š' paje ə-g^wə jə-лэ-г
 я 1SG.A-ЗНАТЬ-DYN-NEG я-OBL для 3SG.PR-сердце LOC-лежать-ABS
 (g^wəpšəsew)]
 МЫСЛЬ-ADV
 'Я не знаю (мысли), что он думает обо мне'. {Xx}

При этом семантическая вершина образует с относительным предложением единую составляющую: отрыв группы, оформленной адвербиальным суффиксом, от относительного предложения невозможен. Ср. запрещенные примеры (3.81) (модифицированный вариант примера 3.78) и (3.82) (модифицированный вариант примера 3.80):

- (3.81) **[Загъорэ жьалымэу зекIохэрэм] ренэу цыфхэу шыпкъагъэ ахэлъэу залытэжъы шIуа?*
 *[zav^we.re žaləm-ew z-je-k^we-xe-re-m] rjen-ew
 иногда жестокий-ADV RFL.IO-DAT-идти-PL-DYN-OBL весь-ADV
 çəf-x-ew šəpqawe a-xe-л-ew z-a-лəte-ž'ə
 человек-PL-ADV правота 3PL.IO-LOC-лежать-ADV RFL.ABS-3PL.A-считать-RE
 ṣ^w-a
 добро-Q

- (3.82) **Сэ гупшысэу сшIэрэп [сэц пае ыгу штыр].*
 *se g^wəpšəs-ew s-ṣe-r-ep [se-š' paje ə-g^wə
 я МЫСЛЬ-ADV 1SG.A-ЗНАТЬ-DYN-NEG я-OBL для 3SG.PR-сердце
 jə-лэ-г]
 LOC-лежать-ABS

Возможность выноса семантической вершины в постпозицию коррелирует с нереферентностью именной группы. Референтные относительные конструкции, то есть именные группы, описывающие представляемого говорящим конкретного партиципанта, обычно не допускают такой вынос (3.83). В то же время в нерефе-

рентных группах постпозиция семантической вершины, маркированной *-ew*, допускается (3.84).

- (3.83) **[Тыгъуасэ зыдэгъуцыIагъэр пшьашъэу] къэкIуагъ.*
 *[təv^wase zə-de-g^wəʃ'əʔa-ve-r p̄saʃ-ew] qe-k^wa-в
 вчера REL.IO-COM-разговаривать-PST-ABS девушка-ADV DIR-идти-PST
 (Ожид.: 'Пришла девушка, с которой он вчера разговаривал'.) {Xк}

- (3.84) *Сэ сылъэхъу [неуц зыдэгъуцыIэщтым пшьашъэу].*
 se sə-λ-e-χ^wə [njewəʃ' zə-de-g^wəʃ'əʔe-š'tə-m
 я 1SG.ABS-LOC-DYN-случаться завтра REL.IO-COM-разговаривать-FUT-OBL
 p̄saʃ-ew]
 девушка-ADV
 'Я ищущу девушку, которая бы завтра с ним поговорила'. {Xк}

То же может быть сформулировано иначе: относительные конструкции с невынесенной вложенной семантической вершиной (независимо от ее позиции внутри релятива) могут иметь как референтную, так и нереферентную интерпретацию (3.85), в то время как относительные конструкции с вынесенной вершиной на *-ew* в норме имеют нереферентную интерпретацию (3.86).

- (3.85) a. *Сэ сшIэрэп [цIыфэу ацIкIощтыр].*
 se s-ʃe-r-ep [çəf-ew a-š' k^we-š'tə-r]
 я 1SG.A-знать-DYN человек-ADV тот-OBL идти-FUT-ABS
 b. *Сэ сшIэрэп [ацIкIощтыр цIыфэу].*
 se s-ʃe-r-ep [a-š' k^we-š'tə-r çəf-ew]
 я 1SG.A-знать-DYN тот-OBL идти-FUT-ABS человек-ADV
 'Я не знаю никакого человека, который туда пойдет'.
 'Есть человек, который туда пойдет, и я его не знаю'. {Xх}

(3.86) *Сэ сшІэрэп [ац кІоцтыр цІыфэу].*

se s-ʃe-r-ep [a-ʃ' kʷe-ʃ'tə-r ɕəf-ew]

я 1SG.A-знать-DYN-NEG тот-OBL идти-FUT-ABS человек-ADV

‘Я не знаю никакого человека, который туда пойдет’.

*‘Есть человек, который туда пойдет, и я его не знаю’. {Xx}

В этом свете не удивительно, что вынос адвербиальной семантической вершины в постпозицию легко допускают косвенные вопросы: именная группа в них нереферентна, и основное ее отличие от прочих нереферентных групп состоит в том, что ситуация, обозначенная релятивом, в ней находится в пресуппозиции.

За исключением вложенной вершины в отношении прочих элементов относительной предикации, подобный вынос — если и возможен в речи — все же не представляет собой нормальное явление. В этом отношении вложенная вершина потенциально является «наиболее внешней» из всех элементов придаточного предложения.

Сочинение. При сочинении двух кореферентных свободных релятивов вложенная вершина может присутствовать в одном из них и отсутствовать в другом.

(3.87) а. [*Тыгъужъэу благъэу чъэцтыгъэм ыкІи мокІэ-мыкІэ зызыпльыхъэцтыгъэм*] сэ сеуагъ.

[təv^wəʒ-ew blak-ew ɕe-ʃ'tə-ve-m əʃ'jə mwe.ɕ'e-mə.ɕ'e

волк-ADV близкий-ADV бежать-AUX-PST-OBL и туда-сюда

zə-zə-pləhe-ʃ'tə-ve-m] se s-je-wa-в

RFL.ABS-REL.A-осматривать-AUX-PST-OBL я 1SG.ABS-DAT-ударять-PST

‘Я выстрелил в волка, который бежал близко и смотрел по сторонам.’

{Xx; Бж}

Очевидно, что вложенная вершина должна относиться к обоим сказуемым, а следовательно, она должна располагаться вне области релятивизации — по крайней мере, если мы соглашаемся, что здесь имеются две относительные конструкции. В то же время семантическая вершина может быть окружена компонентами

как первой, так и второй относительных предикаций, хотя и не может быть выражена в них обеих:

(3.87) b. [Благъэу тыгъужъэу чъэцтыгъэм ыкIи моkIэ-мыкIэ зызыпIтыхъэцтыгъэм] сэ сеуагъ.

[blav-ew təv^wəz̄-ew če-š'tə-ve-m əč'jə mwe.č'e-mə.č'e
 близкий-ADV волк-ADV бежать-AUX-PST-OBL и туда-сюда
 зə-зə-рлəhe-š'tə-ve-m] se s-je-wa-в
 RFL.ABS-REL.A-осматривать-AUX-PST-OBL я 1SG.ABS-DAT-ударять-PST

c. [Благъэу чъэцтыгъэм ыкIи моkIэ-мыкIэ тыгъужъэу зызыпIтыхъэцтыгъэм] сэ сеуагъ.

[blav-ew če-š'tə-ve-m əč'jə mwe.č'e-mə.č'e təv^wəz̄-ew
 близкий-ADV бежать-AUX-PST-OBL и туда-сюда волк-ADV
 зə-зə-рлəhe-š'tə-ve-m] se s-je-wa-в
 RFL.ABS-REL.A-осматривать-AUX-PST-OBL я 1SG.ABS-DAT-ударять-PST

d. *[Благъэу тыгъужъэу чъэцтыгъэм ыкIи моkIэ-мыкIэ тыгъужъэу зызыпIтыхъэцтыгъэм] сэ сеуагъ.

*[blav-ew təv^wəz̄-ew če-š'tə-ve-m əč'jə mwe.č'e-mə.č'e
 близкий-ADV волк-ADV бежать-AUX-PST-OBL и туда-сюда
 тəv^wəz̄-ew зə-зə-рлəhe-š'tə-ve-m] se
 волк-ADV RFL.ABS-REL.A-осматривать-AUX-PST-OBL я
 s-je-wa-в
 1SG.ABS-DAT-ударять-PST

‘Я выстрелил в волка, который бежал близко и смотрел по сторонам.’

{Бж}

Сфера действия вложенной вершины. Вложенная семантическая вершина может быть модифицирована указательными местоимениями:

(3.88) [Тыгъуасэ мы къутамэу зыкъэзIонтIагъэр] пынкIыкIын фай.

[təv^wase mə q^wətam-ew зə-qe-z-ɾ^wenɕa-ve-r]
 вчера этот ветка-ADV RFL.ABS-DIR-REL.A-сгибать-PST-ABS

рэ-р-ць'эць'э-п fa.j

LOC-2SG.A-ломать-MOD должный

‘Надо обломать эту ветку, которая вчера согнулась’. {Бж⁹; Хх}

Присоединение указательных местоимений к вложенной вершине представляет собой неординарный факт, поскольку маркированные адвербиальным окончанием группы обычно нереферентны. В нашем случае, по-видимому, следует считать, что указательное местоимение модифицирует матричную группу, а не только вложенную вершину, то есть оно не может относиться к области релятивизации. Из этого следует, что к области релятивизации не относится и вложенная семантическая вершина.

О том же свидетельствует поведение кванторных выражений в группе семантической вершины. Наиболее существенны здесь так называемые чистые кванторы (см. раздел 1.6.5) — дистрибутивные и партитивные кванторные слова, которые не могут семантически функционировать как прилагательные, то есть они не просто сообщают дополнительные сведения о референте, но принципиально меняют его референцию. Образуемая ими именная группа (за редкими исключениями) не имеет самостоятельной интерпретации, но интерпретируется относительно какой-то другой части высказывания.

Дистрибутивный квантор может присутствовать во вложенной вершине. В таких выражениях в сфере действия кванторного выражения находится вся относительная конструкция — дистрибутивность матричной группы определяется присутствием соответствующего квантора во вложенной вершине. Во-первых, матричная группа ведет себя как дистрибутивная, допуская индексацию личными префиксами как единственного числа, так и множественного числа (см. раздел 1.6.5):

⁹ Бжедугским консультантом при элицитации был дан диалектный вариант слова ‘согнувшийся’ *zəqezʹwɛrʲavɛr*.

(3.89) [Шъхъангъупчъэ нэпчъэу сэ стхъакIыгъэхэм / %стхъакIыгъэм] ащ узор тыришIыхъагъ.

[šxan^wəpčə-pəpč-ew se s-thač'ə-ve-xe-m / %s-thač'ə-ve-m]
 окно-каждый-ADV я 1SG.A-МЫТЬ-PST-PL-OBL 1SG.A-МЫТЬ-PST-OBL
 a-š' wəzwer Ø-tər-jə-šə-ha-ɸ /
 тот-OBL узор 3SG.IO-LOC-3SG.A-делать-LAT-PST
 a-tər-jə-šə-ha-ɸ
 3PL.IO-LOC-3SG.A-делать-LAT-PST

‘На каждом вымытом мной окне он нарисовал узор’. {Хх; Хк; Бж}

Во-вторых, матричная группа обязательно семантически ведет себя как дистрибутивная и не может восприниматься как единое множество:

(3.90) Губаты нэпчъэу хъэр зыхэцэкъагъэхэм пае сомипшI стыгъэ.

[g^wəbatə-pəpč-ew he-r zə-xe-seqa-ve-xe-m] paje
 губат-каждый-ADV собака-ABS REL.IO-LOC-кусать-PST-PL-OBL для
 swem-jə-pš s-tə-ve
 рубль-LNK-десять 1SG.ABS-давать-PST

a. ‘Я заплатила десять рублей за каждый губат, который надкусила собака’.

b. *‘Я заплатила десять рублей за губаты, каждый из которых надкусила собака’.

{Бж}

Запрет второй интерпретации в этом примере указывает на то, что кванторная группа не может включаться в область релятивизации — квантор не воспринимается как информация, касающаяся ситуации, описываемой зависимым предложением.

Для многих консультантов сказуемое свободного релятива в рассматриваемой конструкции в норме оформлено окончанием множественного числа, однако этот показатель маркирует не множественное число референта всей матричной именной группы, а лишь множественность объектов, которые потом подвер-

гаются квантификации. В соответствии с этим, порядок семантической композиции матричной группы должен включать приложение кванторной группы к тому, что уже определено как область релятивизации.

Сходным образом ведет себя и кванторное выражение *nahəbe* ‘большинство’. В отличие от *perč* ‘каждый’, оно само способно выступать в качестве семантической вершины. Имя, обозначающее класс квантифицируемых объектов, может оформляться как референтный посессор *nahəbe* (3.91), образовывать с кванторным выражением единый именной комплекс (3.92), выступать в качестве внешней семантической вершины в полной относительной конструкции (3.93)¹⁰ или отсутствовать вовсе (3.94):

(3.91) [Мылэ клэцлыкыхэм анахыбэу сэ цысишэхэрэр] Іушдэдэх.

[mə-č'e č'e.čəḵ^wə-xe-m a-nahə.b-ew se

этот-INS ребенок-PL-OBL ЗPL.PR-большинство-ADV я

š'ə-s-šə-xe-re-r] ?^wəš-dede-x

LOC-1SG.A-знать-PL-DYN-ABS умный-очень-PL

‘Большинство детей, которых я здесь знаю, — очень умные’. {Бж}

(3.92) [Цыф нахыбэу яшгузхэм ягъусэу къэкІуагъэхэм] Іанэм къыпэнагъэх.

[čəf-nahə.b-ew ja-š^wəz-xe-m ja-β^wəs-ew

человек-большинство-ADV ЗPL.PR + POSS-жена-OBL ЗPL.PR-спутник-ADV

qe-ḵ^wa-βe-xe-m] ?ane-m qə-pe-na-βe-x

DIR-идти-PST-PL-OBL стол-OBL DIR-LOC-оставаться-PST-PL

‘Большинство людей, пришедших с женами, остались за столом’. {Хк}

(3.93) [Мы мэфэкІым нахыбэу цышъушхырэ шхыныхэр] зышыгъэр сэры.

[mə mefe.č'ə-m nahə.b-ew š'ə-š^wə-šxə-re šxənə-xe-r]

этот праздник-OBL большинство-ADV LOC-2PL.A-есть-DYN еда-PL-ABS

¹⁰ В примере (3.93) релевантная матричная именная группа выступает внутри другой относительной конструкции: ‘тот, кто приготовил [большую часть блюд, которые вы едите на этом празднике]’.

Представленный в (3.95) эффект объясняется тем, что в то время как вложенная вершина содержит в себе предикативность и должна модифицировать другое выражение, вершина в полной относительной конструкции сама выступает в качестве модифицируемого относительным предложением.

Так или иначе, можно заключить, что относительная конструкция обычно оказывается в сфере действия вложенной семантической вершины, а значит, эта вершина не входит в область релятивизации.

3.3.4. Выводы

Относительная конструкция с вложенной семантической вершиной в адыгейском языке представляет собой явление, которое является не только экзотическим для «среднеевропейского стандарта», но и весьма примечательным для типологии относительных конструкций:

- во-первых, в адыгейском языке относительная конструкция с вложенной вершиной не противопоставлена относительным конструкциям с внешней вершиной;
- во-вторых, вложенная семантическая вершина проявляет свойства синтаксической вершины матричной группы;
- в-третьих, как было показано выше, при построении высказывания вложенная семантическая вершина не входит в область релятивизации и включается в семантическую композицию относительного предложения после релятивизации (поскольку она интерпретируется с учетом результата релятивизации).

В разделе 6.5 мы увидим, что некоторые из этих свойств присутствуют и у относительных конструкций с вложенной вершиной в других языках мира.

3.4. Относительные предложения и другие определения

Обсуждая место относительных конструкций в именной группе естественно рассматривать в первую очередь полные относительные конструкции, поскольку они наиболее близки к прототипу именных групп, подразумевающему присутствие именной синтаксической вершины. Мы ограничимся исследованием конст-

рукций, в которых релятивные сказуемые не инкорпорированы, так как при инкорпорации их место в именной группе тривиально — они являются частью именного комплекса, функционирующего как самостоятельная синтаксическая единица.

Для того, чтоб определить место релятивов в именных группах, очевидно, надо соотнести их с другими неинкорпорированными определениями. В то же время в корпусе текстов сложные именные группы, включающие несколько неинкорпорированных определений, встречаются крайне редко, поэтому при выявлении закономерностей построения таких словосочетаний приходится полагаться в первую очередь на элицитацию.

3.4.1. РАСПОЛОЖЕНИЕ РЕЛЯТИВОВ СРЕДИ ПРОЧИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Основные неинкорпорированные определения помимо релятивов включают:

- именные группы посессора;
- указательные местоимения;
- по большей части потенциально инкорпорируемые определения, образуемые суффиксом *-ге*, которые включают относительные прилагательные и порядковые числительные;
- числительное *zə* 'один'.

В том, что касается поведения в именных группах, содержащих, относительные предикации, эти типы определений распадаются на два типа. К первому относятся именные группы посессора, ко второму — все прочие.

Посессивы и релятивы. Место именных групп посессора относительно релятивов в полных относительных конструкциях непосредственно зависит от их грамматических характеристик. Местоимения, указывающие на посессора 1-го или 2-го лица в полных относительных конструкциях обычно появляются между относительным предложением и именным комплексом, хотя иногда допускается и их расположение перед релятивом; ср.:

- (3.96) a. [Усабэ зышлагъэ сэ сикIалэр] еджанIэм чIэхъагъ.
 [wəsa=be zə-ʃa=ve se s-jə-čʻale-r]
 стихотворение-много REL.A-ЗНАТЬ-PST я 1SG.PR-POSS-парень-ABS
 ježʻape-m če-ha-ɸ
 школа-OBL LOC-ВХОДИТЬ-PST
- b. ?[Сэ усабэ зышлагъэ сикIалэр] еджанIэм чIэхъагъ.
 ?[se wəsa=be zə-ʃa=ve s-jə-čʻale-r]
 я стихотворение-много REL.A-ЗНАТЬ-PST 1SG.PR-POSS-парень-ABS
 ježʻape-m če-ha-ɸ
 школа-OBL LOC-ВХОДИТЬ-PST
- ‘Мой ребенок, который выучил много стихов, в школу поступил’. {Xк}

- (3.97) a. [Айтэч кьыцэфыгъэ сэ сипхэкIычыр] акIэ цыльть.
 [ajtečʻ q-ə-šʻefə=ve se s-jə-pχečʻəčʻə-r] a-čʻe
 Айтэч DIR-3SG.A-КУПИТЬ-PST я 1SG.PR-POSS-трещетка-ABS ТОТ-INS
 šʻə-λ
 LOC-лежать
- b. *[Сэ Айтэч кьыцэфыгъэ сипхэкIычыр] акIэ цыльть.
 *[se ajtečʻ q-ə-šʻefə=ve s-jə-pχečʻəčʻə-r] a-čʻe
 я Айтэч DIR-3SG.A-КУПИТЬ-PST 1SG.PR-POSS-трещетка-ABS ТОТ-INS
 šʻə-λ
 LOC-лежать
- ‘Моя трещетка, которую купил Айтэч, лежит там’. {Xк}

Прочие местоимения, имена собственные и именные группы, возглавляемые нарицательными существительными, находятся перед релятивом:

- (3.98) a. *усабэ зышлагъэ ахэмэ якIалэр
 *wəsa=be zə-ʃa=ve a-xe-me
 стихотворение-много REL.A-ЗНАТЬ-PST ТОТ-PL-OBL:PL
 ja-čʻale-r
 3PL.PR + POSS-парень-ABS

b. *axэмэ усабэ зышлагъэ яклалэр*

a-xe-me wəsa=be zə-ʃa-ve
TOT-PL-OBL:PL стихотворение=много REL.A-ЗНАТЬ-PST
ja-čʼale-r
3PL.PR + POSS-парень-ABS

‘их ребенок, который выучил много стихов’ {Xк}

(3.99) a. **усабэ зышлагъэ Капльан иклалэр*

*wəsa=be zə-ʃa-ve kaplan
стихотворение=много REL.A-ЗНАТЬ-PST Каплан
jə-čʼale-r
POSS-парень-ABS

b. *Капльан усабэ зышлагъэ иклалэр*

kaplan wəsa=be zə-ʃa-ve
Каплан стихотворение=много REL.A-ЗНАТЬ-PST
jə-čʼale-r
POSS-парень-ABS

‘ребенок Каплана, который выучил много стихов’ {Xк}

(3.100) a. **усабэ зышлагъэ мы клорэ бзыльфыгъэм иклалэр*

*wəsa=be zə-ʃa-ve mə kʷe-re bzəlfəve-m
стихотворение=много REL.A-ЗНАТЬ-PST ЭТОТ ийти-DYN женщина
jə-čʼale-r
POSS-парень-ABS

b. *мы клорэ бзыльфыгъэм усабэ зышлагъэ иклалэр*

mə kʷe-re bzəlfəve-m wəsa=be zə-ʃa-ve
ЭТОТ ийти-DYN женщина стихотворение=много REL.A-ЗНАТЬ-PST
jə-čʼale-r
POSS-парень-ABS

‘ребенок этой идущей женщины, который выучил много стихов’ {Xк}

- (3.101) a. *Айтэч кыицэфыгъэ Еджэркъуае дэсым ихъэкӀычыр
 ajteč' q-ə-š'efə-ve jež'erq^waje de-sə-m
 Айтэч DIR-3SG.A-купить-PST Егерухай LOC-сидеть-OBL
 јә-рхец'эц'э-г
 POSS-трещотка-AVS
- b. Еджэркъуае дэсым Айтэч кыицэфыгъэ ихъэкӀычыр
 jež'erq^waje de-sə-m ajteč' q-ə-š'efə-ve
 Егерухай LOC-сидеть-OBL Айтэч DIR-3SG.A-купить-pst
 јә-рхец'эц'э-г
 POSS-трещотка-AVS
- ‘трещотка егерухайца, которую купил Айтэч’ {Xк}

Как показывают эти примеры, позицию группы посессора нельзя объяснить ее легкостью, то есть тем, из какого количества слов она состоит: в то время как однословные личные местоимения располагаются непосредственно перед именной группой, прочие группы посессора занимают место в начале именной группы. Нельзя объяснить позицию посессора и тем, получает ли группа посессора выраженное падежное маркирование: немаркированные падежом личные местоимения и имена собственные оказываются в разных местах.

Тем не менее в [Lander 2010a] (см. также [Ландер, Меретукова 2011]) аргументируется точка зрения, согласно которой описанная выше ситуация вполне укладывается в типологические тенденции. Так, по сравнению с другими посессорами посессоры 1-го и 2-го лица обладают большей *связанностью* (bondedness) внутри именной группы¹¹, то есть в норме они располагаются ближе к выражению объекта обладания или даже инкорпорируются в него, следствием чего является грамматикализация индексации¹². Таким образом, разное расположение групп посессора относительно релятивов с типологической точки зрения осмысленно.

¹¹ Понятие разной степени связанности определений внутри именной группы было предложено в статье [Foley 1980].

¹² Другими следствиями связанности местоименных посессоров являются предпочтения, которые отдаются им при согласовании с объектом обладания и при построении грамматикализованных абсолютных посессивов — конструкций, в которых автономное выраже-

Релятивы и числительное зә ‘один’. Числительное зә ‘один’ последовательно примыкает к именному комплексу; его вынос в начало именной группы консультантами отвергается:

(3.102) [CІэ чІэслъхъагъэ зы осцыпэр] чІэткІухъагъ.

[s-ʔe çe-s-λha-ve зә wes-cəpe-r]

1SG.PR-рука LOC-1SG.A-класть-PST один снег-кончик-ABS

çe-tkʷə-ha-в

LOC-плавиться-PL-PST

‘Одна снежинка, которую я взял в руки, растаяла’. {Xк}

(3.103) a. тыгъуасэ зыпашъхъэ машинэ итыгъэ зы чыгыр

təv^wase zə-paʃhe маʃəne jə-tə-ve зә çəγə-r

вчера REL.PP-перед машина LOC-стоять-PST один дерево-ABS

b. *зы тыгъуасэ зыпашъхъэ машинэ итыгъэ чыгыр

зә təv^wase zə-paʃhe маʃəne jə-tə-ve çəγə-r

один вчера REL.PP-перед машина LOC-стоять-PST дерево-ABS

‘одно дерево, перед которым вчера стояла машина’ {Xх}

Впрочем, отдельные консультанты допускают его появление внутри относительного предложения; см. раздел 3.4.2.

Релятивы и прочие определения. Основная часть непосессивных определений способны располагаться как перед релятивом, так и после него. Ср. следующие примеры:

Указательное местоимение и релятив

(3.104) a. [Мы / а арабым адэжъ къыкІыгъэ хабзэр] джырэ нэс мэпсэу.

[mə / a arabə-m a-dež' q-jə-ç'ə-ve xabze-r]

этот тот араб-OBL 3PL.PP-к DIR-LOC-уходить-PST обычай-ABS

ние объекта обладания отсутствует. В обоих случаях семантические характеристики объекта обладания грамматически (хотя и не лексически) выражены при посессоре. См. подробнее [Lander 2010].

ʒ'ə.re nes me-psew
сейчас до DYN-жить

b. [Арабым адэжь кыкыгыгэ мы / хабзэр] джырэ нэс мэпсэу.

[arabə-m a-dež' q-jə-č'ə-ve mə / a xabze-r]
араб-OBL ЗPL.PP-к DIR-LOC-уходить-PST ЭТОТ ТОТ ОБЫЧАЙ-ABS
ʒ'ə.re nes me-psew
сейчас до DYN-жить

‘Этот / тот обычай, который пришел к нам от арабов, до сих пор существует’. {Хк}

(3.105) a. [Джа / а Муслимет столым кытырынагэ кIэнкIэ шыуампIэр] имыдз!

[ʒ'a / a mwəsλjəmjet stwelə-m qə-tər-jə-na-ve
тот тот Муслимет стол-OBL DIR-LOC-3SG.A-оставить-PST
č'enč'e-s^wampe-r] jə-mə-ʒ
яйцо-скорлупа-ABS LOC-NEG-бросать(IMP)

b. [Муслимет столым кытырынагэ джа / а кIэнкIэ шыуампIэр] имыдз!

[mwəsλjəmjet stwelə-m qə-tər-jə-na-ve ʒ'a / a
Муслимет стол-OBL DIR-LOC-3SG.A-оставить-PST тот тот
č'enč'e-s^wampe-r] jə-mə-ʒ
яйцо-скорлупа-ABS LOC-NEG-бросать(IMP)

‘Ту яичную скорлупу, которую Муслимет оставила на столе, не выкидывай!’ {Хк}

Относительное прилагательное и релятив

(3.106) a. [Непэрэ сэ кьэсхыгыгэ халыгьур] фабэ.

[njere-re se qe-s-hə-ve xaləv^wə-r] fabe
сегодня-ADJ я DIR-1SG.A-нести-PST хлеб-ABS теплый

b. [Сэ кьэсхыгыгэ непэрэ халыгьур] фабэ.

[se qe-s-hə-ve njere-re xaləv^wə-r] fabe
я DIR-1SG.A-нести-PST сегодня-ADJ хлеб-ABS теплый

‘Принесенный мной сегодняшней хлеб — вкусный’. {Хк}

(3.107) а. *Ар [тэгъосэрэ непэ ашхырэ хьалэгъум] фэд.*

a-r [te^wese-re njepe a-šxə-re hale^wə-m] fe.d
тот-ABS вчера-ADJ сегодня ЗPL.A-есть-DYN хлеб-OBL подобный

б. *Ар [непэ ашхырэ тэгъосэрэ хьалэгъум] фэд.*

a-r [njepe a-šxə-re te^wese-re hale^wə-m] fe.d
тот-ABS сегодня ЗPL.A-есть-DYN вчера-ADJ хлеб-OBL подобный

‘Это как вчерашний хлеб, который едят сегодня’. {Xк}

В то же время в условиях элицитации запрещались примеры, в которых препозиция указательного местоимения приводила бы к двум указательным местоимениям, следующим один за другим:

(3.108) а. **Сэ ащ езгъэльэгъуцт, [а мы пцІэжыер кьысэзыцагъэ тучантесым].*

*se a-š' je-z-ke-lev^wə-š't, [a mə pcež'əje-r
я тот-OBL DAT-1SG.A-CAUS-видеть-FUT тот этот рыба-ABS
qə-s-e-zə-š'a-ke twəč'an.tje.sə-m]
DIR-1SG.IO-DAT-REL.A-продать-PST продавец-OBL

б. *Сэ ащ езгъэльэгъуцт, [мы пцІэжыер кьысэзыцагъэ а тучантесым].*

*se a-š' je-z-ke-lev^wə-š't, [mə pcež'əje-r
я тот-OBL DAT-1SG.A-CAUS-видеть-FUT этот рыба-ABS
qə-s-e-zə-š'a-ke a twəč'an.tje.sə-m]
DIR-1SG.IO-DAT-REL.A-продать-PST тот продавец-OBL

‘Я еще покажу продавцу, который продал эту рыбу!’

3.4.2. ЧАСТИЧНАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ДРУГИХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Для указательных местоимений и относительных прилагательных зафиксирована возможность их появления внутри относительной предикации:

- (3.109) *цфыфэу гьэмафэм Москва а цымылагьэр*
 cəf-ew vemafe-m mveskva a š'ə-mə-ʔa-ve-r
 человек-ADV лето-OBL Москва тот LOC-NEG-быть-PST-ABS
 'тот человек, который не бывал в Москве летом' {Xx}
- (3.110) *тыгьуасэ джа зиджэгу Эльдарым орэд кьыщиуагьэ кIэлэгьаджэр*
 тэв^wase ž'a z-jə-ž'eg^w el'darə-m wered
 вчера тот REL.PR-POSS-свадьба Эльдаров-OBL песня
 qə-š'-jə-ʔ^wa-ve č'elejevaž'e-r
 DIR-LOC-3SG.A-говорить-PST учитель-ABS
 'тот учитель, у которого вчера на свадьбе пел Эльдаров' {Xx}

Интересно, что данная конструкция наблюдается и для числительного *зə* 'один', которое, в отличие от указательных местоимений и относительных прилагательных обычно не предшествует релятиву:

- (3.111) [*CIэ зы чIэслъхьагьэ осцыпэр*] *чIэткIухьагь.*
 [s-ʔe zə če-s-λha-ve wes-cəpe-r]
 1SG.PR-рука один LOC-1SG.A-кIасть-PST снег-кончик-ABS
 če-tk^wə-ha-ɸ
 LOC-плавиться-PL-PST
 'Одна снежинка, которую я взял в руки, растаяла'. {Xk}

При этом их позиция подвергается ограничениям, которые уже наблюдались выше при рассмотрении позиции вложенной вершины:

(i) определения, относящиеся к матричной именной группе, не могут располагаться между составляющей, содержащей релятивный префикс, и сказуемым относительного предложения;

(3.112) *цѳыфэу зятэ а зыльэггьугьэр

*çəf-ew z-jate a zə-лєв^wə-кє-r

человек-ADV REL.PR-POSS + отец тот REL.A-видеть-PST-ABS

(Ожид.: ‘тот человек, который увидел своего отца’) {Xx}

(3.113) *тыгьуасэ зиджэгу джа Эльдарым орэд кьыциѳуаггэ клэлэггьаджэр

*тəв^wase z-jə-ž’eg^w ž’a el’darə-m wered

вчера REL.PR-POSS-свадьба тот Эльдаров-OBL песня

qə-š’-jə-ʔ^wa-кє č’elejeваž’e-r

DIR-LOC-3SG.A-говорить-PST учитель-ABS

(Ожид.: ‘тот учитель, у которого вчера на свадьбе пел Эльдаров’) {Xx}

(ii) для ряда консультантов определения, относящиеся к матричной именной группе, запрещены или по крайней мере сомнительны между абсолютивной именной группой и сказуемым относительного предложения.

(3.114) ??цѳыфэу Москва а зыльэггьугьэр

??çəf-ew mweskva a zə-лєв^wə-кє-r

человек-ADV Москва тот REL.A-видеть-PST-ABS

(Ожид.: ‘тот человек, который видел Москву’) {Xx}

Ср. также примеры на подобное вложение относительных прилагательных:

(3.115) а. *IoфьшIэм тыгьосэрэ зыш цычъьерэ тхьаматэр*

ʔ^wefə.ʃe-m təv^wese-re zə-š š’ə-čəje-re thamate-r

работа-OBL вчера-ADJ REL.PR-брат LOC-спать-DYN начальник-ABS

б. **IoфьшIэм зыш тыгьосэрэ цычъьерэ тхьаматэр*

*ʔ^wefə.ʃe-m zə-š təv^wese-re š’ə-čəje-re thamate-r

работа-OBL REL.PR-брат вчера-ADJ LOC-спать-DYN начальник-ABS

‘вчерашний начальник, чей брат спит на работе’ {Xx}

Наличие данных ограничений для определений, относящихся к матричной группе, подтверждают их трактовку данную в разделе 3.3.3: отрезок, в который не могут попасть элементы, внешние для относительного предложения, включает минимально необходимые для интерпретации релятивизации компоненты и образует область релятивизации, в которую, естественно, не могут попадать определения, не относящиеся к описываемой в ней ситуации.

3.5. Итоговые замечания

В этой главе было показано, что в адыгейском языке противопоставляются полные относительные конструкции, в которых семантическая вершина одновременно является и синтаксической вершиной и следует за относительным предложением, и свободные релятивы, в которых семантическая вершина, которая одновременно однозначно выступала бы в качестве синтаксической вершины, отсутствует.

В именных группах, которые содержат полные относительные конструкции, релятивы могут образовывать с именной вершиной единый комплекс («быть инкорпорированы» в наших терминах) или нет. При неинкорпорированных релятивах место прочих определений может варьировать в зависимости от их типа и степени связанности (в терминах [Foley 1980]) с вершиной. При этом некоторые из них могут вставляться внутрь относительной предикации.

В свободных релятивах, судя по всему, не имеет смысла постулировать какую-либо нулевую именную вершину, хотя этот вопрос в значительной степени зависит от теории, которая выбирается при описании.

Семантическая вершина в адыгейских относительных конструкциях может также появляться, на первый взгляд, внутри релятивных предикаций — соответственно, адыгейский относится к языкам, обладающим так называемой относительной конструкцией с вложенной вершиной. Вместе с тем, в этих конструкциях семантическая вершина обнаруживает и формальные вершинные свойства, а кроме того, по-видимому, интерпретируется не как часть относительного предложения, но с учетом информации о релятивизации.

Глава 4.

Релятивизируемые партиципаны

4.1. Вводные замечания

В соответствии с типологией относительных предложений, обрисованной в разделе 0.1, адыгейский язык использует синтаксически-ориентированные стратегии релятивизации: для идентификации релятивизируемого партиципанта адыгейский язык полагается на его синтаксическую роль. Это накладывает определенные ограничения на то, что может выступать в качестве мишени релятивизации (раздел 4.2.1).

Некоторые ограничения такого рода адыгейский язык умеет обходить, допуская в относительных предикациях построения, которые не встречаются в независимых предложениях (разделы 4.2.2.—4.2.5). Помимо этого, в адыгейском языке наблюдается одновременное маркирование кореферентных ролей как релятивизованных, которое показывает, что адыгейская релятивизация отчасти полагается и на семантику (в данном случае, на информацию о кореферентности); см. раздел 4.3.2.

4.2. Релятивизируемые позиции в простом предложении

4.2.1. ОСНОВНЫЕ РЕЛЯТИВИЗУЕМЫЕ ПОЗИЦИИ

В главе 2 мы видели, что в адыгейском языке используются две стратегии релятивизации¹. Первая стратегия — немаркированная — используется при релятивизации абсолютного актанта независимо от того, идет ли речь о единственном ядерном актанте непереходного предиката (как глагольного, так и именного, как моновалентного, так и поливалентного) или о пациенсе при переходном предикате:

¹ Опускание релятивного показателя, описанное в разделе 2.2.3, мы рассматриваем как периферийное явление, производное от прономинальной стратегии.

Релятивизация абсолютивного актанта — единственного актанта непереходного глагола

(4.1) a. *Шоферыр къэкIуагъ.*

šwefjerə-r qe-ḵ^wa-в
водитель-ABS DIR-идти-PST

‘Пришел водитель.’ {Xx}

b. [*КъэкIогъэ шоферыр*] *цIыф дэгъоу къычIэкIыгъ.*

[qe-ḵ^we-вe-šwefjerə-r] çəf-dev^w-ew qə-çe-ç’ə-в
DIR-идти-PST=шофер-ABS человек=хороший-ADV DIR-LOC-выходить-PST

‘Пришедший водитель оказался хорошим человеком.’ {Xx}

Релятивизация абсолютивного актанта — наиболее агентивного актанта поливалентного непереходного глагола

(4.2) a. *Ац мы аргъоур ецкъагъ.*

a-š’ mə aḡ^wejə-r je-seqa-в
тот-OBL этот комар-ABS DAT-кусать-PST

‘Его укусил этот комар’. {Xx}

b. [*Сэ ац ецкъагъэ аргъоур*] *сIуэкIыгъ.*

se [a-š’ je-seqa-вe aḡ^wejə-r] sə-wəç’ə-в
я тот-OBL DAT-кусать-PST комар-ABS 1SG.A-убивать-PST

‘Я убила комара, который его укусил’. {Xx}

Релятивизация абсолютивного актанта именного сказуемого

(4.3) a. *Ар тиунэ цышхъаIакI.*

a-r t-jə-wəne š’ə-šha?a-ç’
тот-ABS 1PL.PR-POSS-дом LOC-глава=новый

‘Он в нашем доме новый глава’. {Xx}

b. [*Тиунэ цышхъаIэ сшыр*] *еджэныр лыгъэкIотэнэу ыIуагъ.*

[t-jə-wəne š’ə-šha?a-ç’e s-šə-m]
1PL.PR-POSS-дом LOC-глава=новый 1SG.PR-брат-OBL

je-ʒ'e-nə-r λ-jə-ve-ḵ^wete-n-ew
 DAT-учиться-MOD-ABS LOC-3SG.A-CAUS-двигаться-MOD-ADV
 ə-ʔ^wa-в
 3SG.A-говорить-PST

‘Тот мой брат, который в нашем доме новый глава, решил
 продолжить учебу’. {Xx}

Релятивизация абсолютного актанта — пациенса при переходном глаголе

(4.4) а. *Ащ хьырбыдзыр ыбзыгъ.*

a-š' χərbəzə-r ə-bzə-в
 тот-OBL арбуз-ABS 3SG.A-резать-PST
 ‘Он нарезал арбуз’. {Xx}

б. [*Хьырбыдзэу ащ ыбзыгъэр*] *мышьугъэ.*

[χərbəz-ew a-š' ə-bzə-ve-r] mə-χ^wə-ve
 арбуз-ADV тот-OBL 3SG.A-резать-PST-ABS NEG-случаться-PST
 ‘Арбуз, который он нарезал, был неспелый’. {Xx}

Прономинальная стратегия используется для неабсолютивных ролей, которые могут где-либо индексироваться (хотя, как мы увидим, в разделах 2.2.2—4.2.5, некоторые роли индексируются только в относительных конструкциях). Для ролей, индексированных в сказуемом-глаголе, прономинальная стратегия применяется для агенса и разного рода непрямых объектов:

Релятивизация агенса

(4.5) а. *КІалэм апчыр ыкьутагъ.*

č'alə-m арč'ə-r ə-q^wəta-в
 парень-OBL стекло-ABS 3SG.A-разбивать-PST
 ‘Мальчик разбил стекло’. {Xx}

б. [*КІалэу апчыр зыкьутагъэм*] *зи ыІоцтыгъэн.*

[č'al-ew арč'ə-r zə-q^wəta-ve-m] z-jə
 парень-ADV стекло-ABS REL.A-разбивать-PST-OBL один-ADD

- b. [Унэу машинэр зылутыгээр] бэ мышлэу ашлыгъ.
 [wən-ew maʃəne-r zə-ʔ^wə-tə-ve-r] be.mə.ʃ-ew
 дом-ADV машина-ABS REL.IO-LOC-стоять-PST-ABS недавно-ADV
 а-ᶑə-в
 ЗPL.A-делать-PST
 'Дом, перед которым стояла машина, был построен недавно'. {Xx}

- (4.9) a. Сэ кIалэхэм Иоф адэсцIагъ.
 se ʧ'ale-xe-m ʔ^wef a-de-s-ᶑa-в
 я парень-PL-OBL работа ЗPL.IO-COM-1SG.A-делать-PST
 'Я работал с детьми'. {Xx}

- b. [Сэ Иоф зыдэсцIагъэхэ кIалэхэр] кысэдэИоцтыгъэх.
 [se ʔ^wef zə-de-s-ᶑa-ve-xe ʧ'ale-xe-r]
 я работа REL.IO-COM-1SG.A-делать-PST парень-PL-ABS
 qə-se-de-ʔ^we-š'tə-ve-x
 DIR-1SG.IO-COM-говорить-AUX-PST-PL
 'Дети, с которыми я работал меня слушались'. {Xx}

Релятивизация недативного непрямого объекта - пониженного агенса²

- (4.10) a. Мы тхьамыкIэм ац фэдиз ахьцэ фэтыцтэн.
 mə thaməʧ'e-m a-š' fe.d-jə-z ахь'е
 этот бедняк-OBL тот-OBL подобный-LNK-один деньги
 Ø-fe-tə-š't-ep
 ЗSG.IO-BEN-давать-FUT-NEG
 'Этот бедняк не может заплатить столько денег'. {Xx}
- b. [ТхьамыкIэу ац фэдиз ахьцэ зыфэмытыцтым] егъашIэм ар
 кьыратыцтэн.
 [thaməʧ'-ew a-š' fe.d-jə-z ахь'е
 бедняк-ADV тот-OBL подобный-LNK-один деньги
 zə-fe-mə-tə-š'tə-m] je.ka.ʃe.m a-r
 REL.IO-BEN-NEG-давать-FUT-OBL всегда тот-ABS

² О понижении грамматического статуса агентивного участника см. раздел 1.5.3.

qə-r-a-tə-š't-ep

DIR-DAT-3PL.A-давать-FUT-NEG

‘Бедняку, который не может заплатить столько денег, никогда этого не дадут’. {Xx}

(4.11) a. *Ац чашкэр ІэкІэкьутагъ.*

a-š' č'aške-r Ø-ʔe.č'e-q^wəta-в

ТОТ-OBL чашка-ABS 3SG.IO-INADV-ломать-PST

‘Он случайно разбил чашку’. {Xx}

b. [*Чашкэр зыІэкІэкьутагъэ кІалэр*] *чъэжыгъ.*

[č'aške-r zə-ʔe.č'e-q^wəta-ве č'ale-r] če-ž'ə-в

чашка-ABS REL.IO-INADV-ломать-PST парень-ABS бежать-RE-PST

‘Парень, случайно разбивший чашку, убежал домой’. {Xx}

При этом наблюдается и релятивизация ролей, которые зачастую в глаголе не индексируются (хотя их индексация и не исключена). Так, через релятивизацию непрямого объекта строятся конструкции, указывающие на инструмент (4.12a)—(4.12b), который в независимых предложениях часто вводится инструментальным падежом (4.12c):

(4.12) a. *Мы уатэм Іоф рытэшІэ.*

mə wate-m ʔ^wef Ø-rə-t-e-š'e

ЭТОТ МОЛОТОК-OBL РАБОТА 3SG.IO-INSTR-1PL.A-DYN-ДЕЛАТЬ

‘Мы работаем этим молотком’. {Xx}

b. [*Іоф зэрытшІэрэ уатэр*] *модэ цыль.*

[ʔ^wef ze-rə-t-š'e-re wate-r] mwe.de š'ə-л

РАБОТА REL.IO-INSTR-1PL.A-ДЕЛАТЬ-DYN МОЛОТОК-ABS ТАМ ЛОС-ЛЕЖАТЬ

‘Молоток, которым мы работаем, лежит там’. {Xx}

c. *Мы уатэкІэ Іоф тэшІэ.*

mə wate-č'e ʔ^wef t-e-š'e

ЭТОТ МОЛОТОК-INS РАБОТА 1PL.A-DYN-ДЕЛАТЬ

‘Мы работаем этим молотком’. {Xx}

Тот же инструментальный преверб используется при введении темы речи:

(4.13) a. *Ахэмэ тарыгуцыIацтыгъэ.*

a-xe-me t-a-rə-g^wəʃ'əʔa-š'tə-ve

ТОТ-PL-OBL:PL 1PL.ABS-3PL.IO-INSTR-разговаривать-AUX-PST

‘Мы (обычно) разговаривали о них’. {Xx}

b. [Цыфэу тэ тызэрыгуцыIэцтыгъэхэр] ошIэ-дэмышIэу тапашъхъэ кыуцуагъэх.

[çəf-ew te tə-ze-rə-g^wəʃ'əʔe-š'tə-ve-xe-r]

человек-ADV мы 1PL.ABS-REL.IO-INSTR-разговаривать-AUX-PST-PL-ABS

we.ʃe.de.mə.ʃ-ew ta-paʃhe q-jə-wəc^wa-ve-x

внезапно-ADV 1PL.PP-перед DIR-LOC-встать-PST-PL

‘Люди, о которых мы (обычно) разговаривали, вдруг появились перед нами’. {Xx}

Аналогично, через прономинальную стратегию, осуществляется релятивизация посессора сказуемого и других партиципантов (см., однако, ниже):

Релятивизация посессора именного сказуемого

(4.14) a. *Азамат ситхъамат.*

azamat s-jə-thamat

Азамат 1SG.PR-POSS-начальник

‘Азамат — мой начальник’. {Xk}

b. *Мары [синьбджэгъоу Азамат зитхъаматэр].*

ma.rə [s-jə-nəbʒ'e^w-ew azamat z-jə-thamate-r]

вот.PRED 1SG.PR-POSS-друг-ADV Азамат REL.PR-POSS-начальник-ABS

‘Вот мой друг, у которого Азамат - начальник’. {Xk}

- b. *Сэ [кIэлэггьаджэу зикIэлэджакIо тхылгыр зэIитхыггэм] сыкъеджагъ.*
 se [č'elejeваž'-ew z-jə-č'elejež'aq^we tхэлэ-г
 я учитель-ADV REL.PR-POSS-ученик книга-ABS
 ze-ʔ-jə-tхэ-ве-m] сә-q-je-ž'a-в
 REC.IO-LOC-3SG.A-рвать-PST-OBL 1SG.ABS-DIR-DAT-звать-PST
 'Я позвал учителя, чей ученик порвал книгу'. {Xк}

Релятивизация посессора непрямого объекта

- (4.18) a. *Тигъунэгъум ыкъо письмэр естыгъ.*

t-jə-в^wэнев^w-m ə-q^we pјəs'me-r je-s-tə-в
 1SG.PR-POSS-сосед-OBL 3SG.PR-сын письмо-ABS DAT-1SG.A-давать-PST
 'Я отдал письмо сыну нашего соседа'. {Xк}

- b. *тигъунэгъоу зыкъо письмэр естыжыгъэр*

t-jə-в^wэнев^w-ew zə-q^we pјəs'me-r
 1SG.PR-POSS-сосед-ADV REL.PR-сын письмо-ABS
 je-s-tə-ž'a-ве-r
 DAT-1SG.A-давать-RE-PST-ABS
 'наш сосед, сыну которого я отдал письмо' {Xк}

Релятивизация посессора посессора

- (4.19) a. *Ситхъаматэм ыш цунэ стыгъэ.*

s-jə-thamate-m ə-š jə-wəne stə-ве
 1SG.PR-POSS-начальник-OBL 3SG.PR-брат POSS-дом гореть-PST
 'Дом брата моего начальника сгорел'. {Xк}

- b. *МокIэ къечъы [кIалэу зитхъаматэм ыш цунэ стыгъэр].*

mwe-č'e q-j-e-čə [č'al-ew z-jə-thamate-m
 тот-INS DIR-DAT-DYN-бежать парень-ADV REL.PR-POSS-начальник-OBL
 ə-š jə-wəne stə-ве-r]
 3SG.PR-брат POSS-дом гореть-PST-ABS
 'Оттуда бежит парень, дом брата начальника которого сгорел'. {Xк}

Интересно, что релятивизация посессора в именном сказуемом в адыгейском языке нередко появляется там, где в языках типа русского она выглядит необычно. Очевидно, это связано с тем, что релятивизация посессора сказуемого (воспринимаемого аналогично прочим актантам сказуемого) — менее маркированная опция, чем релятивизация партиципанта, индексируемого вне сказуемого. Ср. следующий пример:

(4.20) *Джы [домбаим ионтэгъугъэ фэдиз зионтэгъугъэ дышьэ] къуашьом шты хъугъэшъ шшъухыжь.*

ž’ə [dwembajə-m jə-wentev^{wə}ve fe.d-jə-z

теперь зубр-OBL POSS-вес подобный-LNK-один

z-jə-wentev^{wə}ve dəʂe] q^waʂ^we-m jə-λə=χ^{wə}-ve-ʂ

REL.PR-POSS-вес золото лодка-OBL LOC-лежать=случаться-PST-CS

jə-ʂ^{wə}-xə-ž’

LOC-2PL.A-уносить-RE(IMP)

‘Теперь в лодке лежит золото весом с зубра (букв.: вес зубра — приблизительно вес которого, так что выносите (его)). {Хьут: 12}

Наконец, с помощью релятивного префикса *zə-* релятивизируются объекты послелогов — как локативных (4.21), так и грамматикализованных послелогов *dež’* (4.22) и *raje* (4.23) — и сравнительной частицы *nah* (4.24). В связи с релятивизацией объекта послелого *raje* следует отметить, что вне релятивной конструкции этот объект в послелого не индексируется, так что релятивизация создает в нем новый морфологический слот.

Релятивизация объекта послелого

(4.21) а. *Чъыгыр унэм ыгупэ къыщэкӀы.*

čəyər wəne-m ə-g^wəpe qə-š’-e-č’ə

дерево-AVS дом-OBL 3SG.PP-перед DIR-LOC-DYN-выходить

‘Перед домом растет дерево’. {Хх}

- b. [Чьыгыр зыгунэ кьыщыкьырэр] унэр ары.
 [čəγə-r zə-g^wəpe qə-š'ə-č'ə-re-r] wəne-r a-rə
 дерево-ABS REL.PP-перед DIR-LOC-выходить-DYN-ABS дом-ABS тот-PRED
 'Это перед [этим] домом растёт дерево'.
 (Букв.: 'То, перед чем растёт дерево, — [этот] дом'. {Xx})

- (4.22) a. КІалэхэм адэжь сэкІожьы.
 č'ale-xe-m a-dež' s-e-ķ^we-ž'ə
 парень-PL-OBL ЗPL.PP-к 1SG.ABS-DYN-идти-RE
 'Я еду к детям'. {Xx}
- b. [Зыдэжь сыкІожьырэ кІалэхэр] цыкІух.
 [zə-dež' sə-ķ^we-ž'ə-re č'ale-xe-r] cəķə-x
 REL.PP-к 1SG.ABS-идти-RE-DYN парень-PL-ABS маленький-PL
 'Дети, к которым я еду, — маленькие'. {Xx}

- (4.23) a. Жьыбгъэм пае сыкъэгужьуагъ.
 ž'əbve-m paje sə-qe-g^wəž^wa-в
 ветер-OBL для 1SG.ABS-DIR-опаздывать-PST
 'Я опоздал из-за ветра'. {Xx}
- b. [Жьыбгъэу зыпае сыкъэгужьуагъэр] боу ины.
 [ž'əbv-ew zə-paje sə-qe-g^wəž^wa-ve-r] bw-ew
 ветер-ADV REL.PP-для 1SG.ABS-DIR-опаздывать-PST-ABS много-ADV
 jəpə
 большой
 'Ветер, из-за которого я опоздал, — очень сильный'. {Xx}

Релятивизация объекта сравнения

- (4.24) a. А шхыныгъом анахь Іашу цыІэн.
 а šxəpə^we-m a-naħ ʔaš^wə š'ə-ʔ-ep
 тот блюдо-OBL ЗPL.PP-более вкусный LOC-быть-NEG
 'Нет вкуснее этих блюд'. {Xx}

b. *Зынахъ Iашу цымыIэ шхыныгъо адыгэ шхынхэр ары.*

zə-nah ʔaʂ^wə ʃ'ə-mə-ʔe ʃxəpəv^we

REL.PR-более вкусный LOC-NEG-быть блюдо

adəye-ʃxəp-xe-r a-rə

адыг=еда-PL-ABS тот-PRED

‘Блюда, вкуснее которых нет, — адыгейские блюда’. {Xx}

При этом в адыгейском языке есть и ограничения, которые не выводимы из формального требования индексированности мишени.

Во-первых, хотя многие носители допускают релятивизацию посессора независимо от синтаксической роли объекта обладания, в некоторых идиомах релятивизируется только посессор абсолютного актанта (см. также раздел 5.5):

(4.25) a. *Ац иодноклассник тетрадыр ыгъэкIодыгъ.*

a-ʃ' jə-wednwek拉斯njək tjetradə-r ə-ve-ɸ^wedə-v

тот-OBL POSS-одноклассник тетрадь-ABS 3SG.A-CAUS-исчезать-PS

‘Его одноклассник потерял тетрадь’. {Xk}

b. **зиодноклассникым тетрадыр ыгъэкIодыгъэр*

*z-jə-wednwek拉斯njəkə-m tjetradə-r ə-ve-ɸ^wedə-ve-r

REL.PR-POSS-одноклассник-OBL тетрадь-ABS 3SG.A-CAUS-исчезать-PS

(Ожид.: ‘тот, чей одноклассник потерял тетрадь’.) {Xk}

При необходимости релятивизации других посессоров предложение перестраивается так, чтобы объект обладания имел абсолютную роль. Для этого задействуется инвертированный псевдоклефт — структура, обратная псевдоклефту, в которой сказуемое относительной предикации представляет собой относительную конструкцию; ср.:

- (4.26) *зиоднокласникыр тетрадыр зыгъэкIодыгъэр*
 z-jə-wednwekласnjəkə-r tjetradə-r zə-ve-κ^wedə-ve-r
 REL.PR-POSS-однокласник-ABS тетрадь-ABS REL.A-CAUS-исчезать-PST-ABS
 ‘тот, чей однокласник потерял тетрадь’
 (букв.: ‘тот, чей однокласник является тем, кто потерял тетрадь’) {Xк}

Во-вторых, в адыгейском языке наблюдаются островные ограничения. Недопустима релятивизация:

- (i) партиципанта одной из предикаций, сочиненных при помощи союза *эщ’jə*:

- (4.27) а. *Аминэт кыхъагъ ыкIи къэгъагъэхэм агъэгъушIуагъ.*
 ?amjənet q-jə-ha-в эщ’jə qəvəve-xe-m
 Аминэт DIR-LOC-входить-PST и цветок-PL-OBL
 а-ве-г^wэ^wа-в
 ЗPL.A-CAUS-радоваться-PST
 ‘Аминэт вошла, и цветы ее обрадовали’. {Xх}
- б. **Ащ кыфигъэнагъэх [къэгъагъэхэу Аминэт кыхъагъ ыкIи зыгъэгъушIуагъэр].*
 *a-š’ qə-f-jə-ve-na-ve-x [qəvəve-x-ew
 тот-OBL DIR-BEN-3SG.A-CAUS-оставаться-PST-PL цветок-PL-ADV
 ?amjənet q-jə-ha-в эщ’jə zə-ve-g^wэ^wəvəve-r]
 Аминэт DIR-LOC-входить-PST и REL.A-CAUS-радоваться-PST-ABS
 (Ожид.: ‘Цветы, которые Аминэт вошла и ее обрадовали, оставил ей он’.) {Xх}

- (ii) одного из участников собственно сочинительной конструкции, оформляемой аддитивной частицей *-jə* или частицей *-re*³:

³ См. об этих конструкциях [Кумахов 1971: гл. V; Ершова 2011].

(4.28) a. *Ятэшымрэ сэрырэ шакло тыкӀуагъ.*
 jate-šə-m-re se-rə-re šaḵ^we tə-ḵ^wa-ḵ
 POSS + отец=брат-OBL-COORD я-PRED-COORD охота 1PL.ABS-идти-PST
 ‘Его дядя и я пошли на охоту’. {Xx}

b. **зятэшымрэ сэрырэ шакло тыкӀуагъэр*
 *z-jate-šə-m-re se-rə-re šaḵ^we
 REL.PR-POSS + отец=брат-OBL-COORD я-PRED-COORD охота
 tə-ḵ^wa-ḵe-r
 1PL.ABS-идти-PST-ABS
 (Ожид.: ‘тот, с чьим дядей я пошел на охоту’) {Xx}

(4.29) a. *Ятэши сэри шакло тыкӀуагъ.*
 jate-š-jə se-r-jə šaḵ^we tə-ḵ^wa-ḵ
 POSS + отец=брат-ADD я-PRED-ADD охота 1PL.ABS-идти-PST
 ‘Его дядя и я пошли на охоту’. {Xx}

b. **зятэши сэри шакло тыкӀуагъэр*
 *z-jate-š-jə se-r-jə šaḵ^we tə-ḵ^wa-ḵe-r
 REL.PR-POSS + отец=брат-ADD я-PRED-ADD охота 1PL.ABS-идти-PST-ABS
 (Ожид.: ‘тот, с чьим дядей я пошел на охоту’) {Xx}

(iii) партиципанта относительной предикации:

(4.30) a. *Унэ кыысфэзышӀэгъэ благъэр сапэ кыыфагъ.*
 wəne qə-s-fe-zə-ḡe-ḵe=blave-r sa-pe
 дом DIR-1SG.IO-BEN-REL.A-делать-PST=родственник-ABS 1SG.PP-перед
 q-jə-fa-ḵ
 DIR-LOC-падать-PST

‘Я встретила родственника, построившего мне дом’. {Xx}

b. **Сыда кыысфэзышӀэгъэ благъэр сапэ кыыфагъэр?*
 *səd-a [[qə-s-fe-zə-ḡe-ḵe=blave-r] sa-pe
 что-Q DIR-1SG.IO-BEN-3SG.A-делать-PST родственник-ABS 1SG.PP-перед

q-jə-fa-ve-r]

DIR-LOC-падать-PST-ABS

(Ожид.: ‘Что построившего мне родственника я встретила?’)

В разделе 4.4 будет показано, что для релятивизации из других видов подчиненных предикаций адыгейский язык требует особой конструкции.

В [Рогава, Керашева 1966: 319] сообщается о еще одном ограничении, которое формулируется авторами грамматики следующим образом: «[о]т трехличного непереходного глагола не образуется второе косвенно-объектное причастие». Другими словами, в глаголе, имеющем два непрямых объекта, второй не прямой объект не релятивизируется. В доказательство этого приводится невозможная форма (4.31a) — при том, что форма, образованная путем релятивизации первого непрямого объекта, для того же глагола допустима (4.31b).

(4.31) а. *дызэжэрэр

*∅-də-z-a-že-re-r

3SG.IO-COM-REL.IO-DAT-ждать-DYN-ABS

(Ожид.: ‘тот, которого он ждет вместе с ним’.)

[Рогава, Керашева 1966: 319]

б. кІалэу ац (ац) зыдежэрэр

č'al-ew a-š' (a-š') zə-d-∅-je-že-re-r

парень-ADV тот-OBL тот-OBL REL.IO-COM-3SG.IO-DAT-ждать-DYN-ABS

‘юноша, вместе с которым он ждет его’ [Рогава, Керашева 1966: 319]

Хотя форма (4.31a) отвергается и нашими консультантами, формулировка запрета, предложенная Г.В. Роговой и З.И. Керашевой не является удачной. Некоторые формы, структурно совершенно параллельные (4.32), то есть так же включающие два аппликативных комплекса, в которых второй образован дативным превербом, по мнению наших консультантов допустимы:

- (4.32) *сшгузэуагъэр*
 s-š^wə-z-e-wa-ʋe-r
 1SG.IO-MAL-REL.IO-DAT-бить-PST-ABS
 ‘тот, кого он ударил вопреки моей воле’ {Xx}

На данный момент природа правила, запрещающего форму (4.31a), остается неясной.

4.2.2. ФИКТИВНЫЕ АКТАНТЫ

Отдельные партиципранты релятивизируются даже тогда, когда в независимой предикации с ними не соотносится ни один личный префикс. Для этого в сказуемом относительной предикации появляется аппликативный комплекс, вводящий релятивизуемый актант, который мы будем именовать *фиктивным актантом*. Существенно, что в независимых предикациях появление аппликативного комплекса в данном значении признается недопустимым.

Подобная ситуация зафиксирована при релятивизации направления движения при глаголе *к^we-* ‘идти’. В относительных конструкциях при релятивизации данного актанта релятивный префикс вводится превербом *de-* (4.33a). В независимых предикациях именная группа, описывающая этот партиципант, оформляется косвенным падежом, но ей не соответствует ни один личный префикс в сказуемом (4.33b); в частности, его не может вводить преверб *de-* (4.33c)⁴.

- (4.33) а. *кьуаджэу синыбджэгъу кьыздэкIожьыгъэ*
 q^waž[?]-ew s-jə-nəbž[?]ew^w qə-z-de-k^we-ž[?]ə-ʋe-r
 село-ADV 1SG.PR-POSS-друг DIR-REL.IO-LOC-идти-RE-PST-ABS
 ‘аул, в который вернулся мой друг’ {Xx}

⁴ Для адыгейского языка такая ситуация, разумеется, не типична и может восприниматься как исключение из общей тенденции индексации (референтных) партиципантов.

b. *Синыбджэгъу икъуаджэ къэкIожьыгъ.*

s-jə-nəbʒ'eʷ jə-qʷaʒ'e qe-ḵʷe-ž'ə-ʋ

1SG.PR-POSS-друг POSS-село DIR-идти-RE-PST

‘Мой друг вернулся в аул’. {Xx}

c. **Синыбджэгъу икъуаджэ къыдэкIожьыгъ.*

*s-jə-nəbʒ'eʷ jə-qʷaʒ'e qə-de-ḵʷe-ž'ə-ʋ

1SG.PR-POSS-друг POSS-село DIR-3SG.IO-LOC-идти-RE-PST

(Ожид.: ‘Мой друг вернулся в аул’.) {Xx}

Сюда же, вероятно, стоит отнести и указание на время ситуации, оформленное через релятивизацию непрямого объекта, вводимого провербом *ž'ə-* (4.34a). Как видно в (4.34b), при выражении времени в независимых предикациях этот проверб не используется.

(4.34) a. *Сыдигуа [къызыщыкIуагъэр]?*

sədjəgʷ-a [qə-zə-ž'ə-ḵʷa-ʋe-r]

когда-Q DIR-REL.IO-LOC-идти-PST-ABS

‘Когда он приехал?’

(Букв.: ‘Когда есть то, когда он приехал?’) {Xx}

b. *Ар пчэдыжьым къэкIуагъ / *къыщыкIуагъ.*

a-r pč'edəž'ə-m qe-ḵʷa-ʋ / *qə-ž'ə-ḵʷa-ʋ

тот-ABS утро-OBL DIR-идти-PST DIR-LOC-идти-PST

‘Он приехал утром’. {Xx}

Наконец, аналогичным образом релятивизуется причина ситуации. В относительных конструкциях релятивный префикс, указывающий на причину, вводится аппликативным показателем *č'e-*, который в независимых предикациях в этой функции не появляется⁵:

⁵ Проверб *č'e-* имеет также локативное значение ‘под’; в таком значении он допустим в независимых предикациях.

- (4.35) a. [Улапэ сызкІэмькІуагъэ ор] къызэкІэкІыжыгъ.
 [wəlapɛ sə-z-č'e-mə-ḱ^wa-ve we-r]
 Уляп 1SG.ABS-REL.IO-RSN-NEG-идти-PST погода-ABS
 qə-ze-č'e-č'ə-ž'ə-в
 DIR-REC.IO-LOC-уходить-RE-PST
 'Погода, из-за которой я не поехал в Уляп, наладилась'. {Xx}
- b. О дэим Улапэ сыкІуагъэп / *сыкІэкІуагъэп.
 we-dejə-m wəlapɛ sə-ḱ^wa-в-ep / *sə-č'e-ḱ^wa-в-ep
 погода-плохой-OBL Уляп 1SG.ABS-идти-PST 1SG.ABS-RSN-идти-PST-NEG
 'В плохую погоду я в Уляп не поехал'. {Xx}

Введение фиктивного актанта для релятивизации — нетривиальное явление. Во-первых, оно демонстрирует, что, несмотря на кажущуюся семантически мотивированную сочетаемость, появление морфологических моделей в адыгейском языке иногда ограничено определенными синтаксическими конструкциями. Во-вторых, это явление свидетельствует, что даже синтаксически ориентированные стратегии релятивизации иногда основываются на семантике в большей степени, чем на структуре предикации, исходной для релятивизации.

Появление фиктивных актантов не ограничено приведенными выше конструкциями. В разделах 4.2.3—4.2.4 показывается, что таким же образом можно описать и другие конструкции. В разделе 4.4.2 мы увидим, что введение фиктивного актанта может играть существенную роль и при релятивизации из зависимых предикаций.

4.2.3. РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Наряду с описанием конкретных партиципантов ситуации, в адыгейском языке относительные конструкции используются для указания на абстрактные характеристики ситуации. В таком случае мы будем — с некоторой долей условности — говорить о релятивизации образа действия.

Сказуемое относительных предикаций, описывающих образ действия, маркируется сегментом *zere-*, который, по-видимому, можно членить на две

морфемы: релятивный префикс и вводящий его аппликативный префикс *re-* [Бижоев 1991: 89; 2005: 163]. Ср. примеры:

(4.36) [Ар зэрэчыецтыгэ шлыкIэр] ошIа?

[a-r ze-re-čəje-š'tə-ve šə.č'e-r] w-e-š-a?
 тот-ABS REL.IO-MNR-спать-AUX-PST манера-ABS 2SG.A-DYN-знать-Q
 'Знаешь, как он спал?' {Нарт къэбархэр}

(4.37) Унагьо зрашIэцтым [зэрэбгэтэрэзыцтыр], [узэрэпылтыцтыр]
 плъэкIын фаеу уцытын фае.

wənav^we ze-r-a-šə-š'tə-m
 семья REL.IO-FACT-3PL.A-делать-FUT-OBL
 [ze-re-b-ve-terezə-š'tə-r],
 REL.IO-MNR-2SG.A-CAUS-правильный-FUT-ABS
 [wə-ze-re-pə-lə-š'tə-r] p-лeč'ə-n fa.j-ew
 2SG.ABS-REL.IO-MNR-LOC-лежать-FUT-ABS 2SG.A-мочь-MOD должный-ADV
 wə-š'ə-tə-n fa.je
 2SG.ABS-LOC-стоять-MOD должный
 'Для создания семьи нужно знать, как правильно поступить и как повести себя'. {Адыгейская свадьба}

Аппликативный префикс может быть идентифицирован как инструментальный. На первый взгляд, этому противоречит то, что основная форма инструментального преверба — *rə-*, а не *re-*⁶. Тем не менее в этом отношении наблюдается вариативность (ср. [Яковлев, Ашхамаф 1941: 115]). Инструментальный префикс, по крайней мере в относительных конструкциях, сам иногда выступает в виде *re-*:

⁶ Нестандартный вид релятивного префикса (*ze-* вместо *zə-*), как было показано в разделе 2.2.2, наблюдается и перед инструментальным превербом.

- (4.38) *Тхъурбаер пшыны зэхъукIэ, тхъу жъоожьыгъэ шъыпкъ [зэрэпшыцт].*
 tχ^wərbaje-r p-ᶑə-nə-z-e-χ^wə-č'e
 курамбий-ABS 2SG.A-делать-MOD=REL.TMP-DYN-случаться-INS
 tχ^wə-z^we-ž'ə-ve-ᶑərq [ze-re-p-ᶑə-š't]
 масло=варить-RE-PST=правда REL.IO-INSTR-2SG.A-делать-FUT
 'Когда жарить курамбий, надо его делать настоящим топленным маслом'. {Адыгейская еда}

Кроме того, совпадение маркирования инструмента и образа действия типологически не уникально (см., например, [Heine, Kuteva 2002: 180—181]), поэтому постулирование инструментального преверба в данной конструкции семантически оправданно. Впрочем, несмотря на возможность подобного отождествления, не исключено, что в настоящее время происходит процесс размежевания инструментального преверба и аппликативного префикса, вводящего образ действия.

Конструкции, выражающие релятивизацию образа действия, обладают основными свойствами относительных конструкций:

- (i) в настоящем времени в них появляется суффикс динамичности *-re*:

- (4.39) *Лъэтэныгъэ къызэрэфшырэр?*
 лəтəпəвə qə-ze-re-p-f-jə-ᶑə-re-r
 уважение DIR-REL.IO-MNR-2SG.IO-BEN-3SG.A-делать-DYN-ABS
 'С каким уважением она к тебе относится?'
 (Букв.: 'Как она тебя уважает?') {Обычай адыгов}

- (ii) при отрицании используется префикс *тə-*:

- (4.40) [Ац фэдиз хэукъоныгъэ ышызэ тIу къызэримыхьырэр] еджапIэм
 итхьаматэ ыгъэшIэгъуагъ.
 [a-š' fe.d-jə-z хewəq^wəпəвə ə-ᶑə-ze t^wə
 тот-OBL подобный-LNK-один ошибка 3SG.A-делать-SIM два

qə-ze-r-jə-mə-hə-re-r] jeʒ'ape-m jə-thamate
 DIR-REL.IO-MNR-NEG-уносить-DYN-ABS школа-OBL POSS-начальник
 ə-ve-ʃev^wa-в
 3SG.A-CAUS-удивительный-PST
 'То, как он не получает двойки при таком количестве ошибок,
 заинтересовало директора школы'. {Xx}

(iii) суффикс множественного числа может интерпретироваться как указание на множественность способов действия:

(4.41) [Пцынэм сызэроохэрэм] фэдэу ац зигъэсэнэу фай.
 [pʃ'əne-m sə-ze-r-je-we-xe-re-m] fe.d-ew
 гармонь-OBL 1SG.ABS-REL.IO-MNR-DAT-бить-PL-DYN-OBL подобный-ADV
 а-š' z-jə-ve.se-n-ew fa.j
 ТОТ-OBL RFL.ABS-3SG.A-воспитать-MOD-ADV хотеть
 'Он хочет научиться (тем манерам), как я играю на гармонии'. {Xx}

(iv) относительная предикация легко образует оформленную падежом именную группу, указывающую на образ действия; такая относительная конструкция может модифицироваться указательным местоимением:

(4.42) [А зэрэцытыр] лырэ фыгурэ зэгольэу ацэкъыти...
 [a ze-re-š'ə-tə-r] lə-re fəg^wə-re
 ТОТ REL.IO-MNR-LOC-стоять-ABS мясо-COORD пшено-COORD
 ze-g^we-λ-ew а-š'еç'ə-t.jə...
 REC.IO-LOC-лежать-ADV 3PL.A-взвешивать-CS
 'Как это бывает — мясо и пшено вместе лежат и их взвешивают...'
 {Украденная садака}

(v) конструкция может содержать семантическую вершину — как внешнюю, так и вложенную (см. также пример 4.36 выше):

- (4.43) a. [Машинэр зэрэсфырэ шлыкIэм] сиунагъо егъэщынэ.
 [maʃəne-r ze-re-s-fə-re ʃə.ʃ'e-m]
 автомобиль-ABS REL.IO-MNR-1SG.A-вести-DYN манера-OBL
 s-jə-wəpav^we j-e-ve-š'əne
 1SG.PR-POSS-семья 3SG.A-DYN-CAUS-бояться
- b. [ШлыкIэу машинэр зэрэсфырэм] сиунагъо егъэщынэ.
 [ʃə.ʃ'-ew maʃəne-r ze-re-s-fə-re-m]
 манера-ADV автомобиль-ABS REL.IO-MNR-1SG.A-вести-DYN-OBL
 s-jə-wəpav^we j-e-ve-š'əne
 1SG.PR-POSS-семья 3SG.A-DYN-CAUS-бояться
- ‘То, как я езжу на машине, пугает мою семью’. {Xx}

- (4.44) [Зэрэмысэ шлыкIэри] [къызкIыфэгубжыгъэри] ащ ышIэн ыльээкIыщтыгъэп.
 [ze-re-məse ʃə.ʃ'e-r-jə]
 REL.IO-MNR-виновный манера-ABS-ADD
 [qə-z-ʃ'ə-fe-g^wəbžə-ve-r-jə] a-š' ə-ʃe-n
 DIR-REL.IO-RSN-BEN-злиться-PST-ABS-ADD тот-OBL 3SG.A-сделать-MOD
 ə-лeč'ə-š'tə-в-ep
 3SG.A-мочь-FUT-PST-NEG
- ‘Того, каким образом он виновен, и того, за что тот разозлился, он понять не мог’. {KIэрац}

(vi) конструкция образует синтаксический остров — релятивизация из нее запрещена:

- (4.45) *зикостюм зэрэпцыгъыр сэ сыгу рихъырэр
 *z-jə-k^westjum ze-re-p-š'ə-вə-r se
 REL.PR-POSS-костюм REL.IO-MNR-2SG.IO-LOC-одежда-ABS я
 sə-g^wə r-jə-hə-re-r
 1SG.PR-сердце DAT-3SG.A-уносить-DYN-ABS
- (Ожид.: ‘тот, чей костюм мне не нравится, как ты носишь’.)

Семантически релятивизация образа действия должна пониматься весьма широко. В частности, эта конструкция используется при указании на количественную оценку образа действия (4.46), на тип деятельности (в частности, на профессию; пример 4.47) и в сочетании с глаголом ‘случаться’ даже собственно на количество (4.48):

- (4.46) *Сэ згъэшъІэгъуагъэ [Анзорэ псынкІэу зэреджэрэр].*
 se z-ʋe-ʃeʋ^wa-ʋe [anzwere psənç'-ew
 я 1SG.A-CAUS-удивительный-PST Анзор быстрый-ADV
 ze-r-je-ʒ'e-re-r]
 REL.IO-MNR-DAT-читать-DYN-ABS
 ‘Я удивился тому, как быстро читает Анзор’. {Xx}
- (4.47) *[Ахъмэт Іазэу Іоф зэршІэрэр] Іоф дэгъу.*
 [ahmet ʔaz-ew ʔ^wef ze-r-jə-ʃe-re-r]
 Ахмет врач-ADV работа REL.IO-MNR-3SG.A-делать-DYN-ABS
 ʔ^wef-deʋ^wə
 работа-хороший
 ‘Такой врач, которым работает Ахмед, — хорошая профессия’. {Xx}
- (4.48) *[КІэлэеджакІохэр зэрэхъурэр] нэбгыртІу.*
 [ç'elejeʒ'aʔ^we-xe-r ze-re-χ^wə-re-r] neʋγər-jə-t^wə
 ученик-PL-ABS REL.IO-MNR-случаться-DYN-ABS человек-LNK-два
 ‘Учеников — два человека’.
 (Букв.: ‘То, как случились ученики, — два человека’.) {Xk}

Релятивизация образа действия представляет собой разновидность введения фиктивного актанта для построения относительной конструкции. В независимых предикациях аппликативный преверб *re-* в функции введения образа действия не появляется.

4.2.4. РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ФАКТА

Помимо релятивизации образа действия и окказиональной релятивизации инструмента *zere-* встречается в еще одном типе зависимых предикаций, которые, как мы предполагаем, указывают на факт некоторой ситуации:

(4.49) *Орзэмэджы пхьорэльф ш кІэлэ закьоу, джар льыдгъэкІонышь, редгъэІоцт*
[хасэм зэредгъэблагъэрэр].

werzemež’э рх^wereλf jə-ʔ č’ele-zaq^w-ew,

Орзэмэдж внук POSS-быть парень-единственный-ADV

ž’a-r лə-d-ve-ḵ^we-nə-š r-je-d-ve-ʔ^we-š’t

ТОТ-ABS LOC-1PL.A-CAUS-идти-MOD-CS DAT-DAT-1PL.A-CAUS-говорить-FUT

[xase-m ze-r-je-d-ve-blave-re-r]

совет-OBL REL.IO-FACT-DAT-1PL.A-CAUS-близкий-DYN-ABS

‘У Орзэмэджа есть единственный внук, пошлём того к нему, попросим его сказать ему, что мы вызываем его на хасэ.’ {Нарт къэбархэр}

Предположительно, такие полипредикативные конструкции происходят из конструкций с релятивизацией образа действия (ср. цепочки вроде *Он видел, как я ходил туда* > *Он видел, как я ходил туда* ≈ *Он видел, что я ходил туда*⁷) [Герасимов, Ландер 2008]⁸. В соответствии с этой гипотезой, мы будем и в фактивных конструкциях членить сегмент *zere-* на релятивный префикс и аппликативный преверб (семантическое обоснование такому представлению будет дано дальше).

В [Герасимов, Ландер 2008] выделяется несколько контекстов употребления данных форм⁹. Во-первых, они возглавляют сентенциальные

⁷ Естественно, такое развитие не ограничивается русским и адыгейским языками. Для английского аналогичные конструкции со словом *how* ‘как’, более или менее синонимичные конструкциям с союзом *that* ‘что’, рассмотрены в [Legate 2010].

⁸ В [Бижоев 1991: 90—91] говорится о едином происхождении «форм со значением “что + сказуемое”» и «причастий образа действия» и об их «генетическом тождестве».

⁹ Аналогичные конструкции в кабардино-черкесском языке подробно обсуждаются в монографии [Кумахов, Вамлинг 1998].

актанты при таких матричных предикатах, как $g^{w\hat{s}^we}$ - ‘радоваться’, $g^{w\hat{a}} rj\hat{x}\hat{a}$ - ‘нравиться’, $\hat{\xi}e$ - ‘знать’, $\lambda e^{w\hat{a}}$ - ‘видеть’, $g^{w\hat{a}r\hat{a}r^{we}}$ - ‘понимать’ и др.; ср.:

(4.50) *Сэ кIэлэегъаджэ сызэхъум [зэрэметод дэгъур] къызгурыIожьыгъ.*

se $\check{\zeta}'elejeva\check{\zeta}'e$ sə-z-e- $\chi^{w\hat{a}}$ -m

я учитель 1SG.ABS-REL.TMP-DYN-случаться-OBL

[ze-re-mjetwed-dev $^{w\hat{a}}$ -r] qə-z-g $^{w\hat{a}r\hat{a}r^{we}}$ - $\check{\zeta}'\hat{a}$ -v

REL.IO-FACT-метод=хороший-ABS DIR-1SG.A-понимать-RE-PST

‘Когда я стала учителем, я поняла, что это хороший метод’. {Герой}

(4.51) *Пшгъэшгъэжъыер гупшысэмэ ахэтэу [янэжъ ипчъэIупэ машинэр къызэрэщыуцугъэм] гу лытагъэн.*

p $\hat{s}e\hat{s}e.\hat{z}\hat{a}je$ -r g $^{w\hat{a}r\hat{s}\hat{a}se}$ -me a-xe-t-ew [jane. \hat{z}

девочка-ABS мысль-OBL:PL 3PL.IO-LOC-стоять-ADV POSS + бабушка

jə-p $\hat{s}e.r^{w\hat{a}re}$ ma $\hat{s}e$ -r qə-ze-re- $\check{s}'\hat{a}$ -wəc $^{w\hat{a}}$ -ve-m] g $^{w\hat{a}}$

POSS-крыльцо машина-ABS DIR-REL.IO-FACT-LOC-вставать-PST-OBL сердце

λ-jə-ta-v-ep

LOC-3SG.A-заметить-PST-NEG

‘Девочка, погруженная в свои мысли, не заметила того, что у бабушкиного крыльца остановилась машина’. {Гыщ}

(4.52) *[Университетым тхылгъыр къызэрэщысынагъэр] джыдэдэм къэслгъэгъугъ.*

[wənjəvjersjətjetə-m txələ-r qə-ze-re- $\check{s}'\hat{a}$ -sə-na-ve-r]

университет-OBL книга-ABS DIR-REL.IO-FACT-LOC-1SG.A-оставить-PST-ABS

$\check{\zeta}'\hat{a}$ -dede-m qe-s- $\lambda e^{w\hat{a}}$ -v

теперь-именно-OBL DIR-1SG.A-видеть-PST

‘Я только сейчас заметил, что оставил книгу в университете’. {Xx}

Иногда формы на *zere*- появляются в субъектной позиции при непереходном сказуемом:

- (4.53) [Аслан кьызэрэкIуагъэр] дэгъу.
 [aslan qə-ze-re-ḱ^wa-ve-r] deḱ^wə
 Аслан DIR-REL.IO-FACT-идти-PST-ABS хороший
 ‘То, что Аслан приехал, — хорошо’. {Xx}

Во-вторых, рассматриваемые формы способны выступать при послелогох и в обстоятельственной функции. Сегмент *zere-* регулярно оформляет сентенциальные объекты послелога *raje-* ‘для’ в конструкциях цели и мотива/причины:

- (4.54) ...[кIьмафэм клещхэр зэрахэмыхъотым] нае, [кIещыр зэрэбгъэлIэтым]
нае
 [č’əmafe-m klješ’-xe-r ze-r-a-xe-mə-χ^we-tə-m]
 зима-OBL клещ-PL-ABS REL.IO-FACT-3PL.A-LOC-NEG-случаться-FUT-OBL
raje, [klješ’ə-r ze-re-b-ve-λe-tə-m] *raje*
 для клещ-ABS REL.IO-FACT-2SG.A-CAUS-умирать-FUT-OBL для
 ‘...чтобы зимой клещи не заводились, чтоб они были мертвыми (букв.:
 чтоб ты их убивал)’ {Пчелы}

- (4.55) О чэтыу зышхыгъэ хьам уфэд, [уигъогу зэрзэпичыгъэм] нае.
 we č’etəw zə-šxə-ve ha-m wə-fe.d
 ты кошка REL.A-есть-PST собака-OBL 2SG.ABS-подобный
 [w-jə-β^weg^w ze-r-ze-p-jə-č’ə-ve-m] *raje*
 2SG.PR-POSS-дорога REL.IO-FACT-LOC-LOC-бежать-PST-OBL для
 ‘Ты — как собака, которая загрызла кошку, поскольку тебе перебежали
 дорогу’. {Xx}

При выражении цели *zere-*форма обычно выступает в будущем времени. По крайней мере при выражении целевого значения послелог иногда может быть опущен.

Сочетания предикаций, возглавляемых формами на *zere-*, с послелогом ‘для’ иногда более или менее эквивалентны аналогичным предикациям со сказуемым, оформленным косвенным падежом вместе с инструментальным

окончанием; правда, и в этом случае не исключены семантические различия (4.56)¹⁰. Вопреки [Герасимов, Ландер 2008], можно отыскать контексты, в которых эти конструкции не взаимозаменяемы. По-видимому, формы на *zere-* с инструментальным падежом в большей степени тяготеют к выражению топика и/или известной информации¹¹; эти же формы используются во вводных конструкциях со значением ‘что касается того, что...’ (4.57).

(4.56) а. *ЗэрэчъыІэм пае унэм ськьенэ.*

ze-re-čəʔe-m paʃe wəne-m sə-q-j-e-ne

REL.IO-FACT-ХОЛОДНЫЙ-OBL для дом-OBL 1SG.ABS-DIR-LOC-DYN-оставаться

‘Из-за того, что холодно, я остаюсь дома’. {Xx}

б. *ЗэрэчъыІэмкІэ унэм ськьенэ.*

ze-re-čəʔe-m-č'e wəne-m sə-q-j-e-ne

REL.IO-FACT-ХОЛОДНЫЙ-OBL-INS дом-OBL 1SG.ABS-DIR-LOC-DYN-оставаться

‘Судя по тому, что холодно¹², я остаюсь дома’. {Xx}

(4.57) [*ЗэрэкІожъыщтымкІэ*] *кьаруагъ.*

[ze-re-ḱ^we-ž'ə-š'tə-m-č'e] q-a-r-jə-ʔ^wa-в

REL.IO-FACT-ИДТИ-RE-FUT-OBL-INS DIR-3PL.IO-DAT-3SG.A-говорить-PST

‘Что касается того, что он уедет, он им это сказал’. {Xk}

¹⁰ Теоретически можно предположить, что в данном случае при оформлении инструментальным показателем имеет место релятивизация образа действия. В целом, релятивизация образа действия и релятивизация факта не всегда четко различаются.

¹¹ В полипредикативных конструкциях без следов релятивизации инструментальный суффикс тоже иногда противопоставлен другим средствам введения подчиненной предикации как более склонный к тематической информации; ср. [Сердобольская, Мотлохов 2009].

¹² Не исключено также, что в конструкциях с инструментальным показателем происходит релятивизация образа действия: например, (4.56) может переводиться ‘Судя по тому, насколько холодно, я остаюсь дома’. Тогда эти конструкции не имеют отношения к данному разделу.

В-третьих, тот же сегмент *zere-* иногда обнаруживается в приименных актантах (4.58). Впрочем, такие конструкции признаются далеко не всеми носителями.

- (4.58) *Сэ зэхэсхыгъ къэбар* [о укыызэрэклагъэр].
 se ze-xe-s-xə-ɸ qebar [we
 я RFL.IO-LOC-1SG.A-слышать-PST новость ты
 wə-qə-ze-re-ḵ^wa-ɸe-r]
 2SG.ABS-DIR-REL.IO-FACT-идти-PST-ABS
 ‘Я слышал новость, что ты пришел’. {Хх}

Хотя в литературе фактивным формам традиционно отказывалось в принадлежности к «причастиям» (см., например, [Бижоев 1991: 90]) и тем самым отметалась их трактовка как относительных, конструкции, включающие эти формы, по большей части параметров обнаруживают свойства релятивов (см. также [Caronigro, Polinsky 2011: 103]):

(i) в настоящем времени в них появляется суффикс динамичности *-re*:

- (4.59) *Шъузэбэ тхамыкIэр* [ай зэрэлъыплъэрэр] *къылтэгъугъ, къыригъэблэгъагъ сэдэкъэ хэдзыр.*
 š^wəzebe-txaməç'e-r [a-j ze-re-лэ-пле-re-r]
 вдова-бедный-ABS тот-OBL REL.IO-FACT-LOC-смотреть-DYN-ABS
 q-ə-лэв^wə-ɸ, qə-rjə-ɸe-bleɸa-ɸ sedeqe.xe.zə-r
 DIR-3SG.A-видеть-PST DIR-3SG.A-CAUS-близкий-PST попрошайка-ABS
 ‘Бедная вдова заметила, что он на нее смотрит, и пригласила нищего к себе’. {Уничтоженный аул}

(ii) при отрицании используется префикс *тә-*:

- (4.60) [Унэм цыгъохэр зэримысыным] *нае чэтыу тищыкIагъ.*
 [wəne-m səv^we-xe-r ze-r-jə-mə-sə-nə-m] raje
 дом-OBL мышь-PL-ABS REL.IO-FACT-LOC-NEG-сидеть-MOD-OBL для

č'etəw t-jə-š'əč'av

кот 1PL.PR-POSS-нужда

‘Для того, чтобы в доме не водились мыши, нам нужен кот’. {Xx}

(iv) относительная предикация легко образует именную группу, указывающую на факт, которая, в частности, оформляется падежом и даже допускает модификацию указательным местоимением¹³:

(4.61) [КІалэм а зэрелгырэр] сэ сыгу рихьырэн.

[č'ale-m a ze-r-je-plə-re-r] se sə-g^{wə}

парень-OBL тот REL.IO-FACT-DAT-смотреть-DYN-ABS я 1SG.PR-сердце

r-jə-hə-r-er

LOC-3SG.A-нести-DYN-NEG

‘Само то, что она смотрит на парня, мне не нравится’. {Xx}

(v) конструкция образует синтаксический остров — релятивизация из нее запрещена:

(4.62) * [Лэу [мы цыфхэм зэрябгъэшхыгъэр] сэ къэсшлэжырэр] дэигъ.

* [l-ew [mə çəf-xe-m

мясо-ADV этот человек-PL-OBL

ze-r-ja-b-ve-šxə-ve-r] se

REL.IO-FACT-3PL.IO + DAT-2SG.A-CAUS-есть-PST-ABS я

qe-s-še-ž'ə-re-r] dejə-v

DIR-1SG.A-знать-RE-DYN-ABS плохой-PST

(Ожид.: ‘Мясо, которым я помню, что ты накормила этих людей, было плохим’.) {Xx}

В то же время нам неизвестны явные сочетания релятива в этой конструкции с семантической вершиной. Кроме того, суффикс множественного

¹³ О позиции указательного местоимения внутри относительного предложения см. раздел 3.4.2.

числа в рассматриваемой конструкции, не интерпретируется как указание на множественность фактов. Высказывания вроде (4.63) — с фактивной предикацией, в которой суффикс множественного числа не может относиться к актантам, —неграмматичны:

- (4.63) **[Ар ац зэрэцы|эхэрэр] сэ кьызгурь|уагь.*
 *[a-r a-š' ze-re-š'ə-ʔe-xe-re-r] se
 TOT-ABS TOT-OBL REL.IO-FACT-LOC-БЫТЬ-PL-DYN-ABS я
 qə-z-g^wərəʔ^wa-в
 DIR-1SG.A-понимать-PST
 (Ожид.: 'Я понял, что он там бывал не раз'.) {Xx}

Опишем точнее семантику подчиненных предикаций в этих конструкциях. По большей части они представляют собой классические фактивные зависимые — в частности, их семантика обычно находится в пресуппозиции, как это обычно имеет место у фактивных зависимых [Kiparsky, Kiparsky 1970]. Однако в исследованиях последних десятилетий (см., например, [Зализняк 1990; Kratzer 2002]) было показано, что требование истинности не обязательно для факта (ср. признающиеся фактивными предложения вроде *То, что он переехал в Москву, неправда* [Зализняк 1990: 23]). Напротив, принципиальным оказывается противопоставление факта и ситуации как разных онтологических типов. Во многом опираясь на указанные работы, а также на другие исследования (см., в частности, [Арутюнова 1985; 1988]), определим семантику факта следующим образом:

(4.64) Семантика факта:

- (i) Наиболее принципиальное отличие факта от ситуации состоит в том, что первый, в отличие от второй, недоступен для непосредственного восприятия: в то время как ситуация представляется как единица восприятия, факт — скорее единица знания или памяти, то есть единица, подразумевающая референцию вне связи с ближайшим контекстом.

- (ii) Любой факт привязан к некоторой *базовой ситуации*, реальной или вымышленной, поскольку только такая связь делает факт доступным с точки зрения характеристик, известных говорящему и адресату и воспринимаемых ими. Поэтому указание на факт всегда предполагает описание базовой ситуации и чаще всего также средства, маркирующие фактивность (и нередко обнаруживающие свойства номинализаторов; ср. [Арутюнова 1988]); другими словами, указание на факт всегда производно от указания на ситуацию. Факт, по-видимому, может быть «построен» для каждой ситуации.
- (iii) Очевидно, можно говорить о взаимно-однозначном соответствии между фактом, с одной стороны, и интенциональным представлением ситуации, с другой стороны. В результате каждому факту соответствует только одна ситуация. Однако одной ситуации может соответствовать несколько разных фактов, поскольку ситуации, как правило, допускают разные представления: например, если одна и та же ситуация описывается как *X попробовал дуриан* и *X надкусил дуриан*, ей могут соответствовать по меньшей мере два факта.
- (iv) Базовыми для фактов могут быть ситуации разных типов: базовая ситуация может быть событием, состоянием и т.д. Более того, в качестве базовой может выступать и генерическая ситуация (как в *то, что тигр — млекопитающее* или *то, что солнце заходит на западе*). Тем не менее важно, чтобы базовая ситуация была достаточно конкретной, опознаваемой, что и определяет отмеченный эффект пресуппозиции (пропозиция, соответствующая базовой ситуации, часто полагается как презумптивная, не попадающая в сферу действия отрицания). В нашей концепции этот эффект — следствие конкретности ситуации (причем не обязательное; см. выше): поскольку базовая ситуация конкретна, но в фактивном выражении ее существование не входит в ассерцию, она должна быть опознаваемой благодаря другим механизмам. В норме такая ситуация уже введена в дискурс, хотя иногда ее существование

может быть домыслено в результате аккомодации (любые пресуппозиции, требуемые высказыванием, объявляются существующими, если этому ничего не противоречит; см. [Lewis 1979]).

- (v) Как правило, упоминание факта предполагает привлечение двух планов — собственно базовой ситуации и того положения дел, которые имеется благодаря этой ситуации. Говоря о факте, адресат обычно подразумевает релевантность его следствий — и как раз это (вкупе с привязкой к факта к интенциональному представлению ситуации) позволяет включать факты в систему логических заключений.

Рассмотрим в этом свете употребление интересующих нас форм. Основная часть употреблений *zere*-форм укладывается в данную концепцию. Пример (4.65) — сочетаемость предикации с такой формой и предиката ‘до нас дошло’ — показывает, что при использовании этих форм речь идет не о ситуациях, но о единицах, которые описываются через ситуации:

- (4.65) ...*ay* [Бэлэткопцым джауцтэу зэриумысыгъагъэр Джэнчэтэ
Къуинэшъу къытэнэсыжъыгъ.
... *aw* [beletk^we-pš’ə-m ž’a.w.š’t-ew
но Болетко=князь-OBL так-ADV
ze-r-jə-wəməsə-va-ve-r ž’enč’ete-q^wəjəneš^wə]
REL.IO-FACT-3SG.A-обвинять-PST-PST-ABS Джэнчет=Куйныш
qə-t-e-nesə-ž’ə-в
DIR-1PL.IO-DAT-достигать-RE-PST
‘но до нас дошло, что князь Болетко так оскорблял Джэнчета Куйныша’.
{Певец}

Недоступность для непосредственного восприятия (4.64-i) объясняет, почему указания на факты так часто встречаются рядом с ментальными

глаголами и обычно не наблюдаются при модальных и фазовых предикатах, актантами которых должны выступать предикации, описывающие ситуации.

Привязанность факта к ситуации и то, что он «строится» для любой ситуации (4.64-ii), объясняет, почему его описание вторично и требует в адыгейском языке использования дополнительного аппликативного комплекса, вводящего фактивный актанта на основе описания ситуации. Фактивный аппликатив получает широкую сферу действия относительно прочих аппликативных комплексов, относящихся к ситуации, поскольку построение факта должно учитывать всю информацию о базовой ситуации. в том числе и информацию, передаваемую прочими аппликативными комплексами; это коррелирует с его крайне левой позицией в соответствующей морфологической подзоне¹⁴. Это же является ключом к тому, почему соответствующий комплекс не возникает в независимых предложениях: наличие факта, соответствующего ситуации, уже находится в пресуппозиции и не нуждается в выражении.

Возможность соответствия одной ситуации нескольким фактам (4.64-iii) объясняет употребление *zere*-форм с предикатами субъективной оценки, которые могут затрагивать разные аспекты ситуации. Ср. допустимость следующего высказывания, в котором обсуждается одна и та же ситуация, но двум построенным для нее фактам дается противоположная оценка.

(4.66) [Сэ ащ сурэт сызэришлыгъэр] арэп сызгъэгубжыгъэр, [Спасскэ башнем дэжъ сыщытэу сызэришлыгъэр] ары.

[se a-š' swəret sə-ze-r-jə-ʃə-ve-r]

я тот-OBL картина 1SG.ABS-REL.IO-FACT-3SG.A-делать-PST-ABS

a-r-ep sə-z-ve-g^wəbžə-ve-r, [spaske-bašnje-m

тот-PRED-NEG 1SG.ABS-REL.A-CAUS-сердиться-PST-ABS Спасская-башня-OBL

dež' sə-š'ə-t-ew sə-ze-r-jə-ʃə-ve-r]

к 1SG.ABS-LOC-стоять-ADV 1SG.ABS-REL.IO-FACT-3SG.A-делать-PST-ABS

¹⁴ См. раздел 1.5.1 о порядке аппликативных комплексов.

a-rə

тот-PRED

‘Меня разгневало (букв.: то, что меня разгневало) не то, что он меня нарисовал, а то, что он меня нарисовал на фоне Спасской башни’. {Xx}

Требование конкретности ситуации, соответствующей факту (4.64-iv), подтверждается тем, что при предикатах типа ‘знать’, ‘понимать’, допускающими как референтные сентенциальные актанты, соответствующие действительным ситуациям, так и нереферентные, соответствующие множеству противоречащих друг другу истинностных значений и во многих языках требующих особой конструкции с косвенным вопросом, *zere*-формы обнаруживаются только в контекстах с референтными сентенциальными актантами (см. также обсуждение концепции И. Капонигро и М. Полинской в конце этого раздела):

(4.67) *Аслан ышIэрэп [о укьызэрэкIуагьэр].*

aslan ə-ʂe-r-ep [we wə-qə-ze-re-ɣ^wa-ve-r]

Аслан 3SG.A-знать-DYN-NEG ты 2SG.ABS-DIR-REL.IO-ФАКТ-идти-PST-ABS

‘Аслан не знает, что ты приехал’.

*‘Аслан не знает, приехал ли ты’.

{Xx}

Как упоминалось выше, конкретность ситуации не требует истинности соответствующей пропозиции. Показательны в этой связи примеры (4.68) и (4.69), в первом из которых речь идет о вероятности ситуации, а во второй соответствующая пропозиция и вовсе отвергается. Тем не менее оба примера, подпадают под предложенное понимание факта.

(4.68) [*Маринэ бзылъфыгьэ дакIу зэрэхьуцтыр*] арыгьэцтын.

[marjəne bzəlfəve-dak^wə ze-re-ɣ^wə-ʂ'tə-r]

Марина женщина-швея REL.IO-ФАКТ-случаться-FUT-ABS

а-гә-ве-š'tә-п.

ТОТ-PRED-PST-AUX-MOD

‘Марина, наверное, швеей станет’.

(Букв.: ‘То, что Марина станет швеей, — вероятно’.)

{Обряд выбора профессии}

(4.69) [Ахъмэд ахъщэ зэриштагъэр] шъыпкъэп.

[axmed axš'e ze-r-jә-šta-ve-r] šәp-q-ep

Ахмед деньги REL.IO-FACT-3SG.A-братъ-PST-ABS правда-NEG

‘То, что Ахмед взял деньги, — неправда’. {Xx}

Наконец, требование релевантности факта (4.64-v) соотносит рассмотренные конструкции с еще одной, выше не упоминавшейся. Сегмент *zere* может оформлять сказуемые предикаций, в которых речь идет не об описываемой ситуации, а о ситуации, во время которой описываемая ситуация релевантна, то есть о ситуации наличия факта, соответствующего описываемой ситуации. Эта конструкция, в независимых предикациях впервые обнаруженная, насколько нам известно, Л.Н. Николаевой [2003], была подробно исследована Д.В. Герасимовым и П.М. Аркадьевым [Аркадьев, Герасимов 2008] и иллюстрируется следующими примерами:

(4.70) *Мы мыIэрысэр зэришх.*

мә мәʔerәse-r zer-jә-šx

этот яблоко-ABS *zere*-3SG.A-есть

‘Он до сих пор ест яблоко’. {Xx}

(4.71) *ТызэрэкIуагъ.*

тә-zere-қ^wа-в

1PL.ABS-*zere*-идти-PST

‘Мы ушли и все еще там’. [Аркадьев, Герасимов 2008: 14]

(4.72) *Къэхъугъэр сабыммэ зэрамышI.*

qe-χ^wэ-ве-г sabəjə-me zer-a-mə-ᶑ

DIR-случаться-PST-ABS ребенок-OBL:PL zere-3PL.A-NEG-знать

‘Дети по-прежнему не знают, что случилось’.

[Аркадьев, Герасимов 2008: 12—13]

То, что подобные *zere*-формы встречаются в функции сказуемого независимой предикации, делает сомнительной трактовку соответствующих конструкций как относительных предложений. В то же время, как отмечено в [Аркадьев, Герасимов 2008: 12, 15], при необходимости выразить отрицание эти предикации в норме содержат префикс *mə-* (4.72) и, будучи вложенными, являются синтаксическими островами. Можно предположить, что подобные конструкции представляют собой результат развития фактивной конструкции. Это, впрочем, могло бы сигнализировать, что *zere-* в функции маркирования факта уже не обязательно воспринимается как указание на релятивизацию.

В заключение раздела коснемся концепции И. Капонигро и М. Полинской, которые предложили альтернативное видение семантики вложенных употреблений форм на *zere-*, рассмотренных выше; см. [Caponigro, Polinsky 2008a; 2008b; 2011]. Авторы, используя теоретический аппарат формальной семантики, анализируют аппликативный префикс *re-* как вводящий «оператор полярности», который представляет разные возможности интерпретации истинностного значения пропозиции. Такой анализ позволяет И. Капонигро и М. Полинской описать не только использование форм на *zere-* в фактивных контекстах вроде описанных выше, но и наблюдаемое у их консультантов появление этих форм в косвенных общих вопросах. Опрошенные нами носители адыгейского языка, однако, отвергают такую возможность: предложения вроде (4.73), приводимого в [Caponigro, Polinsky 2011: 103], согласно нашим консультантам, интерпретируются только как описывающие частный вопрос об образе действия и не могут передавать общий вопрос об истинности/ложности пропозиции, соответствующей подчиненной предикации. Для передачи косвенного общего вопроса употребляется другая конструкция (4.74), которая не задействует релятивизацию.

- (4.73) [КІалэм мы машинэр зэрикьутагъэм] кьыкІэупчІагъ.
 [čʼale-m mə maʃəne-r zer-jə-q^wəta-ve-m]
 парень-OBL этот машина-ABS zer-3SG.A-ломать-PST-OBL
 qə-čʼe-wərča-в
 DIR-LOC-спрашивать-PST
 а. ‘Он спросил, как парень сломал машину’.
 б. *‘Он спросил, сломал ли парень машину’. {Xx}

- (4.74) [КІалэм мы машинэр ыкьутагъэмэ] кьыкІэупчІагъ.
 [čʼale-m mə maʃəne-r ə-q^wəta-ve-me]
 парень-OBL этот машина-ABS 3SG.A-ломать-PST-COND
 qə-čʼe-wərča-в
 DIR-LOC-спрашивать-PST
 ‘Он спросил, сломал ли парень машину’. {Xx}

Можно предположить, что в идиолектах консультантов И. Капонигро и М. Полинской произошло расширение сферы употреблений форм на *zere-*, но поскольку в наших материалах свидетельства о таком расширении отсутствуют, мы не готовы делать выводы касательно нефактивных употреблений этих форм.

4.2.5. РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ

Последняя обсуждаемая здесь «нестандартная» релятивизация (нестандартная в том смысле, что она не оперирует актантами, которые явно выражены в предикации) — релятивизация времени, представленная в следующих примерах:

- (4.75) [Къызехъажьым] дэгъоу ысукІыхьы школым етІанэ пчэдыжьым зэкІохэм
 кьыхащыгъ.
 [qə-z-j-e-ha-žʼə-m] dex^w-ew jə-sə-wəčʼə-h-jə
 DIR-REL.TMP-LOC-DYN-входить-RE-OBL хороший-ADV LOC-1SG.A-бить-LAT-ADD

[šk^welə-m jətane pč'edəž'ə-m z-e-ḱ^we-xe-m]
 школа-OBL потом утро-OBL REL.TMP-DYN-идти-PL-OBL

qə-x-a-š'ə-в

DIR-LOC-3SG.A-призывать-PST

‘Когда он пришел, я его хорошенько побила, а потом, когда утром
 пошли в школу, его вызвали’. {Сахар}

- (4.76) [Чэц кызыхъукIэ] уикъэбэжъхэр фэишIи, уишъхъангъупчъэхэр ецалIи,
 пчъэри кьегъэти уимыплъ.

[č'eš' qə-zə-χ^wə-č'e] w-jə-qebeq-xe-r

ночь DIR-REL.TMP-случаться-INS 2SG.PR-POSS-ставня-PL-ABS

fe-š-jə, w-jə-šhan^wəpč'e-xe-r je-š'al-jə,

BEN-закрывать-ADD 2SG.PR-POSS-окно-PL-ABS DAT-затворять-ADD

pč'e-r-jə q-je-we.t-jə w-jə-mə-pλ

дверь-ABS DAT-запирать-ADD 2SG.ABS-LOC-NEG-смотреть(IMP)

‘Когда наступит ночь, закрой ставни, затвори окна, запи дверь и не
 выглядывай’. {Уничтоженный аул}

- (4.77) [Мы кIалэм апэу тыгъужъ тIокI саIукаIагъ зыфиIуагъэм] кыкIырэр:
 [хъульфыгъэм ыныбжъ шлъэс тIокI зыхъукIэ], ыгу тыгъужъым фэдэшъ
 ары.

[mə č'ale-m ap-ew təv^wəž=t^we.č'

этот парень-OBL первый-ADV волк=двадцать

s-a-ɾ^wə-č'a-в zə-f-jə-ɾ^wa-we-m]

1SG.ABS-3PL.IO-LOC-выходить-PST REL.TMP-BEN-3SG.A-говорить-PST-OBL

q-jə-č'ə-re-r : [χ^wəλfəve-m ə-nəbž'

DIR-LOC-выходить-DYN-ABS мужчина-OBL 3SG.PR-возраст

jəλes=t^we.č' zə-χ^wə-č'e] ə-g^wə təv^wəžə-m

год=двадцать REL.TMP-случаться-INS 3SG.PR-сердце волк-OBL

fe.de-š a-rə
 подобный-CS тот-PRED

‘Выходит, что когда этот парень сказал «Сперва я на двадцать волков набрел», — это когда возраст мужчины двадцать лет, сердце его подобно волку’. {Хьут}

Приведенные примеры показывают три конструкции, в которых наблюдается релятивизация времени. Соответствующие группы в (4.75) не имеют показателей времени, но содержат динамический префикс и оформлены косвенным падежом. В группе с релятивным маркером, представленной в (4.76), а также во второй аналогичной группе в (4.77) показатели времени также отсутствуют, но нет и маркера динамичности; эти группы маркированы инструменталисом. Наконец, в первой выделенной квадратными скобками группе в примере (4.77) есть и темпоральный показатель (суффикс прошедшего времени); как мы увидим, такие группы допускают разное падежное оформление. В этих конструкциях релятивный префикс возникает в позиции, непосредственно следующей за абсолютным и директивным префиксом. Составляющая, образуемая в результате релятивизации, указывает на время ситуации.

Точное семантическое распределение трех конструкций не вполне ясно. Наиболее хорошо противопоставлены конструкция с префиксом динамичности, оформленная косвенным падежом, и конструкция без такового, оформленная инструментальным показателем. Первая конструкция, частично исследованная, в частности А.Ю. Никоновой [2005] и М. Хелиг [2005], сообщает об уже закончившейся ситуации и употребляется только в тех случаях, когда матричный глагол принадлежит прошедшему времени. В таких контекстах для части консультантов она заменима на конструкцию с показателем прошедшего времени (4.78). Если матричный глагол стоит не в прошедшем времени используется только форма с временным показателем (4.79).

- (4.78) а. [*Хьафизэ кьызэкIом*] зэкIэри унэм кьикIыгъэх.
 [hafjəze qə-z-e-ḵ^we-m] zečʼe-r-jə wəne-m
 Хафиз DIR-REL.TMP-DYN-идти-OBL все-ABS-ADD дом-OBL

q-jə-č'ə-we-x

DIR-LOC-ВЫХОДИТЬ-PST-PL

b. [Хьафизэ кызыкIуагъэм] зэкIэри унэм кыкIыгъэх.

[hafjəze qə-zə-k^wa-we-m] zeč'e-r-jə wəne-m

Хафиз DIR-REL.TMP-идти-PST-OBL все-ABS-ADD дом-OBL

q-jə-č'ə-we-x

DIR-LOC-ВЫХОДИТЬ-PST-PL

‘Когда Хафиз приехал, все вышли из домов’. {Xк}

(4.79) a. *[Телевизорым узеплтым] ыуж пыхыжъ.

[tjeljevjəzwerə-m wə-z-j-e-pлə-m] ə-wəž

телевизор-OBL 2SG.ABS-REL.TMP-DAT-DYN-смотреть-OBL 3SG.PP-после

рə-xə-ž'

LOC-снимать-RE(IMP)

b. [Телевизорым узеплтыгъэм] ыуж пыхыжъ.

[tjeljevjəzwerə-m wə-z-je-pлə-we-m] ə-wəž

телевизор-OBL 2SG.ABS-REL.TMP-DAT-смотреть-PST-OBL 3SG.PP-после

рə-xə-ž'

LOC-снимать-RE(IMP)

‘После того, как посмотришь телевизор, выключи (его)’. {Xк}

Помимо отношения предшествования конструкция с динамическим префиксом может выражать и одновременность подчиненной и матричной предикаций. В этом случае в зависимой предикации появляется вспомогательный глагол $\chi^wə$ - ‘случаться’ с релятивным префиксом; ср.:

(4.80) [КIэлэгъаджэу Iоф сшIэ зэхъум], сэ сшъхъэкIэ, пчъагъэрэ музейм сшIэхъагъ, ац кыщыслгъэгъухэрэр сшIогъэшIэгъоныгъэх.

[č'elejeваž'-ew ʔ^wef s-še=z-e-χ^wə-m] se

учитель-ADV работа 1SG.A-делать=REL.TMP-DYN-OBL я

s-šhe-č'e, pčawe-re mwəzjeje-m sə-če-ha-в,

1SG.PR-голова-INS число-DUR музей-OBL 1SG.ABS-LOC-входить-PST

a-š' qə-š'ə-s-лeв^wə-xe-re-r

тот-OBL DIR-LOC-1SG.A-видеть-PST-DYN-ABS

s-š^we-ke-šeв^wenə-ke-x

1SG.IO-MAL-CAUS-удивительный-PST-PL

‘Когда я работал учителем, я лично много раз заходил в музей, удивлялся тому, что я там видел’. {Адыгэ макъ, 01.11.2011}

Согласно М. Хелиг [2005: 200], конструкция с динамическим префиксом зачастую сигнализирует о смене темы, но приведенные примеры говорят о том, что это не постоянная ее функция.

Конструкция с инструментальным падежом тоже обычно предполагает предшествование или одновременность, но темпоральная референция подчиненной и матричной предикации в ней точно не определена: речь может идти о ситуациях в будущем (4.81)—(4.82), та же конструкция появляется и в генерических высказываниях, когда ее можно интерпретировать как выражение условия (4.83)—(4.84):

(4.81) [Хасэм укІоу, уагъашІоу, пфэуджхэзэ, гущыІэ къызыуаткІэ],
къэпІоцтым зегъэукІыхъ.

[xase-m wə-қ^w-ew, w-a-ва-š^w-ew,

совет-OBL 2SG.ABS-идти-ADV 2SG.ABS-3PL.A-CAUS-добрый-ADV

p-fe-wəž'-xe-ze, g^wəš'əʔe qə-zə-w-a-tə-č'e],

2SG.A-BEN-плясать-PL-CONV слово DIR-REL.TMP-2SG.IO-3PL.A-давать-INS

qe-p-ʔ^we-š'tə-m z-je-ke-wəč'əh

DIR-2SG.A-говорить-FUT-OBL RFL.IO-DAT-CAUS-удлиннить(IMP)

‘Когда ты пойдешь на совет, тебя будут делать добрым, плясать для тебя, слова (в твою честь) говорить, затяни (букв.: заставь себя сделать длинным) то, что ты будешь говорить’. {Нарт къэбархэр}

- (4.82) *Зэгоуты, кыыуажэзэ езэци, гьолгыггэ чьыенэу, [кызыуцыжжкIэ] о укьэкIогъахэу кыычIэкIыцт.*

z-e-g^wewətə, qə-w-a-že-ze je-zeš'-jə,
 RFL.IO-DAT-колоть DIR-2SG.IO-DAT-ждать-SIM DAT-скучать-ADD
 ь^we-лэ-ве čəje-n-ew, [qə-zə-wəš'ə-ž'-č'e] we
 LOC-лежать-PST спать-MOD-ADV DIR-REL.TMP-проспать-RE-INS ты
 wə-qe-ḵ^we-ва-x-ew qə-č'e-č'ə-š't
 2SG.ABS-DIR-идти-PST-TRM-ADV DIR-LOC-выходить-FUT
 'Волнуется, ждет тебя, скучает, легла спать, когда проснется, ты,
 оказывается, уже приехала'. {Гыщ}

- (4.83) *[Шьэожьыем кызыщэкIэ], унагьом лъэшэу зегъэхъазэры.*

[šewežəje-m qə-z-jə-š'e-č'e] wənaβ^we-m леš-ew
 мальчик-OBL DIR-REL.TMP-3SG.A-вести-INS семья-OBL сильный-ADV
 z-j-e-ve-hazəgə
 RFL.ABS-3SG.A-DYN-CAUS-готовый
 'Когда/Если сын женится, семья очень сильно готовится'.
 {Адыгейская свадьба}

- (4.84) *[«Сэ нахьыбэ кысаты ахьцэ» зIокIэ], «сыда, — сIуаггэ, — учитель-методистыр, вот старши учитель зIокIэрэ нахь звучительнэу мэхьу».*

[se nahə-be qə-s-a-tə aχš'e,
 я более-много DIR-1SG.IO-3PL.A-давать деньги
 z-jə-ʔ^we-č'e] səd-a, s-ʔ^wa-ve,
 REL.TMP-3SG.A-говорить-INS что-Q 1SG.A-говорить-PST
 wəč'jətjel'=mjetwedjəstə-r, wet staršjə=wəč'jətjel
 учитель=методист-ABS вот старший=учитель
 z-jə-ʔ^we-č'e-re nah zwəč'jətjel'n-ew
 REL.TMP-3SG.A-говорить-INS-ADD более звучащий-ADV

me-χ^wэ

DYN-случаться

‘Когда/Если она говорила: «Я больше получаю денег», — «Что, — я говорил, — учитель-методист, вот когда говорят «старший учитель», это лучше звучит’. {Семья}

Конструкция с релятивизацией времени и темпоральными показателями в нашем корпусе встречается крайне редко; более того, многие наши консультанты, признавая ее существование, сообщали, что сами они ее не используют, а при разборе текстов исправляли ее на одну из представленных выше. В результате описание употреблений этой конструкции затруднено. Следующие примеры показывают, что ее использование не ограничено формами с прошедшим временем: в (4.85) форма с относительным префиксом содержит показатель будущего времени, а в (4.86) — динамический суффикс.

(4.85) [Расул зысымэджыцтым] дэжь ыш зышорэм дэгуцыІэцтыгээ.

[raswəl zə-səmež’ə-š’tə-m] dež’ ə-š zə-g^we.re-m

Расул REL.TMP-больной-FUT-OBL у 3SG.PR-брат один-некий-OBL

de-g^wəš’ə?e-š’tə-ve

COM-разговаривать-AUX-PST

‘Накануне болезни Расула его брат с кем-то разговаривал’.

[Никонова 2005]

(4.86) [СикІалэ тхылтым сызыфеджэрэм], нэмыкІымэ сягупшысэ.

[s-jə-č’ale txələ-m sə-zə-f-je-ž’e-re-m]

1SG.PR-POSS-парень книга-OBL 1SG.ABS-REL.TMP-BEN-DAT-читать-DYN-OBL

neməč’ə-me s-ja-g^wəpšəse

другой-OBL:PL 3PL.IO + DAT-думать

‘Когда я ребенку читаю книгу, думаю о других’. {Хк}

Во всех примерах, которые есть в нашем распоряжении, временные формы в таких подчиненных предикациях имеют таксисное значение.

На первый взгляд, то, что для этих конструкций, речь должна идти о релятивизации, подтверждается многими из использованных выше тестов:

(i) при отрицании используется префикс *тә-*:

- (4.87) [Ац лэпсыр зыремышьум] сә сыцІэцІэнэу езгъэжъагъ.
 [a-š' lepsə-r zə-r-j-e-mə-š^wə-m] se
 тот-OBL бульон-ABS REL.TMP-LOC-3SG.A-DYN-NEG-пить-OBL я
 сә-çеçе-n-ew je-z-ве-ž'а-в
 1SG.ABS-ругаться-ADV DAT-1SG.A-CAUS-начинаться-PST
 'Когда он не доел суп, я начала ругаться'. {Xx}

(iii) относительная предикация образует именную группу, которая оформляется падежом:

- (4.88) [Адыгэхэр быслъымэн зыхъугъэхэр] ац фэдиэу бэшІагъэн.
 [adəye-xe-r bəsləmen zə-χ^wə-ве-xe-r] a-š'
 адыг-PL-ABS мусульманин REL.TMP-случаться-PST-PL-ABS тот-OBL
 fe.d.jə.z-ew be.ša.в-ep.
 подобный-LNK-один-ADV давно-NEG
 'Адыги мусульманами стали более или менее недавно'. {Едыдж}

(iv) по крайней мере при наличии показателя времени конструкция может содержать семантическую вершину — как внешнюю, так и вложенную¹⁵:

- (4.89) а. [Ар кызаІуагъэ мафэр] джы мэфэжІ маф.
 [a-r qə-z-a-ɾ^wa-ве mafe-r] ž'ə
 тот-ABS DIR-REL.TMP-3PL.A-говорить-PST день-ABS теперь
 mefeç'-maf
 праздник=день

¹⁵ При отсутствии показателя времени оценки консультантов неуверенны и варьируются, так что если в таких конструкциях и возможна семантическая вершина, это явление, судя по всему, крайне маргинальное.

времени оно не может указывать, например, на множество ситуаций и вовсе не допускается, если абсолютный актант — единственного числа и, соответственно, суффикс множественного числа не может к нему относиться:

- (4.92) *учъэжы зэхъу(*хэ)м*
wə-če-ž'ə=z-e-χ^wə-(*χe)-m
2SG.ABS-бежать-RE=REL.TMP-случаться-PL-OBL
'в тех случаях, когда ты убегал' {Xx}

Таким образом, хотя по многим критериям конструкции с релятивизацией времени сохраняют свойства относительных, они не вполне соответствуют прототипическому образу релятива. Можно предположить, что по крайней мере конструкции без показателей времени и динамического суффикса, будучи, к тому же, ограничены лишь косвенным и инструментальным падежами, уже начали выделяться из относительных конструкций, грамматикализуясь в отдельный тип обстоятельственных зависимых предложений. Что касается конструкции с временными показателями и динамическим суффиксом, она в большей степени соответствует критериям относительных предложений, но в меньшей степени употребительны.

Принципиальный вопрос, возникающий при описании релятивизации времени, связан со структурой словоформы. Если в других случаях присутствие релятивного префикса предсказуемо (при основных релятивизуемых партиципантах) или по крайней мере интерпретируемо (при релятивизации фиктивных актантов, роли которых специфицируют аппликативные превербы¹⁷), появление этого показателя в рассматриваемых конструкциях, на первый взгляд, нарушает композиционность словоформы: роль мишени здесь не обозначена, а соответствующий морфологический слот в независимых предикациях никак себя не проявляет. И. Капонигро и М. Полинская [Caponigro, Polinsky 2011: 100], упоминая эти конструкции, проводят параллель с факультативностью

¹⁷ Исключение составляет релятивизация объекта послелога *raje*, для которого в относительной конструкции создается морфологический слот без уточняющего превербы.

маркирования функции в английских конструкциях с темпоральными сирконстантами вроде *It happened (on) that day*. Это сопоставление не вполне правомерно, поскольку в приведенных случаях синтаксическая функция легко выводится из лексической семантики сирконстанта, а в нашем случае семантическая вершина, как правило, отсутствует, а значит, ее лексическая семантика задействована быть не может.

В то же время отсутствие указания на роль может быть связано с обязательностью темпоральной характеристики многих пропозиций. Во-первых, можно считать, что сказуемое любой динамической предикации содержит морфологическую позицию в сказуемом, которая характеризует темпоральный акт — время обозначаемой ситуации. Вне рассматриваемых конструкций занимающий эту позицию личный префикс не выражен, является нулевым, что с учетом парадигмы личных префиксов (раздел 1.4.3) означает, что это показатель 3-го лица единственного числа непрямого объекта. В таком случае морфологическая структура глагола будет выглядеть как в следующем примере:

- (4.93) *Пчэдыжъым псыхъо вокзалым еклІагъэх.*
 pč'edəž'ə-m psəχ^we=wekzalə-m Ø-Ø-je-ḱ^we-λa-we-x
 утро-OBL река-вокзал-OBL 3SG.TMP-3SG.IO-DAT-идти-ALL-PL
 'Утром они пошли к речному вокзалу'. {Адыгэ макъ, 26.12.2011}

Преимущество этого подхода в том, что он объясняет возможность появления в предложении косвенных именных групп с темпоральным значением, которым, на первый взгляд, не соответствуют личные показатели в сказуемом. Оказывается, такие показатели все же могут быть постулированы, причем на основании вполне наблюдаемых данных, а именно замены их на относительный префикс.

Против этого дескриптивного варианта говорит то, что, как было показано в разделе 4.2.2 выше, релятивизация времени может осуществляться и при помощи аппликатива. Между тем если словоформа уже содержит морфологическую позицию для темпорального актанта, появление для его выражения дополнительного аппликативного комплекса должно быть излишне.

Еще один недостаток описания, постулирующего нулевой префикс во всех динамических формах, связан с тем, что, в отличие от прочих непрямых объектов, его роль не специфицирована превербом, то есть он в любом случае должен быть противопоставлен другим непрямым объектам. Наконец, в позиции, соответствующей темпоральному префиксу, не появляется индекс множественного числа — даже если в предложении есть именная группа множественного числа, характеризующая время:

(4.94) *Мы чэцхэм хьахэр мазэм ехьакъуцтыгъэх.*

мэ č'eš'-хе-м ha-хе-г maze-м je-haq^{wə}-š'tə-ве-х

ЭТОТ НОЧЬ-PL-OBL СОБАКА-PL-ABS ЛУНА-OBL DAT-ЛЯТЬ-AUX-PST-PL

‘В эти ночи собаки выли на луну’. {Xx}

Во-вторых, возможно описание, при котором занимаемая темпоральным релятивным префиксом морфологическая позиция появляется исключительно в относительных конструкциях. Поскольку его роль и в этом случае не выражена, надо думать, она определяется по умолчанию — опять же, благодаря тому, что для динамических предикатов временная характеристика обязательна. Такое описание нарушает композиционность левой зоны адыгейской словоформы, но не постулирует дополнительных нулевых элементов.

4.3. Релятивизация кореферентных партиципантов

Если релятивизация затрагивает участника ситуации, который имеет несколько синтаксических ролей (то есть если релятивизация затрагивает хотя бы одного из нескольких кореферентных партиципантов), в языках с синтаксически ориентированными относительными конструкциями теоретически допустимы две возможности:

(i) в качестве мишени релятивизации выбирается только один из кореферентных партиципантов (4.95);

(ii) как релятивизируемые маркируются все кореферентные партиципаны (4.96)¹⁸.

(4.95) *ятэ икартинэ зэстыгъэр*

jate jə-kartjəne z-e-s-tə-ve-r

POSS + отец POSS-картина REL.IO-DAT-1SG.A-давать-PST-ABS

‘тот, кому_i я подарил картину его_{i/j} отца’ {Xx}

(4.96) *зятэ икартинэ зэстыгъэр*

z-jate jə-kartjəne z-e-s-tə-ve-r

REL.PR-POSS + отец POSS-картина REL.IO-DAT-1SG.A-давать-PST-ABS

‘тот, кому_i я подарил картину его_{i/*j} отца’ {Xx}

Как видно из примеров, в адыгейском языке представлены обе возможности, которые далее обсуждаются в этом разделе.

4.3.1. ВЫБОР МИШЕНИ В ОТСУТСТВИЕ МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ

При кореферентности нескольких партиципантов, из которых релятивизируется только один, встает вопрос, какой партиципант выбирается в качестве мишени. При этом следует различать две ситуации: либо кореферентность партиципантов внутри предикации маркируется независимыми от релятивизации грамматическими средствами, либо такое маркирование отсутствует.

Независимые грамматические средства маркирования кореферентности в адыгейском языке включают прежде всего показатели рефлексива и реципрока. Прочие средства, которые описаны в разделе 1.6.4, представляются периферийными и ниже игнорируются. При релятивизации одного из кореферентных актантов и возможности маркировать кореферентность независимыми средствами в качестве мишени выступает контролер, а

¹⁸ В переводах индексы используются для указания на кореферентность или некорреферентность.

корреферентный ему актант остается маркированным рефлексивным или реципрокальным показателем (4.97).

- (4.97) *письмэ зыфэзгъэкIуагъэр*
pjəs'me zə-fe-z-ve-ḵ^wa-ve-r
письмо RFL.IO-BEN-REL.A-CAUS-идти-PST-ABS
'тот, кто послал себе письмо' {Xx}

Если контролер — абсолютивный актант, зона актантной структуры не претерпевает изменений. В частности, изменения в этой зоне не наблюдаются при релятивизации одного из актантов реципрокального глагола, образованного от переходной основы, — в силу особенностей взаимной конструкции (раздел 1.5.3):

- (4.98) a. *Сишъэогъухэр зэрэлъэгъуцтыгъэх.*
s-jə-šewew^wə-xe-r ze-re-лeв^wə-š'tə-ve-x
1SG.PR-POSS-друг-PL-ABS REC.IO-RCP-видеть-AUX-PST-PL
'Мои друзья часто виделись'. {Xx}
- b. *сишъэогъухэу зэрэлъэгъуцтыгъэхэр*
s-jə-šewew^wə-x-ew ze-re-лeв^wə-š'tə-ve-xe-r
1SG.PR-POSS-друг-PL-ADV REC.IO-RCP-видеть-AUX-PST-PL-ABS
'мои друзья, которые часто видятся' {Xx}

Если грамматические средства указания на корреферентность не задействованы, как правило, корреферентные роли все же неравноправны в том, что касается выбора мишени. Это неравноправие может проявляться разными способами. Ниже рассматриваются основные варианты оценки возможности/обязательности корреферентности в относительных конструкциях, затрагивающих две роли.

1. *Релятивизация роли в условиях корреферентности обязательна.* В условиях корреферентности нескольких актантов, одна из ролей может требовать обязательной релятивизации, в то время как другая (если их две) может не получать релятивное оформление. Эта ситуация показана в (4.99):

- (4.99) a. *игъунэгъу пшъашгъэр шлу зыльэгъугъэр*
 jə-ʋ^wəneʋ^wəpʂaʂe-r ʂ^wə zə-ʎeʋ^wə-ʋe-r
 POSS-сосед=девушка-ABS добро REL.A-видеть-PST-ABS
 ‘тот, кто полюбил его/свою соседку’
- b. *зигъунэгъу пшъашгъэр шлу ыльэгъугъэр*
 z-jə-ʋ^wəneʋ^wəpʂaʂe-r ʂ^wə ə-ʎeʋ^wə-ʋe-r
 REL.PR-POSS-сосед=девушка-ABS добро 3SG.A-видеть-PST-ABS
 ‘тот, чью_i соседку он_j/_i полюбил’

В (4.99a) в качестве релятивизованного обозначен агенс, а посессор абсолютивной именной группы может быть как кореферентен ему, так и некорреферентен. (4.99b) демонстрирует аналогичный пример, в котором релятивизован только посессор; в таком случае его кореферентность с агенсом невозможна. Этот набор примеров показывает, что при кореферентности агенса и посессора абсолютивной ИГ и релятивизации одного из них агенс должен быть маркирован как релятивизованный. Будем считать, что тот партиципant, который в таких сочетаниях требует обязательной релятивизации, имеет ранг выше, чем другой партиципant.

2. *Релятивизация роли ведет к обязательной кореферентности другой роли.* Если имеется релятивизованная роль и нерелятивизованная роль, обычно последняя может интерпретироваться некорреферентно или даже должна интерпретироваться некорреферентно (если мишень релятивизации имеет ранг ниже). В очень редких случаях это правило не действует, и личный префикс, не подразумевающий кореферентность, тем не менее указывает на роль, которая в данном сочетании обязательно должна быть кореферента мишени. Ср. следующую минимальную пару:

(4.100) а. *чэмэу шикIэ зыуж имытыгъэр*

č'em-ew Ø-jə-ške zə-wəž jə-mə-tə-ve-r

корова-ADV ЗSG.PR-POSS-теленок REL.PR-след LOC-NEG-стоять-PST-ABS

‘корова такая, что ее_{i/j} теленок за ней самой_i не бегал (букв. не стоял)’ {Xx}

б. *чэмэу зишкIэ ыуж имытыгъэр*

č'em-ew z-jə-ške ə-wəž jə-mə-tə-ve-r

корова-ADV REL.PR-POSS-теленок ЗSG.PR-след LOC-NEG-стоять-PST-ABS

‘корова такая, что ее_i собственный теленок за ней самой_{i/*j} не бегал’ {Xx}

В (4.100а) нерелятивизованный посессор абсолютивной ИГ *jə-ške* ‘ее теленок’ может быть как кореферентен, так и некорреферентен релятивизованному посессору *zə-wəž* ‘след которой / за которой’. Но как демонстрирует (4.100b), релятивизация посессора абсолютива приводит к их обязательной кореферентности независимо от того, маркирован ли посессор как релятивизованный. В таком случае также будем считать, что мишень, которая требует кореферентности, имеет более высокий ранг.

3. *Релятивизуется произвольная роль*. При некоторых комбинациях ролей релятивизация любой из них не требует кореферентности, но допускает ее; ср.:

(4.101) а. *цыфэу ыпае зыдэжь тхыль еджэгъахэр*

çəf-ew ə-paje zə-dež' txəl je-ž'e-ka-xe-r

человек-ADV ЗSG.PP-для REL.PP-у книга OBL-читать-PST-TRM-ABS

‘человек, дома у которого_i он ему_{i/j} прочитал книгу’ {Xx}

б. *цыфэу зыпае ыдэжь тхы ль еджэгъахэр*

çəf-ew zə-paje ə-dež' txəl je-ž'e-ka-xe-r

человек-ADV REL.PP-для ЗSG.PP-у книга LOC-OBL-читать-PST-TRM-ABS

‘человек, которому_i он у него_{i/j} дома прочитал книгу’ {Xx}

В этих примерах релятивизация объектов послелогов ведет себя симметрично. Можно утверждать, что при релятивизации одного из двух

корреферентных объектов послелогов, они не могут ранжироваться друг относительно друга.

4. *Запрет на корреферентность независимо от выбора маркированного партиципанта.* Имеется одна комбинация, в которой теоретически возможная корреферентность между разными партиципантами не допускается — это комбинация объектов, вводимых дативным и недативным аппликативами. Независимо от того, какой из партиципантов релятивизируется, другой партиципант, по оценкам наших консультантов, не может быть корреферентен мишени, если он сам не маркирован как релятивизованный. Для выражения корреферентности в таком случае необходима одновременная релятивизация не прямых объектов:

(4.102) а. *зышӀуестыгъэр*

zə-ʂ^w-∅-je-s-tə-ve-r

REL.IO-MAL-3SG.IO-OBL-1SG.A-давать-PST-ABS

‘тот, вопреки кому_i я это дал ему_{j/*i}’ {Ег}

б. *шӀузэстыгъэр*

∅-ʂ^wə-z-e-s-tə-ve-r

3SG.IO-MAL-REL.IO-OBL-1SG.A-давать-PST-ABS

‘тот, кому_i я это дал против его_{j/*i} воли’ {Ег}

в. *зышӀузэстыгъэр*

zə-ʂ^wə-z-e-s-tə-ve-r

REL.IO-MAL-REL.IO-OBL-1SG.A-давать-PST-ABS

‘тот, кому я это навязал’

Букв.: ‘тот, кому_i я это дал против его_i воли’ {Ег}

(4.102a) и (4.102b) демонстрируют примеры, в которых только один из этих партиципантов маркирован как релятивизованный, а второй оценивается как обязательно некорреферентный мишени. (4.102c) представляет собой пример множественной релятивизации, где оба партиципанта в комбинации маркированы как релятивизованные.

Данные по соотношению рангов разных ролей в условиях кореферентности приведены в таблице 4-1.

	A	Abs	Dat	IO	Pr(Abs)	Pr(~Abs)	Op
A	*	>	>	>	>	>	>
Abs	<	*	> (>)	> (>)	(>)	(>)	(>)
Dat	<	< (<)	*	=	> / =	>	=
IO	<	< (<)	=	?	?	> / =	> / =
Pr(Abs)	<	(<)	< / =	?	*	=	>
Pr(~Abs)	?	(<)	<	< / =	=	?	=
Op	<	(<)	=	< / =	<	=	=

Таблица 4-1.

Ранжирование ролей при кореферентности в относительных конструкциях¹⁹.
 Условные обозначения: A — агенс; Dat — не прямой объект, введенный дативным превербом; IO — не прямой объект, введенный недативным аппликативным превербом; Op — объект послелога; Pr(Abs) — посессор абсолютного актанта; Pr(~Abs) — посессор неабсолютного партиципанта, > — роль, соответствующая строке, ранжирована выше, чем роль, соответствующая столбцу²⁰; = — роли, соответствующие строке и столбцу, ранжированы одинаково; слэш указывает на замеченное варьирование; ? — надежные примеры данной комбинации отсутствуют, * — комбинация невозможна в силу единственности роли. Заштрихованные клетки таблицы связаны с рефлексивными конструкциями.

¹⁹ В таблице не учитываются семантически мотивированное маркирование кореферентности рефлексивной конструкции, наблюдаемое, например, при контроле рефлексива каузируемым агенсом, вводимым дативным превербом. Ранжирование ролей относительно абсолютной роли по большей части условно (это выражено скобками), поскольку релятивизация абсолютного актанта особыми средствами не выражается; оно основано лишь на том, что при кореферентности с абсолютивом прочие роли в норме не релятивизируются (раздел 4.3.2).

²⁰ Если два актанта имеют одинаковую роль, их положение в иерархии тоже одинаково.

Представленные в таблице данные о ранжировании разных ролей позволяют вывести следующую иерархию:

(4.103) АГЕНС > АБСОЛЮТИВ > ДАТИВНЫЙ НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ > НЕДАТИВНЫЙ НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ > ПОСЕССОР АБСОЛЮТИВНОГО АКТАНТА > ПОСЕССОР НЕАБСОЛЮТИВНОГО ПАРТИЦИПАНТА > ОБЪЕКТ ПОСЛЕЛОГА

Эту иерархию можно интерпретировать двояко:

(i) можно считать ее иерархией склонности к релятивизации (то, что находится выше на данной иерархии скорее обязано релятивизовываться) — и тогда она может быть отождествлена с иерархией доступности именных групп Э. Кинэна и Б. Комри (см. раздел 0.1.3);

(ii) можно акцентировать внимание на том, что эта иерархия выявлена на основании связывания — того, как одни партиципаны определяют референцию других, в каком случае она мотивирована известной асимметрией между разными семантическими и синтаксическими ролями в способности выступать антецедентом для анафорически связанного актанта (см., например, [Pollard, Sag 1992]); такая мотивировка учит, между прочим, и роль рефлексивных конструкций в постулировании рассматриваемой иерархии.

Содержательно, впрочем, как релятивизуемость, так и асимметрии в связывании представляют, надо думать, проявления одних и тех же принципов, определяющих приоритет одних ролей над другими.

4.3.2. МНОЖЕСТВЕННАЯ РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ

Одновременная релятивизация нескольких партиципантов (*множественная релятивизация*) при условии их кореферентности представляет собой вполне нормальную для адыгейского языка конструкцию. Ср.:

(4.104) [Анахъэу зыткъако изгъанэщтыгъэр [анахъ ныбжъышхо зыIэу]], анахъ тхъамэтагъэр арыгъэ.

[a-nah-ew zə-λaq^we jə-z-va-ne-š'tə-ve-r

ЗРЛ.Ю-более-ADV REL.PR-нога LOC-REL.A-CAUS-застревать-AUX-PST-ABS

[a-nah nəbʒ'ə-šx^we z-jə-ʔ-ew]] a-nah
 ЗРЛ.Ю-более возраст-AUG REL.PR-POSS-быть-ADV ЗРЛ.Ю-более
 thameta-ke-r a-rə-ve
 начальник-PST-ABS тот-PRED-PST
 ‘Тот, кто больше всех упирался (букв.: который упирал ноги которого),
 кто был всех старше, был самым главным’. {Едыдж}

Наиболее тривиальной причиной появления нескольких релятивных показателей могло бы быть наличие нескольких относительных конструкций внутри одной именной группы, иллюстрируемое следующим примером:

(4.105) [нытыхэу [гуцылэ дэй зылохэрэ цыфхэр] зимыкIасэхэр]
 [nə-tə-x-ew [g^wəš'əʔe-dej zə-ʔ^we-xe-re ʃəf-xe-r]
 мать-отец-PL-ADV слово-плохой REL.A-говорить-PL-DYN человек-PL-ABS
 z-jə-mə-č'ase-xe-r]
 REL.PR-POSS-NEG-любимый-PL-ABS
 ‘родители, не любящие сквернословящих людей’ {Xx}

В (4.105) имеется несколько релятивных показателей, но они принадлежат разным относительным конструкциям, одна из которых ‘люди, которые сквернословят’ вложена в другую ‘родители, которые не любят X’, что подтверждается некорреферентностью мишеней.

В адыгейском языке возможны и случаи, когда мишени относительных конструкций кореферентны, но вложение одной конструкции в другую очевидно. Такая ситуация имеет место при нанизывании относительных предложений, то есть при наличии нескольких релятивных клауз, последовательно сужающих референцию именной группы. Эта конструкция, описанная в разделе 3.3.2, показана в (4.106):

(4.106) [тыгьуасэ хьэу сызэуагьэу] лы зышхырэр
 [tə^wase h-ew sə-z-e-wa-ʋ-ew] lə
 вчера собака-ADV 1SG.ABS-REL.Ю-OBL-бить-PST-ADV мясо

zə-šxə-re-r

REL.A-есть-DYN-ABS

‘вчера побитая мною собака, которая ест мясо’ {Xx}

В (4.106) относительная конструкция ‘собака, которую я вчера побил’ одновременно описывает мишень относительной конструкции ‘X, который ест мясо’. Такие построения похожи на примеры, приведенные выше в качестве иллюстрации множественной релятивизации, и вместе с тем являются намного менее экзотическими.

Тем не менее множественная релятивизация не сводима к структурам с несколькими релятивами. Так, носители адыгейского языка допускают множественную релятивизацию внутри одной словоформы, хотя такая ситуация и представляется им достаточно маргинальной; ср. следующий пример (см. также пример 4.102с):²¹

(4.107) сызыфызыдэупкIатэцтыгъэр

sə-zə-fə-zə-de-wəpçʼate-šʼtə-ve-r

1SG.ABS-REL.IO-BEN-REL.IO-COM-рубить-AUX-PST-ABS

‘тот, для кого_i я рубил вместе с ним_i’ {Xx}

(4.107) исключает вложение одной относительной конструкции в другую — приведенная форма должна была бы принадлежать обеим конструкциям, а значит, вопреки сказанному выше допустимой стала бы релятивизация из относительной клаузы.

Имеются и аргументы против вложения одной относительной конструкции в другую при множественной релятивизации, не связанные с морфологически сложными примерами. Семантическая вершина в конструкции с множественной релятивизацией, как и в простой относительной конструкции (раздел 3.3.3), не

²¹ Существование таких форм противоречит следующему утверждению Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа [1941: 110]: «[в] каждой придаточной форме сказуемого может быть лишь один относительный прфикс». Заметим, впрочем, что подобные примеры зафиксированы и для близкородственного кабардино-черкесского языка; см. раздел 6.6.

может стоять в релятивной предикации после составляющей, содержащей релятивный префикс:

(4.108) а. *кІалэу зикашэ Іахьэ зышхыгъэр*

č'al-ew z-jə-kaše-ʔahe zə-šxə-ve-r
парень-ADV REL.PR-POSS-каша=доля REL.A-есть-PST-ABS

б. **зикашэ Іахьэ кІалэу зышхыгъэр*

*z-jə-kaše-ʔahe č'al-ew zə-šxə-ve-r
REL.PR-POSS-каша=доля парень-ADV REL.A-есть-PST-ABS

‘мальчик, съевший свою порцию каши’ {Xx}

Если бы здесь действительно имелось вложение одной относительной конструкции в другую, в (4.108b) вложенная вершина могла бы принадлежать верхней конструкции (при условной структуре [[zjəkaše ʔahe] č'alew zəšxəver]) — и это не нарушало бы ограничения на позицию вложенной вершины. Тем не менее (4.108b) неприемлемо, из чего можно сделать вывод, что в (4.108a) представлена одна относительная конструкция.

Нам известно единственное ограничение, которое адыгейский язык накладывает собственно на множественную релятивизацию:

(4.109) Множественная релятивизация невозможна, если одной из мишеней является абсолютивный актанта.

Поскольку релятивизация абсолютивного актанта не маркируется, ничто, казалось бы, не должно препятствовать кореферентности партиципанта, который маркирован релятивным префиксом, имплицитно релятивизованному абсолютивному актанту. Между тем (4.110)—(4.112) интерпретируются большинством консультантов как не содержащие релятивизацию абсолютивного актанта:²²

²² Для небольшого количества консультантов данное ограничение отсутствовало.

- (4.110) *зятэ ыльэггъугъэр*
 z-jate э-л.ев^wэ-ве-г
 REL.PR-POSS + отец 3SG.A-видеть-PST-ABS
 ‘тот, чьего_i отца он_j видел’
 ‘тот, чей_i отец его_j видел’²³
 *‘тот, кого_i видел его_i отец’ {Xx}
- (4.111) *зыш мыIэрысэ шыуецакъэрэр*
 зэ-š мэ?егəse š^w-je-caqe-re-г
 REL.PR-брат яблоко MAL-OBL-кусать-DYN-ABS
 ‘тот_i, чей_i брат кусает яблоко против его_{j/*i} воли’
 *‘тот_i кто_i против воли своего_i брата кусает яблоко’ {Xx}
- (4.112) *зыш фэсцагъэр*
 зэ-š fe-s-š’a-ве-г
 REL.PR-брат BEN-1SG.A-вести-PST-ABS
 ‘тот, к чьему_i брату я его_{j/*i} повел’ {Xx}

Причины этого ограничения не вполне очевидны. И. Капонигро и М. Полинская трактуют примеры, которые его проявляют, как доказательство присутствия в адыгейском языке ограничения «слабого переезда» (weak crossover) [Caponigro, Polinsky 2011: 88—89]. Данное явление описывается в генеративистской концепции как запрет на наличие следа от передвинутого элемента справа от кореферентного ему местоимения; ср. запрет на кореферентность вопросительного местоимения и посессора в английском предложении *Who_j does his_{i/*j} mother love ____j?* ‘Кого любит его мать?’ Естественно, это требование предполагает при описании адыгейского языка значительное количество допущений, нам не очевидных и не всегда доказуемых. Ср., например,

²³ Двузначность возникает благодаря тому, что свободная ИГ здесь не маркирована падежом (поскольку посессивные группы обычно падежом не маркируются) и, соответственно, может описываться как агенс, так и абсолютный актант.

следующую словоформу, где релятивный префикс не интерпретируется как кореферентный абсолютивному актанту:

(4.113) *зышлуальэгъугъэр*

zə-ŕ^w-a-λeβ^wə-βe-r

REL.IO-MAL-3PL.A-видеть-PST-ABS

‘тот, вопреки кому они увидели это’

*‘тот, кого они увидели вопреки воле его самого’ {Xx}

Согласно указанной теории, невозможность одновременной релятивизации абсолютивного актанта и непрямого объекта объясняется исключительно с помощью априорного постулирования невыраженных именных групп и столько же априорного упорядочивания их передвижения. Впрочем, поскольку априорность сама по себе не является основанием для опровержения, отрицание или подтверждение объяснения через «слабый переезд», очевидно, само по себе требует внутритеоретических допущений²⁴.

²⁴ Другая сложность с объяснением через «слабый переезд» состоит в том, что нерелятивизованный посессор при релятивизации абсолютивного актанта может быть ему кореферентен (i). При использовании обычной формулировки ограничения «слабого переезда» и обычных для него допущений не ясно, почему кореферентность в (i) возможна: по основным параметрам, касающимся этого явления, такие примеры не отличаются от запрещенных примеров с кореферентностью абсолютивного актанта и релятивизованного посессора.

(i) *ятэ шлоклуагъэр*

jate ŕ^we-k^wa-βe-r

POSS + отец MAL-идти-PST-ABS

‘тот, кто пошел против воли своего отца’ {Xx}

4.4. Дистантная релятивизация

4.4.1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Адыгейский язык, на первый взгляд, допускает дистантную релятивизацию — релятивизацию партиципантов глубоко вложенных клауз (кроме релятивных):

- (4.114) *тхылъхэу узэджэн фаехэр*
тхэл-х-ew wə-z-e-ž'e-n fa.je-xe-r
книга-PL-ADV 2SG.ABS-REL.IO-DAT-читать-MOD должный-PL-ABS
'книги, которые тебе надо прочитать' {Xx}

В подобных конструкциях со сложными относительными предложениями мы будем называть *верхними предикациями* матричные предикации в составе относительного предложения (но не вышестоящие матричные предикации, включающие всю относительную конструкцию) и *вложенными предикациями* — предикации, подчиненные верхним предикациям.

В приведенном примере релятивизация эксплицитно обозначена только во вложенной предикации. Однако нередко релятивный префикс присутствует и во вложенной предикации, и в верхней предикации. В (4.115), судя по расположению релятивных префиксов, релятивизации подвергнуты как вводимый бенефактивным превербом непрямой объект зависимого составного предиката 'знакомить' (букв. 'делать знакомым'), так и один из актантов глагола 'хотеть':

- (4.115) *къэбарэу нэІуасэ (...) шъузфэсшынэу сызыфаер*
qebar-ew neʔ^wase (...) š^wə-z-fe-s-šə-n-ew
новость-ADV знакомый 2PL.ABS-REL.IO-BEN-1SG.A-делать-MOD-ADV
сə-zə-fa.je-r
1SG.ABS-REL.IO-хотеть-ABS
'новость, с которой я хочу вас познакомить' {Xx}

Эти построения не маргинальны: в [Тов 2005] приводится большое количество примеров вопросов к составляющим зависимых клауз, подразумевающих релятивизацию их актантов. Ср.:

(4.116) [Къайметэу къушъхэм дэсэу зигугъу ашрэр] ора?

[qajmet-ew q^wəʃhe-m de-s-ew z-jə-g^wəv^w

Каймет-ADV гора-OBL LOC-сидеть-ADV REL.PR-POSS-упоминание
a-ʃ-re-r] we-r-a

ЗРЛ.А-делать-DYN-ABS ты-PRED-Q

‘Ты (есть) Каймет, о котором говорят, что он в горах живет?’

[Тов 2005: 18]

(4.117) Хэта ар [Кукоу зыдэжъ сыщэнэу Юсуф зыфишуагъэр]?

xet-a a-r [k^wək^w-ew zə-dež’ sə-p-ʃ’e-n-ew

кто-Q тот-ABS Куко-ADV REL.PP-к 1SG.ABS-2SG.A-вести-MOD-ADV
jusəf zə-f-jə-ɾ^wa-ve-r]

Юсуф REL.IO-BEN-3SG.A-говорить-PST-ABS

‘Кто она Куко, к которой, как сказал Юсуф, ты меня отведешь?’

Букв.: ‘Кто она Куко, к которой Юсуф сказал, что ты меня отведешь?’

[Тов 2005: 18]

Такая релятивизация допускается для партиципантов самых разных зависимых клауз. Ниже представлены примеры, в которых мишень принадлежит предикациям, описывающих актанты (оформленные адвербиальным суффиксом -ew (4.118), модальным суффиксом / суффиксом масдара -п (4.119), их сочетанием -п-ew (4.120), инструментальным маркером -č’e (4.121)), сирконстанты (маркированные -п-ew (4.122), показателем одновременности -ze (4.123) и показателем кондиционалиса -me (4.124)).

Релятивизация из актантных клауз

- (4.118) *цЫфэу кІэлитІу зилэу о кьэпІуагъэр*
 çəf-ew ç'el-jə-ʈ^{wə} z-jə-ʔ-ew we
 человек-ADV парень-LNK-два REL.PR-POSS-быть-ADV ты
 çe-p-ʔ^{wə}-ve-r
 DIR-2SG.A-говорить-PST-ABS
 ‘человек, о котором ты сказал, что у него два сына’ {Xx}
- (4.119) *быгъу псэу зышхын зыльэкІыцтыр*
 bəv^{wə}-psew zə-šxə-n zə-ʎeç'ə-š'tə-r
 бык=целый REL.A-есть-MOD REL.A-мочь-FUT-ABS
 ‘тот, кто может (букв. сможет) съесть быка’ {Xx}
- (4.120) *сызэлтынэу чІыпІэхэу зызфэзгъэхъазырыгъэр*
 sə-z-e-plə-n-ew çəpe-x-ew
 1SG.ABS-REL.IO-DAT-смотреть-MOD-ADV место-PL-ADV
 zə-z-fe-z-ve-hazəgə-ve-r
 RFL.ABS-REL.IO-BEN-1SG.A-CAUS-готовый-PST-ABS
 ‘места, на которые я собирался посмотреть’ {Xx}
- (4.121) *кашэу кьэмышъугъэкІэ сызэнэгурэр*
 kaš-ew çe-mə-χ^{wə}-ve-ç'e
 каша-ADV DIR-NEG-случаться-PST-INS
 sə-z-e-neg^{wə}je-re-r
 1SG.ABS-REL.IO-OBL-предполагать-DYN-ABS
 ‘каша такая, что мне кажется, что она не готова’ {Xx}

Релятивизация из сирконстантных клауз

- (4.122) *сипхъорэльфэу шъхъантэ къызфэсцэфынэу сызфаклоцтыгъэр*
 s-jə-pχ^wereɫf-ew šhante qə-z-fe-s-š'efə-n-ew
 1SG.PR-POSS-внук-ADV подушка DIR-REL.IO-BEN-1SG.A-покупать-MOD-ADV
 sə-z-fa-κ^we-š'tə-ve-r
 1SG.ABS-REL.IO-BEN-идти-AUX-PST-ABS
 'мой внук, которому я шла купить подушку' {Xx}
- (4.123) *урамэу титхъаматэ зэрыкло пэтзэ гъэшлэгъон горэ зыщилтэгъугъэр*
 wəram-ew t-jə-thamate ze-rə-κ^we-pe-t-ze
 улица-ADV 1PL.PR-POSS-начальник REL.IO-INSTR-идти=LOC-стоять-SIM
 veʃev^wen-g^we.re zə-š'-jə-ɫev^wə-ve-r
 удивительный-некий REL.IO-LOC-3SG.A-видеть-PST-ABS
 'улица, проходя по которой, наш начальник увидел нечто странное' {Xx}
- (4.124) *цфыфэу ахъцэ къызэстымэ тучаным клон зыльэкъыцтыр*
 çəf-ew aχš'e qə-z-e-s-tə-me twəč'anə-m
 человек-ADV деньги DIR-REL.IO-DAT-1SG.A-давать-COND лавка-OBL
 κ^we-n zə-ɫeč'ə-š'tə-r
 идти-MOD REL.A-мочь-FUT-ABS
 'человек такой, что если я ему дам денег, он сможет сходить в магазин'
 {Xx}

Большинство из этих примеров (а именно все, кроме примеров 4.118 и 4.121) обнаруживают признаки релятивизации как во вложенной, так и в верхней предикациях. Это явление, очевидно, претендует на то, чтобы считаться множественной релятивизацией. Тем не менее ниже мы увидим, что эта претензия является, по меньшей мере, спорной.

4.4.2. ТРЕБОВАНИЕ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ СВЕРХУ

Обилие примеров, в которых наблюдается более одного релятивного префикса, не случайно. Такие высказывания — следствие обнаруживаемого у многих носителей адыгейского языка требования релятивизации сверху:

(4.125) Требование релятивизации сверху (жесткий вариант):

Релятивизация партиципанта вложенной предикации должна сопровождаться релятивизацией какого-либо кореферентного партиципанта верхней предикации в относительном предложении.

В следующем примере релятивизируется актант глагола *səzaweze* ‘когда я ударял’, но обязательной признается и релятивизация одного из актантов глагола ‘надеяться’:

(4.126) *сызаозэ, сэ ыкЮоцІ сифэнэу сызтенэцІыхъащтыгъэ / *сытенэцІыхъащтыгъэ шхъангъупчъэр*

sə-z-a-we-ze

se ə-ḵ^weç

1SG.ABS-REL.IO-DAT-ударять-SIM я 3SG.PP-внутри

s-jə-fe-n-ew

sə-z-tje-neçə.ha-š'tə-we /

1SG.ABS-LOC-попадать-MOD-ADV 1SG.ABS-REL.IO-LOC-вожделеть-AUX-PST

**sə-tje-neçə.ha-š'tə-we*

šḵanḵ^wərçe-r

1SG.ABS-3SG.IO-LOC-вожделеть-AUX-PST окно-ABS

‘окно, ударяя по которому, я надеялся проникнуть внутрь’

Букв.: ‘окно, ударяя по которому, я надеялся на которое проникнуть внутрь’ {Xx}

Когда в верхней предикации уже есть кореферентный актант, при релятивизации задействуется именно он. В (4.126) таким актантом оказывается не прямой объект глагола ‘надеяться’. В (4.127) сказуемое матричной клаузы (‘читать’) содержит указание на неабсолютивный актант, кореферентный мишени и вводимый дативным превербом, — соответственно, форма этого сказуемого без релятивного префикса в данном контексте не принимается.

- (4.127) *тхылтъэу нэмыкӀым къафшотэнэу зэджагъэр / *еджагъэр*
 txəl-ew neməç’ə-m q-a-f-jə-ŋ^wete-n-ew
 книга-ADV другой-OBL DIR-3PL.IO-BEN-3SG.A-рассказать-MOD-ADV
 z-e-ž’a-ve-r / *je-ž’a-ve-r
 REL.IO-DAT-читать-PST-ABS DAT-читать-PST-ABS
 ‘книга такая, что чтобы рассказать о ней другим, он ее читал’ {Xx}

Если необходимый партиципant в верхней предикации не предусмотрен, адыгейский язык позволяет ему появиться с помощью одного из двух механизмов — вставки актанта и переосмысления уже имеющегося актанта.

Вставка актанта состоит в том, что в верхнюю предикацию с помощью аппликативного преверба вводится кореферентный мишени актанта, который затем релятивизируется. Иногда подобное введение дублирует информацию, выраженную в зависимой клаузе. Например, в (4.128) семантическая роль мишени выражена дважды — во вложенной предикации предикатом *bvefjedeze* ‘когда ты используешь (это) / ‘то, что когда ты это используешь’ и в верхней предикации инструментальным превербом, вводящим релятивный префикс:

- (4.128) *сшъэжьыеу бгъэфедэзэ о хьалыгъур зэрэубзырэр*
 s-jə-šəž’əj-ew b-ve-fjede-ze we haləv^wə-r
 1SG.PR-POSS-нож-ADV 2SG.A-CAUS-полезный-SIM ты хлеб
 ze-re-wə-bzə-re-r
 REL.IO-INSTR-2SG.A-резать-DYN-ABS
 ‘мой нож, используя который, ты режешь хлеб’ {Xx}

В верхнюю предикацию может вводиться актанта, который в параллельном независимом предложении не выражается. Данный актанта является фиктивным, его появление обусловлено исключительно необходимостью релятивизации в верхней предикации. В качестве маркера роли фиктивного актанта обычно выступает бенефактивный префикс *fe-*: в (4.129a) и (4.130a) данным префиксом вводится релятивизованный актанта верхней предикации, в (4.129b) и (4.130b)

демонстрируется, что в параллельных независимых предложениях этот актант представлен быть не может (в (4.130b) соответствующий аппликативный комплекс получает адресатное значение и не может указывать на тему речи):

(4.129) а. *пшьашъэу сьзэплъзэ сьзфьлтьэпэуагъэр*

р̂ша̂-ew сә-z-e-р̂л-ze
 девушка-ADV 1SG.ABS-REL.IO-DAT-смотреть-CONV
 сә-z-fә-лерева-ве-г
 1SG.ABS-REL.IO-BEN-спотыкаться-PST-ABS

‘девушка, смотря на которую, я споткнулся’ {Xx}

б. *Пшьашъэм сеплъзэ сьлъэпэуагъ / *сьфьлтьэпэуагъ.*

р̂ша̂е-m s-je-р̂л-ze сә-лерева-ы /
 девушка-OBL 1SG.ABS-3SG.IO-DAT-смотреть-SIM 1SG.ABS-спотыкаться-PST
 *сә-fә-лерева-ы
 1SG.ABS-3SG.IO-BEN-спотыкаться-PST

‘Смотря на девушку, я споткнулся’. {Xx}

(4.130) а. *чъьерэу лыжьым пцы зьфиусырэ кIалэр*

č̂je-r-ew ләž’ә-m р̂сә зә-f-jә-wәсә-re
 спать-DYN-ADV старик-OBL ложь REL.IO-BEN-3SG.A-сочинять-DYN-ABS
 č̂’ale-r
 парень-ABS

‘парень такой, что старик врет, что он спит’ {Xx}

б. *Лыжьым пцы кыфеусы, кIалэр чъыеу.*

ләžә-m р̂сә qә-f-j-e-wәсә č̂’ale-r
 старик-OBL ложь DIR-3SG.IO-BEN-3SG.A-DYN-сочинять парень-ABS
 č̂j-ew
 спать-ADV

‘Старик ему / *о нем врет, что парень спит’. {Xx}

Семантическое переосмысление наблюдается исключительно в конструкциях, которые могут описываться как включающие придаточные

Возможность семантического переосмысления обусловлена тем, что маркирование пропозициональных актантов в независимых предложениях не указывает на то, что они служат актантами: в адыгейском языке для таких составляющих используются те же показатели, что и для обстоятельственных предикаций. В результате в относительных конструкциях при релятивизации актанта верхней предикации может возникать многозначность, обусловленная тем, что вложенная предикация допускает как актантную, так и сирконстантную интерпретации:

(4.135) *синьбджыгъоу альэгъоу сызыщыщынэрэр*

s-jə-nəbʒ'əw^w-ew a-лeв^w-ew

1SG.PR-POSS-друг-ADV 3PL.A-видеть-ADV

sə-zə-š'ə-š'əne-re-r

1SG.ABS-REL.IO-LOC-бояться-DYN-ABS

Актантная интерпретация:

a. 'мой друг, которого я боюсь, что они видят' {Xx}

Сирконстантная интерпретация:

b. 'мой друг, которого я боюсь, в то время как они видят (что-то/кого-то/его)' {Xx}

В этом случае семантически прозрачна только сирконстантная интерпретация, в то время как актантная интерпретация представляет собой следствие возможности семантического переосмысления.

Несмотря на наличие таких техник следования жесткой версии требования релятивизации сверху, как вставка актанта и семантическое переосмысление, среди носителей адыгейского языка наблюдается вариативность в том, что касается обязательности этого принципа. Для некоторых это правило абсолютно: какой-либо партиципant должен быть релятивизован в верхней предикации всегда. Для других действует более мягкая версия ограничения:

(4.136) Требование релятивизации сверху (мягкая версия):

При релятивизации партиципанта вложенной предикации и наличии кореферентного ему партиципанта в верхней предикации последний должен быть также релятивизован.

Основное отличие мягкой версии требования релятивизации сверху от жесткой в том, что она не требует наличия кореферентного партиципанта в верхней предикации; этот принцип относится только к тем случаям, когда такой партиципant уже присутствует. В результате в конструкциях, где в верхней предикации указание на мишень отсутствует, релятивизация только во вложенной предикации данной группой носителей допускается, хотя и не всегда уверенно (по возможности более жесткий принцип все же соблюдается). Ср. (4.137), отличающееся от приведенного выше (4.122) лишь тем, что в верхней предикации отсутствует указание на бенефицианта:

(4.137) *сипхъорэльфэу шъхъантэ къызфэсцэфынэу ськӀоцтыгъэр*

s-jə-pχ^wereɮf-ew šhante qə-z-fe-s-š'efə-n-ew

1SG.PR-POSS-внук-ADV подушка DIR-REL.IO-BEN-1SG.A-покупать-MOD-ADV

sə-ɰ^we-š'tə-we-r

1SG.ABS-идти-AUX-PST-ABS

‘мой внук, которому я шла купить подушку’ {Xx}

Мягкая версия требования релятивизации сверху в большей степени распространена среди младшего поколения носителей языка и, возможно, является следствием переосмысления построения в качестве обычной относительной конструкции.

Вне зависимости от описанной вариативности, если в верхней предикации релятивизация уже маркирована, во вложенной предикации она может и не происходить. Например, в (4.138) релятивный префикс обязан присутствовать в сказуемом верхней предикации, но его наличие во вложенной предикации факультативно:

(4.138) *у(зы)уцыпсэоу мэлакІэ узымылІэцтыр / *узымылІэцтыр*
 wə-(zə-)š'ə-psew-ew melač'e
 2SG.ABS-REL.IO-LOC-жить-ADV голод
 wə-z-š'ə-mə-λe-š'tə-r /
 2SG.ABS-REL.IO-LOC-NEG-умереть-FUT-ABS
 *wə-š'ə-mə-λe-š'tə-r
 2SG.ABS-REL.IO-LOC-NEG-умереть-FUT-ABS
 '(место), находясь в котором с голоду не умрешь' {Xx}

Таким образом, на первый взгляд, здесь действует принцип, аналогичный описанному выше для релятивизации кореферентных партиципантов в простом предложении: синтаксические роли не равноправны в том, что касается обязательности их релятивизации и/или их способности связывать другие актанты. В частности, при релятивизации актанта, имеющего роль и в верхней, и во вложенной предикациях, предпочтение по релятивизации отдается той роли, которую он имеет в верхней предикации. И все же, имеется и аргументы против такой простой трактовки, которые излагаются в следующем разделе.

4.4.3. РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ИЗ ЗАВИСИМЫХ КЛАУЗ VS. МНОЖЕСТВЕННАЯ РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ

Дистантная релятивизация отличается от множественной релятивизации, описанной в разделе 4.3.2, по ряду признаков.

Во-первых, следование принципу обязательности релятивизации актанта верхней предикации может приводить к весьма специфическим конструкциям. Существенно, что явления, подобные вставке актанта или переосмыслению конструкции, не наблюдаются при множественной релятивизации в пределах простого предложения.

Во-вторых, выявленный в разделе 4.3.2 запрет на кореферентность релятивизируемой мишени и абсолютивного актанта для конструкций с релятивизацией из вложенных предикаций не действует. Так, в (4.139) кореферентны абсолютивный актант вложенной предикации и не прямой объект

верхней предикации, а в (4.140) — релятивизованный агент вложенной предикации и абсолютный актант верхней предикации²⁶:

(4.139) *сuнuбджыгъоу алъэгъунэу сызыщыщынэрэр*
s-jə-nəbʒʹəw^w-ew а-лєв^wə-n-ew
1SG.PR-POSS-друг-ADV 3PL.A-видеть-MOD-ADV
сə-zə-šʹə-šʹəne-re-r
1SG.ABS-REL.IO-LOC-бояться-DYN-ABS
'мой друг, которого я боюсь, что они увидят' {Xx}

(4.140) *цыфэу къэрабгъэ хъун зымылъэкъынэу тлътэрэр*
çəf-ew qərabvə χ^wə-n zə-mə-лєçʹə-n-ew
человек-ADV трусливый случаться-MOD REL.A-NEG-мочь-MOD-ADV
t-λəte-re-r
1SG.A-считать-DYN-ABS
'человек, который, как мы считаем, трусливым быть не может' {Xx}
Букв.: 'человек, который мы считаем, что трусливым быть не может'

В-третьих, при дистантной релятивизации допустимо расположение семантической вершины между вложенной предикацией, содержащей релятивный префикс, и сказуемым верхней предикации:

²⁶ Поскольку релятивизация абсолютного актанта не получает формального выражения, в обоих примерах ее присутствие основывается на некоторых допущениях, которые могут быть оспорены: в (4.139) — на допущении, согласно которому если релевантный участник имеет роль во вложенной предикации, то релятивизация отсюда всегда возможна а в (4.140) — на допущении, что релятивизация сверху необходима. Подчеркнем, что (4.140) допускалось всеми нашими консультантами, включая тех, кто придерживался жесткой версии требования релятивизации сверху. Если это требование выполняется всегда, надо признать (как мы и делаем), что в этом примере абсолютный актант действительно релятивизован.

sə-zə-fa.je-r

1SG.ABS-REL.IO-хотеть-ABS

‘мой брат, в отношении которого я хочу, чтоб он завтра написал контрольную’ {Xx}

Такое положение семантической вершины, которая, казалось бы, должна была бы относиться к верхней предикации, получает простое объяснение, если эта группа принадлежит другой относительной конструкции, вложенной в верхнюю.

Итак, по-видимому, дистантная релятивизация — не случай множественной релятивизации и должна описываться как совмещение нескольких относительных конструкций. Можно предположить, что дистантная релятивизация предполагает две отдельные операции релятивизации — одну, касающуюся актанта вложенной предикации, и другую, затрагивающую актант верхней предикации²⁷.

4.5. Выводы

Несмотря на то, что адыгейский язык задействует почти исключительно морфологию для определения релятивизуемой роли, в нем могут релятивизовываться все основные роли простого предложения. Очевидно, что заслуга в этом принадлежит не столько самим адыгейским относительным конструкциям, сколько общим свойствам адыгейской морфологии, которая помимо ядерных ролей может выражать также и многие периферийные роли. Не исключено, что с морфологичностью адыгейской релятивизации следует связывать допустимость одновременной релятивизации нескольких кореферентных актантов, описанную в разделе 4.3.2. С одной стороны, адыгейский язык использует очевидные аналоги относительных местоимений, позволяющие четко указывать релятивизуемую роль, с другой стороны, то, что эти показатели функционируют на уровне морфологии, приводит к тому, что

²⁷ В терминах генеративных теорий можно утверждать, что дистантная релятивизация происходит циклически. Детали формального представления данных конструкций, однако, находятся за пределами нашего рассмотрения.

разные показатели не должны взаимодействовать между собой на уровне синтаксиса.

Впрочем, релятивизация в адыгейском языке еще более расширяет возможности, предоставляемые морфологией независимых предложений, позволяя вводить фиктивные роли, которые не выражаются морфологически в независимых предложениях (разделы 4.2.2—4.2.5). Это увеличивает и набор функций самой относительной конструкции: допуская релятивизацию факта, времени, образа действия и т.д., адыгейский язык начинает использовать относительные конструкции там, где многие другие языки используют обстоятельственные предложения, номинализации — например, при выражении временных сирконстантов, а также в конструкциях с сентенциальными актантами. Не исключено, что эти конструкции могут в дальнейшем терять свойства относительных конструкций, а маркеры используемых в них специфических форм (например, *zere-*, обсуждаемый в разделах 4.2.3 и 4.2.4) могут переосмысливаться как морфологически неразложимые показатели.

Как и многие другие языки, адыгейский накладывает ограничения на релятивизацию из особо сложных структур; в первую очередь речь идет об островных ограничениях (см. раздел 4.2.1). Вместе с тем, как было показано в разделе 4.4, здесь все же имеется способ релятивизации партиципантов некоторых вложенных предикаций, основанный, однако, на совмещении нескольких относительных конструкций.

Глава 5.

Диалектная вариативность адыгейской релятивизации (на примере шапсугского диалекта)

5.1. Вводные замечания

В предыдущих главах речь шла о релятивизации в литературном адыгейском языке и в темиргоевском диалекте, на котором литературный язык основан. В то же время адыгейские диалекты могут обнаруживать вариативность в том, что касается построения относительных конструкций. В этой главе этот вопрос обсуждается на материале шапсугского диалекта — в том виде, в каком он представлен в ауле Агуй-Шапсуг Краснодарского края. Как мы увидим, рассматриваемый говор демонстрирует существенные морфологические и синтаксические особенности, которые, впрочем, лишь подтверждают основные выводы касательно адыгейских относительных конструкций, сделанные выше¹.

Шапсугский диалект описан явно недостаточно. Несмотря на то, что в литературе представлены два монографических описания шапсугского адыгейского — [Керашева 1957] и [Smeets 1984] — ряд вопросов грамматики этой адыгейской разновидности остаются нерешенными. Так, в описании З.И. Керашевой лишь минимально затронут шапсугский синтаксис (преимущественно в связи с функциями морфологических единиц). Кроме того, несмотря на отмеченное исследователем противопоставление простых (или придыхательных), преруптивных, абруптивных и звонких согласных, которое отсутствует в литературном адыгейском, оно лишь частично отображено в грамматической части описания. То же еще в большей степени можно сказать о монографии Р. Сметса, в которой автор стремился описать морфонологию и морфологию речи шапсугов, проживающих в турецком районе (иле) Дюздже. Судя по материалам Р. Сметса, в речи шапсугов Дюздже контраст между преруптивами и абруптивами отсутствует и при этом есть оппозиция между [š] и [š'], типичная

¹ Настоящая глава основана преимущественно на статье [Lander 2010b].

для прочих диалектов, но в других известных шапсугских говорах отсутствующая. Более того, фактически Сметс описывает морфологию говора, близкого к темиргоевскому диалекту, хотя и упоминает специфически шапсугские аффиксы.

Лингвистическая ситуация, наблюдавшаяся нами во время полевой работы в Агуй-Шапсуге, была совершенно неоднозначна. Хотя в какой-то мере адыгейским языком владели как старшие поколения, так и молодежь, речь представителей младших поколений, использующих в повседневной жизни практически исключительно русский язык, обнаруживала значительное разрушение как фонологической системы (в частности, потерю оппозиции преруптивов и абруптивов), так и грамматической системы, а также потерю большей части адыгейского словарного запаса. С учетом того, что наблюдается в других селениях причерноморских шапсугов, можно констатировать, что шапсугский диалект адыгейского языка на территории России является исчезающим в понимании [Кибрик 1992: Гл. 7]²; не случайно, краткое описание языка шапсугов вошло в «Красную книгу» языков народов России, включающую базовую информацию по языкам, над которыми нависла угроза исчезновения [Кумахов 2002].

Хотя речь молодого поколения в описанной выше ситуации, разумеется, представляет самостоятельный интерес, в изложенном в этой главе исследовании мы ориентировались на речь старшего и среднего поколения как на разновидность, в большей степени следующей «духу и букве» адыгейского языка.

Основная часть главы состоит из четырех разделов. В разделе 5.2 излагаются черты шапсугских относительных конструкций, которые в целом схожи с тем, что наблюдается в литературном адыгейском языке. Раздел 5.3 посвящен особому выражению динамичности в шапсугских релятивах. В разделе 5.4 представлены относительные конструкции, обнаруженные нами в шапсугском

² Упомянутая работа обсуждает в первую очередь исчезающие языки, но та же проблема стоит и для многих диалектов, в том числе для диалектов вроде адыгейского шапсугского, которые значительно отличаются от стандарта языка. Заметим вскользь, что лингвистическое разнообразие на Западном Кавказе представляется нам до сих пор недооцененным. Это, в частности, приводит к тому, что абхазо-адыгские языки (за исключением вымершего убыхского) не упоминаются в работах, посвященных проблеме исчезновения языков на территории бывшего СССР вроде [Kazakevich, Kibrik 2007].

диалекте, но отсутствующие в литературном языке. В разделе 5.5 обсуждаются шапсугские особенности, связанные с релятивизацией разных мишеней. Последний раздел содержит выводы.

5.2. «Стандартные» черты шапсугских относительных конструкций

Во многом шапсугские относительные конструкции следуют схемам, которые были изложены в предыдущих главах. Как и в литературном адыгейском языке, в шапсугском диалекте противопоставляются немаркированная стратегия (5.1) и прономинальная стратегия (5.2)—(5.5)³.

Немаркированная стратегия

- (5.1) a. wəʃ:enə-xe t:jə-č:əle qe-ḵ^wa-ve-x
 ученый-PL 1PL.PR-POSS-село DIR-идти-PST-PL
 ‘В наше село приехали ученые’. {АШ}
- b. wəʃ:enə-x-ew t:jə-č:əle qe-ḵ^wa-ve-xe-me
 ученый-PL-ADV 1PL.PR-POSS-село DIR-идти-PST-OBL:PL
 ‘ученые, которые приехали в наше село’ {АШ}

Прономинальная стратегия

- (5.2) a. psəḵ^w-m s-jə-xat:ε zewəʒə ə-ve-ḵ^wedə-ʋ
 река-OBL 1SG.PR-POSS-огород все 3SG.A-CAUS-исчезнуть-PST
 ‘Река уничтожила весь мой огород’. {АШ}
- b. psəḵ^w-ew s-jə-xat:ε zewəʒə zə-ve-ḵ^wedə-ve-r
 река-ADV 1SG.PR-POSS-огород все REL.A-CAUS-исчезнуть-PST-ABS
 ‘река, которая уничтожила весь мой огород’ {АШ}

³ При использовании прономинальной стратегии релятивизации относительный префикс иногда выглядит как *zjə-*.

- (5.3) a. s-jə-pχ^wereλf a-r Ø-je-s-ʔ^wa-в
 1SG.PR-POSS-внук тот-ABS 3SG.IO-DAT-1SG.A-говорить-PST
 ‘Я рассказал это своему внуку’. {АШ}
- b. s-jə-pχ^wereλf-ew a-r z-e-s-ʔ^wa-ве-г
 1SG.PR-POSS-внук-ADV тот-ABS REL.IO-DAT-1SG.A-говорить-PST-ABS
 ‘мой внук, которому я об этом рассказал’ {АШ}
- (5.4) a. mə ха^ŝwе-г а-f-a-wəqebzə-в ležək^we.p:sewaq^we-me
 этот поле-ABS 3PL.IO-BEN-3PL.A-чистить-PST крестьянин-OBL:PL
 ‘Это поле очистили для крестьян’. {АШ}
- b. ležək^we.p:sewaq^w-ew ха^ŝwе-г zə-f-a-wəqebzə-ве-me
 крестьянин-ADV поле-ABS REL.IO-BEN-3PL.A-чистить-PST-OBL:PL
 ‘крестьяне, для которых очистили это поле’ {АШ}
- (5.5) a. а wəne-xe-me ja-ŝhanɣ^wəp:č'e-xe-г jəпə-x
 тот дом-PL-OBL:PL 3PL.PR + POSS-окно-PL-ABS большой-PL
 ‘Окна этих домов — большие’. {АШ}
- b. wəп-ew z-jə-ŝhanɣ^wəp:č'e jəпə-xe-г
 дом-ADV REL.PR-POSS-окно большой-PL-ABS
 ‘дома, у которых большие окна’ {АШ}

Также допустима множественная релятивизация: в (5.6) релятивизованы посессор абсолютивного актанта и агенс.

- (5.6) čal-ew z-jat:e zə-лeв^wə-ве-г
 парень-ADV REL.PR-POSS + отец REL.A-видеть-PST-ABS
 ‘парень, который увидел своего (букв.: чьего) отца’ {АШ}

Примеры (5.7) демонстрируют, что шапсугский диалект демонстрирует ожидаемое распределение показателей отрицания: в то время как в независимых предложениях обычно возникает суффиксальное отрицание, в относительных —

префиксальное. Впрочем, и в этом диалекте отрицательный префикс допускается и в сказуемых независимых предложениях (5.8).

- (5.7) a. s-jə-pχ^wereλf jə-zaq^w:-ew šk:olə-m re-ķ^we-r-ep
 1SG.PR-POSS-внук LOC-один-ADV школа-OBL DYN-идти-DYN-NEG
 ‘Мой внук не ходит в школу один’. {АШ}
- b. s-jə-pχ^wereλf-ew jə-zaq^w:-ew šk:olə-m re-mə-ķ^we-re-r
 1SG.PR-POSS-внук-ADV LOC-один-ADV школа-OBL DYN-NEG-идти-DYN-ABS
 ‘тот мой внук, который не ходит в школу один’ {АШ}

- (5.8) češə maf-jə re-mə-ṭəsə-в, re-laže-štə-в
 ночь день-ADD DYN-NEG-садиться-PST DYN-работать-AUX-PST
 ‘Днями и ночами он не присаживался, работал’. {Юноша и Бог}

В то же время шапсугский диалект обнаруживает необычное маркирование динамических глаголов (раздел 5.3).

Как и в литературном языке, в полной относительной конструкции семантическая вершина выступает как синтаксическая вершина именной группы и следует за релятивом, причем сказуемое относительного предложения может быть как инкорпорированно, так и не инкорпорированно в именной комплекс семантической вершины:

- (5.9) a. ag^wəja.pe re-ķ^wa-ве çəf-e
 Агой DYN-идти-PST человек-ABS
- b. ag^wəja.pe re-ķ^we-ве-çəf-e
 Агой DYN-идти-PST=человек-ABS
 ‘человек, который поехал в Агой’ {АШ}

Также присутствует конструкция с вложенной семантической вершиной, оформленной показателем -ew. Позиция семантической вершины следует ограничениям, рассмотренным в разделе 3.3.3: она не располагается в области

релятивизации, включающей сказуемое релятива, абсолютивную именную группу и любую составляющую, содержащую относительный префикс:

- (5.10) a. *jat:e čal-ew zə-λeβ^wə-βe-r
 POSS + отец парень-ADV REL.A-видеть-PST-ABS
 b. čal-ew jat:e zə-λeβ^wə-βe-r
 парень-ADV POSS + отец REL.A-видеть-PST-ABS
 ‘парень, увидевший своего отца’ {АШ}

- (5.11) a. *z-jə-wəna-šha wəp-ew q^wəta-βe-r
 REL.PR-POSS-дом=голова дом-ADV ломать-PST-ABS
 b. wəp-ew z-jə-wəna-šha q^wəta-βe-r
 дом-ADV REL.PR-POSS-дом=голова ломать-PST-ABS
 ‘дом, у которого сломана крыша’ {АШ}

Помимо двух описанных способов введения семантической вершины имеются и другие, не свойственные литературному языку; см. раздел 5.4.

5.3. Морфологические особенности: динамические показатели

Шапсугский диалект адыгейского языка отличается наличием динамического префикса *re-*. Правила появления этого префикса обнаруживают вариативность. Подобно алломорфу динамического префикса *te-*, показатель *re-* наблюдается только у динамических глаголов, в которых отсутствуют выраженные показатели в зоне актантной структуры. Большинство наших консультантов использовали *re-* только в контекстах, в которых *te-* появиться не может, то есть в сказуемых независимых предикаций настоящего времени или с суффиксальным отрицанием и в сказуемых подчиненных предикаций независимо от времени⁴ (см., например, предложения 5.7—5.9, 5.12). В подобных контекстах *re-* обычно факультативен.

⁴ Следует оговориться, что сочетаемость префикса *re-* со всеми временами и всеми подчиненными контекстами не проверялась.

Часть консультантов допускали появление префикса *re-* вместо *te-*, то есть в глаголах настоящего времени без выраженной зоны актантной структуры; ср. также пример из текста:

- (5.12) qə-z-e-wəc^{wə}-m p:šaše-g^{were} re-^{wə} re-^{wə}
 DIR-REL.TMP-DYN-встать-OBL девушка-некий DYN-рыдать DYN-рыдать
 ə-^{wə}-ew...
 3SG.A-видеть-ADV
 ‘Когда остановился, увидел — какая-то девушка рыдает...’
 {Юноша и Бог}

В этом случае появление префиксов *te-* или *re-*, судя по всему, обязательно.

В отличие от *te-*, показатель *re-* встречается в сказуемых относительных предложений, независимо от времени. В (5.13a) этот префикс наблюдается в релятивном сказуемом настоящего времени, которое одновременно содержит и динамический суффикс *-re*, а в (5.13b) — в имперфектном релятивном сказуемом:

- (5.13) a. re-bəbə-re bzəwe-r
 DYN-летать-DYN птица-ABS
 ‘летающая птица’ {АШ}
 b. re-bəbə-štə-^{wə} bzəwe-r
 DYN-летать-AUX-PST птица-ABS
 ‘летевшая птица’ {АШ}

Как динамический префикс *re-*, так и динамический суффикс *-re* факультативны. Следующие варианты словосочетания ‘летающая птица’ признаются возможными наравне с (5.13a):

- (5.14) a. re-bəbə bzəwe-r
 DYN-лететь птица-ABS
 b. bəbə-re bzəwe-r
 лететь-DYN птица-ABS

с. bəbə bzəwe-r
 лететь птица-ABS
 {АШ}

Впрочем, вариант с одним динамическим суффиксом (5.14b) хотя и допустим, но эксплицитно оценивался консультантами как присущий другим адыгейским диалектам. Последний вариант, который не содержит показателей динамичности, некоторым носителям кажется сомнительным, хотя З.И. Керашева [1957: 274] приводит аналогичный пример сказуемого релятива без динамических показателей *kʷe-r* [идти-ABS] ‘идуший’.

Очевидно, что динамический суффикс в шапсугском диалекте нельзя считать показателем причастия, так как он факультативен, а значит, не определяет синтаксические характеристики сказуемого относительного предложения. Эту функцию не выполняет и динамический префикс *ge-*, который регулярно используется вне относительных конструкций (в том числе в независимых предложениях) и, кроме того, как и динамический суффикс, в релятивах факультативен. Эта картина соответствует сделанному в главе 2 выводу о том, что для адыгейского языка невозможно постулировать морфологии, специфической для сказуемых относительного предложения.

5.4. Новые относительные конструкции

Уже в речи среднего поколения в говоре Агуй-Шапсуга обнаруживаются дополнительные относительные конструкции, которые, судя по всему, являются результатом развития конструкций, описанных выше.

Во-первых, здесь встречается полная относительная конструкция, в которой падежное оформление получают как семантическая вершина, так и сказуемое релятива:

(5.15) [t:xe-m t:a-te-m wəne-m] se-šə-ʔ
 гора-OBL LOC-стоять-OBL дом-OBL 1SG.ABS-LOC-быть
 ‘Я живу в доме, располагающемся на горе’. {АШ}

Эта конструкция может описываться как согласование определения по падежу с определяемым, хотя в других фрагментах грамматики адыгейской именной группы такое не обнаруживается. С другой стороны, (5.15) дает повод предположить, что полная относительная конструкция допускает переосмысление в качестве аппозитивной. Другими словами, можно допустить, что здесь имеется свободный релятив, который формирует полную именную группу и одновременно примыкает к семантической вершине — в силу того, что имена и глаголы (в данном случае — релятивное сказуемое) имеют сходную синтаксическую дистрибуцию оба могут возглавлять именную группу (раздел 1.7.2).

Во-вторых, в говоре Агуй-Шапсуга зафиксирована конструкция с вложенной семантической вершиной, в которой последняя не оформлена маркерами синтаксической функции:

- (5.16) [t:xe-m wəne t:a-te-m] se-šə-ʔ
 гора-OBL дом LOC-стоять-OBL 1SG.ABS-LOC-быть
 ‘Я живу в доме, располагающемся на горе’. {АШ}

В-третьих, вложенная семантическая вершина в речи ряда носителей говора Агуй-Шапсуга может быть оформлена абсолютивом или косвенным падежом:

- (5.17) [det:sk:isadik:ə-m čef-ew čale-xe-r šə-g'eg^wə-в^we-štə-ve-xe-r]
 детский.сад-OBL веселый-ADV парень-PL-ABS LOC-играть-ITER-AUX-PST-PL-ABS
 fw-ew re-k^we-в^we-štə-в
 большой-ADV DYN-кричать-ITER-AUX-PST
 ‘Дети, которые весело играли в детском саду, громко кричали’. {АШ}

- (5.18) [sadik:ə-m-g'e medsestr:ra-r / *medsestr:ra-m ʔ^wefə
 детский.сад-OBL-INS медсестра-ABS медсестра-OBL работа

zə-da-ʔa-čə-re-r]

nəbžəče

REL.IO-COM-LOC-1SG.A + делать-DYN-ABS молодой

‘Медсестра, с которой я работала в детском саду, — молодая’. {АШ}

(5.19) se s-j-e-pλ

[ble-m / *ble-r re-č:əje-re-m]

я 1SG.ABS-DAT-DYN-смотреть змея-OBL змея-ABS DYN-спать-DYN-OBL

‘Я смотрю на спящую змею’. {АШ}

Последние два примера (5.18)—(5.19) показывают, что падеж, которым маркируется семантическая вершина, — это падеж матричной группы, а не падеж, управляемый сказуемым относительного предложения. В (5.18) в абсолютивной группе семантическая мишень, соответствующая комитативной роли (введенной превербом в сказуемом релятива), не допускает маркирования косвенным падежом и требует абсолютива. В (5.19), наоборот, в косвенной матричной группе при релятивизации абсолютивного актанта вложенная семантическая вершина оформляется косвенным падежом, но не абсолютивным.

Насколько нам известно, относительные конструкции с вложенной вершиной, маркированной падежом матричной группы, в языках мира не зафиксированы. Таким образом, конструкция, представленная в (5.17)—(5.19), возможно, представляет собой уникальное явление. Можно предположить, что она развилась из иллюстрированной в (5.15) полной относительной конструкции с оформленным падежом релятивным сказуемым — тогда это пример «перемещения» внешней семантической вершины внутрь относительного предложения. В то же время, если мы все же принимаем эту конструкцию за потомка относительной конструкции с вложенной семантической вершиной, которая разбирается в разделе 3.3, не исключено, что сама возможность маркирования этой вершины падежом матричной именной группы является следствием «внешних» свойств вложенной вершины (см. раздел 3.3.3). Естественно, с большой вероятностью данная конструкция — это попросту контаминация полной относительной конструкции и конструкции с вложенной семантической вершиной.

Легко заметить, что эти особенности шапсугских относительных конструкций касаются сферы использования показателей и не нарушают наши общие представления о механизмах построения относительных конструкций в адыгейском языке.

Помимо отличий, выявленных З.И. Керашевой, следует указать еще на то, что в шапсугском диалекте более последовательно выполняется ограничение, которое запрещает релятивизацию посессора неабсолютивного партиципанта. При попытке релятивизации такого посессора, как правило, происходит перестройка относительного предложения с использованием инвертированного псевдоклефта. Такая структура придает объекту обладания статус абсолютивного актанта:

(5.22) çəfə-x-ew z-jə-çele-çəḵ^w ᶑaheḵ-er
 человек-PL-ADV REL.PR-POSS-парень=маленький забор-ABS
 zə-q^wətə-ve-xe-me
 REL.A-ломать- PST-PL-OBL:PL
 ‘люди, дети которых сломали забор’
 (букв. ‘люди, дети которых были теми, кто сломал забор’) {АШ}

(5.23) çəf-ew z-jə-çele-çəḵ^w txəl
 человек-ADV REL.PR-POSS-парень=маленький книга
 qə-ze-r-a-mə-tə-ve-xe-r
 DIR-REL.IO-DAT-3PL.A-NEG-давать-PST-PL-ABS
 ‘люди, детям которых не дали книги’
 (букв.: ‘люди, дети которых были теми, кому не дали книги’) {АШ}

(5.24) faḵ^w-ew z-jə-mašjəne se ade
 водитель-ADV REL.PR-POSS-машина я там
 sə-ze-re-ḵ^we-va-ve-r
 1SG.ABS-REL.IO-INSTR-идти-PST-PST-ABS
 ‘водитель, в машине которого я туда поехал’
 (букв.: ‘водитель, машина которого была тем, чем я туда поехал’) {АШ}

В некоторых случаях подобная перестройка относительного предложения невозможна. Так, допустимая в литературном языке конструкция с множественной релятивизацией, при которой посессор неабсолютного партиципанта кореферентен с одним из актантов релятивного сказуемого и оба они маркированы как релятивизованные, в шапсугском диалекте построена быть не может — кореферентный посессор не маркируется релятивным префиксом:

- (5.25) čal-ew jat:e / *z-jat:e wəne
 парень-ADV POSS + отец REL.PR-POSS + отец дом
 fə-zə-ʃe-re-r
 BEN-REL.A-делать-DYN-ABS
 ‘парень, который строит дом для своего/его отца’ {АШ}

В (5.25) перестройка предложения в инвертированный псевдоклефт невозможна, поскольку сказуемое уже содержит релятивный префикс.

Впрочем, в отдельных случаях релятивизация посессора неабсолютного партиципанта при невозможности перестройки относительного предложения все же допустима. Так обстоит дело с релятивизацией посессора партиципанта, который сам имеет грамматическую функцию посессора одного из актантов относительного предложения:

- (5.26) çəf-ew z-jat:e jə-wəne
 человек-ADV REL.PR-POSS + отец POSS-дом
 s-∅-je-p:λə-re-r
 1SG.ABS-3SG.IO-DAT-смотреть-DYN-ABS
 ‘человек, на дом отца которого я смотрю’ {АШ}

Можно констатировать, что ограничение на релятивизацию посессора в говоре аула Агуй-Шапсуг развито больше, чем в литературном языке и в темиргоевском диалекте (хотя оно встречается и там). Тем не менее и в шапсугском диалекте можно отыскать случаи нарушения данного запрета.

5.6. Выводы

В плане организации относительных конструкций шапсугский диалект адыгейского языка (в том виде, в каком на нем говорит взрослое население аула Агуй-Шапсуг) обнаруживает существенные особенности по сравнению с литературным адыгейским языком. Специфика шапсугских относительных конструкций — помимо особенностей, связанной исключительно с внешним видом показателей — связана со следующими чертами:

- наличие особого префикса динамичности *re-*, распределение которого не совпадает с дистрибуцией префикса динамичности в литературном адыгейском языке; в частности, шапсугский диалект допускает появление префикса *re-* в сказуемых релятивов; суффикс динамичности в релятивных контекстах факультативен;
- возможное оформление сказуемого релятива в полной относительной конструкции падежом матричной именной группы;
- наличие конструкции с неоформленной вложенной семантической вершиной;
- наличие конструкции с линейно вложенной семантической вершиной, которая маркирована падежом матричной группы;
- более последовательно выполняемый — по сравнению с литературным адыгейским языком и темиргоевским диалектом — запрет на релятивизацию посессора неабсолютивного партиципанта (впрочем, в определенных условиях это ограничение нарушается и в шапсугском диалекте).

Часть этих особенностей, вероятно, представляют собой локальное развитие, отчасти обусловленное угасанием шапсугского диалекта в Агуй-Шапсуге. Однако нам кажется крайне важным, что многие из перечисленных черт делают более явными выводы, сделанные нами для литературного адыгейского языка. Так, шапсугский диалект эксплицитно показывает, что суффикс динамичности нельзя считать признаком относительной конструкции, а возможность оформления линейно вложенной вершины падежом матричной

группы естественно связывать с теми «внешними» свойствами, которые мы выявили для вложенной вершины в разделе 3.3.3.

Вместе с тем, эта глава лишний раз подчеркивает, что отказ от учета диалектных данных при описании грамматики может привести к существенной недооценке возможностей лингвистического разнообразия.

Глава 6.

Типологическая перспектива

6.1. Вводные замечания

В этой главе описывается типологический контекст ряда нетривиальных явлений, связанных с релятивизацией в адыгейском языке. Нас будут интересовать пять тем:

- типология относительных конструкций, использующих некатегориальное подчинение (раздел 6.2);
- инкорпорация сказуемого относительного предложения в его семантическую вершину (раздел 6.3);
- степень спаянности семантической вершины и относительного предложения и проблема противопоставления относительных конструкций с вложенной вершиной другим релятивным структурам (разделы 6.4—6.5);
- множественная релятивизация (раздел 6.6);
- специфическое оформление дистантной релятивизации — релятивизации из вложенных предикаций (раздел 6.7).

Мы не ставим себе задачей дать полный обзор всех вопросов, поднимаемых этими явлениями, и тем более предложить их решение. Скорее наоборот, для большинства этих тем мы формулируем вопросы, нуждающиеся в дальнейшей проработке. Соответственно, разделы этой главы следует воспринимать лишь как эскизы, затрагивающие крупные типологические темы, каждая из которых претендует на отдельное исследование, выходящее за рамки этой работы.

Тем не менее и для этих тем мы надеемся предоставить достаточно общую картину, в рамках которой можно определить место адыгейских явлений.

6.2. Некатегориальное подчинение в релятивизации

6.2.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В главе 2 мы высказали утверждение, что адыгейские относительные конструкции не задействуют особые показатели или морфологические формы для выражения подчинения и, таким образом, представляют собой случай некатегориального подчинения. В этом разделе мы обсудим типологию некатегориального подчинения относительных предложений в языках мира.

Некатегориальное подчинение для полипредикативных конструкций можно определить так:

Подчинительная полипредикативная конструкция представляет собой некатегориальное подчинение, если ни вершина зависимой предикации, ни непосредственно вышестоящая вершина не свидетельствуют о подчинении.

Таким образом, определение некатегориального подчинения затрагивает исключительно параметр маркирования синтаксической зависимости. Специально отметим, что речь не идет о том, что зависимой предикации должна быть приписана та же синтаксическая категория, что и независимому предложению.

Конструкции, в которых есть вершинный элемент, определяющий подчиненный статус образуемой им или подчиненной ему синтаксической группы, понимается как категориальное подчинение, поскольку такой элемент способен определять синтаксическую категорию группы. В относительных конструкциях под такое подчинение подпадают:

(i) конструкции, включающие нефинитные формы глагола (независимо от того, специфицируются ли они на функции определения или нет), как в абхазском языке, где есть нефинитный ряд глагольных форм, которые используются как в относительных предложениях, так и в других полипредикативных конструкциях [Hewitt 1979b; 1979c: 201ff; 1987: 10—11]:

Абхазский (абхазо-адыгская семья)

- (6.1) a-para zə-s-ta-z
DEF-деньги REL.IO-1SG.A-давать-PST:NFIN
'тот, кому я отдал деньги'

(ii) конструкции, в которых зависимая предикация вводится подчинительным союзом:

Английский (индоевропейская семья)

- (6.2) *the sentence that uses every letter of the alphabet*
'предложение, которое использует каждую букву алфавита'

(iii) конструкции, в которых наличие подчинительной связи в относительных конструкциях маркируется на имени-вершине именной группы, как в некоторых курдских языках (6.3) или даже относительным местоимением, которое явно не принадлежит релятиву, как в классическом арабском языке, где относительное местоимение маркируется падежом матричной группы (6.4):

Бахдинанский курдский (индоевропейская семья)

- (6.3) tišt'-ē min day-av hinga
вещь-EZ:PL я:OBL давать:PST-POSTV вы:OBL
'вещи, которые я вам отдал' [Haig 2011]

Классический арабский (афразийская семья)

- (6.4) ḡā'-a l-fallāḥ-āni l-laḥ-āni
прийти.АКТ.PST-3SG:M DEF-крестьянин-NOM:DU DEF-который-NOM:DU
ra'ay-tu-humā bi-l-'ams-i
видеть.АКТ.PST-1SG-3DU:M.OBJ INS-DEF-вчера-GEN
'Пришли два крестьянина, которых я видел вчера'.
[Зализняк, Падучева 1975/1997: 63]

У прочих конструкций уже есть основания быть отнесенными к некатегориальному подчинению (см., однако, раздел 6.2.3).

6.2.2. ПРИМЕР НЕКАТЕГОРИАЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ: УДИНСКИЕ РЕЛЯТИВЫ

В качестве примера некатегориального подчинения рассмотрим данные ниджского диалекта удинского языка (см. подробнее [Ландер 2007b; 2008])¹.

Основная относительная конструкция в удинском языке, ниже именуемая препозитивной, включает (при наличии семантической вершины) относительную предикацию, предшествующую определяемому имени. Ср. примеры:

Удинский (нахско-дагестанская семья)

- (6.5) t:e vaχt: beIšI udi-n muz-in sam-uruχ=al
тот время мы:GEN удин-GEN язык-GEN письмо-PL=ADD
bak-e-ne, [bip:imži — qomži bačIusen-ast:a fikir-b-i
быть-PERF=3SG четвертый пятый столетие-AD думать-LV-AOR
sam-uruχ]
письмо-PL

‘В древности у нас удинская письменность тоже была, в IV—V веках придуманные письма’.

- (6.6) ... [bava-n uk:-ala χüjār-a-l] haq:-e-t:un
отец-ERG говорить-FUT2 девушка-DAT=ADD брат-PERF=3PL
‘...брали (в жены) девушку, которую скажет отец’.

¹ Во всех диалектах удинского языка, то есть в ниджском и варташенском, есть конструкция с относительным местоимением (см., в частности, [Gippert 2011]), которая, вероятно, явилась результатом контакта удинского языка с генетически не родственными языками; в ниджских текстах эта конструкция появляется значительно реже, чем описываемая препозитивная конструкция. В варташенском диалекте препозитивная конструкция отличается от ниджской. Далее в этом разделе, когда говорится об удинском языке, речь идет только о ниджском диалекте, если не оговорено другое.

Многие описания удинского языка постулирует особые глагольные формы, которые выступают в качестве релятивного сказуемого, — причастия (см., например, [Harris 2002; Майсак 2008]). Между тем, как было отмечено еще В. Шульце [Schulze 1982: 186], выделение в удинском языке категории причастия проблематично, поскольку в формах релятивных сказуемых нет специфического маркирования.

В ниджском диалекте удинского языка с семью видо-временными формами в независимых предложениях соотносятся две формы — прошедшего времени (-*i*) и непрошедшего времени (-*ala*) — в относительных предложениях (см. таблицу 6-1). Эти формы совпадают с независимыми формами аориста и так называемого будущего II, имеющего оттенок долженствования. Формы с суффиксами -*i* и -*ala* имеют разную дистрибуцию в независимых предложениях и относительных конструкциях, но это можно трактовать как нейтрализацию видо-временных противопоставлений в относительных конструкциях. Таким образом, независимые и релятивные формы на -*i* и -*ala* могут быть отождествлены, и в отсутствие других показателей подчинения для ниджского диалекта удинского языка можно говорить о некатегориальном подчинении.

Базовые глагольные формы — глагольные формы в независимых индикативных предикациях	Глагольные формы в относительных предикациях
Аорист (- <i>i</i>)	Прошедшее (- <i>i</i>)
Перфект (- <i>e</i>)	
Перфект II (- <i>ijo</i>)	
Презенс (- <i>sa</i>)	Непрошедшее (- <i>ala</i>)
Будущее I (- <i>al</i>)	
Будущее II (- <i>ala</i>)	
Модальное будущее (- <i>o</i>)	

Таблица 6-1.

Удинские глагольные формы в независимых и относительных предикациях.

Помимо особой видо-временной системы относительные предикации в препозитивной конструкции обнаруживают и иные особенности по сравнению с независимыми предложениями.

- В отличие от независимой предикации, в относительной имеются ограничения на порядок слов: сказуемое практически всегда замыкает релятив.
- В отличие от типичной независимой предикации, в относительной предикации отсутствуют показатели личного согласования; ср. релятивную конструкцию (6.7a) без личного показателя и независимое предложение (6.7b), включающее личный показатель *-e*². Личные показатели могут присоединяться не только к глаголу, но и к другим компонентам предложения (см. в особенности [Harris 2000; 2002]), а значит, они не противопоставляют разные формы глагола³.

Удинский (нахско-дагестанская семья)

(6.7) a. [kiravabad-aχun har-i] joldaš-χo-n=al
Кировабад-AVL приходить-AOR друг-PL-ERG-ADD
'и друзья, которые приехали из Кировабада'

² В ниджском удинском регулярно встречается использование личного показателя 3-го лица единственного числа при согласовании со множественным актантом.

³ Теоретически можно было бы считать в духе работ [Казенин 1997; Kazenin 2002], что личные показатели функционируют в качестве вершины предложения. Тогда препозитивную конструкцию нельзя рассматривать как некатегориальное подчинение, поскольку релятивы могут иметь другую синтаксическую категорию (не определяемую личными показателями), чем независимое предложение. Основные доводы против такой трактовки связаны, во-первых, с тем, что, в отличие от многих других нахско-дагестанских языков, в удинском языке изменение позиции личных показателей и их наличие/отсутствие не меняет форму глагола и, во-вторых, согласно более или менее принятому взгляду (см. [Harris 2000; 2002]), личные показатели могут даже инфигироваться внутрь глагольных форм, чего странно ожидать от синтаксической вершины. Впрочем, описание позиции удинских личных показателей через инфиксацию — не единственно возможное: согласно гипотезе, разрабатываемой Д.С. Ганенковым, Т.А. Майсаком и автором этой работы, то, что принимается в описаниях удинского языка за инфиксацию, — результат переосмысления структуры простых глаголов как состоящих из двух частей.

b. t:aji-n äjl-uχ äsk:ärluv-aχun=e har-e
 брат.матери-GEN ребенок-PL служба-ABL-3SG приходит-PERF
 ‘Дядины дети приехали из армии’.

- Относительные конструкции обнаруживают особенности маркирования партиципантов. В самих релятивах мишень, как правило, не выражается, лишь в очень редких случаях признается допустимость резумптивов (как и в других нахско-дагестанских языках в качестве резумптивов здесь функционируют возвратные местоимения). Кроме того, некоторые партициптанты (в первую очередь — но не исключительно — субъект при непереходном глаголе и агенс и пациенс при переходном глаголе) могут оформляться генитивом. В [Lander 2011], однако, показывается, что в отличие от схожих конструкций в других языках ареала, здесь генитивные группы не входят в релятив.
- Отрицание в релятивах маркируется иначе, чем в большинстве видов независимых предикаций. Для независимых повествовательных предложений типичен показатель отрицания *te* (к которому присоединяется личный показатель). В относительных предикациях используется иной маркер — отрицательная клитика *ni-*.

Итак, подчиненная предикация при некатегориальном подчинении не должна обладать всеми свойствами независимого предложения; единственное требование к ней состоит в том, чтобы не существовало лексической единицы, которая бы вводила эту предикацию и одновременно указывала на ее статус.

В действительности, однако, разграничение двух типов подчинения протекает не гладко и связано с определенными проблемами. Перечислим некоторые из них.

6.2.3. ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ВЫДЕЛЕНИИ НЕКАТЕГОРИАЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ

Первая проблема связана с тем, что формы, признаваемые по ряду признаков нефинитными, иногда могут, тем не менее, выступать и в качестве сказуемых независимых предложений (см. в первую очередь [Калинина 2001]). В таких случаях решение вопроса о том, сигнализирует ли форма подчинение в относитель-

ных конструкциях, может зависеть от соотношения дистрибуции формы в независимом предложении и в относительной конструкции. Если дистрибуция сходна или отличия в дистрибуции могут быть объяснены без прямого обращения к понятию синтаксической категории, резонно считать, что форма не сигнализирует о подчинении. Так, для удинского языка выше мы объяснили разницу в дистрибуции глагольных форм в независимом предложении и относительной предикации через нейтрализацию видо-временных противопоставлений, что и позволило нам не выделять отдельную категорию причастий.

Еще один фактор, способный влиять на ту или иную трактовку конструкции с формой, которая встречается и в независимых, и в относительных предикациях, — степень маргинальности ее употребления в независимом предложении. Если появление нефинитной формы в функции независимого сказуемого ощущается как маргинальное явление, ограниченное узким кругом контекстов и/или несущее специфическую семантику, эта маргинальность может пониматься как следствие употребления формы в конструкции, ей не свойственной. Такая логика предполагает, что, находясь в зависимой предикации, форма все же может специально маркировать подчинение. Заметим, что эта логика, возможно, применима к некоторым удинским конструкциям, описанным выше, поскольку форма на *-ala*, которая в релятивах функционирует как сказуемое непрошедшего времени, в независимых предложениях имеет достаточно маргинальное употребление и некоторые нестандартные свойства (см. обсуждение в [Ландер 2008])⁴.

Вторая проблема обусловлена возможностью постулирования нулевых показателей подчинения или опущения показателя подчинения. Например, для германских языков конструкции с так называемыми контактными клаузами (*contact clauses*) вроде (6.8) иногда описываются с помощью нулевого союза или нулевого относительного местоимения (см., например, [Bošković, Lasnik 2003: 535]).

⁴ Нашу трактовку несколько оправдывает то, что в варташенском диалекте удинского языка релятивы могут возглавляться также и формой на *-al* — основной формой будущего времени.

Английский (индоевропейская семья)

- (6.8) [The child Alexis was waiting for] was lost.
'Ребенок, которого ждал Алексис, потерялся'.
[Bošković, Lasnik 2003: 535]

Такое теоретическое решение обусловлено стремлением к унификации разных структур, связанных с подчинением: если в норме подчинение обозначается союзами, в отсутствие выраженного союза можно постулировать нулевой, чтобы описывать эту конструкцию аналогично другим. Обоснованность этого решения связана с задачами исследователя (например, с задачей построения формальной модели, предполагающей максимальное единообразие) и тоже во многом субъективна.

Наконец, третья проблема касается конструкций с относительными местоимениями, которые во многих языках проявляют некоторые свойства союзов, вводя относительные предложения:

- (6.9) *Прут был [неочищенная от коры удочка, **которой** она с ним вместе ловила рыбу].* (А.С. Грин) {НКРЯ}

Трактовка конструкции как некатегориального или категориального подчинения зависит от трактовки относительного местоимения: если оно понимается как зависимый элемент сказуемого относительного предложения, такая конструкция может описываться как некатегориальное подчинение, если же акцент делается на его функции как элемента, определяющего дистрибуцию всей предикации, то есть имеющего определенные вершинные свойства, допустима и трактовка конструкции как содержащей маркер подчинения. В этом случае полезно принимать во внимание не только, например, падежное маркирование относительного местоимения, но и разного рода периферийные конструкции. Например, для английских конструкций с относительным местоимением в качестве аргументов против его рассмотрения как зависимого элемента в относительном предложении могут выступать окказиональное появление резюмтивных местоимений на месте мишени (6.10) и вообще тот факт, что при релятивизации из вложенного предло-

жения порядок слов не дает возможность рассматривать его в составе предикации, к которой принадлежит мишень:

Английский (индоевропейская семья)

(6.10) *There are always guests who I am curious about what they are going to say.*
(D. Cavett)

‘Всегда есть гости, о которых мне интересно, что они собираются сказать’. [Prince 1990: 482]

В то же время само по себе линейное введение зависимой предикации (то есть расположение на ее границе) — не обязательное требование к подчинительному союзу. Например, в лазском языке маркер подчинения в относительных предложениях, предшествующих вершине, может располагаться как на сказуемом (замыкающем релятив), так и на других элементах предикации:

Лазский (картвельская семья)

(6.11) [bee-k bozo-s-na me-č-u matsk’indi]
ребенок-ERG девушка-DAT-COMP PV-давать-AOR.1SG кольцо
čxant’-u-n
блестеть-TH-3SG

‘Кольцо, которое ребенок дал девушке, блестит’. [Lacroix 2009: 207]

С учетом таких явлений порядок слов предстает лишь как один из множества факторов, влияющих на трактовку конструкции.

Так или иначе, трактовка конструкции как некатегориального или категориального подчинения может зависеть от разнообразных установок исследователя. Типология средств подчинения должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность учитывать эту зависимость и относить одну и ту же конструкцию к разным типам в зависимости от необходимых обобщений.

6.2.4. ВЫРАЖЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ПРИ НЕКАТЕГОРИАЛЬНОМ ПОДЧИНЕНИИ

В отсутствие особых грамматических форм и подчинительных союзов, маркирующих подчинение, зависимый статус относительной предикации может не быть отражен никакими особыми явлениями в ней самой вовсе. Такая ситуация, судя по описанию [Dixon 2004], наблюдается в языке жаравара, который при построении относительных конструкций использует релятивы с вложенной вершиной:

Жаравара (араванская семья; Бразилия)

(6.12) [jomee fati hi-kabe-mete-mone]

ягуар(М) 3SG.PR + жена ОС-есть-RPST:F-REPORT:F

o-komina-bone-ke

1SG.A-рассказывать.O-INTN:F-DEC:F

‘Я расскажу тебе о его жене, которую съел ягуар’. [Dixon 2004: 526]

На относительные предложения в языке жаравара наложены некоторые ограничения: в них не появляются периферийные партиципаны и суффиксы наклонения. Поскольку, однако, и те, и другие элементы предикации факультативны, их отсутствие не сообщает о подчиненном статусе релятива.

Во многих языках, впрочем, относительные предложения, демонстрирующие некатегориальное подчинение, все же обнаруживают отличия от независимых предложений. Как правило, зависимые предложения описываются в качестве структур, производных от независимых предложений, в результате чего подобные отличия представляются в качестве изменений, происходящих в релятивах. Такого рода изменения можно разделить на несколько групп.

1. Исчезновение признаков независимого предложения. В относительных предложениях могут исчезать некоторые признаки, ассоциируемые с независимыми предикациями. Для некатегориального подчинения существенно, чтобы эти признаки были не обязательно ассоциированы с вершиной подчиненной предикации. Так, в удинских препозитивных относительных предикациях исчезает выражение категории лица, которая, однако, не всегда выражается на сказуемом, что

не дает возможности интерпретировать это исчезновение как изменение глагольной формы.

Как исчезновение признака независимого предложения можно описывать и наблюдаемое в относительных конструкциях опущение именной группы мишени — например, Дж. Николс [Nichols 1984] описывает его как маркирование зависимого статуса относительного предложения. Проблема с этим признаком состоит в том, что зачастую отсутствие группы не обязательно сообщает о подчинении, поскольку именные группы могут отсутствовать и в независимых предложениях (см., например, [Comrie 1998: 67] о японском языке, [Ландер 2008: 59] об удинском языке). Весьма вероятно, что отсутствие мишени и опущение именных групп независимо от релятивизации суть разные явления — в частности, потому что отсутствие группы мишени, в отличие от опущения прочих именных групп, зачастую обязательно (ср. [Shibatani 2009: 168]); тем не менее нам не очевидно, что отсутствие группы мишени всегда само сигнализирует о подчинении⁵.

Исчезновение признаков независимого предложения коррелирует со степенью сложности релятивизации того или иного участника: чем сложнее релятивизовать участника, тем скорее в конструкции будет сохраняться исходная структура предложения [Keenan 1972c]. В частности, в удинских конструкциях появление резюмтивного местоимения, сохраняющее группу мишени, наблюдается только при релятивизации посессора и объектов послелогов; ср.:

Удинский (нахско-дагестанская семья)

(6.13) zu iz boř arc-i aft:obus
я RFL:GEN внутри сидеть-AOR автобус
'автобус, в который я сел'

2. Изменение грамматических признаков предложения. В относительных предложениях некоторые грамматические значения могут выражаться иначе, чем в независимых предложениях. Для некатегориального подчинения выдвигается

⁵ Здесь можно вспомнить и то, что при определении роли мишени в таких конструкциях, на самом деле, могут быть важны не столько пробелы, остающиеся на месте групп мишени, сколько наличие субкатегоризирующей вершины; см., например, [Hawkins 1999: 248].

требование, чтобы такое изменение выражения было независимо от парадигматики форм вершины. В удинской конструкции, рассмотренной выше, к этому типу сообщения о зависимом статусе относительного предложения относится, например, маркировка отрицания — отличная от той, что обычно наблюдается в независимых предложениях.

К этому же типу выражения подчинения можно отнести и появление в предикации относительных местоимений⁶. Хотя эти местоимения часто признаются имеющими некоторые свойства союзов, материал абхазо-адыгских языков, очевидно, показывает, что это не универсально, поскольку в этой семье в функции относительных местоимений выступают префиксы — а им какую-либо союзную функцию можно приписать лишь с натяжкой.

Наконец, к изменению грамматических признаков предложения, приводящему к маркированию его зависимого статуса в условиях некатегориального подчинения естественно относить нестандартный порядок слов (в частности, связанный с появлением относительных местоимений) и нестандартную интонацию.

3. Новые грамматические признаки предложения. У многих исследователей, по-видимому, есть презумпция, согласно которой производные структуры должны обнаруживать не меньше ограничений на построение, чем непродуцируемые. В таком случае странно было бы ожидать, что подчиненные предикации будут обнаруживать дополнительные черты, расширяющие свободу выражения по сравнению с независимыми предикациями. Тем не менее именно это, по-видимому, обнаруживается в адыгейском материале, изложенном в разделах 4.2.2—4.2.5: в этом языке при релятивизации могут возникать аппликативные комплексы и отдельная морфологическая позиция для релятивизации времени, которые не появляются в независимых предложениях⁷. В порядке гипотезы можно

⁶ Мы абстрагируемся здесь от вопроса о совпадении относительных и вопросительных местоимений.

⁷ Мы не готовы ответить здесь, насколько эта ситуация является уникальной. Совпадение показателей релятивизации и показателей, вводящих сентенциальные актаны, например, достаточно распространено (см., например, [Serdobolskaya, Paperno 2006; Shibatani 2009]). Временные обстоятельственные предложения также иногда описываются как разновидность релятивов; см., в частности, [Hall, Caronigro 2010]. В то же время формально

предложить, что необходимость в построении дополнительных структур связана с полисинтетизмом: некоторая ограниченность морфологии наряду со значительной нагрузкой, падающей на нее в таком языке, как адыгейский, может приводить к поиску нестандартных путей выражения требуемых значений.

Соотношения относительных и независимых предикаций, указанные выше, встречаются и при категориальном подчинении⁸. Из этого следует, что у этих явлений первичная функция не состоит в маркировании подчинения. Последнее в свою очередь еще раз указывает на то, что при некатегориальном подчинении собственно указание на зависимость отсутствует и подчиненность скорее имплицитируется, нежели обозначается.

В пользу того же говорит и частая ограниченность некатегориального подчинения — независимо от описанных здесь явлений! — определенным кругом конструкций: вне таких конструкций эти явления не способны одни имплицитировать подчинение. Так, некатегориальное подчинение в относительных конструкциях порою наблюдается только при наличии внешней семантической вершины: если такая вершина отсутствует, релятиву требуются дополнительные средства выражения подчинения. В адыгейском и удинском языках это появление на свободном релятиве падежного маркера, причем в удинском в этом случае необходимо еще и появление номинализующего маркера:

Удинский (нахско-дагестанская семья)

(6.14)	me	äjaq:-in	ički-n-a=l	uɪv-en	[zähmät
	этот	стакан-GEN	питье-O-DAT=ADD	пить-НОРТ	труд

такие полипредикативные конструкции, как правило, не требуют построения каких-то дополнительных структур, не свойственных независимому предложению, в то время как в адыгейском языке наблюдается именно такое построение.

⁸ Некоторые упомянутые выше явления описываются в типологической литературе также как уменьшение финитности; при этом финитность, естественно, понимается не как свойство глагольной формы, а как свойство целой предикации (см., например, [Калинина 2001: 26ff]).

zap-i-t:-ov-oj]

dirist:uv-a

тянуть-AOR-NMZ:O-PL-GEN здоровье-DAT

‘А то, что в этом стакане давайте выпьем за здоровье тех, кто трудился’.

Если бы явления, свидетельствующие о подчиненном статусе предикации (например, отсутствие личных показателей в относительном предложении в примере 6.14), сами определяли бы ее синтаксическую дистрибуцию, регулярное появление других подчиняющих средств, наблюдаемое в языках мира в таких контекстах, не поддавалось бы объяснению.

6.2.5. Происхождение некатегориального подчинения

Теоретически некатегориальное подчинение может развиваться внутри языка тремя способами⁹.

Во-первых, речь может идти о грамматикализации структуры, подразумевающей паратаксис — формальное отсутствие подчинения. При этом подчиненная предикация превращается в часть именной группы и способна быть вложенной; кроме того, она, как правило, получает интонационные особенности, интегрируясь в состав другого предложения (см. об этом, например, [Mithun 2009]). Подробное развитие, укладывающееся в общую схему развития полипредикаций из паратаксиса [Hopper, Traugott 2003: 177], на примере разных языков описывается, в частности, в исследовании [Givón 2009: Ch. 5]. Так, к паратаксису (простому соположению предикаций или парентетической вставке одной предикации в другую) возводятся относительные конструкции германских языков, которые задействовали указательные местоимения (см. также [Heine, Kuteva 2007: 225—227])¹⁰:

⁹ Ниже мы не рассматриваем заимствование некатегориального подчинения из другого языка.

¹⁰ Изменение порядка слов при этом объясняется топиализацией указательного местоимения. Следует заметить, что эта версия происхождения германских относительных конструкций с указательным местоимением — не единственная; см., например, обзор гипотез о происхождении немецкой конструкции в [Diessel 1999: 120—123]. Общая идея о том, что относительные конструкции регулярно происходят из построений с паратак-

Немецкий (индоевропейская семья)

- (6.15) Ich kenne den Mann, dem hat Martin
я знать:1SG DEF:M.ACC мужчина тот:M.DAT AUX Мартин
das Buch gegeben.
DEF.N:ACC книга дать:PTCP
'Я знаю мужчину, которому Мартин отдал книгу'.
< 'Я знаю мужчину, ЕМУ Мартин отдал книгу'. [Givón 2009: 104]

Во-вторых, некатегориальное подчинение может возникнуть благодаря опущению показателя подчинения. Такая ситуация наблюдается в тантынском даргинском. Здесь сказуемые релятивов могут появляться при синтаксической именной вершине как оформленные атрибутивным суффиксом *-se*, так и неоформленные; в последнем случае их форма совпадает (за исключением некоторых просодических характеристик) с формой независимого сказуемого. Ср. независимое предложение (6.16) и образованные от него относительные конструкции (6.17):

Тантынский даргинский (нахско-дагестанская семья)

- (6.16) dali ʔa^hml-e ʔe^hla q'iq'-li ka^h-d-a^hq-ib-da
я:ERG ГВОЗДЬ-PL ТЫ:GEN МОЛОТОК-ERG PRV-N.PL-БИТЬ-PRET=1
'Я забил гвозди твоим молотком'.

- (6.17) a. dali ʔa^hml-e ka^h-d-a^hq-ib-se q'iq'
я:ERG ГВОЗДЬ-PL PRV-N.PL-БИТЬ-PRET-ATR МОЛОТОК
b. dali ʔa^hml-e ka^h-d-a^hq-ib-q'iq'
я:ERG ГВОЗДЬ-PL PRV-N.PL-БИТЬ-PRET=МОЛОТОК
'молоток, которым я забил гвозди'

сисом критикуется Р. Хендери, которая, рассматривая, впрочем, преимущественно маркированные релятивы утверждает, что такая эволюция представляет собой скорее исключение, чем правило и чаще релятивизация возникает на основе уже имеющих подчинительных структур — либо нерелятивных полипредикативных конструкций, либо, при заимствовании, относительных конструкций других языков [Hendery 2007: 211].

В разделе 6.3 показано, что из двух форм релятивного сказуемого в (6.17) вторая производна от первой и представляет собой результат инкорпорации.

В-третьих, конструкция, свойственная подчинению, может расширить употребление на независимые предложения. Образование временных форм на основе причастий свойственно значительному числу языков (в том числе русскому, в котором форму прошедшего времени развились из причастий, и английскому, в котором причастия на *-ing* используются при выражении прогрессива). Если исторически подчиненная форма начинает образовывать сказуемое независимого предложения без вспомогательных средств вроде связки и при этом не маргинальна в этой конструкции (см. раздел 6.2.3 выше), различия между зависимым и независимым предложениями нивелируются и возникает некатегориальное подчинение.

Задокументированный пример такого развития представляет японский язык; см., например, [Алпатов и др. 2008: 286]. В современном японском языке относительные конструкции, подчиненные именной вершине, можно характеризовать как некатегориальное подчинение; ср.

Японский

- (6.18) a. John ga ringo o tabe-ta
Джон NOM яблоко ACC есть-PST
'Джон съел яблоко'.
- b. John ga [ringo o tabe-ta hito] o shit-te
Джон NOM яблоко ACC есть-PST человек ACC знать-CONV
i-ru
AUX.PRG-PRS
'Джон знает человека, который съел яблоко'.
- [Kurosawa 2003: 317; Алпатов и др. 2008: 286]

Ранее в японском языке финитные формы глагола противопоставлялись атрибутивным формам, а современная ситуация возникла вследствие экспансии атрибутивных форм в финитные контексты.

Сходную историю можно по крайней мере частично реконструировать и для удинского языка. Независимое употребление будущего II на *-ala*, которое отчасти и привело к некатегориальному подчинению, практически наверняка развилось на основе сказуемого употребления причастия. Точно так же форма обычного будущего времени на *-al* может быть возведена к причастию, которое, однако, в ниджском диалекте удинского языка не используется (но используется в варташенском диалекте); это причастие в свою очередь связывается с пралезгинской формой имени деятеля [Майсак 2008: 118—124]. Для аористной формы на *-i*, используемой для релятивных сказуемых прошедшего времени, но помимо этого имеющей также и деепричастное употребление в конструкциях, выражающих последовательность действий (см. [Ландер 2011a]), была предложена иная история: основываясь на данных других лезгинских языков, Т.А. Майсак [2008: 113] высказал гипотезу, что независимое употребление этой формы восходит к сочетанию деепричастия и связки.

С учетом слабого противопоставления имени и глагола гипотетически возникновение некатегориального подчинения в адыгейском языке можно попробовать объяснить таким же образом — экспансией причастных форм, имеющих сходную с именами дистрибуцию, на финитные контексты (в соответствии с имя-ориентированным подходом к слабому различению имен и глаголов; см. раздел 1.7.3).

6.3. Инкорпорация релятивного сказуемого

В разделе 3.2.2 было показано, что в адыгейском языке сказуемое релятива может быть инкорпорировано в вершину, образуя с ней единый именной комплекс. Такое описание поднимает несколько вопросов. С одной стороны, насколько правомочно использование термина *инкорпорация* в отношении данной конструкции? С другой стороны, насколько допустимо описание, предполагающее, что сказуемое релятива образует единое целое с вершиной, но функционирует как вершина собственной составляющей? Ниже показывается, что, во-первых, при широком понимании инкорпорации описание рассмотренного сочетания реля-

тивного сказуемого с семантической вершиной как инкорпорации допустимо и, во-вторых, аналогичные конструкции наблюдаются и в других языках.

Хотя термин *инкорпорация* активно используется в лингвистических работах, четкого общепринятого определения инкорпорации не существует и под этот термин подводится множество разнородных явлений (см. подробное обсуждение в [Муравьева 2004]). Прототипическим случаем инкорпорации остается включение именной основы в глагол. В то же время это явление удобно рассматривать вместе со множеством других, порою значительно отклоняющихся от прототипа. С одной стороны, функциональные аналоги подобной инкорпорации отыскиваются и в аналитических структурах — например, в океанийских языках; более того, как инкорпорацию (или по крайней мере весьма близкое явление) можно описать и такие конструкции как сочетание глагола с неоформленным дополнением, весьма распространенное в языках мира. С другой стороны, если акцент делается на форму инкорпорации, нельзя обойти стороной и такие процессы как формирование единого комплекса из определяемого и определения, наблюдаемое, например, в чукотско-камчатских языках (см. обзор в [Муравьева 2004]).

В [Lander 2010a: 259—260] используется широкое понимание инкорпорации, основанное на неполноценности инкорпорируемой единицы. Неполноценность эта может быть разного рода:

(i) фонологическая неполноценность: инкорпорируемая единица теряет свойства самостоятельного фонологического слова/словосочетания;

(ii) морфологическая неполноценность: в инкорпорируемой единице может отсутствовать выражение категорий, обычно выражаемых в аналогичных единицах вне конструкции с инкорпорацией;

(iii) синтаксическая неполноценность: инкорпорация предполагает жесткие ограничения на позицию инкорпорируемого и может приводить к ограничению на его ветвление.

Эти виды неполноценности независимы друг от друга. Зачастую они появляются вместе, но такая ситуация не обязательна. В результате можно говорить о том, что что-либо инкорпорируется в большей или меньшей степени — в зависимости от того, какой набор признаков инкорпорации появляется в конструкции.

Такой подход позволяет подводить под инкорпорацию или по крайней мере связать с инкорпорацией, например, уже упомянутую выше конструкцию с неформленным прямым дополнением, а также многие приименные конструкции, проявляющие явную регулярность в построении, но описываемые как сложные слова, то есть часть лексикона.

Адыгейские инкорпорированные сказуемые относительных предложений естественно описывать как проявляющие фонологическую неполноценность (отсутствие собственной зоны чередования /e/~ /a/) и синтаксическую неполноценность (жесткая привязка позиции к семантической вершине). При этом определенные свойства синтаксической автономности эти сказуемые сохраняют — в частности, они продолжают взаимодействовать с другими элементами относительного предложения.

Аналогичные конструкции, демонстрирующие инкорпорацию слова с собственными синтаксическими зависимыми, описаны для ряда языков, характеризующихся как полисинтетические. Так, в вакашских языках имеются так называемые лексические суффиксы, которые могут описываться как переходные предикаты, инкорпорирующие прямое дополнение. Эти единицы присоединяются к первому элементу синтаксической группы, тем самым сохраняя синтаксическую автономность всех прочих элементов; см., например, [Wojdak 2003]. Ср. следующий пример, в котором лексический суффикс ‘есть’ присоединяется к первому слову сочетания ‘вкусное яблоко’:

Нуу-ча-нульт (нутка) (вакашская семья)

- (6.19) haʔumʔicʔiʃʔaʔ ʔaapinis
 haʔum-ʔic-ʔiʃʔaʔ ʔaapinis
 вкусный-есть-3:IND-PL яблоко
 ‘Они едят вкусные яблоки’. [Wojdak 2003: 280]

Но даже если отвлечься от полисинтетических языков, можно заметить, что проявление признаков инкорпорации у сказуемого относительного предложения — совсем не редкое явление. Например, в языке алааба, принадлежащем кушитской ветви афразийской семьи, согласно [Schneider-Blum 2009: 78—79], относи-

тельная конструкция характеризуется следующими чертами: (i) относительное предложение не содержит ни специальных показателей подчинения, ни именной группы мишени; (ii) относительное предложение предшествует вершине именной группы; (iii) сказуемое относительного предложения, располагающееся в конце релятива и тем самым примыкающее к вершине, теряет собственное ударение, что также приводит к морфонологическим изменениям; (iv) паузы между релятивом и семантической вершиной невозможны. Очевидно, что сказуемое релятива проявляет признаки фонологической инкорпорации в вершину. При этом относительное предложение допускает ветвление:

Алааба (афразийская семья)

- (6.20) ʔán(i) laʔ-yoomí mánc(u), ʔorróoʔ-y(o)
 я:NOM видеть-1SG:PERF человек:SG.M.NOM уходить-2SG:M:PERF
 ‘Человек, которого я увидел, ушел’. [Schneider-Blum 2009: 79]

Сходная картина наблюдается в даргинских идиомах. Прилагательные и сказуемые релятивов здесь могут быть как оформленными особыми атрибутивными суффиксами, так и неоформленными (в описаниях в связи с этим принято говорить о кратких и полных формах прилагательных и причастий; см., например, [Муталов 2002: 157]). В последнем случае определения проявляют признаки инкорпорации: они не отрываются от имени, а взаимодействовать могут только с одним именем, но не с сочетанием имен. Ср. пример с инкорпорированным прилагательным:

Тантынский даргинский (нахско-дагестанская семья)

- (6.21) #klas-le-ħe-b duχ:u-durħ-ne-ra rurs-be-ra le-b
 класс-O-IN-N.PL умный=парень-PL=ADD девушка-PL=ADD EXS-HPL
 ‘В классе есть [умные мальчики] и девочки’.
 *‘В классе есть [умные мальчики и девочки]’.

Кроме того, у части неоформленных сказуемых релятивов в некоторых даргинских идиомах происходит сдвиг ударения (ср. минимальную пару 6.22a и

6.22b) [Абдуллаев 1954: 69; Сумбатова 2011], хотя в релятивных сказуемых с атрибутивными суффиксами сдвига ударения не происходит (6.22c):

Тантынский даргинский (нахско-дагестанская семья)

- (6.22) a. *murad-li q:arq:a íx-ub*
Мурад-ERG камень бросить.PF-PRET
'Мурад бросил камень'.
b. *murad-li íx-úb=q:arq:a*
Мурад-ERG бросить.PF-PRET=камень
c. *murad-li íx-ub-se q:arq:a*
Мурад-ERG бросить.PF-PRET-ATR камень
'камень, брошенный Мурадом'
[Сумбатова 2011]

Сдвиг ударения, наблюдаемый в (6.22b), естественно считать еще одним признаком инкорпорации, который, кстати, свидетельствует и о производности форм без атрибутивного показателя. Такая трактовка объясняет отсутствие сдвига ударения в примерах, включающих атрибутивные суффиксы, которые свидетельствуют, что инкорпорация не произошла.

Наконец, в связи с инкорпорацией сказуемого относительного предложения упомянем релятивы, явившиеся результатом развития постпозитивной конструкции (аналогичной рассмотренной в разделе 3.2.4) в отдельных кабардино-черкесских идиомах. Как и в адыгейском языке, в кабардино-черкесском глаголы, модифицирующие имя, могут включаться в именной комплекс после определяемого, подобно прилагательным, причем в разговорном языке, судя по описаниям, такие конструкции распространены больше, чем в адыгейском [Colarusso 1992: 190; 2006: 60; Applebaum 2010a; 2010b]. Ср. пример из «Грамматики кабардино-черкесского литературного языка» 1957 года:

(6.25) ž'eg^wə-m dex-wə mə weredə-r
 свадьба-OBL хороший-ADV этот песня-ABS
 s-jə-pšeše=qə-š'ə-ž'ə-zə-ʔ-a-r
 1SG.PR-POSS-девушка=DIR-LOC-POT-REL.A-говорить-PST-ABS
 'та моя дочь, которая на свадьбе хорошо спела эту песню'

(6.26) we mel-ʔ^wə-p-x^w-a-r
 ты овца=LOC-2SG.A-гнать-PST-ABS
 'овца, которую ты прогнал'

Как показывают следующие примеры, в этом говоре допускается и подобная инкорпорация в присутствии прилагательных, что лишний раз подчеркивает инкорпорированность сказуемого релятива:

Кабардино-черкесский (бесленевский диалект; абхазо-адыгская семья)

(6.27) a. ž'ene=dexe-z-d-a-r
 платье=красивый=1SG.A-шить-PST-ABS
 b. ž'ene=z-d-a-daxe-r
 платье=1SG.A-шить-PST=красивый-ABS
 'красивое платье, которое я сшила'

Вероятно, такие построения — результат развития постпозитивных конструкций, которые были переосмыслены как обычные относительные конструкции. В таком случае это весьма редкий пример того, как морфологически неавтономная единица получает свойства синтаксически автономной, способной управлять другими словами.

Итак, ситуация, при которой сказуемое относительного предложения проявляет признаки инкорпорации, не уникальна. Адыгейский полисинтетизм, предположительно позволяющий обращаться с частями слова подобно синтаксическим единицам, лишь делает инкорпорацию более очевидной. В то же время подобные конструкции подтверждают взгляд на инкорпорацию как на процесс, ко-

торый может вести к уменьшению автономности единицы по разным параметрам — не обязательно по всем одновременно.

6.4. Относительные конструкции с вложенной вершиной: общие вопросы

В этом разделе мы обсудим вопросы теории и типологии относительных конструкций с вложенной вершиной — в первую очередь с целью представить типологический контекст для соответствующих адыгейских построений. Нас будут интересовать то, как соотносятся релятивы с вложенной вершиной с другими относительными конструкциями и распространенность таких релятивов.

6.4.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ВЛОЖЕННОЙ ВЕРШИНОЙ

В статье [Keenan, Comrie 1977] (см. также [Comrie, Keenan 1979]) при противопоставлении стратегий релятивизации учитываются два критерия: расположение семантической вершины и наличие указания на роль мишени. В соответствии с первым критерием, относительные конструкции с вложенной вершиной противопоставляются конструкциям с препозицией относительной предикации и конструкциям с постпозицией относительной предикации. Следует подчеркнуть, что семантическая вершина определяется при этом несколько иначе, чем в настоящей работе: под ней подразумевается именно выражение, задающее класс объектов, который затем сужается (рестриктивным) относительным предложением. Вторым критерий противопоставляет падежно-ориентированные ([+CASE]) и падежно-неориентированные ([-CASE]) стратегии¹². Учет обоих критериев позволяет выделить шесть теоретически возможных стратегий: для каждого возможного расположения вершины можно противопоставить две возможности по второму используемому критерию.

С самого начала применение этой типологии вызывало трудности (см., например, [Maxwell 1979]), для которых определяются по меньшей мере три источника. Во-первых, типы, выделяемые разными критериями, могут соотноситься нетривиальным образом. Во-вторых, эти типы не всегда достаточно противопостав-

¹² Переводы терминов даются по [Keenan, Comrie 1977/1982].

лены. В-третьих, два критерия, использованные Кинэном и Комри независимы друг от друга и могут характеризовать совершенно разные типы явлений.

В этом разделе мы рассмотрим вопрос о том, какие последствия эти источники трудностей имеют для типологической трактовки относительных конструкций с вложенной вершиной.

Взаимодействие типов, выделяемых разными критериями: резумптивы и относительные конструкции с вложенной вершиной. Резумптивы — неотносительные местоимения, соответствующие мишени релятивизации, которые не требуются в независимых предложениях — как и неместоименные вложенные семантические вершины, располагаются внутри относительного предложения. Ср. следующую индонезийскую конструкцию, в которой в позиции посессора подлежащего относительного предложения имеется местоимение ‘они’, указывающее на релятивизованную роль:

Индонезийский (австронезийская семья)

(6.28) anak~anak yang ibu mereka meng-guna-kan telepon
ребенок:PL REL мать они АСТ-использовать-TR телефон
tapi tak meng-guna-kan ponsel
но NEG АСТ-использовать-APPL сотовый.телефон
‘дети, чья мать (букв. такие что их мать) использовала [обычный] телефон, но не использовала сотовый телефон’ (Republika, 08.12.2010)

Э. Кинэн и Б. Комри выделяют конструкции с резумптивами, используя критерий падежной ориентации: по их мнению, основная функция таких местоимений — указание на релятивизуемую роль. В понимании Э. Кинэна и Б. Комри они не являются семантическими вершинами, так как, будучи местоимениями, они не задают класс объектов. Этот факт, несомненно, является крайне важным, но он затемняет некоторые сходства между резумптивами и семантическими вершинами. Оставляя его в стороне, можно было бы допустить, что резумптивы — разновидность вложенных семантических вершин: они указывают на участников и располагаются внутри относительных предикаций. Рассмотрим гипоте-

тические аргументы в пользу различения конструкций с резюмтивами и относительных конструкций с вложенными вершинами.

Первый аргумент: резюмтивы встречаются не только в релятивах, но и в других конструкциях — в частности, в вопросительных предложениях и клефтах (см. [McCloskey 2006]); вложенные вершины ассоциируются в первую очередь с релятивами.

Однако вопреки этой ассоциации аналоги вложенных семантических вершин появляются за пределами относительных конструкций. Ср., например, фокусные конструкции в корейском и лакском языках (в последнем личные показатели обычно выступают как аналоги связки):

Корейский

- (6.29) a. *Na-y-ka e-sey man-na-n kes-un John-i-ta*
 я-NOM вчера встречать-ATR COMP-ТОР Джон-быть-IND
 ‘Тот, кого я вчера встретил, — Джон’.
- b. *John-ul na-y-ka e-sey man-na-n kes-i-ta*
 Джон-ACC я-NOM вчера встречать-ATR COMP-быть-IND
 ‘Это Джона я вчера встретил’.

[Jhang 1994: 2]

Лакский (нахско-дагестанская семья)

- (6.30) a. *ga-nal tu-n b-ul-u-sa ču-ri*
 тот-ERG я:O-DAT III-давать-PST-PTCP лошадь=3SG
 ‘Кого он мне дал — лошадь’. [Kazenin 2002: 298]
- b. *ga-nal ču-ri ušin b-ul-u-sa*
 тот-ERG лошадь=3SG брат-O-DAT III-давать-PST-PTCP
 ‘Это лошадь (конкретную) он дал брату’. [Kazenin 2002: 297]

Примеры (6.29a) и (6.30a) могут трактоваться как псевдоклефты, включающие фокусируемый элемент, который выступает как именное сказуемое. Однако (6.29b) и (6.30b) демонстрируют, что фокусируемый элемент может оставаться в предикации, в которой он интерпретируется как актант, причем в обоих случаях

эта предикация номинализована. Как указывает К.И. Казенин (который эксплицитно указывает на сходство подобных фокусных конструкций и релятивов с вложенной вершиной) такие конструкции встречаются и во многих других языках — в сингальском (индо-европейская семья), японском, монгольском (алтайская семья) языках, языках малаялам (дравидийская семья), сомали (кушитский, африкано-азиатская семья), белхаре (тибето-бирманский, сино-тибетская семья), кихунган (банту, семья нигер-конго) [Kazenin 2002]. На Кавказе, помимо лакского, подобные конструкции встречаются и в иных нахско-дагестанских языках [Казенин 1997; Testelec 1998; Kalinina, Sumbatova 2007].

Безусловно, существование относительных конструкций с вложенной вершиной или резюмтивами не обязательно влечет наличие таких фокусных конструкций. Мы не беремся утверждать и обратного: хотя релятивы с вложенными семантическими вершинами из перечисленных выше языков зафиксированы по меньшей мере в белхаре [Bickel 1995], корейском и японском, а резюмтивы широко распространены в нахско-дагестанских языках, вопрос о существовании соответствующей зависимости требует рассмотрения большего материала. Но так или иначе, ассоциация вложенных вершин исключительно с относительными конструкциями не обоснована.

Второй аргумент: В относительных конструкциях вложенные семантические вершины и резюмтивы могут иметь разную дистрибуцию. Так, использование резюмтивов не типично при релятивизации подлежащего, вероятность их появления возрастает вместе с вложенностью мишени, а вложенные семантические вершины не обнаруживают подобных ограничений.

Но и этот аргумент не очевиден. Во-первых, разная дистрибуция местоименных вложенных вершин и резюмтивов может быть связана с тем, что местоимения и местоименные группы имеют разные синтаксические свойства и разную синтаксическую дистрибуцию. Впрочем, местоименные группы все же могут использоваться как местоимения, в том числе и как резюмтивы, способствующие указанию на мишень. Так себя ведут семантически «пустые» имена вроде ‘человек’, ‘вещь’, а также оценочные имена, как, например, *habīl* ‘глупец’ в (6.31):

Ливанский арабский (афразийская семья)

- (6.31) ʃəf-t l-bənt yalli b-ti-ftikr-o ʾənnə
видеть.PST-1SG DEF-девочка который IND-2-думать-PL что
ha-l-habil-e ma raḥ tə-rbaḥ s-saba'
этот-DEF-глупец-F NEG FUT 3SG.F-выиграть DEF-гонка
'Я видел девочку, о которой_i вы думаете, что эта глупышка_i не выигрывает
гонку'. [Aoun, Choueiri 2000: 8]

Во-вторых, резумптивы в подлежащих позициях не исключены — ср. [Comrie, Kuteva 2011], где упоминаются пять подобных языков: четыре из них относятся к африканскому ареалу, а пятый, тибето-бирманский язык восточный кая, распространен в Мьянме. Ср. также, например, (6.32)—(6.33):

Хмонг-дау (семья мяо-яо)

- (6.32) cov tub uas lawv mus los
COLL парень REL они идти приходить
'парни, которые вернулись' [Riddle 1994]

Тантынский даргинский (нахско-дагестанская семья)

- (6.33) (sa <r> i) dam-š:u r-ač'-ib rurs:i
REF <F> я-AD F-приходить-PRET девочка
'девочка, которая ко мне пришла'

В-третьих, встречаются языки, в которых вложенные неместоименные вершины и резумптивы имеют сходное употребление. Например, в языке апинаже (семья же) при релятивизации абсолютного актанта его присутствие внутри относительной предикации обязательно — это может быть вложенная неместоименная семантическая вершина или резумптивное местоимение. При появлении резумптива в апинаже допускается и появление внешней вершины [de Oliveira 2005: 281].

Нам известен лишь один язык, допускающий одновременное присутствие в относительной конструкции как резумптивного местоимения, так и вложенной

вершины, — язык диэгуэньо. Ср. независимое предложение (6.34a) и относительную конструкцию в (6.34b), в которой в соответствующей мишени позиции возникает указательное местоимение, но лексическая семантическая вершина, тем не менее, располагается внутри относительного предложения:

Диэгуэньо (хоканская семья)

- (6.34) a. i:рас 'wa:k wuɪw
 мужчина дом-ABL приходит
 'Мужчина пришел из дома'.
- b. [i:рас 'wa: nʷi-k wuɪw-pu-c] nʷimsap
 мужчина дом тот-ABL приходит-DEM-S белый
 'Дом, из которого пришел мужчина, — белый'.

[Basilico 1996: 503; Gorbet 1976: 61]

По-видимому, одновременное присутствие в одной конструкции вложенной семантической вершины и резюмptива крайне нетипично. Казалось бы, это подтверждает проводимое Э. Кинэном и Б. Комри противопоставление между двумя конструкциями. В то же время это может свидетельствовать и о том, что резюмptивы и вложенные вершины — одни и те же средства маркирования мишени, которые в разных контекстах заменяют друг друга.

На наш взгляд, истина лежит посередине. В ближайшем рассмотрении и конструкции с вложенными семантическими вершинами, и конструкции с резюмptивами весьма разнородными (о разнообразии использования резюмptивов см., например, [McCloskey 2006]; о негомогенности относительных конструкций с вложенной семантической вершиной см. раздел 6.5.1). Не исключено, что некоторые подтипы этих конструкций можно объединить. И хотя далее мы будем рассматривать почти исключительно относительные конструкции с неместоименными вложенными семантическими вершинами, не стоит забывать, что отдельные аспекты могут касаться и конструкций с резюмptивами. Это связано с тем, что хотя конструкции с резюмptивами и конструкции с вложенными вершинами и легко противопоставляются, они не должны пониматься как заведомо противопоставленные, поскольку у них могут быть и существенные общие черты.

Проблема нечеткости противопоставления и разграничение конструкций с внешней и вложенной семантической вершиной. Значительная часть литературы по относительным конструкциям исходит из четкого противопоставления относительных конструкций с внешними семантическими вершинами и относительными конструкциями с вложенными семантическими вершинами. В то же время, как мы видели в разделе 3.3.1, эти два типа не взаимоисключающи: одна относительная конструкция может содержать две семантических вершины — вложенную и внешнюю.

В абхазо-адыгской семье аналогичные случаи зафиксированы в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка; ср. (6.35), в котором имеются как вложенная семантическая вершина ‘сладкая вода’, так и внешняя вершина ‘товар’. Допускаются ли такие конструкции в других абхазо-адыгских идиомах, нам неизвестно.

Кабардино-черкесский (бесленеевский диалект; абхазо-адыгская семья)

(6.35) psə-ʔaf-wə de qə-t-x^w-a-š'-a twevarə-r
 вода=сладкий-ADV мы DIR-1PL.IO-BEN-3PL.A-вести-PST товар-ABS
 ‘товар-газировка, который нам привезли’

Однако это явление не уникально для абхазо-адыгской семьи. В [Dryer 2011b] упоминаются пять языков, демонстрирующих подобное явление. Три из них (ягариа, кобон и комбаи) относятся к трансновогвинейской семье, но к разным ее группам. Еще два упомянутых М. Драером языка, джамсай и мина, распространены в Западной Африке, но относятся к разным семьям — нигер-конго и афразийской. Г. Чинкве в специальной работе [Cinque 2011], посвященной этому явлению, упоминает уже более пятнадцати языков (помимо языков, в которых одновременное присутствие внешней и вложенной вершины допустимы в детской речи). Приведем несколько примеров таких конструкций (все они цитируются по статье Г. Чинкве; поскольку в ней отсутствует список сокращений, глоссы упрощены):

Усан (трансногвинейская семья)

- (6.36) [munon **qemi** bau-or **qemi** eng] ye me geau...
мужчина лук брать-3SG лук DEF я NEG видеть
'Я не видел лук, который взял мужчина'.

Москона (семья «языки восточная часть полуострова Чандравасих и сентани»; Новая Гвинея)

- (6.37) ergog y-éysaha jig [**mod** noga ejena Okuskuimi ofon
они:DU DU-достигать LOC дом REL женщина Окускуими 3SG.PR
mod]
дом
'Они вдвоем дошли до дома, которым владела женщина Окускуими'.

Японский

- (6.38) watakushi ga **sono hito** no namae o wasure-te
я NOM тот человек GEN имя ACC забывать-CONV
shimat-ta **okyaku.san**
AUX-PST гость
'гость, чье имя я забыл' [Kuno 1973: 237]

Как видно, вложенная и внешняя вершины могут совпадать (6.36)—(6.37) или не совпадать (6.38). Не исключено, что в последнем случае то, что выглядит как вложенная вершина, не несет лексической информации и функционирует как резюмтив, уточняющий роль релятивизуемого партиципанта.

Очевидно, конструкции, включающие как внешнюю, так и вложенную семантические вершины, исследованы недостаточно. Не всегда ясно, насколько наличие обеих семантических вершин обязательно, допустим ли лексический повтор, можно ли говорить об исключительно вспомогательной роли внешней или вложенной вершины и т.д. Но так или иначе, следует признать, что в свете существования таких конструкций противопоставление конструкций с вложенной вершиной и конструкций с внешней вершиной иллюзорно. Возможно, релятивы, включающие как вложенную, так и внешнюю вершины, в силу своей сложности

представляют собой маргинальное явление и потому не описываются. Примечательно, что во многих теоретических представлениях относительных конструкций с вложенной семантической вершиной, постулируется и нулевая внешняя вершина¹³, то есть построения с двумя вершинами вполне допускаются, а их сложность игнорируется.

Конструкции vs. стратегии. Э. Кинэн и Б. Комри не противопоставляют понятия стратегии и конструкции, а для различения стратегий используют как признак, основанный на том, как определяется релятивизируемый партиципant, так и признак, основанный на позиции семантической вершины. Между тем два этих признака никак не связаны, и смешение их при построении типологии релятивизации не оправдано. Это наглядно демонстрируют абхазо-адыгские языки, в том числе адыгейский. При буквальном использовании критериев Э. Кинэна и Б. Комри здесь пришлось бы выделить две стратегии с вложенной вершиной — падежно-неориентированную (для релятивизации абсолютивного актанта) и падежно-ориентированную (для релятивизации всех прочих актантов), точно так же как пришлось бы удвоить и стратегии для конструкций с внешней вершиной.

Адыгейский материал (и шире — абхазо-адыгский материал; см. ниже) показывает, что конструкции, различающиеся наличием/отсутствием семантической вершины и ее отношением к релятиву, и стратегии, различающиеся тем, как определяется мишень, — это два разных измерения. Поэтому использовать оба этих измерения можно лишь для выделения минимальных единиц классификации, которые могут и не быть полезны для каких-либо обобщений без дополнительного объединения в классы на основе неоднородных признаков.

Некоторые выводы. Итак, относительные конструкции с вложенной вершиной не могут выступать в качестве единицы универсальной классификации относительных конструкций. Нам не очевидно, что относительные конструкции с вложенной вершиной вообще должны занимать уникальное место в каких-либо типологических противопоставлениях: очевидно, что в одних языках они могут быть жестко противопоставлены конструкциям с внешней вершиной, а в других

¹³ См., например, [Platero 1974; Cole 1987]. Для некоторых языков, впрочем, существование подобных нулевых вершин категорически отвергается; ср. [Broadwell 1985] для языка чокто (мускогская семья).

— нет, в одних языках они могут рассматриваться как аналоги конструкций с релативными местоимениями, а в других — нет, в одних языках они могут пониматься как способ определения мишени, а в других — нет. Из этого можно было бы сделать вывод, что относительные конструкции с вложенной вершиной не однородны, который подтверждается и другими соображениями (см. раздел 6.5.1). Тем не менее, как мы увидим далее, эти конструкции все же иногда удобно объединять в противовес другим — в отношении их дистрибуции в языках мира и в отношении семантических свойств.

6.4.2. Дистрибуция относительных конструкций с вложенной вершиной

В западнокавказской семье относительные конструкции с вложенной вершиной зафиксированы во всех языках за исключением абазинского. В кабардино-черкесском языке эти конструкции имеют вид, аналогичный тому, что наблюдается в адыгейском: семантическая вершина оформляется адвербиальным маркером, который здесь имеет вид *-w*. Ср. следующие примеры из литературного кабардино-черкесского языка и из бесленеевского диалекта:

Кабардино-черкесский (абхазо-адыгская семья)

(6.39) *А ди мураду къэблагъэр гуащIэрыпсэухэм я гуазэц.*

[a d-jə-mwərad-w qe-blave-r] g^waʃe.rə.psewə-xe-m
 тот 1PL.PR-POSS-цель-ADV DIR-приближаться-ABS труженик-PL-OBL
 ja-g^waze-ʃ

3PL.PR + POSS-ориентир-IND

‘Та наша приближающаяся цель — путеводная звезда для трудящихся’.

[Абитов и др. (ред.) 1957: 189]

Кабардино-черкесский (бесленеевский диалект; абхазо-адыгская семья)

(6.40) *leq^wəme-r haʃ^ʔ-w zə-x^we-z-ve-ʒ-a-r*

шелям-ABS гость-ADV REL.IO-BEN-1SG.A-CAUS-жариться-PST-ABS

‘гость, для которого я пожарила шелямы’

Интересно, что в литературном кабардино-черкесском эта конструкция распространена, судя по всему, в меньшей степени, нежели в адыгейском: в [Абитов и др. (ред.) 1957: 189] сообщается, что такие построения встречаются «чаще в поэтической речи».

В убыхском языке, согласно [Özsoy 1992], есть схожая конструкция, в которой семантическая вершина маркируется одним из двух ядерных падежей — косвенным¹⁴:

Убыхский (абхазо-адыгская семья)

- (6.41) [wa-tət-ən a-ḱ^wa-n] jadanə a-wa
 тот-человек-OBL ART-идти-PTCP очень ART-высокий
 ‘Тот человек, который идет, очень высокий’. [Özsoy 1992: 295]

В [Özsoy 1992: 295—296] утверждается, что эта конструкция ограничена в использовании контекстами, когда как матричная группа, так и мишень имеют абсолютивные роли. Благодаря этому, косвенный падеж семантической вершины не выражает никакую приписываемую ей роль и эксплицитно маркирует ее как участвующую в релятивизации.

Относительные конструкции с вложенной вершиной в абхазском языке упомянуты в исследовании [Hewitt 1987: 205—208] и описаны в статье [Kibrik 1992]. В абхазском языке за немногими исключениями отсутствует зависимостное маркирование и семантические вершины не отличимы от прочих участников (6.42), иногда, впрочем, они могут содержать адвербиальный суффикс (6.43):

Абхазский (абхазо-адыгская семья)

- (6.42) [s-ab a-ḡ^wnə jə-jə-rgəla-z] Ø-aajg^wara
 1SG.PR-отец ART-дом REL.ABS-3SG:M.A-строить-NFIN.PST 3SG:N.IO-около

¹⁴ В [Dumézil 1975: 190; Charachidze 1989: 419] дается иная трактовка этой конструкции: утверждается, что семантическая вершина оформляется «причастным суффиксом», который обычно наблюдается на сказуемых относительных предикаций.

s-gəlo-w-p'

1SG.ABS-СТОЯТЬ-PRS-FIN

‘Я стою около дома, построенного моим отцом’. [Kibrik 1992: 148]

(6.43) [xas'a-s a-ph_əs də-s-šə-z]

мужчина-ADV ART-женщина 3SG:H.ABS-REL.A-убивать-NFIN.PST

d-arban ?

3SG:H.ABS-кто

‘Кто тот мужчина, который убил женщину?’ [Hewitt 1987: 205]

Такие конструкции не являются основным способом построения релятивов [Hewitt 1987: 205]. Несмотря на это, согласно А.А. Кибрику, они вполне частотны [Kibrik 1992: 147].

Итак, существование относительных конструкций с вложенной вершиной для абхазо-адыгских языков — скорее норма, хотя их распространенность может различаться от языка к языку. В то же время для других кавказских языков этот тип релятивов почти не зафиксирован; исключением является следующее чеченское построение, приводимое Дж. Николс с указанием на то, что оно возможно по крайней мере в одном чеченском диалекте¹⁵:

Чеченский (нахско-дагестанская семья)

(6.44) [k'ant-as suona a:xča d-el-la] ara-v-el-ira

парень-ERG я:DAT деньги III-давать-PTCP:PST PRV-I-идти-WITNESSED.PST

‘Мальчик, который отдал мне деньги, вышел’. [Nichols 1984: 529]

За пределами кавказского ареала относительные конструкции с вложенной вершиной зафиксированы для множества языков, в том числе для тунгусо-маньчжурских [Malchukov 1996], японского, корейского, многих языков Западной

¹⁵ Иногда утверждается, что относительные конструкции с вложенной вершиной представлены в грузинском языке (ср. [Hiraiwa 2003: 76]). Впрочем, судя по [Harris 1992; 1994], соответствующие конструкции скорее являются коррелятивами.

Африки, Новой Гвинеи, Северной и Южной Америк [Dryer 2011b]¹⁶. При этом в литературе неоднократно предпринимались попытки установить связь между наличием относительных конструкций с вложенными вершинами и другими типологическими характеристиками языков.

Одно из самых известных обобщений, связанных с распределением относительных конструкций с вложенной вершиной, затрагивает базовый порядок слов в языках, обнаруживающих это явление. В ряде работ (см., например, [Keenan 1984: 163; Cole 1987: 282] и цитируемые там исследования) была выдвинута идея, согласно которой относительные конструкции с вложенной вершиной присущи языкам с левым ветвлением, то есть языкам, в которых зависимые элементы в норме предшествуют вершине. Как правило, хотя и не без исключений, базовый порядок слов в таких языках выглядит как АГЕНС — ПАЦИЕНС — СКАЗУЕМОЕ (SOV) и НЕПЕРЕХОДНЫЙ СУБЪЕКТ — СКАЗУЕМОЕ (SV).

Обобщение, касающееся связи относительных конструкций с вложенной вершиной с левым ветвлением, впрочем, неоднократно опровергалось. Эти конструкции обнаруживались в австронезийских языках, характеризующихся правым ветвлением, — например, в так называемом риау-индонезийском диалекте малайского языка (Индонезия) [Gil 2000], в тагальском языке (Филиппины) и в языке сидик (Тайвань) [Aldridge 2004], а также в языках группы гур семьи нигер-конго с базовым порядком слов АГЕНС — СКАЗУЕМОЕ — ПАЦИЕНС (SVO) и ОПРЕДЕЛЯЕМОЕ — ОПРЕДЕЛЕНИЕ (за исключением посессивных конструкций) [Hiraiwa 2003; 2005; 2009] и т.д. Тем не менее тенденция к сосуществованию относительной конструкции с вложенной вершиной и базового порядка SOV очевидна. В выборке языков, использованных в [Dryer 2011b], из 49 языков с относительными конструкциями с вложенной вершиной, для которых в [Dryer 2011a] также представлены и данные о базовом порядке слов, в 44 языках представлен базовый порядок слов SOV, в трех — порядок слов со сказуемым в начале, а в двух — базовый по-

¹⁶ Подробный список языков, в которых наблюдаются относительные конструкции с вложенной вершиной, сопровождаемый списком источников об этих конструкциях, дан в [Hiraiwa 2003: 76].

рядок слов не определен вовсе¹⁷. Этот переко́с может быть обусловлен зачастую наблюдаемой в относительных конструкциях с вложенной вершиной номинализацией предложения, не меняющей оформления зависимых подчиненного сказуемого (возможно, за исключением вложенной вершины). Между тем сохранение маркирования актантов при номинализациях, указывающих на ситуацию, также наблюдается преимущественно в языках с базовым порядком слов SOV; см. [Кортјевскаја-Тамм 1993: 102]. Примечательно, что языки с конструкциями с вложенной вершиной и базовым порядком, отличным от SOV, демонстрируют другой тип относительных конструкций, не предполагающий номинализацию сказуемого (о противопоставлении двух типов относительных конструкций с вложенной вершиной — с номинализацией и без таковой см. [Hiraiwa 2005]; нам, впрочем, кажется, что четкая граница между этими двумя типами не всегда очевидна).

Некоторые обобщения, описывающие относительные конструкции с вложенной вершиной, связаны с типологическими характеристиками, имеющими непосредственное отношение к понятию полисинтетизма. Дж. Николс отметила, что такие конструкции встречаются преимущественно в языках, в которых доминирует вершинное маркирование грамматических отношений; объяснялось это тем, что отсутствие семантической вершины в матричной предикации представляло, согласно Николс, вершинное маркирование подчиненного статуса относительной предикации [Nichols 1984]. Э. Джелинек [Jelinek 1987], А.А. Кибрик [Kibrik 1992] и М. Бейкер [Baker 1996: Ch. 4.3.2] связывали активное использование конструкций без внешней вершины с морфологическим выражением актантов в глаголе, которое имплицировало, что релятивизируемый актант уже появлялся в предложении. С этим коррелирует еще одно обобщение, предложенное П. Коулом [Cole 1987: 282], в соответствии с которым в языках, допускающих относительные конструкции с вложенной вершиной, актанты могут быть синтаксически не выражены (сам Коул формулирует это обобщение в терминах возможности использования нулевых местоимений), — это свойство типично для языков, в которых, как

¹⁷ Здесь, как и непосредственно ниже, мы исходим из того, что статистический переко́с в сторону обсуждаемых языковых типов не соизмерим с возможным преобладанием этих типов среди языков мира.

предполагается, актанты могут быть выражены на морфологическом, а не на синтаксическом уровне (см. [Jelinek 1984; Kibrik 1992; 2011; Baker 1996]). Хотя эти обобщения тоже не являются строгими и нарушаются, например, в языках гур [Hiraiwa 2003: 58], предложенные соответствия не кажутся случайными. Впрочем, данные [Dryer, Haspelmath (eds) 2011] на этот счет менее убедительны из-за меньшего количества исследованных языков: из 24 языков с относительными конструкциями с вложенными вершинами [Dryer 2011b], для которых определен локус маркирования грамматических отношений на уровне предикации [Nichols, Bickel 2011], вершинное маркирование или двойное маркирование (предполагающее вершинное маркирование) обнаруживают пятнадцать, пять демонстрируют исключительно зависимостное маркирование, а четыре — отсутствие маркирования.

Наконец, еще один параметр, с которыми связывалась в литературе допустимость относительных конструкций с вложенной вершиной, касался позиции вопросительных слов в частных вопросах. А. Ватанабе [Watanabe 1992] высказал утверждение, что релятивы с вложенной вершиной должны быть ограничены языками, которые в частных вопросах не выносят вопросительные слова в начало. Эта гипотеза во многом основывалась на представлениях о сходстве построения частных вопросов и относительных конструкций, связанных с наблюдаемыми иногда в релятивах использованием вопросительных слов и выносом относительных местоимений в начальную позицию относительной предикации. В исходном виде обобщение Ватанабе не подтвердилось, так что впоследствии его формулировку пришлось усложнить, сделав ее зависимой от неочевидных допущений о функционировании вопросительных слов, фокусных конструкций и релятивов; см. [Watanabe 2004]. В [Dryer, Haspelmath (eds) 2011] из 45 языков с относительными конструкциями с вложенной вершиной [Dryer 2011b], для которых представлены и сведения о выносе вопросительных слов [Dryer 2011c], последний наблюдается в той или иной мере в четырнадцати, а в 31 языке вопросительное слово не занимает особой структурной позиции в предложении. Итак, гипотеза Ватанабе не работает, хотя определенный статистический перекоп имеет место и в этом случае.

Адыгейский язык удовлетворяет всем тенденциям, отмеченным в связи с дистрибуцией относительных конструкций с вложенной вершиной: базовый порядок слов в этом языке SOV, в нем распространено вершинное маркирование (раздел 1.2), актанты по крайней мере в какой-то степени могут быть выражены морфологически (раздел 1.6), и, наконец, адыгейский язык, по-видимому, не может классифицироваться как язык с выносом вопросительного слова в частных вопросах (раздел 0.3.2).

6.5. Позиция вершины и референция матричной именной группы

До сих пор мы рассматривали вложенные вершины как более или менее единое явление, которое, к тому же жестко противопоставлено внешним вершинам (что не предполагает, впрочем, жесткую противопоставленность конструкций с внешними и вложенными вершинами). В этом разделе будет показано, что это единство — упрощение. Более того, наличие вложенной вершины — лишь одно из свидетельств спаянности семантической вершины и релятива, но степень этой спаянности может различаться как для вложенных вершин, так и для внешних. Основные свидетельства, указывающие в сторону большей/меньшей спаянности семантической вершины и относительного предложения, таковы:

(i) порядок слов: чем менее позиции семантической вершины и относительного предложения привязаны друг к другу, тем меньше их спаянность; в частности, спаянность относительного предложения и вложенной вершины больше, чем спаянность релятива и внешней вершины, хотя этот параметр и не бинарен;

(ii) маркирование семантической вершины: если синтаксическая функция семантической вершины специально оформлена, это маркирование может определяться относительным предложением, матричным предложением либо ни тем, ни другим; чем больше зависит такое маркирование от релятива или его наличия (то есть от всей относительной конструкции), тем больше спаянность семантической вершины и относительного предложения; чем больше оно зависит от матричного предложения, тем эта спаянность меньше;

(iii) семантическая интерпретация: семантическая вершина может входить в область релятивизации или не входить — в первом случае ее спаянность с реля-

тивом больше, чем во втором; до релятивизации или после; если семантическая вершина входит в область релятивизации, мы будем говорить, что она интерпретируется внутри относительного предложения.

Как будет показано в разделе 6.5.4, с различием в степени спаянности могут коррелировать некоторые другие свойства конструкции.

6.5.1. РАЗНООБРАЗИЕ ВЛОЖЕННЫХ ВЕРШИН

Рассмотрение вложенных вершин как единого класса, безусловно, имеет смысл, поскольку оно позволяет выдвинуть нетривиальные обобщения (см. раздел 6.4.2), но этот класс не однороден. То, что такие конструкции различаются по степени спаянности относительного предложения и семантической вершины, можно увидеть уже по их оформлению (см., например, [Modena, Muro 2008]). Некоторые языки допускают инкорпорацию вложенной вершины в релятивное сказуемое, которая, вероятно, представляет максимальную степень ее спаянности с относительным предложением:

Южный тива (кайова-таноанская семья)

- (6.45) [bi-k'uru-tha-ba-ʔi] i-k'euwe-m
 1SG.S/III.O-ковш-находить-PST-SUB III.S-старый-PRS
 'Ковш, который я нашел, — старый'.
 [Allen et al. 1984: 308; Modena, Muro 2008: 57]

Могавк (ирокезская семья)

- (6.46) uwári wa'-e-núhwe'-ne' thíkɫ
 Мэри FACTUAL-1SG.S-любить-PUNC тот
 wa'-ku-snyéna-' wa-hs-anitskwara-tsher-úni-'
 FACTUAL-1SG.S/2SG.O-помогать-PUNC FACTUAL-2SG.S-стул-NMZ-делать-PUNC
 'Мэри понравился стул, который я помог тебе сделать'.
 [Baker 1996: 173]

Неинкорпорированные вложенные вершины могут сохранять маркирование роли мишени (6.47) (в частном случае, это, естественно, может сводиться к отсут-

ствию маркирования). Однако, как мы видели на абхазо-адыгском материале, вложенные вершины могут получать и особое маркирование; ср. приводимый Д. Кресселем [Creissels 2005] аналогичный пример из французского языка, в котором семантическая вершина вводится предлогом *comme* ‘как’ (6.48)¹⁸.

Апинаже (семья же)

(6.47) ic-tɛ di m̃ me-kədəɕɕə ɲ-õr čwəɲ ja
 1-ERG женщина DAT INDEF=замена LNK-давать:NFIN NMZ.A DEF
 ‘женщина, которой я дал лекарство’ [de Oliveira 2005: 284]

Французский язык (индоевропейская семья)

(6.48) *J’aime bien [ce que tu m’as apporté comme cadeau].*
 ‘Мне нравится подарок, который ты мне принес’. [Creissels 2005]

Такая же картина, как с маркированием роли, наблюдается и в отношении места вложенной вершины в предложении. Конструкции с неинкорпорированными вложенными вершинами могут сохранять порядок слов, типичный для независимых предикаций; в таких случаях иногда возникает многозначность, касающаяся того, какая из именных групп описывает мишень:

¹⁸ Не исключено, что *comme cadeau* ‘как подарок’ в (6.48) следует трактовать как вторичную предикацию при отсутствующей мишени. Для адыгских языков такая трактовка не работает, поскольку вложенные семантические вершины не интерпретируются внутри относительного предложения. Заметим также, что Д. Крессель не рассматривает в качестве конструкций с вложенной вершиной ни структуры вроде адыгейских, ни построения вроде (6.48), относя их к отдельному типу релятивных конструкций с косвенной семантической вершиной. Мы игнорируем это противопоставление конструкций, поскольку для многих языков действительный статус вложенной вершины как актанта или косвенной группы не очевиден.

Мохаве (хоканская семья)

- (6.49) masahay ahvay ʔ-ay-n^y-č ʔahot-m
девушка платье 1-давать-DEM-S хороший-TENSE
а. ‘Девушка, которой я отдал платье, — симпатичная’.
б. ‘Платье, которое я отдал девушке, — симпатичное’.
[Munro 1976: 198; Basilico 1996: 502]

Нередко, однако, в предикациях с вложенными вершинами наблюдается нестандартный порядок слов: семантическая вершина занимает место, не свойственное мишени, благодаря чему она и опознается как мишень релятивизации. Наиболее обычно для таких конструкций расположение семантической вершины в начале релятива (хотя иногда для ее выделения достаточно нестандартной позиции, явно располагающейся внутри предикации [Basilico 1976: 502]):

Мохаве (хоканская семья)

- (6.50) ahvay masahay ʔ-ay-n^y-č ʔahot-m
платье девушка 1-давать-DEM-S хороший-TENSE
‘Платье, которое я отдал девушке, — симпатичное’.
[Munro 1976: 198; Basilico 1996: 502]

Как было показано в работах [Grosu, Landman 1998; Grosu 2000; 2002], вложенные вершины не однородны и семантически. В некоторых конструкциях они заведомо способны интерпретироваться внутри относительного предложения: их референты могут иметь узкую сферу действия относительно других групп, входящих в релятив. Ср., например, следующую пару японских конструкций из [Grosu 2000]:

Японский

- (6.51) Taro wa [hotondo no gakusei ga dono shukudai.mo
Таро TOP большинство GEN студент NOM каждый задание

dashi-ta no] o yatto saiten shi oe-ta
 сдать-PST NMZ ACC наконец оценка делать закончить-PST

‘Таро наконец закончил оценивать задания такие, что большинство студентов сдали каждое из них’. [Grosu 2000: 147]

(6.52) Taro wa [hotondo no gakusei ga dashi-ta dono
 Таро TOP большинство GEN студент NOM сдать-PST каждый
 shukudai-mo] o yatto saiten shi oe-ta
 задание-ADD ACC наконец оценка делать закончить-PST

‘Таро наконец закончил оценивать каждое задание, которое сдали большинство студентов’. [Grosu 2000: 147]

В (6.51) представлена конструкция с вложенной вершиной, содержащей квантор ‘каждый’, который квантифицирует не референт матричной группы, но лишь партиципанта, используемого для описания этого референта. В аналогичной конструкции с внешней вершиной, как видно из (6.52), квантор относится к референту матричной группы.

В иных случаях вложенная вершина включается в семантической композиции конструкции после релятивизации. В разделе 3.3.3 мы видели, что в адыгейском языке квантор при вложенной вершине интерпретируется как относящийся ко всей матричной именной группе. Следующие примеры из языка лакота демонстрируют аналогичное явление, связанное с показателем отрицательной полярности *-ni*, присутствие которого на вложенной семантической вершине определяется наличием отрицания в матричной предикации. В (6.53a)—(6.53b), в которых матричная предикация не содержит отрицание, появление этого показателя невозможно, несмотря на наличие отрицания в релятиве. В (6.53c), наоборот, в отсутствие отрицания в релятиве показатель на семантической вершине присутствует, благодаря отрицанию в матричной предикации.

Лакота (сиуанская семья)

(6.53) а. *[šɥka wəʒi-ni ophewathɥ šni ki / cha] he sare
 собака некий-NPI я.купил NEG DET DET тот черный

- b. [šuka wə ophewathu šni ki] he sape
 собака некий я.купил NEG DET тот черный
 ‘Собака, которую я не купил, — черная’. [Williamson 1987: 179]
- c. [šuka wəži-ni ophewathu cha] sape šni
 собака некий-NPI я.купил DET черный NEG
 ‘Никакая купленная мною собака собака не черная’.
 [Williamson 1987: 181]

При этом, правда, граница между конструкциями с вложенной вершиной, интерпретируемой внутри относительного предложения, и конструкциями с вложенной вершиной, которая не входит в область релятивизации, возможно, не так четка, как это выглядит в работах А. Гросу и Ф. Ландмана. Например, в языке куско-кечуа, как показано в [Hastings 2004], квантифицированная вложенная вершина в зависимости от типа квантора как включаться в область релятивизации, так и находиться вне ее.

Несмотря на размытость границ, вероятно, можно признать, что вложенная вершина может быть в разной степени интегрирована в относительную предикацию, в разной степени спаяна с ней — как морфосинтаксически, так и семантически. Естественно полагать, что морфосинтаксис и семантика должны коррелировать друг с другом. Хотя необходимые для подтверждения этого данные есть лишь для немногих языков (в первую очередь, как правило, отсутствуют данные, касающиеся семантической интерпретации вложенных вершин), в разделе 6.5.4 будет показано, что некоторые корреляции, по-видимому, существуют.

6.5.2. РАЗНООБРАЗИЕ ВНЕШНИХ ВЕРШИН

Параметр степени спаянности с релятивами существенен и для внешних вершин. Известно, что в нерестриктивных конструкциях вершины менее синтаксически спаяны с относительными предложениями, чем в релятивах (см., обзор формальных свойств рестриктивных и нерестриктивных конструкций в [de Vries 2002: Ch. 6]). Это легко увидеть при рассмотрении порядка слов: при наличии рестриктивного и нерестриктивного относительных предложений, располагающихся с одной стороны от вершины, нерестриктивное располагается от нее дальше,

чем рестриктивное. Ср. следующие русские примеры (релятивы, вводимые *что*, в русском языке обычно рестриктивны; нерестриктивность второго относительного предложения, подчеркивается парентетической вставкой *мне кажется*):

(6.54) [щука, что ты поймал], которую, мне кажется, ты есть не будешь

(6.55) *щука, которую, мне кажется, ты есть не будешь, которую/что ты поймал.

Такое формальное выражение противопоставления по рестриктивности — не единственное проявление разной спаянности в конструкциях с внешней вершиной: по степени спаянности относительного предложения и вершины могут различаться и нерестриктивные конструкции [Cinque 2008], и рестриктивные (см. раздел 6.5.4). С точки зрения морфосинтаксиса степень спаянности связана, в частности, с инкорпорацией сказуемого релятива в вершину (раздел 6.3) и с тем, является ли подчинение категориальным или некатегориальным (раздел 6.2). Как некатегориальное подчинение, так и инкорпорация предполагают бóльшую спаянность, поскольку релятивы не могут автономно получить должную интерпретацию. Наконец, большей спаянностью могут характеризоваться конструкции, в которых используются исключительно просодические средства подчинения (раздел 6.5.4).

6.5.3. ГИБРИДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В языках встречаются конструкции, которые, по-видимому, невозможно однозначно определить как содержащие внешнюю или вложенную вершину: при сопоставлении с другими конструкциями семантическая вершина обнаруживает свойства как внешней, так и вложенной. Такие конструкции мы будем именовать гибридными.

Уникальный пример гибридной конструкции — описанные в разделе 5.4 шапсугские построения, где линейно вложенная семантическая вершина принимает падеж матричной именной группы.

В литературе описана и обратная ситуация, когда семантическая вершина, представляемая внешней, маркируется падежом мишени, — это явление именуется инвертированной падежной аттракцией (см. [Tuite 1984]). Ср. примеры, в которых матричная группа должна нести именительный падеж, но падеж семантической вершины совпадает с падежом относительного местоимения:

Латинский (индоевропейская семья)

(6.56) urbem quam statuo vestra est
 город:ACC.SG который:ACC.SG ставить:1SG ваш быть:3SG
 ‘Город, который я основал, — ваш’. [Tuite 1984: 141]

Древнегрузинский (картвельская семья)

(6.57) siṭqwata romelta geṭqode tkven sul arian da
 слова:OBL.PL который:OBL.PL я.вам.говорю вы дух COP:3PL и
 схovreba
 жизнь
 ‘Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь’. (от Иоанна 6:63)
 [Tuite 1984: 141]

Описание через инвертированную падежную аттракцию основывается на том, что в норме в этих языках при таком порядке слов и с учетом наличия относительного местоимения семантическая вершина является внешней по отношению к релятиву. Чтобы не постулировать отдельную конструкцию с вложенной вершиной, минимально отличающуюся от обычных построений, приходится описывать падеж вершины как результат особого процесса.

Еще одна гибридная конструкция описана для языка чокто, в котором конструкций с внешней вершиной, образующих обычную именную группу в составе предложения, не существует вовсе; когда семантическая вершина явно образует одну составляющую с релятивом, она всегда вложена (6.58a). При выносе относительной предикации на периферию предложения, семантическая вершина может оставаться на месте, обычно оформляясь падежом антецедента (6.58b). Иногда, однако, такая семантическая вершина, будучи оторванной от релятива и тем са-

мым являясь по отношению к нему внешней, получает оформление в соответствии с ее ролью в относительной предикации, как будто бы она находится внутри нее; ср. (6.58b).

Чокто (мускогская семья)

- (6.58) a. [Ofi' ipiita-li-k-aash-m-at] balii-t kaniiya-h
 собака кормить-1SG:I-TENSE-PREV-NOM бежать-PTCP уходить-TENSE
 b. Ofi'-t balii-t kaniiya-h [ipiita-li-k-aash-m-at]
 собака-NOM бежать-PTCP уходить-TENSE кормить-1SG:I-TENSE-PREV-NOM
 c. Ofi' balii-t kaniiya-h [ipiita-li-k-aash-m-at]
 собака бежать-PTCP уходить-TENSE кормить-1SG:I-TENSE-PREV-NOM
 'Собака, которую я покормил, убежала'. [Broadwell 2006: 301]

6.5.4. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Существует непосредственная связь между степенью спаянности семантической вершины и относительной конструкции и тем, насколько релятив участвует в установлении референции матричной группы. В первом приближении можно установить следующую закономерность:

Чем выше степень спаянности семантической вершины и относительной предикации, тем больше релятив влияет на референцию именной группы.

Рассмотрим проявление этой закономерности на примере конструкций разных типов.

Относительные конструкции с вложенной вершиной. Относительные конструкции с вложенной вершиной всегда рестриктивны, то есть участвуют в установлении референции матричной группы, ограничивая круг возможных референтов. Однако как подчеркивается в [Grosu, Landman 1998; Grosu 2000; 2002], релятивы способны не только участвовать в установлении референции, но и устанавливать референцию сами: некоторые относительные конструкции требуют определенной или универсальной референции матричной именной группы. А. Гросу и Ф. Ландман указывают, что для таких конструкций характерна невозможность

рекурсии: поскольку один релятив уже устанавливает референцию, прочие относительные предложения должны описывать объект с уже установленной референцией, быть нерестриктивными, что противоречит функции конструкции. Среди относительных конструкций с вложенной вершиной к таким построениям относятся конструкции, в которых семантическая вершина вложена и интерпретируется внутри относительной предикации, — например, японская конструкция с вложенной вершиной. В (6.59) показано, что эта конструкция не выступает в качестве вложенной вершины другой аналогичной конструкции:

Японский

- (6.59) *[John ga [Mary ga nagai ronbun o yon-da (no)]
 Джон NOM Мэри NOM длинный статья ACC читать-PST NMZ
 kai-ta no] ga LI ni not-ta
 писать-PST NMZ NOM Linguistic.Inquiry LOC появиться-PST
 (Ожид.: ‘Длинная статья, прочитанная Мэри, которую написал Джон, появилась в LI.’) [Grosu 2000: 146]

Во многих других языках (в том числе и в адыгейском) конструкции с вложенной вершиной позволяют подобную рекурсию. Это указывает на то, что эти построения не всегда устанавливают референцию. Ср. пример из языка эпена-педее:

Эпена-педее (чокоанская семья)

- (6.60) na čík^ho k^hāi-pá-ri [k^híru p^hóo-da báai-da] ek^hári
 этот рыба спать-НАВ-PRS лист сохнуть-PST падать-PST под
 to há[́]-de
 река поверхность-LOC
 ‘Эта рыба спит на дне реки под листьями, которые высохли и упали’.
 [Harms 1994: 171]

Предположительно, возможность такой рекурсии коррелирует с тем, что семантическая вершина не включается в область релятивизации. Хотя А. Гросу и

Ф. Ландман [Grosu, Landman 1998; Grosu 2000; 2002] в этой связи говорят о бинарном противопоставлении между конструкциями, устанавливающими референцию, с вершиной, интерпретируемой внутри релятива, и конструкциями, лишь ограничивающими референцию, с вершиной, интерпретируемой снаружи релятива, не исключено, что это противопоставление сложнее. В этом свете особенно интересно, что адыгейские вложенные семантические вершины легко выносятся за сказуемое релятива в конструкциях, где матричная группа нереферентна (раздел 3.3.3), то есть релятив заведомо не принимает никакого участия в ее референции. Очевидно, что чем меньше релятив с вложенной вершиной влияет на референтность матричной группы, тем больше свободы предоставляется семантической вершине.

Гибридные конструкции, по-видимому, всегда рестриктивны. Для конструкций с инвертированной падежной аттракцией обязательная рестриктивность подчеркивается в [Tuite 1984].

Относительные конструкции с внешней вершиной. Здесь, как мы видели, менее всего семантическая вершина спаяна с релятивом при нерестриктивной модификации, когда зависимая предикация не имеет отношения к установлению референции матричной группы. Выше это демонстрировалось на примере порядка слов, но это не единственный критерий. Как мы упоминали, конструкции, в которых подчиненность маркируется исключительно просодией, также предполагают большую спаянность вершины с релятивом; не удивительно то, что такие конструкции могут тяготеть к рестриктивности. Например, в языке бемба при релятивизации подлежащего могут использоваться две конструкции. В первой (6.61a) внешняя вершина и субъектный префикс сказуемого относительной предикации получают особые тоны, то есть относительная конструкция маркируется просодическими средствами; эта конструкция всегда рестриктивна. Во второй (6.61b) в вершине и сказуемом релятива сохраняются обычные тоны, но перед субъектным префиксом в сказуемом появляется особый аугмент, традиционно описываемый как *препрефикс*; таким образом, конструкция маркируется сегментными средствами, причем у нее есть как рестриктивное, так и нерестриктивное прочтения [Kula, Cheng 2007: 130].

Бемба (нигер-конголезская семья)

- (6.61) a. abáBembá b̀à-shipa beekala muZambia
бемба:PL(II) REL + П.С-смелый П.С:жить Замбия(XVIII)
'Те бемба, которые смелые, живут в Замбии'.
(рестриктивная интерпретация)
- b. abáBemba á-bá-shipa beekala muZambia
бемба:PL(II) PRE-П.С-смелый П.С:жить Замбия(XVIII)
'Смелые бемба живут в Замбии'.
(рестриктивная или нерестриктивная интерпретация)
- [Kula, Cheng 2007: 130]

Более того, в целом, если в языке имеются маркированная относительная конструкция и немаркированная относительная конструкция (демонстрирующая некатегориальное подчинение, причем в норме без относительных местоимений), часто немаркированная конструкция ограничена рестриктивной функцией. Так обстоят дела, в частности, в английском языке [Quirk et al. 1985: 1258] и библейском иврите [Holmstedt 2002: 114]

У относительных конструкций с внешней вершиной может быть дополнительная функция ограничения типа референта: в этом случае они оперируют не столько с множеством потенциальных референтов, которое они ограничивают, сколько с семантическим типом объектов (kind), абстрактным классом, понимаемым здесь в духе работ [Carlson 1980; Булыгина, Шмелев 1989], так что сочетания семантических вершин и релятивов используются в качестве единого средства номинации¹⁹. Мы принимаем, что в этом случае релятивы в большей степени

¹⁹ Противопоставление собственно рестриктивных модификаторов и модификаторов, ограничивающих тип, чрезвычайно тяжело сформулировать, не используя достаточно специфичные модели описания семантики. Тем не менее такое противопоставление постулировалось для разного типа определений; см., например, [Bolinger 1967] для английских конструкций с прилагательными, где вводится оппозиция между *reference-modification* (буквально — модификацией референции) и *referent-modification* (буквально — модификацией референта). Автор настоящей работы использовал противопоставление модификаторов, ограничивающих тип (*type-restricting*), и собственно рестриктивных мо-

вливают на референцию матричной группы, поскольку они заведомо ограничивают не только экстенционал группы, но и ее интенционал. В результате в этом случае можно ожидать большей спаянности релятива и семантической вершины. Парадоксальным образом, такие относительные конструкции утрачивают возможность напрямую устанавливать референциальный статус, так как последний определяется, очевидно, для экстенционала. С этим связаны, например, эффекты, которые можно наблюдать в языке хмонг-дау, где появление специального показателя релятивизации (и тем самым — меньшая спаянность) иногда имплицитно референтность группы; ср.:

Хмонг-дау (семья мяо-яо)

(6.62) yoh tuaj neeg tuaj ua phem rau nej
 быть иметь человек приходить делать плохой к вы
 yua.v.tsum tsis.txhob nitshai mus hais qhia rau
 должный NEG бояться идти говорить объяснять к
 [lub tsev kav.xum uas nyob ze ntawm nej]
 CLF дом власти REL быть.у около у вы
 ‘Если кто-либо сделал по отношению к вам что-нибудь плохое, вы не
 должны бояться идти обратиться в полицейский участок, который нахо-
 дится около вас’. [Riddle 1994: 274—275]

В [Riddle 1994: 275] указывается, что в (6.62) имеется в виду конкретный полицейский участок, в то время как отсутствие релятивного показателя *uas* может имплицитно нереферентное прочтение группы ‘близлежащий полицейский участок’.

Относительные конструкции, ограничивающие тип, обычно не привязывают семантическую вершину к конкретной ситуации, имеющей определенную локализацию во времени и пространстве, поэтому они не так охотно допускают уточнение различных параметров, спецификацию описываемой им ситуации, повышающую ее конкретность. В синтаксисе это может проявляться в запрете на вет-

дификаторов (token-restricting) для описания разных видов посессивных конструкций в [Lander 2002].

ление определения. Кроме того, подобные релятивы легче лексикализуются, приближаясь к каноническим качественным прилагательным, в связи с чем тоже может меняться их дистрибуция. Вероятно, с такими конструкциями сопоставимы адыгейские конструкции с постпозицией глагольного определения, описанные в разделе 3.2.4.

Впрочем, и относительные конструкции, которые *устанавливают* референцию матричной именной группы, могут содержать внешнюю вершину. Это наблюдается, в частности, при несоответствии референции, которую мишень получает в относительной предикации по умолчанию, и допустимой референции матричной именной группы. Таковы, в частности, конструкции с релятивами количества (*degree/amount relatives*; см. [Carlson 1977; Heim 1987; Grosu, Landman 1998]), в которых релятивизируется не конкретный партиципant ситуации, выраженной в подчиненном предложении, а его количество или тип:

Английский (индоевропейская семья)

(6.63) *We will never be able to recruit the soldiers that the Chinese paraded last May Day.*

‘Мы никогда не сможем завербовать столько солдат, сколько китайцы выставили на парад на Первое мая’.

Букв.: ‘Мы никто не сможем завербовать солдат, которых китайцы выставили на парад на Первое мая’. [Grosu, Landman 1998: 132]

Подобные конструкции предполагают определенность матричной группы. С точки зрения семантики в них, вероятно, можно постулировать максимальную спаянность семантической вершины и релятива: в (6.63) релятив определяет нестандартный онтологический тип референта матричной именной группы. В [Grosu, Landman 1998] предполагается, что затронутый такой релятивизацией партиципant интерпретируется внутри относительного предложения. Действительно, по крайней мере в конструкциях с релятивами количества такая роль может иметь узкую сферу действия относительно других групп в релятиве (6.64); в

то же время никаких непротиворечивых синтаксических критериев, позволяющих оценить степень спаянности в этих конструкциях нам не известно²⁰.

(6.64) *Купюрой, которую каждый пожертвовал, он не смог бы расплатиться и за хлеб, но все вместе обеспечивало ему проживание на несколько недель.*

Итак, на основании представленных данных действительно можно говорить, что увеличение спаянности семантической вершины и релятива по меньшей мере не должно сопровождаться уменьшением влияния относительной конструкции на референцию матричной группы. В то же время, если исключить из рассмотрения гибридные конструкции, навряд ли можно универсально соотнести какие-либо конструкции с каким-либо универсальными функциями вроде установления референции, ее ограничения или описания уже известного референта: степень спаянности должна соотноситься с такими функциями лишь в рамках конкретной системы. Более того, не исключено, что такая классификация функций сама по себе слишком груба и не отражает все нюансы, возникающие при противопоставлении разных относительных конструкций в пределах одного языка.

6.6. Множественная релятивизация

Одновременная релятивизация нескольких кореферентных партиципантов, наблюдаемая в адыгейском языке (раздел 4.3.2), представляет лишь один из подтипов множественной релятивизации. В целом в литературе множественная релятивизация понимается как относительная конструкция, в которой имеется не-

²⁰ В рамках генеративной грамматики представлено значительное число анализов, согласно которым все внешние вершины исходно располагаются внутри относительного предложения, но затем передвигаются в позицию вне релятива (см., например, обзоры аргументов в пользу такого представления в [Bhatt 2002; de Vries 2002: Ch. 3]). При принятии таких анализов семантический аргумент в пользу разной спаянности внешних вершин и относительных конструкций не работает.

сколько мишеней или несколько antecedентов²¹ [de Vries 2002: 66—68]. Смешение таких разных, на первый взгляд, ситуаций в какой-то мере оправдано тем, что некоторые обсуждаемые в связи с множественной релятивизацией языки — а именно индоарийские языки Южной Азии, в первую очередь хинди [Srivastav 1991: 650—651; Dayal 1996: 197—205; Grosu, Landman 1998: 165; Lipták 2009: 5] и урду [Butt et al. 2007: 123—124] — допускают присутствие как нескольких мишеней, так и нескольких antecedентов; ср.:

Хинди (индоевропейская семья)

(6.65) jis laRkii ne jis laRke ko
 который:OBL девушка:OBL ERG который:OBL парень:OBL ACC
 dekh-aa us ne us ko pasand
 видеть-PTCP:PF:M:SG тот:OBL ERG тот:OBL ACC нравящийся
 kiy-aa
 делать-PTCP:PF:M:SG
 ‘Которая девушка которого парня увидела, он ей понравился’.
 [Srivastav 1991: 650]

(6.65) иллюстрирует коррелятивную конструкцию с двумя мишенями и двумя antecedентами. Аналогичные построения возможны в коррелятивах некоторых других языков. В частности, в русском несколько мишеней встречаются в конструкциях вроде:

(6.66) *Кому какая премудрость далась, тот той и придерживайся.*
 (И.С. Тургенев) [Mitrenina 2010: 136]

(6.67) *Какой студент какую книгу выберет, тот ту и читает.*
 [Mitrenina 2010: 141]

²¹ В описаниях иногда встречается и другое использование термина *множественная релятивизация*, при котором он указывает на наличие нескольких относительных предикаций, модифицирующих одно имя.

Множественная релятивизация наблюдается не только в коррелятивах. Начиная с заметки [Perlmutter, Ross 1970] известно, что в английском языке допустимы конструкции с множественными antecedентами; ср. приводимый в этой статье пример (см. также обсуждение в [Andrews 1985: 8]):

Английский (индоевропейская семья)

(6.68) *A man came in and a woman went out who were similar.*

Букв.: ‘Мужчина вошел внутрь и женщина вышла, которые были похожи’. [Perlmutter, Ross 1970: 350]

В (6.68) есть два antecedента при одной мишени, а относительная предикация вынесена в конец высказывания. Аналоги этого примера возможны и в других языках, например, в нидерландском [de Vries 2002: 651]²².

В отличие от адыгейской конструкции, множественная релятивизация, описанная выше, преимущественно наблюдается в относительных конструкциях, которые не образуют единую именную группу. Впрочем, в [Baker 1996: 172] приводится пример, демонстрирующий множественную релятивизацию в пределах одной именной группы — японской относительной конструкции с вложенными вершинами:

Японский

(6.69) Taro wa [neko ga nezumi o oikakete-iru no o]
Таро TOP кот NOM мышь ACC преследовать-PROG NMZ ACC
ni-hiki-tomo tukamae-ta
два-CLF-и-ADD поймать-PST
‘Таро поймал кота_i и мышь_j, таких что он_i ее_j преследовал’.
[Baker 1996: 172]

²² Заметим, что такие случаи следует отличать от так называемых гидр [Link 1984] — примеров вроде английского *a boy and a girl who were the same age* ‘мальчик и девочка, которые были одного возраста’, в которых сочинительная конструкция *a boy and a girl* может пониматься как единый antecedент.

В (6.69) имеется две мишени релятивизации, которые принадлежат одному релятиву, но относительная конструкция образует единую именную группу. Такие примеры в литературе задокументированы хуже, чем множественная релятивизация с коррелятивами или вынесенным релятивом. Между тем по своим характеристикам они располагаются ближе к адыгейской множественной релятивизации, чем другие конструкции.

Важное отличие приведенных конструкций от адыгейской заключается в том, что они не предполагают кореферентности между множественными мишенями (и даже, вероятно, предполагают их некореферентность), в то время как рассмотренная нами конструкция основана на кореферентности. Что касается ситуации адыгейского типа, она не только не описывалась (за одним исключением; см. ниже) для языков, данные которых активно использовались при обсуждении типологии релятивизации, но даже эксплицитно запрещалась в литературе. Так, Э. Кинэн [Keenan 1972b: 434—435] (см. также [Keenan 1972a: 169]), рассуждая о том, что релятивизируется при наличии нескольких кореферентных партиципантов, вводит понятие *главного вхождения* (*prime occurrence*) переменной (то есть такое появление партиципанта, которое связывает кореферентные местоимения) и постулирует, что релятивизовываться должно главное вхождение, но не кореферентные группы. Однако нарушающие правило Э. Кинэна конструкции с релятивизацией кореферентных партиципантов зафиксированы не только в адыгейском, но и в других абхазо-адыгских языках (по-видимому, за исключением исчезнувшего убыхского); ср. (6.70)—(6.74). Эти конструкции были замечены в западнокавказской семье уже Ж. Дюмезилем [Dumézil 1932: 245]. Для абхазского языка они описываются в [Hewitt 1979b] (см. также [Hewitt 1979c: 37; 1987: 199ff]), для абазинского — в [O’Herin 2002: 270—275], для кабардино-черкесского — в [Бижоев 1991: 28; 2005: раздел 3.4; Кумахов (ред.) 2006: I, 293].

Кабардино-черкесский (абхазо-адыгская семья)

- (6.70) *зи гугъуехъ зыгъэз*
z-jə-g^wəv^wəjeh zə-vez
REL.PR-POSS-трудности REL.A-поворачивать
‘тот, который переносит трудности (свои)’
Букв.: ‘который поворачивает трудности которого’
[Багов и др. (ред.) 1970: 74]

- (6.71) *сызыдызыфлызэпльыр*
сə-zə-də-zə-fə-z-e-рлə-г
1SG.ABS-REL.IO-COM-REL.IO-MAL-REL.IO-DAT-смотреть-ABS
‘тот, на которого_i я смотрю вместе с ним_i против его_i воли’
[Бижоев 1991: 28]

Кабардино-черкесский (бесленевский диалект; абхазо-адыгская семья)

- (6.72) *дев-wə z-jə-q^we рхeʃen-wə zə-ves-a*
хороший-ADV REL.PR-POSS-сын плотничество-ADV REL.A-обучать-PST
s-jə-v^wənev^wə-г
1SG.PR-POSS-сосед-ABS
‘мой сосед, который хорошо обучил своего (букв.: чьего) сына плотниц-
кому делу’

Абхазский (абхазо-адыгская семья)

- (6.73) *z-xarp z-ʃ^wə-z-c'o-z а-хас'а*
REL.PR-рубаха REL.IO-DTR-REL.A-надеть-IPF:NFIN ART-мужчина
‘мужчина, надевающий свою рубаху’
Букв.: ‘мужчина, который надевает на которого рубаху которого’
[Hewitt 1979b: 166]

Абазинский (абхазо-адыгская семья)

- (6.74) z-qa jə-z-zə-n-ḱ^wə-m-ga-wa
REL.PR-голова 3SG:N.ABS-REL.IO-BEN-DIR-LOC-NEG-вести-PRS:NFIN
‘не умеющий себя вести’
Букв.: ‘который не умеет вести голову которого’ [Генко 1955: 134]

В деталях множественной релятивизации западнокавказские языки различаются. Например, отмеченный для адыгейского языка запрет на одновременную релятивизацию абсолютивного актанта и какой-либо другой роли действует для кабардино-черкесского языка (по крайней мере для его бесленеевского диалекта; пример 6.75), но отсутствует в абхазском языке (6.76):

Кабардино-черкесский (бесленеевский диалект; абхазо-адыгская семья)

- (6.75) s-jə-nəbž’ev^w jə-šə-m / *z-jə-šə-m
1SG.PR-POSS-друг + ADV POSS-брат-OBL REL.PR-POSS-брат-OBL
de-ʔarəq^w-a-r
COM-помогать-PST-ABS
‘мой друг, который помог своему брату’

Абхазский (абхазо-адыгская семья)

- (6.76) z-an jə-lə-cə-m-nəq^wa-z a-č’k^wən
REL.PR-мать 3SG:N.ABS-3SG:F.IO-COM-NEG-идти-AOR:NFIN ART-парень
‘мальчик, который не пошел со своей матерью’ [Hewitt 1979b: 163]

Бесленеевский глагол ‘помогать’ — непереходный: актант, оказывающий помощь, оформляется как абсолютивный, а актант, которому оказывается помощь, вводится аппликативным превербом и оформляется косвенным падежом. В (6.75) релятивизируется абсолютивный актант, кореферентный посессору непрямого объекта, а посессор не может маркироваться как релятивизованный. В абхазском языке, противопоставляющем для абсолютивного актанта 3-го лица личный (соответствующий актанту-человеку) и неличный (соответствующий прочим актантам) префиксы, при релятивизации этого актанта указанный контраст нейтрализуется: в этой

морфологической позиции появляется неличный префикс 3-го лица единственного числа (при релятивизации прочих актантов личные префиксы, как и в адыгейском языке, заменяются на релятивные). В (6.76) мы наблюдаем нейтрализацию классного противопоставления в позиции абсолютного префикса (соответствующий ему актант, очевидно, указывает на человека), а также релятивный префикс посессора в морфологической позиции непрямого объекта, введенного комитативным превербом. Таким образом, в (6.76) наблюдается релятивизация как посессора непрямого дополнения, так и абсолютного актанта.

Также абхазо-адыгские языки различаются по обязательности множественной релятивизации при кореферентности партиципантов: если в адыгейском языке она факультативна (см. раздел 4.3.1), в абхазском языке, судя по работам Дж. Хьюита [Hewitt 1979b; 1979c; 1985], она обязательна.

На первый взгляд, примеры с множественной релятивизацией, основанной на кореферентности, можно отыскать и в нахско-дагестанских языках, в которых роль релятивизируемого партиципанта может маркироваться резумптивным рефлексивным местоимением. Ср.:

Тантынский даргинский (нахско-дагестанская семья)

(6.77) sun-na durħa^ʃ-li sun-na x:unul r-učʰ-ib-se admī
 RFL-GEN парень-ERG RFL-GEN женщина F-нести.PF-PRET-ATR человек
 w-ačʰ-ib
 М-приходить.PF-PRET
 ‘Пришел человек_i, такой что его_{i/j} сын увез его_{i/k} жену’.

(6.78) musa-la durħa^ʃ-li sun-na x:unul šahar-li-cə
 Муса-GEN парень-ERG RFL-GEN женщина город-О-IN
 r-učʰ-ib
 F-нести.PF-PRET
 ‘Сын Мусы увез свою/??его жену в город’.

В (6.77) присутствуют два рефлексивных местоимения, способных функционировать как резумптивы, и относительная конструкция допускает прочтение, при ко-

тором они кореферентны. В то же время, как показывает (6.78), в аналогичном независимом предложении вероятность кореферентности посессора первой именной группы выраженному рефлексивом посессору второй именной группы по меньшей мере не очевидна. Из этого можно сделать вывод, что кореферентность в (6.77) обеспечивается не рефлексивной функцией второго местоимения, а резумптивной²³. Таким образом, тантынский даргинский допускает наличие нескольких кореферентных резумптивов в одной относительной конструкции — точно так же, как абхазо-адыгские языки допускают присутствие в одном релятиве нескольких кореферентных относительных префиксов.

Наконец, множественная релятивизация, основанная на кореферентности, возможно, маргинально допустима в английском языке. Так, Р. Кейн в качестве неочевидного примера приводит (6.79) с двумя кореферентными относительными местоимениями²⁴:

Английский (индоевропейская семья)

(6.79) *??the man whose wife's love for whom knows no bounds*

Букв.: ‘человек, любовь жены которого к которому не знает границ’

[Kayne 1994: 155]

В английском и других языках есть еще одно явление, которое следует упомянуть при обсуждении множественной релятивизации, основанной на кореферентности, — *паразитические пробелы* (parasitic gaps), которым посвящена значительная литература (см., например, классическую статью [Engdahl 1983] и

²³ Не исключено, что этот вывод поспешен. Возвратные местоимения в дагестанских языках подчас имеют гораздо более широкую сферу употребления, нежели нерексивные местоимения и допускают больше возможных контролеров, чем, например, их аналоги в языках средневропейского стандарта. Возможно, сомнительность кореферентности между посессорами в (6.78) связана не столько со строгими грамматическими правилами, сколько с предпочтениями в выборе контролера.

²⁴ Автор признателен Г. Чинкве, который указал на наличие таких примеров. Заметим, однако, что опрошенные нами носители английского языка оценили (6.78) как недопустимый.

сборник [Culicover, Postal (eds) 2001]). Суть этого явления состоит в том, что в относительных и некоторых сходных конструкциях может иметься несколько внешне незаполненных структурных позиций (пробелов), получающих кореферентную интерпретацию; ср.:

Английский (индоевропейская семья)

(6.80) *This is a kind of food you must cook _ before you eat _.*

‘Это такая еда, которую надо готовить (ее) прежде чем есть (ее)’.

[Engdahl 1983: 5]

При анализе подобных примеров обычно считается, что один из пробелов (нижестоящий в структуре) соотносится не с релятивизованной группой, а с первым пробелом (что видно из русского перевода), то есть два актанта являются равноправными [Engdahl 1983]. С учетом наблюдаемой в адыгейском языке асимметрии между разными ролями, состоящей в том, что при кореферентности одни роли скорее релятивизируются, чем другие (раздел 4.3.1), можно предположить, что и при множественной релятивизации один из относительных префиксов «паразитирует» на другом, то есть выражает не собственно релятивизацию, а зависимость от релятивизируемой роли. С этой гипотезой не согласуется допустимость множественной релятивизации ролей, на первый взгляд равноправных, — например, двух объектов послелогов или двух не прямых объектов, вводимых аппликативными превербами. Впрочем, модель описания, в рамках которой постулируются паразитические пробелы, не допускает равноправия ролей, настаивая на иерархизованности структуры. В этих условиях контраргументом против описания множественной релятивизации через паразитические пробелы может стать только доказательство действительного равноправия ролей в релевантных отношениях: например, то, что при релятивизации одного из кореферентных объектов послелогов порядок слов, предположительно существенный для синтаксической структуры, не играет роли в выборе мишени, может свидетельствовать, что для релятивизации эти роли все же равноправны.

Итак, множественная релятивизация не должна считаться уникальным явлением. Тем не менее та ее разновидность, что представлена в абхазо-адыгских языках, насколько нам известно, надежно более нигде не зафиксирована.

6.7. Дистантная релятивизация

Несмотря на сложность в построении и восприятии [Hawkins 1999; 2004], дистантная релятивизация — релятивизация партиципантов предикаций, вложенных в предикацию, непосредственно подчиненную матричной предикации в относительной конструкции, — допускается в значительном количестве языков. Описывается она преимущественно в генеративистской литературе, что отчасти обусловлено особым интересом генеративизма к взаимодействию разных позиций в сложных предложениях.

Как упоминалось во Введении (раздел 0.1.3), вложенные предикации не однородны в том, что касается способности их партиципантов выступать в качестве мишени релятивизации: некоторые вложенные предикации (в первую очередь, фактивные сентенциальные актанты, относительные предложения, косвенные вопросы) чаще выступают в качестве синтаксических островов, чем другие. При этом для некоторых языков сомнительно, что у такой разнородности есть структурная мотивация. Например, в языке куско-кечуа сентенциальные актанты нефактивного глагола ‘хотеть’ и фактивного глагола ‘знать’ могут вводиться одинаково — как номинализации (6.81), но релятивизация допустима только из сентенциального актанта нефактивного глагола (6.82) [Hastings 2004: 98]:

Куско-кечуа (семья кечуа)

- (6.81) a. Nuqa muna-ni chay runa ripu-na-n-ta
я хотеть-1SG DEM человек уходить-NMZ-3SG-ACC
‘Я хочу, чтоб тот человек ушел’. [Hastings 2004: 97]
- b. Nuqa yacha-ni chay runa ripu-na-n-ta
я знать-1SG DEM человек уходить-NMZ-3SG-ACC
‘Я знаю, что тот человек уйдет’. [Hastings 2004: 97]

- (6.82) a. *ripu-na-n muna-sqa-y runa*
 уходить-NMZ-3SG хотеть-NMZ-1SG человек
 ‘человек, который я хочу, чтоб ушел’ [Hastings 2004: 98]
- b. **ripu-na-n yacha-sqa-y runa*
 уходить-NMZ-3SG знать-NMZ-1SG человек
 ‘человек, который я знаю, что уйдет’ [Hastings 2004: 98]

Но даже если релятивизация из сентенциального актанта возможна, ее стратегия может варьировать. Наиболее существенный параметр (или группа параметров) для этого варьирования, по-видимому, связан с тем, где и как маркируется подчинение относительного предложения и как соотносятся верхняя и вложенная предикации.

С одной стороны, существует немало языков, которые используют относительные или резюмтивные местоимения и не меняют отношения между верхней и вложенной предикациями вовсе. Таковы, например, дистантные конструкции с относительными местоимениями в английском и русском языках (ср. пример 6.83 и его перевод), а также конструкция с резюмтивами в языке були (6.84). Естественно, использование обычных стратегий не исключает разного рода особенностей при выражении дистантной релятивизации: например, в були во вложенной предикации обязательны субъектные резюмтивные местоимения в подлежащей позиции, в главной предикации не возникающие; ср. пример (6.84).

Английский (индоевропейская семья)

- (6.83) *That is [the girl who Nina thinks John kissed].*
 ‘Вот девушка, которую Нина думает, что Джон поцеловал’.
 [Schippers 2010: 40]

Були (нигер-конголезская семья)

- (6.84) [*nuru-wa:y tì Àtìm wē:nì àyǐn *(wa) s^wà ná:mú*
 мужчина-REL COMP Атим говорить что он иметь корова:DEF

lá] kṛī yá
PTCL умирать SMP

‘Умер мужчина, такой что Атим сказал, что у него есть корова’.

[Hiraiwa 2003: 60]

Существуют и языки, в которых никаких изменений в отношении верхней и вложенной предикаций не происходит и в отсутствие относительного местоимения или резюмptива; ср. японский пример (6.85). Впрочем, крайне вероятно, что в этих случаях речь идет о семантически-ориентированных относительных конструкциях, то есть грамматикализованность ограничений, связанных с синтаксической структурой, здесь снижается.

Японский

(6.85) [kare ga kai-ta koto] ga yoku shir-are-te-iru
он NOM писать-PST NMZ NOM хорошо знать-PASS-PRG-AUX:PRS
bun
статья
‘статья, такая что то, что он ее написал, широко известно’
[Kuno 1974: 241]

С другой стороны, в ряде языков релятивизация партиципанта подчиненной предикации обнаруживает зависимость оформления верхней предикации от той, что ей подчинена. Судя по представленным в литературе данным²⁵, такая ситуация имеет место в первую очередь (но не исключительно; см. кельтский материал ниже) в конструкциях, которые не задействуют резюмptивные или относительные местоимения и в которых оформление сказуемого относительного предложения обычно отображает то, какая роль релятивизована. Рассмотрим в этой связи несколько примеров.

²⁵ Обобщения, представленные в этом разделе, следует воспринимать как скорее импрессионистические, основанные на случайной выборке языков, описания дистантной релятивизации в которых оказались доступны автору.

Турецкий язык (тюркский, алтайская семья) [Barker et al. 1990; Güngördü 1997]. Имеются *объектное причастие* и *субъектное причастие*, которые возглавляют относительные предложения, предшествующие семантической вершине. Объектное причастие — в действительности, номинализация, маркированная суффиксом *-DIK*, которая, как правило, используется при релятивизации разного рода участников ситуации за исключением партиципанта, выраженного подлежащим. Подлежащее при этом оформлено как посессор: оно оформляется родительным падежом и индексируется в сказуемом релятива посессивными суффиксами. Субъектное причастие появляется преимущественно при релятивизации подлежащего, но также и когда подлежащее отсутствует (в безличных конструкциях) или «инкорпорировано» (выражено не генитивом, как оно обычно выражается при причастиях, а немаркированной формой; см. [Barker et al. 1990: 25—26]). Согласно [Barker et al. 1990], при дистантной релятивизации принципиальным фактором, влияющим на выбор причастия, оказывается роль вложенной предикации, партиципанта которой релятивизируется, в верхней предикации. Если вложенная предикация в верхней выступает как подлежащее или подлежащее в верхней предикации отсутствует, выбирается субъектное причастие — независимо от того, какой партиципанта релятивизован во вложенной предикации: например, в (6.86) в качестве мишени выступает прямое дополнение субъектного сентенциального актанта, но появляется субъектное причастие. В прочих случаях появляется номинализация на *-DIK*: в (6.87) относительную предикацию возглавляет объектное причастие, при том что релятивизации здесь подверглось подлежащее сентенциального актанта — объекта верхней предикации²⁶.

²⁶ В [Barker et al. 1990: 28] утверждается, что часть носителей допускают и использование объектных причастий — наряду с субъектными — при релятивизации из субъектного сентенциального актанта. В исследовании [Güngördü 1997] приводятся аргументы в пользу того, что правила выбора оформления релятива все же учитывают роль мишени во вложенной предикации, но основанием для этого служат элицитированные примеры на релятивизацию из вложенного относительного предложения. Поскольку для других языков, рассматриваемых здесь, релятивизация из относительного предложения не обсуждается, мы считаем возможным проигнорировать это усложнение.

Турецкий (алтайская семья)

- (6.86) kasab-ın kes-tiğ-i-ni söyle-diğ-iniz-e
мясник-GEN резать-NOM-3SG.PR-ACC говорить-NMZ-2PL.PR-DAT
inan-ıl-an et
верить-PASS-PTCP мясо
‘мясо, такое что считается, что ты сказал, что мясник его порезал’
[Barker et al. 1990: 27]

- (6.87) kitab-ı getir-eceğ-i-ni san-dığ-ım çocuk
книга-ACC приносить-FUT-3SG.PR-ACC верить-NMZ-1SG.PR ребенок
‘ребенок, такой что я верил, что он принесет книгу’
[Barker et al. 1990: 24]

Тагальский язык (австронезийская семья) [Rackowski, Richards 2005; Gerasimova, Sells 2008]. Многие австронезийские языки филиппинского типа, который, в частности, характеризуется слабым противопоставлением имен и глаголов (раздел 1.7.2), разрешают релятивизацию крайне небольшого числа синтаксических позиций, зачастую (согласно описаниям) исключительно подлежащего²⁷. При этом мишень в относительном предложении, как правило, отсутствует (см., однако, статью [Aldridge 2004], в которой описаны периферийные тагальские конструкции с вложенной вершиной).

Сильные ограничения на релятивизуемые позиции не ведут к уменьшению семантических возможностей релятивизации, поскольку благодаря богатой залоговой системе в качестве подлежащего могут выступать именные группы, описывающие самых разных участников ситуации; ср. (6.88), где релятивизован реципиент, который, однако, имеет статус подлежащего благодаря форме дативного залога. Таким образом залоговые показатели в относительных конструкциях указывают на релятивизуемую роль.

²⁷ Для тагальского в [Сеѝа 1979] сообщается о возможности релятивизации некоторых периферийных позиций, а именно посессора, комитативного актанта и объекта сравнения.

Тагальский (австронезийская семья)

(6.88) ang babae-ng b <in> igy-an nang sundalo nang pera
NOM женщина-LNK <IND> давать-DV GEN солдат GEN деньги
'женщина, которой солдат отдал деньги' [Gerassimova, Sells 2008: 190]

При дистантной релятивизации мишень обязана быть подлежащим вложенной предикации. Дополнительное требование состоит в том, что сама эта вложенная предикация должна быть подлежащим верхней предикации, а при серии вложений предикаций каждая вложенная предикация, содержащая мишень, должна быть подлежащим верхней предикации. Ср. следующий пример, в котором во вложенной предикации использован дативный/местный залог, делающий мишень (в данном случае — реципиента) подлежащим, а в верхней предикации — так называемый бенефактивный залог, делающий подлежащим вложенную предикацию:

Тагальский (австронезийская семья)

(6.89) ang kalabaw na i-p <in> angako nang guro na
NOM буйвол LNK BV-<IND> обещать GEN учитель LNK
bi~bigy-an nang lalaki nang bulaklak
IPF~давать-DV GEN мужчина GEN цветок
'буйвол, которому учитель обещал, что мужчина даст цветок'
(букв.: 'буйвол, такой что было обещано учителем, что он будет одарен мужчиной цветком') [Gerassimova, Sells 2008: 191]

Аналогичные факты еще раньше сообщались Э. Кинэном [Keenan 1972a] для малагасийского языка.

Чаморро (австронезийская семья) [Chung 1982; 1994; 1998]. В языке чаморро исходные австронезийские залоговые аффиксы в немаркированных контекстах исчезли, но остались в небольшом числе конструкций, в том числе при образовании специальных вопросов с выносом вопросительного слова и в релятивах [Donohue, MacLachlan 1999], причем даже здесь они не всегда обязательны. В силу такой ограниченности в употреблении эти показатели не очень удобно опи-

сывать как залоговые. Там, где такие маркеры появляются, они указывают на некую релевантную роль — в частности, ту, к которой относится вопросительное слово, или ту, которая релятивизована. Поскольку группа мишени в релятивах не выражается, в [Chung 1982; 1994; 1998] это трактуется *wh-согласование* (*wh-agreement*), согласование со следом, оставшимся при передвижении мишени или вопросительного слова.

Например, в (6.90) в сказуемом релятива имеется инфикс *-um-*, указывающий на то, что мишень релятивизации — агенс, а в (6.91) — инфикс *-in-*, который вместе с номинализацией указывает на релятивизацию дополнения. В терминах С. Чанг в первом из этих примеров наблюдается согласование со следом агенса, а во втором — со следом дополнения. Заметим, что при релятивизации дополнения (прямого или косвенного) эти «согласовательные показатели» иногда отсутствуют, но о релятивизации может свидетельствовать номинализация сказуемого.

Чаморро (австронезийская семья)

(6.90) *um-asudda'* *häm yan [i palao'an ni*
 REAL:SG/DU-встречаться мы с DEF женщина COMP
f <um > a'gasi i kareta]
 мыть < WH.A > DEF машина
 'Мы встретились с женщиной, которая вымыла машину'.
 [Chung 1982: 64]

(6.91) *in-kannu'* *[i nengkanu' ni f <in > ahan-fia*
 1PL.A-есть DEF еда COMP покупать:NMZ < WH.O > -3SG.PR
si Maria gi tenda]
 ART Мария OBL магазин
 'Мы съели еду, которую Мария купила в магазине'. [Chung 1982: 64]

При дистантной релятивизации наблюдается картина, похожая на тагальскую. «Согласовательные показатели» могут появляться во всех сказуемых полипредикации. Сказуемое предикации, содержащей мишень, оформляется в соответствии с ее ролью, а вышестоящие предикации — в тех случаях, когда они со-

держат рассматриваемые маркеры, — получают оформление, определяемое ролью вложенных предикаций (6.92). Как показано в [Chung 1994; 1998], в чаморро появление таких «согласовательных» элементов в вышестоящих предикациях для релятивов коррелирует с тем, имеется ли (или подразумевается ли) в конструкции семантическая вершина, референцию которой ограничивает относительное предложение. Если такая вершина имеется (6.93) или подразумевается (С. Чанг предполагает, что последнее имеет место в свободных релятивах, образующих определенные матричные именные группы; ср. пример 6.94), возникновение специального маркирования в верхних предикациях по меньшей мере факультативно и даже менее предпочтительно, чем его отсутствие, а обязательно оно, только если матричная группа является неопределенной и в ней отсутствует семантическая вершина (6.92).

Чаморро (австронезийская семья)

(6.92) guäha [malago'-ña si Juan pära asuddä'-ta]
 быть [хотеть:NMZ-3SG.PR ART Хуан FUT встречаться:NMZ-1PL:INCL.PR
 'Есть кто-то, с кем Хуан хочет, чтобы мы встретились'. [Chung 1994: 24]

(6.93) guäha [kariñosu ni malägu' si Juan pära
 быть приятный COMP хотеть ART Хуан FUT
 asuddä'-ta]
 встречаться:NMZ-1PL:INCL.PR
 'Есть некто приятный, с кем Хуан хочет, чтобы мы встретились'.
 [Chung 1994: 23]

(6.94) mäma'atungu' si Rosa ni [malägu gui' pära
 приветливый ART Роза OBL хотеть он(а) FUT
 atungo'-ña]
 быть.знакомым:NMZ-3SG.PR
 'Роза приветлива с тем (конкретным человеком), с которым она хочет дружить'. [Chung 1994: 22]

Палау (австронезийская семья) [Georgopolous 1991]. Язык палау (белау) ареально близок чаморро, но генетически, по-видимому, принадлежит другой подгруппе малайско-полинезийской группы австронезийских языков. В отличие от чаморро, здесь при релятивизации используются как опущение мишени (причем при релятивизации подлежащего на сказуемом релятива исчезает и согласование с ним, а при релятивизации дополнения согласование с ним сохраняется), так и резюмptивные местоимения (при релятивизации косвенных групп, вводимых предлогом). Релятивизация подлежащего также формально противопоставлена релятивизации прочих партиципантов значением категории (ир)реалиса: сказуемые релятивов при релятивизации подлежащего имеют морфологию реалиса (6.95), а при релятивизации прочих партиципантов — морфологию ирреалиса (6.96).

Палау (австронезийская семья)

(6.95) ak-medengel-ii [a 'ad el mil'er-ar
 1SG.S:REAL-REAL.знать-3SG.O ART человек COMP REAL.покупать-3SG.O
 tia el buk]
 DEM LNK книга
 'Я знаю человека, который купил эту книгу'. [Georgopolous 1991: 88]

(6.96) ak-milsa [a mlai el l-dilse'ii
 1SG.S:REAL-REAL.видеть ART каноэ COMP 3.S:IRR-выпилить-3SG.O
 tirk-ei el re-'ad]
 DEM LNK PL-человек
 'Я увидел каноэ, которое сделали те люди'. [Georgopolous 1991: 88]

Противопоставление реалисной и ирреалисной морфологии важно и при дистантной релятивизации. Во вложенной предикации, содержащей мишень, форма сказуемого выбирается исходя из релятивизируемой роли. В верхней предикации форма сказуемого зависит от роли вложенной предикации, к которой относится мишень: если это подлежащее, выбирается морфология реалиса, а в других случаях — морфология ирреалиса. Так, в следующем примере сказуемое вложенной

предикации имеет форму реалиса, поскольку релятивизовано его подлежащее, а сказуемое верхней предикации имеет форму ирреалиса, так как вложенная предикация, в которой находится мишень, не является ее подлежащим:

Палау (австронезийская семья)

(6.97) ng-te'a [a l-ilsa a Miriam el milnguui er a
3SG-кто ART 3.S:IRR-видеть ART Мириам COMP REAL.читать P ART
buk er ngii]
книга P он(а)
'Кто есть такой что Мириам видела, что он читал книгу?'
[Georgopoulos 1991: 91]

Томпсон (салишская семья) [Kroeber 1997]. Имеются разные конструкции для релятивизации (i) абсолютного актанта и агенса переходного глагола с пациенсом 1-го или 2-го лица (используется обычная индикативная форма глагола), (ii) агенса переходного глагола с пациенсом 3-го лица (суффикс агенса заменяется особым суффиксом *-(e)mus*), (iii) прочих нелокативных партиципантов (глагол номинализуется), (iv) места (происходит особое выдвигание вперед локативных предлогов; используется особая конъюнктивная конструкция)²⁸. При дистантной релятивизации вложенная предикация присоединяется обычным образом, хотя в ней отсутствует именная группа мишени; тип оформления верхней предикации, как правило, соответствует тому, что релятивизируется во вложенной. Ср. пример (6.98), в котором релятивизован локативный партиципант вложенной предикации и при этом, во-первых, верхняя предикация (но не вложенная) оформляется конъюнктивным показателем, а во-вторых, всей конструкции предшествует «выдвинутый» локативный предлог. Исключение из правила представляет собой дистантная релятивизация агенса переходного глагола с пациенсом 3-го лица, при которой релятивный суффикс остается во вложенной предикации; в [Kroeber 1997: 408] это связывается с тем, что релятивный показатель, вытесняющий суффиксы агенса, является неотъемлемой частью морфологии переходных глаголов.

²⁸ Некоторые из этих конструкций связаны и с выражением значений, не описываемых как релятивные.

Пример на дистантную релятивизацию с показателем *-(e)mus* дан в (6.99) (заметим, что отрицание в языке томпсон выступает в качестве самостоятельного предиката и образует верхнюю предикацию).

Томпсон (салишская семья)

- (6.98) *pin-m-ne* [*n e* *cin-cm-x^w* *us* [*k*
находить-APPL-1SG.A в ART говорить-1SG.DO-2SG.A CNJ ART
n-s-x^wuy' *miceʔq]]*
1SG.PR-NMZ-FUT сидеть
‘Я нашел то, где ты сказал мне находиться’. [Kroeber 1997: 407]

- (6.99) *swet* [*k tətəʔ* [*k s-kn-t-emus* *xeʔe]]*
кто ART NEG ART NMZ-помогать-TR-REL.A DEM
‘Кто не помог (букв. был тем, кто не помог) ей/ему?’ [Kroeber 1997: 408]

Марикона (хоканская семья) [Gordon 1986]. Как относительные могут рассматриваться несколько разных конструкций языка марикона. Нас будет интересовать лишь их подкласс, при котором сказуемое относительного предложения проявляет признаки номинализованного. Семантическая вершина в этих конструкциях вложена в относительное предложение или находится на его левой периферии, падежные показатели присоединяются к сказуемому релятива, которое замыкает конструкцию. Противопоставлены две стратегии: одна из них использует особый релятивный префикс и маркирует релятивизацию подлежащего (субъектная релятивизация), при другой относительный префикс отсутствует, а релятивизируются участники за исключением подлежащего²⁹ (несубъектная релятивизация).

Для дистантной релятивизации и близких к ней конструкций в языке марикона формулируется правило, состоящее из двух частей:

(i) сказуемое верхней предикации маркируется как субъектная релятивизация, если мишень (одновременно) является его подлежащим (пример 6.100), и как несубъектная релятивизация во всех других случаях;

²⁹ Точный список релятивизируемых участников в [Gordon 1986] не дается.

(ii) маркирование вложенной предикации как подвергшейся релятивизации (то есть номинализованной) факультативно: если предикация содержит релятивный показатель подлежащего, она может сохранять и маркирование, обычное для вложенной предикации в полипредикативной конструкции.

Таким образом, в языке марикопы допустимы как случаи множественной релятивизации (6.100) наподобие того, что наблюдается в адыгейском языке, так и случаи, когда релятивизация маркируется исключительно в верхней предикации, причем даже если релятивизованный партиципant выступает в качестве актанта только вложенной предикации, как в (6.101).

Марикопы (хоканская семья)

(6.100) [mhay t'ar k-uuva kw-ar'oy-sh] m-kshuunav-ly aly'im
 мальчик вне REL-быть REL-играть-S 3/2-говорить-DES думать:REAL
 'Мальчик, который играет, находясь снаружи, хочет поговорить с тобой'.
 [Gordon 1986: 257]

(6.101) ['iipa va-a-ha i-m 'uu'ish-sh] svii
 мужчина приходить-IR говорить-М 1-говорить:NMZ-SJ DEM.V
 va-k sny-va
 сидеть-SS DEM-сидеть
 'Мужчина, такой что я хотел, чтоб он пришел, сидит там'.
 [Gordon 1986: 264]

Кельтские языки (индоевропейская семья) [Adger, Ramchand 2001]. Для выражения подчинения кельтские языки используют подчинительные союзы, причем при релятивизации могут различаться союзы для относительных конструкций с резумптивными местоимениями и без таковых. Появление резумптивов в целом следует известным закономерностям: чем ниже мишень в иерархии доступности, тем вероятнее появление резумптива. В то же время дистантность важна не всегда: наличие резумптива может определяться позицией в предикации, но не зависеть от того, является ли эта предикация вложенной.

В шотландском гэльском языке резумптивные местоимения отсутствуют. При дистантной релятивизации не только верхняя предикация, но и вложенная предикация вводятся релятивным союзом:

Шотландский гэльский (индоевропейская семья)

(6.102) an duine a thuir e a /*gun bhuaileas e
 DEF:SG мужчина REL говорить:PST он REL *что ударить:RFUT он
 ‘человек, которого он сказал, что ударит’ [Adger, Ramchand 2001: 9]

В ирландском языке выбор подчинительного союза при дистантной релятивизации зависит от позиции во вложенной предикации. Здесь имеется два относительных союза, которые условно обозначаются как *aL* (для конструкции без резумптива) и *aN* (для конструкции с резумптивом). Если мишень во вложенной предикации не выражается резумптивным местоимением, эта предикация вводится *aL* и так же вводится и предикация, стоящая выше (6.103). Если мишень обозначена резумптивом, верхняя предикация вводится *aN*, но вложенная предикация оформляется как обычное сентенциальное зависимое (6.104).

Ирландский язык (индоевропейская семья)

(6.103) an t-ainm a hinnseadh dúinn a bhí ar
 DEF.SG имя *aL* рассказывать:PRET.IMPERS к:1PL *aL* быть на
 an áit
 DEF.SG место
 ‘имя, такое что нам было сказано, что оно было на месте’
 [Adger, Ramchand 2001: 9]

(6.104) fir ar shíl Aturnae an Stáit go
 человек:PL *aN* думать:PRET.3SG прокурор DEF.SG государство что
 raibh siad díleas
 быть:PRET.3SG они лояльный
 ‘люди, такие что генеральный прокурор думал, что они лояльный’
 [Adger, Ramchand 2001: 10]

В литературном валлийском тоже противопоставлены два относительных союза: *a*, вводящий предложение без резюмтивов, с релятивизацией подлежащего или прямого дополнения, и *у*, вводящий предложение с резюмтивными местоимениями. Во вложенной предикации резюмтивные местоимения появляются независимо от позиции. При дистантной релятивизации используется только союз *у* — как в верхней предикации, так и во вложенной:

Валлийский (кельтский; Великобритания)

(6.105) *у llyfr у dywedodd John у gwerthodd*
 DEF.SG книга REL говорить:PRET.3SG Джон REL продавать:PRET.3SG
Mary ef
 Мэри он
 ‘книга, такая что Джон сказал, что Мэри ее продала’
 [Adger, Ramchand 2001: 10]

Абхазский язык (абхазо-адыгская семья) [Hewitt 1979b; 1979c; 1987]. Релятивизация в большинстве случаев устроена аналогично адыгейской: индекс мишени заменяется на релятивный префикс за исключением релятивизации абсолютного актанта, когда происходит нейтрализация по категории личности (см. раздел 6.6). Дистантная релятивизация тоже подобна адыгейской: как правило, релятивизация должна проявляться и в верхней предикации, причем в этом случае релятивизируется индекс, соответствующий вложенной предикации, в которой располагается мишень.

В силу скудности выборки языков представленные данные не могут отразить все типологическое разнообразие, наблюдаемое среди конструкций с дистантной релятивизацией. Однако на основании этого материала уже выделяются некоторые параметры, существенные для изучения этих конструкций. Наиболее важными из них нам представляются следующие:

(i) изменение/неизменение синтаксических отношений между вложенной и верхней предикациями: так, когда вложенная предикация маркируется как отно-

сительное предложение — например, в валлийском языке — такие отношения, разумеется, меняются;

(ii) наложение на морфосинтаксис верхней предикации ограничений, связанных с ролью мишени (полное или частичное маркирование релятивизуемой роли в верхней предикации);

(iii) наложение на морфосинтаксис вложенной предикации ограничений, связанных с ролью мишени (полное или частичное маркирование релятивизуемой роли во вложенной предикации).

Таблица 6-2 отражает возможное исчисление типов конструкций с дистантной релятивизацией на основе этих трех параметров.

Тип	Изменение отношений между предикациями	Ограничения в верхней предикации	Ограничения во вложенной предикации	Языки
A	+	+	+	ирландский, валлийский
B	+	–	–	
C	+	+	–	
D	+	–	+	шотландский гэльский
E	–	+	–	томпсон, марикопа, турецкий
F	–	–	+	чаморро, (адыгейский), (абхазский)
G	–	+	+	малагасийский, тагальский, палау, (чаморро), адыгейский, абхазский
H	–	–	–	

Таблица 6-2. Исчисление конструкций дистантной релятивизации.

Некоторые языки упомянуты в таблице 6-2 несколько раз, поскольку она отражает не исчисление языков, а исчисление конструкций, а в одном языке может быть представлено несколько конструкций (например, в языке марикопа мар-

кирование вложенной предикации как релятива факультативно, а значит, отношения между верхней и вложенной предикациями могут как меняться, так и не меняться). Названия языков, для которых соответствующая конструкция считается нами синхронно не основной, даны в скобках.

Ряд типов не представлены в выборке ни одной конструкцией. Отчасти это связано с ее бедностью. Так, мы не видим причин для запрета конструкций типа Н: к этому типу резонно отнести многие языки с семантически ориентированной релятивизацией. В то же время допустимость конструкций типов В и С сомнительна: возможно, изменение отношений между верхней и вложенной предикациями имплицитно подразумевает особое маркирование в последней. Проверка этой гипотезы, впрочем, требует привлечения большего материала.

В таблице не представлены языки вроде германских или славянских, для которых дистантная релятивизация в какой-то мере изучена и предполагает использование относительных местоимений, вынесенных в начало относительного предложения: ср. *Было две странички, мелко исписанных Михаилом Федоровичем Ненашевым, [требований, которые он несколько раз сказал, что не все даже его]* {НКРЯ}. Как и в некоторых других случаях, трактовка этих конструкций зависит от трактовки функционирования относительных местоимений, но при любой интерпретации материала подобные конструкции будут отнесены к типам Е или F.

Адыгейский язык включен в таблицу дважды на основании того, что требование релятивизации сверху для него не обязательно; тем не менее наиболее типичные адыгейские конструкции, безусловно, должны быть отнесены к типу G. В этой связи стоит отметить, что здесь адыгейский язык оказывается в одной группе с языками, которые проявляют и другие типологические сходства по отношению к нему, демонстрируя свойства филиппинского типа, со слабым разграничением имени и глагола.

6.8. Выводы

В этой главе мы обсудили типологические вопросы, поднимаемые предложенным в предыдущих главах описанием адыгейских относительных конструк-

ций. Как было показано, хотя определенные характеристики релятивизации в адыгейском языке и могли показаться нетривиальными, по большей части материал этого языка так или иначе укладывается в общую типологическую картину, связанную с соответствующими явлениями. Для того, чтобы продемонстрировать это, однако, нам пришлось уточнить и более детально рассмотреть некоторые явления, в том числе некатегориальное подчинение, инкорпорацию, относительные конструкции с вложенной вершиной. Среди прочего мы аргументировали следующие утверждения:

- некатегориальное подчинение не предполагает отсутствия признаков подчинения, хотя функция этих признаков не сводится к маркированию синтаксической зависимости; особенность адыгейских конструкций с некатегориальным подчинением связана с тем, что они могут допускать больше грамматических структур, чем независимые предложения;
- граница между категориальным и некатегориальным подчинением во многом зависит от трактовки того или иного явления как маркера подчинения; некоторые конструкции могут допускать двоякую трактовку;
- инкорпорация (понимаемая здесь достаточно широко) может уменьшать автономность инкорпорируемой единицы по разным — фонологическим, морфологическим и синтаксическим — параметрам, причем параметры эти независимы друг от друга;
- выделение относительных конструкций с вложенной вершиной как одной из стратегий, существующей наравне с конструкциями с внешней вершиной, резюмтивными местоимениями и т.д. сомнительно;
- вопреки [Keenan, Comrie 1977], следует разделять стратегии релятивизации (способы указания на то, какая роль релятивизуется) и собственно относительные конструкции (способы введения семантической вершины), которые образуют два разных параметра типологии релятивизации;
- противопоставление относительных конструкций с вложенной вершиной и относительных конструкций с внешней вершиной не является жестким, поскольку оно отражает лишь степень спаянности семантической вершины и релятива;

- абхазо-адыгская множественная релятивизация представляет собой лишь разновидность множественной релятивизации, зафиксированной и в других языковых семьях; в то же время то, что множественная релятивизация в рассматриваемой семье основана на кореферентности, представляет собой редкое — если не уникальное — явление;
- дистантная релятивизация типологически может обнаруживать значительные различия, касающиеся, в частности, того, изменяются ли в таких конструкциях отношения между вложенной и верхней предикациями и насколько релятивизируемая роль влияет на морфосинтаксис этих предикаций.

В заключение следует особенно подчеркнуть, что типологическое рассмотрение ряда явлений, наблюдаемых в адыгейском языке, выявило возможные связи между самим присутствием этих явлений и некоторых других характеристик адыгейского языка: так, наблюдаемая инкорпорация сказуемого релятива, вероятно, в значительной степени связана с полисинтетическими чертами адыгейского языка, а некатегориальное подчинение и адыгейской тип дистантной релятивизации, по-видимому, могут быть связаны со слабым противопоставлением имени и глагола.

Заключение

В этом исследовании было предпринято описание относительных конструкций в адыгейском языке, а представленные данные были сравнены с материалом других языков — как родственных и/или близких ареально, так и генетически и ареально не связанных, но зачастую объединяемых с западнокавказскими языками теми или иными типологическими характеристиками. Важнейшие описательные результаты работы таковы:

- Показано, что некоторые представления об относительных конструкциях в адыгейском языке нуждаются в корректировке или по крайней мере в уточнении. В первую очередь это касается распространенного в литературе описания форм сказуемых относительных предикаций как причастий: как мы аргументировали в главе 2, для адыгейского языка невозможно выделить морфологию, которая могла бы быть представлена как специфическая для сказуемых релятивов или для которой можно было бы считать маркирование сказуемых относительных предложений прототипической функцией. Соответственно, в отношении адыгейского языка нельзя говорить о существовании причастий, если под ними имеются в виду формы, основной задачей которой является маркирование определительной функции.
- В главе 3 представлено описание синтаксиса адыгейских относительных конструкций, произведена их классификация. Особое внимание уделено относительным конструкциям со вложенной вершиной, для которых впервые были описаны некоторые специфические свойства, указывающие на то, что структурно семантическая вершина и в этом случае возникает независимо от ядра относительной предикации. Также рассмотрено взаимное расположение относительных предложений и других определений, показано, что оно может быть описано через понятие сопряженности.
- В главе 4 описано множество ролей, способных выступать мишенями релятивизации. В частности, согласно предложенному описанию, в адыгейском языке могут релятивизовываться роли, в независимых предложениях как актанты не выражаемые (например, факт, время, направление). Кроме того, дано подробное описание сложных структур, подразумевающих корефе-

рентность нескольких партиципантов в относительной конструкции, в том числе множественной релятивизации и дистантной релятивизации, когда как мишени маркированы сразу несколько партиципантов.

- В главе 5 задокументированы особенности относительных конструкций, наблюдаемые в говоре шапсугского диалекта адыгейского языка, используемом в ауле Агуй-Шапсуг. Помимо морфологических особенностей выявлены также отдельные относительные конструкции, которые не были зафиксированы ранее для абхазо-адыгских языков и представляют особый типологический интерес.

Для того, чтобы сравнить и предоставить типологическую перспективу на описанные для адыгейского явления, в главе 6 нам пришлось также коснуться ряда общих вопросов построения относительных конструкций. В этой связи можно выделить три основных результата этой главы:

- было представлено понятие некатегориального подчинения (подчинительной конструкции, в которой ни вершина зависимой предикации, ни непосредственно вышестоящая вершина не свидетельствуют о подчинении) и описаны возможные пути его появления в относительных конструкциях;
- была продемонстрирована необходимость различать типологию выражения семантической вершины и типологию стратегий релятивизации — способов определения роли релятивизируемого партиципанта;
- в развитие идей Ф. Ландмана и А. Гросу была высказана гипотеза о корреляции между степенью морфосинтаксической и семантической спаянности относительного предложения и семантической вершины и влиянием относительного предложения на референцию матричной именной группы;
- были предложены параметры для исчисления типов дистантной релятивизации.

Помимо этого мы кратко представили многофакторный подход к инкорпорации, попытались описать место относительных конструкций со вложенной вершиной в общей системе описания релятивизации, показав, в частности, что такие конструкции не должны строго противопоставляться ни конструкциям с внешней вершиной, предложили краткий обзор множественной релятивизации.

Предположительно, ключ к специфике адыгейских относительных конструкций, подчас нарушающих высказанные в литературе типологические обобщения, могут дать некоторые особенности грамматики адыгейского языка. Проверка ряда связанных с этим гипотез требует дополнительных экспериментальных исследований (в том числе психолингвистических) в области того, как теоретически имеющиеся у полисинтетического языка возможности действительно задействуются в речи. Тем не менее мы считаем возможным уже сейчас высказать некоторые предположения о зависимости некоторых конкретных явлений адыгейского языка от его типологических характеристик.

- Некатегориальное подчинение в сочетании с появляющейся подчас в релятивных сказуемых морфологией, на первый взгляд противопоставляющей эти сказуемые финитным и создающей иллюзию существования особого класса причастных форм, связано со спецификой адыгейской полисинтетической морфологии. Ее композиционность и ориентированность на синтагматические отношения внутри слова ведет, в частности, к тому, что морфологические показатели не определяют включенность конкретной взятой в контексте словоформы в какую-либо конечную парадигму и не связывают такую форму с какой-либо из ограниченного числа синтаксических категорий (отсюда некатегориальное подчинение), но при этом должны соответствовать семантическим особенностям релятивов (отсюда возможные отличия морфологии релятивов от морфологии независимых предложений).

- Собственно некатегориальное подчинение гипотетически может быть связано со слабым противопоставлением имени и глагола, с возможной экспансией нефинитных форм с дистрибуцией, аналогичной именной дистрибуции, на финитные контексты.

- Если адыгейский относительный префикс понимается как разновидность относительного местоимения, адыгейский язык нарушает предложенную в литературе универсалию, согласно которой относительные местоимения не встречаются в конструкциях с препозицией релятива внешней вершине. Можно допустить, что нарушение этой универсалии связано как раз с морфологичностью относительного местоимения в адыгейском языке, с тем, что оно не должно выноситься в начало релятива, как это происходит в конструкциях с синтаксически автоном-

ным относительным местоимением (предположительно, такой вынос противоречит устройству конструкций с препозитивными релятивами).

- В нарушение одного из правил, предложенных Э. Кинэном, адыгейский язык позволяет одновременную релятивизацию нескольких кореферентных ролей в одном предложении. Возможно, такое нарушение также связано с тем, что основную роль при релятивизации партиципантов в адыгейском языке играет морфология, в результате чего механизмы, обеспечивающие релятивизацию нескольких ролей, лишь минимально взаимодействуют между собой в синтаксисе. Строгое доказательство этого тезиса, впрочем, требует построения четкой формальной модели релятивизации в адыгейском языке, то есть выполнения задачи, оставшейся за рамками данной работы.

- В адыгейском языке сказуемое относительного предложения может быть инкорпорировано в именную комплекс, образуемый внешней вершиной. Хотя отдельные признаки инкорпорации релятивного сказуемого в вершину наблюдаются и в неполисинтетических языках, для адыгейского языка такое явление может быть связано с тем, что именной комплекс — как, возможно, и другие сложные морфологические единицы в адыгейском языке — легко строится и усложняется в процессе речи, благодаря своей композиционности.

- Наличие в адыгейском языке конструкции с вложенной семантической вершиной, которая при этом участвует в композиции конструкции независимо от релятивизации (раздел 3.3.3), а также возможность некоторых модификаторов, функционально не связанных с относительным предложением, располагаться внутри него (раздел 3.4.2) связаны с тем, что основные функции выражения предикатно-актантной структуры в адыгейском предложении могут возлагаться на морфологию (раздел 1.6), что позволяет четко очертить область релятивизации и не обязательно включать в нее элементы, принадлежащие периферии относительного предложения. Семантическая вершина и «внешние» модификаторы могут линейно располагаться между такими периферийными элементами именно благодаря тому, что эти элементы могут не задействоваться при релятивизации.

- Нетривиальное свойство адыгейских относительных конструкций состоит в их способности достраивать и релятивизовывать роли, которые в независимых предикациях морфологически не выражаются. Это приводит к тому, что в относи-

тельных предложениях, обычно представляемых в качестве производных от независимых, возможности выражения оказываются больше, чем в неподчиненных предикациях, что типологически необычно. Как кажется, это свойство тоже связано с композиционностью морфологии, которая позволяет при необходимости преодолеть ограничение, состоящее в том, что релятивизируются только морфологически индексируемые роли.

- Дистантная релятивизация, наблюдаемая в адыгейском языке, обнаруживает явное сходство с аналогичными конструкциями в других языках со слабым противопоставлением имен и глаголов, что тоже может указывать на некоторую связь между построением относительной конструкции и системой частеречных противопоставлений.

Описание адыгейских относительных конструкций нельзя считать завершённым. В этой работе мы фактически касались исключительно их структуры и обошли внимание их функционирование в реальной речи. Между тем вопрос о том, какие функции адыгейские релятивы исполняют в построении дискурса, какова частотность появления разных типов относительных конструкций, то есть как они реально используются, еще остается открытым. Причина этого в отсутствии достаточных корпусов проанализированных с точки зрения грамматики адыгейских текстов — создание таких корпусов, несомненно, позволит исследовать многие аспекты адыгейской грамматики, остающиеся за рамками описания, сводимого в первую очередь к правилам.

Источники примеров

Опубликованные

Адыгэ тхыдэжъхэр — Адыгэ тхыдэжъхэр. Мыекъуапэ: Меоты, 1993.

Гъыщ — Гъыщ Р. Пшэсэн щынагъу. Рассказы. Мыекъуапэ: Адыгэ тхыль тедзапI, 1991.

Едыдж — Едыдж Б. Ущхыщтмэ къеблашъ. Мыекъуапэ, 2008.

КIэрац — КIэрац Т. Ны Iушым ыпхъу. Мыекъуапэ: Адыгэ тхыль тедзапI, 1963.

Нарт къэбархэр — Нарт къэбархэр. Нартские сказания. Майкоп: ООО «Качество», 2007.

ХакIэмызэ — ХакIэмызэ Б. АнахыкIэр анахь кIас. А купым ар ишIыкI. Мыекъуапэ: Адыгэ тхыль тедзапI, 1993

Хъут — Хъут Щ. КъашъушIэ. Мыекъуапэ: Адыгэ Республикэм итхыль тедзапI, 2003.

Периодические издания

Адыгэ макъ — газета

Жъогъобын — журнал

Неопубликованные тексты

Адыгейская еда: а. Хакуринохабль, 2003 г.

Адыгейская музыка: а. Пшичо, 2010 г.

Адыгейская свадьба: а. Хакуринохабль, 2003 г.

Адыгейские блюда: а. Пшичо, 2010 г.

Герой: а. Хакуринохабль, 2003 г.

Дети: а. Хакуринохабль, 2003 г.

Жареная курица: а. Хатажукай, 2010 г.

Жена связиста: а. Хакуринохабль, 2010 г.

Жизнь: а. Хакуринохабль, 2003 г.
История времен Кавказской войны: а. Пшичо, 2010 г.
Летчик: а. Пшичо, 2010 г.
Маленький Сабаноков: а. Пшичо, 2006 г.
Музыкальные инструменты: а. Пшичо, 2010 г.
Нога: а. Пшичо, 2006 г.
Обряд выбора профессии: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Обычаи: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Обычаи адыгов: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Охотник: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Певец: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Подарки: а. Хатажукай, 2010 г.
Почитание родственников: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Пчелы: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Религия: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Сахар: а. Хатажукай, 2006 г.
Семья: а. Пшичо, 2006 г.
Скачки: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Случай в поле: а. Хакуринохабль, 2003 г.
Украденная садака: а. Пшичо, 2010 г.
Уничтоженный аул: а. Пшичо, 2010 г.
Чинахи и жареное мясо: а. Хатажукай, 2010 г.
Юноша и Бог: а. Агуй-Шапсуг, 2007 г.

Указания на происхождение консультантов

АШ — аул Агуй-Шапсуг, Туапсинский район, Краснодарский край

Бж — носители бжедугского диалекта

Ег — аул Егерухай, Кошехабльский район, Республика Адыгея

Хк — Хатажукайское сельское поселение (аулы Хатажукай, Пшичо, Кабехабль),
Шовгеновский район, Республика Адыгея

Хх — аул Хакуринохабль, Шовгеновский район, Республика Адыгея

Литература

1. Абдуллаев С.Н. 1954. Грамматика даргинского языка (фонетика, морфология). Махачкала.
2. Абитов М.Л. и др. 1957. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Изд. АН СССР.
3. Абрегов А.Н. 2000. Исследования по лексике и словообразованию адыгейского языка. Майкоп.
4. Абрегов А.Н. 2005. О трансформации финального гласного именных основ /э/ в грамматикализированный суффиксированный формант – суффикс относительных прилагательных в адыгских языках // Филологический вестник. № 7. С. 120—128.
5. Алпатов В.М. 1990. Принципы типологического описания частей речи // В.М. Алпатов (ред.). Части речи. Теория и типология. М.: Наука. С. 25—50.
6. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. 2008. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 2. М.: Наталис.
7. Аркадьев П.М. 2004. Аспектуальная классификация и аспектуальная композиция. Экспедиционный отчет. Рук. М., РГГУ.
8. Аркадьев П.М., Герасимов Д.В. 2008. Аспектуально-таксисные формы с префиксом *zege-* в адыгейском языке: парадоксы референции и уроки для аспектуальной композиции // Исследования по типологии и грамматике. Материалы Пятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 4. Ч. 2.) СПб.: Наука. С. 12—20.
9. Аркадьев П.М., Короткова Н.А. 2005. О показателе *-ž'ə* в адыгейском языке. Хэндаут доклада на II Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, СПб., ИЛИ РАН, 3—5 ноября 2005 г.
10. Аркадьев П.М., Короткова Н.А. 2010. The suffix *-ž'ə*: a refractive story. Хэндаут доклада на семинаре Адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ, Пшичо, 29 июля 2010 г.

11. Аркадьев П.М., Ландер Ю.А. 2011. Адыгейская лингвистическая экспедиция 2010 года: итоги и выводы // Д.П. Бак, В.В. Минаев (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. VII. М.: Изд. РГГУ. С. 179—194.
12. Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. 2009. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Тестелец (ред.) 2009. С. 17—120.
13. Аркадьев П.М., Летучий А.Б. 2008. Деривации антипассивной зоны в адыгейском языке // В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов (ред.). Исследования по отглагольной деривации. М.: Языки славянских культур. С. 77—102.
14. Аркадьев П.М., Тестелец Я.Г. 2009. О трех чередованиях в адыгейском языке // Тестелец (ред.) 2009. С. 121—145.
15. Арутюнова Н.Д. 1985. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. № 3. С. 13—24.
16. Арутюнова Н.Д. 1988. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука.
17. Атажахова С.Т. 2006. Словообразование адыгейского языка и его стилистические ресурсы. Майкоп: Адыгея.
18. Багиорова И.Г. 2000. Категория определенности-неопределенности в сопоставительном аспекте: на материале адыгейского и английского языков. Дисс. к.ф.н. М., Институт языкознания РАН.
19. Багов П.М. и др. (ред.) 1970. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука.
20. Барулин А.Н. 1980. О синтаксисе словоформы (на материале турецкого языка) // Тезисы Рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980 г.). М.: Наука. С. 16—20.
21. Беляев О.И. 2010. Относительное предложение в современном осетинском языке (иронский диалект). Рук.
22. Беляева А.В. 2006а. Материалы к типологии языков с опущением безударных местоимений. Дипломная работа. М., РГГУ.

23. Беляева А.В. 2006b. Конструкции с постпозитивной уточняющей группой. Хэндаут доклада на семинаре Адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ, Хакуринохабль, 15 июля 2006 г.
24. Берсиров Б.М. 2001. Структура и история глагольных основ в адыгейских языках. Майкоп: Адыгея.
25. Биданок М.М. 2003. Становление норм адыгейского литературного языка. Дисс. к.ф.н. Майкоп, Адыгейский государственный университет.
26. Бижоев Б.Ч. 1991. Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик: Нарт.
27. Бижоев Б.Ч. 2005. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа.
28. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1989. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания. № 3. С. 51—61.
29. Вахтин Н.Б. 1985. К описанию конструкций с предикатными актантами в эскимосском языке // В.С. Храковский (отв. ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука. С. 95—97.
30. Водождоков Х.Д. (ред.) 1960. Русско-адыгейский словарь. М.: Государственное изд. иностранных и национальных словарей.
31. Выдрин А.П. 2005. Определительные комплексы в адыгейском языке: словосложение или словосочетание // Б.М. Берсиров (отв. ред.). V Международная научная конференция «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»: Материалы конференции. Майкоп: Адыгейский государственный университет. С. 51—54.
32. Генко А.Н. 1955. Абазинский язык. М.: Изд. АН СССР.
33. Герасимов Д.В. 2004. Классы слов и сентенциальные функции в адыгейском языке: Заметки на полях «Адыгейской грамматики» У.С. Зекоха // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения-2003. Материалы. СПб.: Наука. С. 16—21.
34. Герасимов Д.В., Ландер Ю.А. 2006. Вариативность и адыгейский язык (особенности полевой работы в условиях полисинтетизма) // М.Е. Алексеев и

- др. (ред.) II Международный симпозиум по полевой лингвистике. Материалы. М.: Институт языкознания РАН. С. 39—43.
35. Герасимов Д.В., Ландер Ю.А. 2008. Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов (ред.). Исследования по отглагольной деривации. М.: Языки славянских культур. С. 290—313.
 36. Гишев Н.Т. 1989. Глагол адыгейского языка. М.: Прометей.
 37. Гишев Н.Т. 2003. Сравнительный анализ адыгских языков. Майкоп: Качество.
 38. Гишев Н.Т. 2008. К проблеме об определенности-неопределенности // Н.Т. Гишев. Избранные труды по языкознанию. Майкоп: Качество. С. 40—91.
 39. Гишев Н.Т. 2009. От первых записей слов до начала изучения адыгейского языка (520 г. до н.э. — 1920-е годы н.э.). Майкоп: Полиграф-Юг.
 40. Гладкий А.В. 1985. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Наука.
 41. Горбунова И.М. 2009. Посессивные конструкции // Тестелец (ред.) 2009. С. 146—165.
 42. Даниэль М.А., Ландер Ю.А. 2008. О некоторых особенностях относительной конструкции в дагестанских языках // М.И. Магомедов (отв.ред.). Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи. Материалы Международной научной конференции 14-16 октября 2008 г. С. 245—251.
 43. Ершова К.А. 2011. Именные сочинительные конструкции и групповое оформление в адыгейском языке // Д.П. Бак, В.В. Минаев (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. VII. М.: Изд. РГГУ. С. 195—207.
 44. Журинская М.А. 1990. Типологическая классификация языков // В.Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. С. 511—512.
 45. Зализняк А.А., Падучева Е.В. 1975. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. С. 51—101. [Перепечатано: // Семиотика и информатика. Вып. 35: Opera selecta, 1997. С. 59—107.]

46. Зализняк А.А., Падучева Е.В. 1979. Синтаксические свойства местоимения который // Т.М. Николаева (отв. ред.). Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука. С. 289—329.
47. Зализняк Анна А. 1990. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Н.Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука. С. 21—33.
48. Зекох У.С. 1969. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного изд.
49. Зекох У.С. 1991. Очерки по морфологии адыгейского языка. Майкоп: Адыгейское книжное изд.
50. Зекох У.С. 2002. Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея.
51. Казенин К.И. 1997. Синтаксические ограничения и пути их объяснения (на материале дагестанских языков). Дисс. к.ф.н. М., МГУ.
52. Калинина Е.Ю. 2001. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН.
53. Капитонов И.С. 2007. Директивные суффиксы в адыгейском языке // Д.П. Бак (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. II. М.: Изд. РГГУ. С. 276—288.
54. Капитонов И.С. 2008. Неопределённые местоимения в адыгейском языке // Д.П. Бак, В.В. Минаев (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. III. М.: РГГУ. С. 293—306.
55. Капитонов И.С. 2009. Неопределённые местоимения адыгейского языка. Дипломная работа. М., РГГУ.
56. Керашева З.И. 1957. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп: Адыгейское книжное изд. [Перепечатано в: Керашева З.И. Избранные труды и статьи. Т. I. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд., 1995. С. 193—336.]
57. Керашева З.И. 1960. Краткий грамматический очерк адыгейского языка // Водождоков (ред.) 1960. С. 1059—1098.

58. Керашева З.И. 1970. Основные синтаксические функции причастий // Адыгейская филология. Вып. IV. Ростов-на-Дону. С. 3—24. [Перепечатано в: Керашева З.И. Избранные труды и статьи. Т. II. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд., 1998. С. 438—457.]
59. Керашева З.И. 1977. Классификация причастий в адыгских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик. С. 34—42. [Перепечатано в: Керашева З.И. Избранные труды и статьи. Т. II. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд., 1998. С. 317—325.]
60. Керашева З.И. 1979. Инфинитная чистая основа и финитные глаголы в функции сложного двусоставного сказуемого в адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания VI. Тбилиси: Мецниереба. С. 229—243. [Перепечатано в: Керашева З.И. Избранные труды и статьи. Т. II. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд., 1998. С. 351—363.]
61. Керашева З.И. 1993. Взаимосвязь и взаимозависимость глагольного словообразования и формообразования // Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках. Майкоп. С. 77—88. [Перепечатано в: Керашева З.И. Избранные труды и статьи. Т. II. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд., 1998. С. 200—210.]
62. Керашева З.И. 2005. Выражение отрицания в адыгских языках // Вестник Адыгейского государственного университета. № 4. С. 227—231.
63. Кибрик А.Е. 1972. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд. МГУ.
64. Кибрик А.Е. 1992. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд. МГУ.
65. Киммельман В.И. 2007. Грамматикализация первичных стативных глаголов в адыгейском языке // Д.П. Бак (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. II. М.: Изд. РГГУ, 2007. С. 288—310.
66. Короткова Н.А. 2005. К типологии двойного прошедшего: адыгейская форма на *-ваве* // А.П. Выдрин и др. (ред.) Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб: Наука. С. 80—84.

67. Короткова Н.А. 2009. «Прошлое» и «сверхпрошлое» в адыгейском языке // Тестелец (ред.) 2009. С. 262—286.
68. Короткова Н.А., Ландер Ю.А. 2007а. Логика полисинтетической словоформы: адыгейский материал // Контенсивная типология естественных языков. Материалы международной научно-практической конференции лингвистов. Махачкала: Дагестанский государственный университет. С. 87—89
69. Короткова Н.А., Ландер Ю.А. 2007б. Синтагматика vs парадигматика в морфологии: выражение времени и модальности в адыгейском языке // Д.В. Герасимов и др. (ред.) Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Нестор-История. С. 108—112.
70. Кузнецова Ю.Л. 2006. Ударение в адыгейском языке, или ударение аужырэ пычыгъом тефа. Хэндаут доклада на семинаре Адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ, Хакуринохабль, 18 июля 2006 г.
71. Кумахов М.А. 1964. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. I. Введение, структура слова, словообразование частей речи. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд.
72. Кумахов М.А. 1965. Дистрибутивный анализ полисинтетического комплекса // Вопросы языкознания. № 5. С. 112—117.
73. Кумахов М.А. 1971. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука.
74. Кумахов М.А. 1981. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука.
75. Кумахов М.А. 1989. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука.
76. Кумахов М.А. 2002. Шапсугов язык // Языки народов России. Красная книга. М.: Academia. С. 253—255.
77. Кумахов М.А. (ред.) 2006. Кабардино-черкесский язык. 2 т. Нальчик: Эль-Фа.
78. Кумахов М.А., Вамлинг К. 1998. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Lund: Lund University.
79. Кумахова З.Ю. 1972. Абадзехский диалект и его место среди других адыгейских диалектов. Нальчик: Эльбрус.

80. Кумахова З.Ю. 1979. О расширении функций некоторых синтаксических конструкций в адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания VI. Тбилиси: Мецниереба. С. 95—104.
81. Кушнир Е.Л. 2011. Грамматикализация вспомогательных глаголов с чистой основой в адыгейском языке // Д.П. Бак, В.В. Минаев (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. VII. М.: Изд. РГГУ. С. 216—230.
82. Ландер Ю.А. 2005а. О маркированности адыгейского "причастного" показателя *-re*: упражнения в дискурсивных обоснованиях // В.И. Подлеская (отв. ред.). Четвертая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21—28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М.: Изд. РГГУ. С. 210—214.
83. Ландер Ю.А. 2005b. «Прономинальные аргументы» и «адъюнктные именные группы» в адыгейском языке // А.П. Выдрин и др. (ред.) Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Наука. С. 90—95.
84. Ландер Ю.А. 2007а. Рец.: Evans, N. *Bininj Gun-wok: A pan-dialectal grammar of Mayali, Kunwinjku and Kune*. V. 1—2 // Вопросы языкознания. № 2. С. 133—137.
85. Ландер Ю.А. 2007b. К вопросу о «причастиях» и «причастных конструкциях» в удинском языке // В. Шенгелиа и др. (ред.) Материалы Первого Международного конгресса кавказоведов. Тбилиси. С. 377—380.
86. Ландер Ю.А. 2008. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 54—95.
87. Ландер Ю.А. 2009. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Тестелец (ред.) 2009. С. 612—653.
88. Ландер Ю.А. 2011а. Удинская цепочечная деепричастная конструкция // П.А. Магомедова (отв. ред.). Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции языковедов (6-8 июня 2011 года). Махачкала. С. 53—61.

89. Ландер Ю.А. 2011b. Подходы к полисинтетизму // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Языкознание. № 11(73)/11. (Московский лингвистический журнал. Т. 13.) С. 102—126.
90. Ландер Ю.А. 2011с. Синтаксические острова и относительные конструкции в северокавказских языках: предварительные наблюдения // Когнитивная парадигма языкового сознания в современной лингвистике: Материалы Международной научной конференции 13—14 октября 2011 года. Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета. С. 101—106.
91. Ландер Ю.А., Выдрин А.П. В печати. Неканоническое маркирование субъекта ситуации в языках Северного Кавказа: модальные конструкции // Эргативность в иберийско-кавказских языках. Тбилиси.
92. Ландер Ю.А., Меретукова З.Б. 2011. Семантическая сопряженность и атрибутивные конструкции (андийские языки, адыгейский язык) // П.А. Магомедова (отв. ред.). Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции языковедов (6-8 июня 2011 года). Махачкала. С. 47—52.
93. Ландер Ю.А., Сумбатова Н.Р. 2004. Аспекты теории адыгейского синтаксиса. Хэндаут доклада на семинаре Адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ, Хакуринохабль, 16 июля 2004 г.
94. Ландер Ю.А., Сумбатова Н.Р. 2007. Адыгейские отрицания // М.Е. Алексеев (ред.). Кавказский лингвистический сборник. Вып. 18. М.: Academia, 2007. С. 77—103.
95. Ландер Ю.А., Тестелец Я.Г. 2005. О типологических «двойниках» адыгской языковой структуры // Б.М. Берсиров (отв. ред.). V Международная научная конференция «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»: Материалы конференции. Майкоп: Адыгейский государственный университет. С. 103—107.
96. Ландер Ю.А., Тестелец Я.Г. 2007. Рец.: Кабардино-черкесский язык. 2 т. // Вопросы языкознания. № 6. С. 134—138.

97. Летучий А.Б. 2006. Адыгейская система понижающих и интерпретирующих актантных дериваций. Экспедиционный отчет. Рук. М., РГГУ.
98. Летучий А.Б. 2007. Адыгейский каузатив: синтаксис и структура ситуации // А.Ю. Фильченко и др. (ред.) Материалы международной конференции «LENCA-3» (Международного лингвистического симпозиума «Грамматика и прагматика сложных предложений в языках Европы и Северной и Центральной Азии»). Томск: Изд. ТГУ. С. 69—86.
99. Летучий А.Б. 2009а. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Тестелец (ред.) 2009. С. 329—371.
100. Летучий А.Б. 2009b. Каузатив, декаузатив и лабильность // Тестелец (ред.) 2009. С. 372—428.
101. Лютикова Е.А. 1999. Относительное предложение // А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие. С. 461—481.
102. Лютикова Е.А. 2001. Относительное предложение // А.Е. Кибрик и др. (ред.) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие. С. 492—511.
103. Лютикова Е.А. 2009. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // К.Л. Киселева и др. (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000. С. 436—511.
104. Майсак Т.А. 2008. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 96—161.
105. Мещанинов И.И. 1945. Члены предложения и части речи. М., Л.: АН СССР.
106. Мещанинов И.И. 1949. Глагол. М., Л.: АН СССР.
107. Михина С.М. 2009. Части речи в адыгейском языке: словоклассифицирующая или словоизменительная категория? // Известия РАН. Сер. литературы и языка. Т. 68, № 4. С. 43—49.
108. Мороз Г.А. 2011. Замечания о морфологии числительных в адыгейском языке // // Д.П. Бак, В.В. Минаев (ред.). Полевые исследования студентов

- РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. VII. М.: Изд. РГГУ. С. 230—245.
109. Муравьева И.А. 1994. О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью // В.И. Беликов и др. (отв. ред.) Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС. С. 191—202.
 110. Муравьева И.А. 2004. Типология инкорпорации. Дисс. д.ф.н. М., РГГУ.
 111. Муталов Р.О. 2002. Глагол даргинского языка. Махачкала: Дагестанский государственный университет.
 112. Николаева Л.Н. 2003. Результатив в адыгейском языке. Экспедиционный отчет. Рук. М., РГГУ.
 113. Никонова А.Ю. 2005. [Формы на *ze--m*. Формы на *-fe*, *-feč'e*, *-ze*.] Экспедиционный отчет. Рук. М., РГГУ.
 114. Пашен Л. 2010. Ударение в адыгейском языке. Странная дистрибуция фонемы /а/. Хэндаут доклада на семинаре Адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ, Пшичо, 3 августа 2010 г.
 115. Плунгян В.А. 2001. Анतिрезультатив: до и после результата // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. М.: Русские словари. С. 50—88.
 116. Подлеская В.И. 1993. Сложное предложение в современном японском языке. Материалы к типологии полипредикативности. М.
 117. Рогава Г.В. 1980. Категория органической и вещественной принадлежности в адыгейском языке. Тбилиси: Изд. Тбилисского государственного университета.
 118. Рогава Г.В. 1983. К вопросу о первичной функции глагольного суффикса *-ga* в адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания X. Тбилиси: Мецниереба. С. 106—110.
 119. Рогава Г.В., Керашева З.И. 1966. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное изд.
 120. Сердобольская Н.В., Кузнецова Ю.Л. 2009. Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка // Тестелец (ред.) 2009. С. 166—200.

121. Сердобольская Н.В., Мотлохов А.В. 2009. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Тестелец (ред.) 2009. С. 498—558.
122. Ситимова С.С. 2004. Особенности бжедугского диалекта адыгейского языка Дисс. к.ф.н. Майкоп, Адыгейский государственный университет.
123. Сичинава Д.В. 2005. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы. Дисс. к.ф.н. М., МГУ.
124. Сомин А.А. 2011. Система прошедших времен в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 7. Ч. 3. С. 438—443.
125. Старостин С.А. 1984. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 4. М. С. 19—38. [Переизд.: Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 265—282.]
126. Старостин С.А. 1994. Заметки о древнекитайском языке // В.И. Беликов и др. (отв. ред.) Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС. С. 499—528.
127. Стойнова Н.М. 2012. Типология глагольных показателей рефактива: модели полисемии и структура семантической зоны. Дисс. к.ф.н. М., МГУ.
128. Сумбатова Н.Р. 2008. Адыгейские экспедиции Института лингвистики РГГУ (2003–2007) // Д.П. Бак, В.В. Минаев (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. III. М.: РГГУ. С. 290—293.
129. Сумбатова Н.Р. 2009. Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус // Тестелец (ред.) 2009. С. 559—611.
130. Сумбатова Н.Р. 2011. Топор под лавкой: ударение в глагольных формах тантынского даргинского. Хэндаут доклада на Даргинском семинаре РГГУ, М., 11 октября 2011 г.
131. Татевосов С.Г. 2002. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН.

132. Тестелец Я.Г. 1990. Наблюдения над семантикой оппозиций «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» (к постановке проблемы) // В.М. Алпатов (ред.). Части речи. Теория и типология. М.: Наука. С. 77—95.
133. Тестелец Я.Г. 2001. Введение в общий синтаксис. М.: Изд. РГГУ.
134. Тестелец Я.Г. 2003а. Подлежащее в адыгейском языке. Хэндаут доклада на семинаре Адыгейской лингвистической экспедиции РГГУ, Хакуринохабль, 9 июля 2003 г.
135. Тестелец Я.Г. 2003б. Грамматические иерархии и типология предложения. Дисс. д.ф.н. М., РГГУ.
136. Тестелец Я.Г. 2004. О трех моделях морфологической структуры // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб: ИЛИ РАН. С. 115—122.
137. Тестелец Я.Г. 2009. Невыраженные актанты в полипредикативной конструкции // Тестелец (ред.) 2009. С. 654—711.
138. Тестелец Я.Г. (ред.) 2009. Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: Изд. РГГУ.
139. Тов Н.А. 2005. Вопросительные и утвердительные формы в адыгейском языке. Майкоп: Адыгея.
140. Тхаркахо Ю.А. 1990. Очерки по грамматической стилистике адыгейского языка. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства.
141. Тхаркахо Ю.А. 1993. Чемгуйский диалект и его место среди других адыгейских диалектов. Майкоп: АРИГИ.
142. Тхаркахо Ю.А. 2003. Стилистика адыгейского языка. Майкоп: Качество.
143. Халбад Т.Х. 1975. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба.
144. Хатанов А.А., Керашева З.И. 1960. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп: АНИИ.
145. Хелиг М. 2005. Текстуальные функции инфинитных глагольных конструкций в адыгейских текстах // Б.М. Берсиров (отв. ред.). V Международная научная конференция «Актуальные проблемы общей и адыгской филоло-

- гии»: Материалы конференции. Майкоп: Адыгейский государственный университет. С. 199—200.
146. Черемисина М.И. 1980. О содержании понятия «предикативности» в синтаксисе сложного предложения // М.И. Черемисина (отв.ред.). Полипредикативные конструкции и их морфологическая база: (На материале сибирских и европейских языков). Новосибирск: Наука. С. 154—181. [Перепечатано в: Черемисина М.И. 2004. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука. С. 184—204.]
147. Чугреева С.Х. 2009. Способы выражения отрицания в адыгейском языке. Автореф. канд. дисс. Майкоп: Адыгейский государственный университет.
148. Шагиров А.К. 1965. К классификации причастия в связи с проблемой залогов в кабардино-черкесском языке // Труды Карачаево-Черкесского НИИ (серия филологическая). Черкесск.
149. Шагиров А.К. 1977. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. 2 т. М.: Наука.
150. Шагиров А.К. 2001. О так называемом превратительном, или выделительном, падеже в адыгских языках // Н.С. Бабенко (ред.). Язык: теория, история, типология. М.: Эдиториал УРСС. С. 502—506.
151. Шакрыл К.С. 1971. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми: Алашара.
152. Шаляпина З.М. 1986. О морфолого-синтаксическом статусе некоторых японских грамматических единиц (в связи с общими проблемами разграничения морфологии и синтаксиса в естественном языке) // И.Ф. Вардуль (ред.). Актуальные проблемы японского языкознания. М.: Наука. С. 69—103.
153. Шаляпина З.М. 2007. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М.: Восточная литература.
154. Шаов Ж.А. (ред.) 1975. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: АНИИ ЭЯЛИ.
155. Шкарбан Л.И. 1995. Грамматический строй тагальского языка. М.: Восточная литература.
156. Яковлев Н.Ф. 1948. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., Л.: Изд. АН СССР.

157. Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. 1941. Грамматика адыгейского литературного языка. М., Л.: Изд. АН СССР.
158. Adger D., Ramchand G. 2001. Phases and interpretability // K. Megerdooian and L.A. Bar-el (eds). WCCFL 20 Proceedings. Somerville: Cascadilla Press. P. 1—14.
159. Aikhenvald A.Y. 2007. Linguistic fieldwork: setting the scene // Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). Vol. 60, No. 1. P. 3—11.
160. Allen B.J., Gardiner B.D., Frantz D.G. 1984. Noun incorporation in Southern Tiwa // International Journal of American Linguistics. Vol. 50, No. 3. P. 292—311.
161. Andrews A.D. 1985. Studies in the Syntax of Relative and Comparative Clauses. N.Y.: Garland.
162. Andrews A.D. 2007. Relative clauses // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. 2nd edition. Vol. II: Complex Constructions. Cambridge etc: Cambridge University Press. P. 206—236.
163. Aoun J., Choueiri L. 2000. Epithets // Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 18, No. 1. P. 1—39.
164. Applebaum A.B. 2010a. Reduced relative clause strategy in Kabardian. Unpublished ms.
165. Applebaum A.B. 2010b. Kabardian relative clause strategy. Unpublished ms.
166. Applebaum A.B., Berez A.L. 2009. A theory is only as good as the data: casting a wide net in Kabardian and Ahtna documentation // P.K. Austin et al. (eds) Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 2. London: SOAS. [www.hrhelp.org/eprints/ldlt2_04.pdf] P. 29—38.
167. Arkadiev P. 2005. Grammaticalization of polysynthesis (with special reference to Spoken French) // В.И. Подлесская (отв.ред.). Четвертая типологическая школа. М. С. 17—20.
168. Arkadiev P., Letuchiy A. 2011. Prefixes and suffixes in the Adyghe polysynthetic wordform: Types of interaction // V.S. Tomelleri, M. Topadze, A. Lukianowicz (eds). Languages and Cultures in the Caucasus. Papers from the International Conference “Current Advances in Caucasian Studies”, Macerata, January 21–23, 2010. München, Berlin: Verlag Otto Sagner. P. 495—514.

169. Aronoff M. 1994. *Morphology by Itself: Stems and Inflectional Classes*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.
170. Austin P., Bresnan J. 1996. Non-configurationality in Australian Aboriginal languages // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 14. No. 2. P. 215—268.
171. Authier G. 2006. Retour sur les relatives de l'abzakh (tcherkesse occidentale) données syriennes et anatoliennes. Handout of talk presented at INALCO, Paris.
172. Baker M.C. 1988. *Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing*. Chicago: University of Chicago Press.
173. Baker M.C. 1995. On the absence of certain quantifiers in Mohawk // E. Bach et al. (eds) *Quantification in Natural Languages*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer. P. 21—58.
174. Baker M.C. 1996. *The Polysynthesis Parameter*. New York: Oxford University Press.
175. Barker Chr., Hankamer J., Moore J. 1990. *Wa and Ga in Turkish* // K. Dziwirek, P. Farrell, E. Mejias-Bikandi (eds). *Grammatical Relations: A Cross-Theoretical Perspective*. Stanford (Cal.): CSLI Publ. P. 21—43.
176. Basilico D. 1996. Head position and internally headed relative clauses // *Language*. Vol. 72, No. 3. P. 498—532.
177. Bellugi U., Klima E.S. 1982. The acquisition of three morphological systems in American Sign Language // *Papers and Reports on Child Language Development*. Vol. 21. P. 1—35.
178. Benveniste E. 1958. La phrase relative: Problème de syntaxe générale // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. T. 53. P. 39—54. [Русск. пер.: Бенвенист Э. 1974. Относительное предложение как проблема общего синтаксиса // Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс. С. 225—240.]
179. Bhatt R. 2002. The raising analysis of relative clauses: evidence from adjectival modification // *Natural Language Semantics*. Vol. 10, No. 1. P. 43—90.
180. Bickel B. 1995. Relatives à antécédent interne, nominalisation et focalisation: entre syntaxe et morphologie en bélharien // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 90. P. 391—427.
181. Bolinger D. 1967. Adjectives in English: Attribution and predication // *Lingua*. Vol. 18. P. 1—34.

182. Bošković Z., Lasnik H. 2003. On the distribution of null complementizers // *Linguistic Inquiry*. Vol. 34, No. 4. P. 527—546.
183. Bresnan J., Mchombo S.A. 1987. Topic, pronoun, and agreement in Chichewa // *Language*. Vol. 63, No. 4. P. 741—782.
184. Brinton D.G. 1886. On polysynthesis and incorporation as characteristics of American languages // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 23, No. 121. P. 48—86.
185. Broadwell G.A. 1985. Internally headed relative clauses in Choctaw // *Kansas Working Papers in Linguistics*. Vol. 10, No. 2 (Studies in Native American Languages IV). P. 16—24.
186. Broadwell G.A. 2006. *A Choctaw Reference Grammar*. Lincoln, London: University of Nebraska Press.
187. Burgess C.S. 1995. Mapping multiple causatives. M.A. thesis, Simon Fraser University.
188. Butt M., King T.H., Roth S. 2007. Urdu correlatives: theoretical and implementational issues // M. Butt, T.H. King (eds). *Proceedings of the LFG07 Conference*. Stanford: CSLI Publ. [<http://csli-publications.stanford.edu/>] P. 107—127.
189. Caponigro I., Polinsky M. 2008a. Relatively speaking (in Circassian) // *Proceedings of 27th West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 27)*. Somerville (MA): Cascadilla Proceedings Project. P. 81—89.
190. Caponigro I., Polinsky M. 2008b. Almost everything is relative in the Caucasus // T. Friedman, S. Ito (eds). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) XVIII*. Ithaca (NY): Cornell University. P. 158—175.
191. Caponigro I., Polinsky M. 2011. Relative embeddings: a Circassian puzzle for syntax/semantics interface // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 29, No. 1. P. 71—122.
192. Carlson G.N. 1977. Amount relatives // *Language*. Vol. 53, No. 3. P. 520—542.
193. Carlson G.N. 1980. *Reference to Kinds in English*. N.Y.: Garland.
194. Ceña R.M. 1979. Tagalog counterexamples to the Accessibility Hierarchy // *Studies in Philippine Linguistics*. Vol. 3. P. 119—124.

195. Chafe W.L. 1971. *Meaning and the Structure of Language*. Chicago, London: University of Chicago Press. [Русск. пер.: Чейф У.Л. 1975. *Значение и структура языка*. М.: Прогресс.]
196. Charachidze G. 1989. Oubykh // B.G. Hewitt (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North West Caucasian Languages*. N.Y.: Caravan Books. P. 359—459.
197. Charitonidis C. 2008. Polysynthetic tendencies in Modern Greek // *Linguistik Online*. Bd. 34. S. 17—40.
198. Chomsky N. 1993. *Lectures on Government and Binding: the Pisa Lectures*. Berlin: Mouton de Gruyter.
199. Chung S. 1982. Unbounded dependencies in Chamorro grammar // *Linguistic Inquiry*. Vol. 13, No. 1. P. 39—77.
200. Chung S. 1994. Wh-agreement and “referentiality” in Chamorro // *Linguistic Inquiry*. Vol. 25, No. 1. P. 1—44.
201. Chung S. 1998. *The Design of Agreement: Evidence from Chamorro*. Chicago: The University of Chicago Press.
202. Cinque G. 2008. Two types of non-restrictive relatives // O. Bonami, P. Cabredo Hofherr (eds). *Empirical Issues in Syntax and Semantics*. Vol. 7. Paris. P. 99—137. [<http://www.cssp.cnrs.fr/eiss7/>]
203. Cinque G. 2011. On double-headed relatives // *Linguística. Revista de Estudos Linguísticos da Universidade do Porto*. Vol. 6, No. 1. P. 67—92.
204. Colarusso J. 1979. Rightward movement, question formation and the nature of transformational process: The Circassian case // *Papier zur Linguistik*. No. 21 (2). S. 27—73.
205. Colarusso J. 1989. East Circassian (Kabardian dialect) // B.G. Hewitt (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North West Caucasian Languages*. N.Y.: Caravan Books. P. 261—355.
206. Colarusso J. 1992. *A Grammar of the Kabardian Language*. Calgary: The University of Calgary Press.
207. Colarusso J. 2006. *Kabardian (East Circassian)*. München: LINCOM Europa.
208. Cole P. 1987. The structure of internally headed relative clauses // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 5, No. 2. P. 277—302.

209. Comrie B. 1989. *Language Universals and Linguistic Typology*. 2nd edition. Chicago, Oxford: The University of Chicago Press.
210. Comrie B. 1998. Rethinking the typology of relative clauses // *Language Design*. Vol. 1. P. 59—86.
211. Comrie B., Keenan E.L. 1979. Noun Phrase accessibility revisited // *Language*. Vol. 55, No. 3. P. 649—664.
212. Comrie B., Kuteva T. 2011. *Relativization on Subjects* // Dryer, Haspelmath (eds) 2011.
213. Comrie B., Polinsky M. 1999. Form and function in syntax: Relative clauses in Tsez // M. Darnell et al. (eds) *Functionalism and Formalism in Linguistics*. Vol. II: Case Studies. Amsterdam: John Benjamins. P. 77—92.
214. Corbett G. 2006. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press.
215. Corbett G.G., Fraser N.M., McGlashan S. (eds) 1993. *Heads in Grammatical Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
216. Cristofaro S. 2003. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press.
217. Creissels D. 2005. Typologie de la relativisation et données de l'aire Caucase-Iran-Anatolie. Atelier de syntaxe arménienne, Pithiviers, 23-25 mai 2005.
218. Croft W. 1991. *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*. Chicago: The University of Chicago Press.
219. Culicover P.W., Postal P.M. (eds) 2001. *Parasitic Gaps*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
220. Daniel M., Lander Yu. 2011. The Caucasian Languages // J. van der Auwera, B. Kortmann (eds). *The Languages and Linguistics of Europe: a Comprehensive Guide*. (The World of Linguistics. Vol. 1.). Berlin: Mouton de Gruyter. P. 125—157.
221. Dayal V. 1996. *Locality in WH Quantification. Questions and Relative Clauses in Hindi*. Dordrecht: Kluwer.
222. de Oliveira C.C. 2005. *The language of the Apinajé people of Central Brazil*. Ph.D. dissertation, University of Oregon.
223. de Reuse W.J. 2006. Polysynthetic language: Central Siberian Yupik // K. Brown (ed.). *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd edition. Vol. 9. Oxford: Elsevier. P. 745—748.

224. de Reuse W.J. 2009. Polysynthesis as a typological feature. An attempt at a characterization from Eskimo and Athabaskan perspectives // M.-A. Mahieu, N. Tersis (eds). *Variations on Polysynthesis: the Eskaleut Languages*. Amsterdam: John Benjamins. P. 19—34.
225. de Sousa H. 2006. *The Menggwa Dla language of New Guinea*. Ph.D. diss., University of Sydney.
226. de Vries M. 2002. *The Syntax of Relativization*. Utrecht: LOT.
227. de Vries M. 2005. The fall and rise of universals on relativization // *Journal of Universal Language*. Vol. 6. P. 1—33.
228. Dean P. 1991. Limits to attention: A cognitive theory of island phenomena // *Cognitive Linguistics*. Vol. 2, No. 1. P. 1—63.
229. Diessel H. 1999. *Demonstratives: Form, Function, and Grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins.
230. Dixon R.M.W. 2004. *The Jarawara Language of Southern Amazonia*. Oxford: Oxford University Press.
231. Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y. 2003. Word: a typological framework // R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds). *Word*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1—43.
232. Donohue M., Maclachlan A. 1999. What agreement in Chamorro? // *Toronto Working Papers in Linguistics*. Vol. 16, No. 2: Proceedings of AFLA VI. P. 121—132.
233. Downing B. 1978. Some universals of relative clause structure // J. Greenberg (ed.). *Universals of Language*. Vol. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press. P. 375—418.
234. Dowty D. 2003. The dual analysis of adjuncts and complements in Categorical Grammar // E. Lang, C. Maienborn, C. Fabricius-Hansen (eds). *Modifying Adjuncts*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 33—66.
235. Dryer M.S. 2007. Noun phrase structure // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. 2nd edition. Vol. II: Complex Constructions. Cambridge etc: Cambridge University Press. P. 151—205.
236. Dryer M.S. 2011a. Order of Subject, Object and Verb // Dryer, Haspelmath (eds) 2011.

237. Dryer M.S. 2011b. Order of relative clause and noun // Dryer, Haspelmath (eds) 2011.
238. Dryer M.S. 2011c. Position of interrogative phrases in content questions // Dryer, Haspelmath (eds) 2011.
239. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds) 2011. The World Atlas of Language Structures Online. Munich: Max Planck Digital Library. [<http://wals.info>]
240. Dumézil G. 1932. *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie)*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
241. Dumézil G. 1975. *Le verbe Oubykh. Études descriptives et comparatives*. Paris.
242. Duponceau P.S. 1819. Report of the corresponding secretary to the committee, of his progress in the investigation committed to him of the general character and forms of the languages of the American Indians // *Transactions of the Historical and Literary Committee of the American Philosophical Society*. Vol. 1. P. xvii-xlvi.
243. Engdahl E. 1983. Parasitic gaps // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 6. P. 5—34.
244. Erteschik-Shir N., Lappin S. 1979. Dominance and the functional explanation of island phenomena // *Theoretical Linguistics*. Vol. 6, No. 1. P. 41—85.
245. Evans N. 2003. *Bininj Gun-wok: A pan-dialectal grammar of Mayali, Jinwinjku and Kune*. 2 vols. Canberra: Pacific Linguistics.
246. Evans N. 2006. Who said polysynthetic languages avoid subordination? Multiple subordination strategies in Dalabon // *Australian Journal of Linguistics*. Vol. 26. P. 31—58.
247. Evans N., Fletcher J., Ross B. 2008. Big words, small phrases: Mismatches between pause units and the polysynthetic word in Dalabon // *Linguistics*. Vol. 46, No. 1. P. 89—129.
248. Evans N., Osada T. 2005. Mundari: The myth of a language without word classes // *Linguistic Typology*. Vol. 9, No. 3. P. 351—390.
249. Evans N., Sasse H.-J. 2002. Introduction: problems of polysynthesis // N. Evans, H.-J. Sasse (eds). *Problems of Polysynthesis*. Berlin: Akademie Verlag. P. 1—13.
250. Everett D. 2005. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // *Current Anthropology*. Vol. 76, No. 4. P. 621—646.

251. Faltz L.M. 1995. Towards a typology of natural logic // E. Bach et al. (eds) *Quantification in Natural Languages*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer. P. 271—319.
252. Foley W.A. 1980. Towards a universal typology of the noun phrase // *Studies in Language*. Vol. 4, No. 2. P. 171—199.
253. Fortescue M. 1994. Polysynthetic morphology // R.E. Asher et al. (eds) *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford: Pergamon Press. P. 2601—2602.
254. Fortescue M. 2007. The typological position and theoretical status of polysynthesis // J. Rijkhoff (ed.). *Linguistic Typology*. Erhus: Statsbiblioteket Tidsskrift for Sprogforskning.
255. Fox B.A. 1987. The noun phrase accessibility hierarchy revisited // *Language*. Vol. 63, No. 4. P. 856—870.
256. Fox B.A., Thompson S.A. 1990. A discourse explanation of the grammar of relative clauses in English conversation // *Language*. Vol. 66. No. 2. P. 297—316.
257. Georgopoulos C. 1991. *Syntactic Variables: Resumptive Pronouns and A' Binding in Palauan*. Dordrecht: Kluwer.
258. Gerassimova V., Sells P. 2008. Long-distance dependencies in Tagalog: The case for raising // C.B. Chang, H.J. Haynie (eds). *Proceedings of the 26th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. P. 190—198.
259. Gippert J. 2011. Relative clauses in Vartashen Udi. Preliminary remarks // *Iran and the Caucasus*. Vol. 15. P. 207—230.
260. Givón T. 2001. *Syntax: An Introduction*. Vol. 2. Revised edition. Amsterdam: John Benjamins.
261. Givón T. 2009. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, Ontogeny, Neuro-cognition, Evolution*. Amsterdam: John Benjamins.
262. Gorbet L. 1976. *A Grammar of Diegueño Nominals*. N.Y.: Garland.
263. Gordon L. 1986. *Maricopa Morphology and Syntax*. Berkeley, L.A.: University of California Press.
264. Gordon P., Hendrick R. 2005. Relativization, ergativity, and corpus frequency // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36, No. 3. P. 456—463.

265. Greenberg J.H. 1954. A quantitative approach to the morphological typology of language // R.F. Spencer (ed.) *Method and Perspective in Anthropology*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 192—220. [Русск. пер.: Гринберг Дж. 1963. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // *Новое в лингвистике*. Вып. 3. М. С. 60—94.]
266. Grosu A. 2000. The semantic diversity of internally-headed relative clauses // C. Schaner-Wolles et al. (eds) *Naturally! Linguistic Studies in Honour of Wolfgang Ulrich Dressler Presented on His 60th Birthday*. Torino: Rosenberg & Selier. P. 143—152.
267. Grosu A. 2002. Strange relatives at the interface of two millenia // *Glott International*. Vol. 6, No. 6. P. 145—167.
268. Grosu A., Landman F. 1998. Strange relatives of the third kind // *Natural Language Semantics*. Vol. 6, No. 2. P. 125—170.
269. Güngördü Z. 1997. Incremental constraint-based parsing: An efficient approach for head-final languages. Ph.D. diss., University of Edinburgh.
270. Haig G.L.J. 2011. Linker, relativizer, nominalizer, tense-particle: On the Ezafe in West Iranian // F.H. Yap, K. Grunow-Hårsta, J. Wrona (eds). *Nominalization in Asian Languages: Diachronic and Typological Perspectives*. Amsterdam: John Benjamins. P. 363—390.
271. Hale K. 1976. The adjoined relative clause in Australia // R.M.W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies. P. 78—105.
272. Hall D.P., Caponigro I. 2010. On the semantics of temporal *when*-clauses // N. Li, D. Lutz (eds). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 20*. Ithaca (NY): Cornell University. P. 544—563.
273. Harms P.L. 1994. *Epena Pedee Syntax*. Arlington: The Summer Institute of Linguistics, The University of Texas at Arlington.
274. Harris A.C. 1992. Changes in relativization strategies: Georgian and language universals // C. Paris (ed.). *Caucasologie et mythologie compare. Actes du Colloque international du C.N.R.S. — IVe Colloque de Caucasologie (Sèvres, 27—29 juin 1988)*. Paris: Peeters. P. 391—403.

275. Harris A.C. 1994. On the history of relative clauses in Georgian // H.I. Aronson (ed.). *Non-Slavic Languages of the USSR. Papers from the Fourth Conference*. Columbus: Slavica. P. 130—142.
276. Harris A.C. 2000. Where in the word is the Udi clitic? // *Language*. Vol. 76, No. 3. P. 593—616.
277. Harris A.C. 2002. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
278. Haspelmath M. 1993. *A Grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter.
279. Haspelmath M. 2011a. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // *Folia Linguistica*. Vol. 45, No. 1. P. 31—80.
280. Haspelmath M. 2011b. *Argument indexing: A conceptual framework for the syntactic status of bound person forms*. Unpublished ms.
281. Haspelmath M., Dryer M.S., Gil D., Comrie B. (eds) 2005. *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press.
282. Hastings R.E. 2004. *The syntax and semantics of relativization and quantification: the case of Quechua*. Ph.D. diss., Cornell University.
283. Hawkins J.A. 1999. Processing complexity and filler-gap dependencies across grammars // *Language*. Vol. 75, No. 2. P. 244—285.
284. Hawkins J.A. 2004. *Efficiency and Complexity in Grammars*. Oxford: Oxford University Press.
285. Heine B., Kuteva T. 2002. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
286. Heine B., Kuteva T. 2007. *The Genesis of Grammar: A Reconstruction*. Oxford: Oxford University Press.
287. Hendery R. 2007. *The diachronic typology of relative clauses*. Ph.D. diss., Australian National University.
288. Hewitt B.G. 1979a. The relative clause in Adyghe (Temirgoi dialect) // *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания VI*. Тбилиси: Мецниереба. С. 134—162.
289. Hewitt B.G. 1979b. The relative clause in Abkhaz (Abžui dialect) // *Lingua*. Vol. 47. P. 151—188.
290. Hewitt B.G. 1979c. *Abkhaz*. Amsterdam: North-Holland.

291. Hewitt B.G. 1987. *The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter.
292. Hewitt G. 2004. *Introduction to the Study of the Languages of the Caucasus*. Muenchen: LINCOM Europa.
293. Hewitt J.N.B. 1893. Polysynthesis in the languages of the American Indians // *American Anthropologist*. Vol. 6. P. 381—408.
294. Himmelmann N.P. 2007. Lexical categories and voice in Tagalog // P.K. Austin, S. Musgrave (eds). *Voice and Grammatical Relations in Austronesian Languages*. Stanford: CSLI Publications. P. 247—293.
295. Hiraiwa K. 2003. Relativization in Buli // *Working Papers in Endangered and Less Familiar Languages*. Vol. 4: *Studies in Buli Grammar*. P. 45—84.
296. Hiraiwa K. 2005. *Dimensions of symmetry in syntax: Agreement and clausal architecture*. Ph.D. dissertation, MIT.
297. Hiraiwa K. 2009. The head-internal relativization parameter in Gur: D and its typological implications // *Proceedings of the 38th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst: GLSA Publications. P. 297—310.
298. Holmstedt R.D. 2002. *The relative clause in Biblical Hebrew: A linguistic analysis*. Ph.D. diss., University of Wisconsin at Madison.
299. Holton G. 2000. *The phonology and morphology of the Tanacross Athabaskan language*. Ph.D. diss., University of California, Santa Barbara.
300. Hopper P.J., Thompson S.A. 1980. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. Vol. 56, No. 2. P. 251—299.
301. Hopper P.J., Traugott E.C. 2003. *Grammaticalization*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.
302. Iatridou S., Varlokosta S. 1998. Pseudoclefts crosslinguistically // *Natural Language Semantics*. Vol. 6, No. 1. P. 3—28.
303. Jacobsen W.H.Jr. 1979. Noun and verb in Nootkan // B. Efrat (ed.). *The Victoria Conference on Northwestern Languages, 1976*. British Columbia Provincial Museum, Heritage Record No. 4. P. 83—155.
304. Jacobson P. 1995. On the quantificational source of English free relatives // E. Bach et al. (eds) *Quantification in Natural Languages*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer. P. 451—486.

305. Jelinek E. 1984. Empty categories, case, and configurationality // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 2, No. 1. P. 39—76.
306. Jelinek E. 1987. ‘Headless’ relatives and pronominal arguments: a typological perspective // P.D. Kroeber, R.D. Moore (eds). *Native American Languages and Grammatical Typology*. Bloomington: Indiana University Linguistics Club. P. 136—148.
307. Jelinek E. 1995. Quantification in Straits Salish // E. Bach et al. (eds) *Quantification in Natural Languages*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer. P. 487—540.
308. Jelinek E., Demers R.A. 1994. Predicates and pronominal arguments in Straits Salish // *Language*. Vol. 70. P. 697—736.
309. Jhang S.-E. 1994. Headed nominalizations in Korean: relative clauses, heads, and comparatives. Ph.D. diss., Simon Fraser University.
310. Kalinina E., Sumbatova N. 2007. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: Oxford University Press. P. 183—249.
311. Kaufman D. 2009. Austronesian Nominalism and its consequences: A Tagalog case study // *Theoretical Linguistics*. Vol. 35, No. 1. P. 1—49.
312. Kayne R.S. 1994. *The Antisymmetry of Syntax*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.
313. Kazakevich O., Kibrik A. 2007. Language endangerment in the CIS // M. Brenzinger (ed.). *Language diversity endangered*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 233—262.
314. Kazenin K.I. 2002. Focus in Daghestanian and word order typology // *Linguistic Typology*. Vol. 6, No. 3. P. 289—316.
315. Keenan E.L. 1972a. Relative clause formation in Malagasy (and some related and some not so related languages) // P.M. Peranteau et al. (eds) 1972. P. 169—189.
316. Keenan E.L. 1972b. On semantically based grammar // *Linguistic Inquiry*. Vol. 3, No. 4. P. 413—461.
317. Keenan E.L. 1972c. The logical status of deep structures: logical constraints on syntactic processes // *Proceedings of the 11th International Congress of Linguists*. Bologna: Società editrice il Mulino. [Reprinted: Keenan E.L. 1987. *Universal Grammar: 15 Essays*. London: Croom Helm. P. 337—360.]

318. Keenan E.L. 1975. Variation in Universal Grammar // R. Fasold, R. Shuy (eds). *Analyzing Variation in Language*. Washington: Georgetown University Press. P. 138—148.
319. Keenan E.L. 1985. Relative clauses // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: Complex Constructions. Cambridge etc: Cambridge University Press. P. 141—170.
320. Keenan E.L. 2008. Voice and relativization without movement in Malagasy // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 26, No. 3. P. 467—497.
321. Keenan E.L., Comrie B. 1977. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry*. Vol. 8, No. 1. P. 63—99. [Русск. пер.: Кинэн Э.Л., Комри Б. 1982. Иерархия именных групп и универсальная грамматика // А.Е. Кибрик (ред.). *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс. С. 111—165.]
322. Keenan E.L., Comrie B. 1979. Data on the Noun Phrase Accessibility hierarchy // *Language*. Vol. 55, No. 2. P. 333—351.
323. Kemmer S. 1993. *The Middle Voice*. Amsterdam: John Benjamins.
324. Kibrik A.A. 1992. Relativization in polysynthetic languages // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 58, No. 2. P. 135—157.
325. Kibrik A.A. 2005. Inflection versus derivation and the template for Athabaskan verb morphology // S. Gessner (ed.). *Proceedings of the 2005 Athabaskan Languages Conference*. Fairbanks: ANLC. P. 67—94.
326. Kibrik A.A. 2011. *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
327. Kimmelman V. 2010. Auxiliaries in Adyghe. Unpublished ms.
328. Kiparsky P., Kiparsky C. 1970. Fact // M. Bierwisch, K.E. Heidolph (eds). *Progress in Linguistics*. The Hague: Mouton. P. 143—173.
329. Koptjevskaja-Tamm M. 1993. *Nominalizations*. London: Routledge.
330. Koptjevskaja-Tamm M. 2003. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 621—722.
331. Kornflit J. 1997. *Turkish*. London: Routledge.

332. Korotkova N., Lander Yu. 2010. Deriving affix order in polysynthesis: evidence from Adyghe // *Morphology*. Vol. 20, No. 2. P. 299—319.
333. Kratzer A. 2002. Facts: Particulars or information units? // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 25, No. 5—6. P. 655—670.
334. Kroeber P.D. 1997. Relativization in Thompson River Salish // *Anthropological Linguistics*. Vol. 39, No. 3. P. 376—422.
335. Kroeger P. 1993. *Phrase Structure and Grammatical Relations in Tagalog*. Stanford (Cal.): CSLI Publ.
336. Kula N.C., Cheng L.L. 2007. Phonological and syntactic phrasing in Bantu relatives // *Journal of African Languages and Linguistics*. Vol. 28, No. 2. P. 123—148.
337. Kulikov L.I. 1993. The ‘second causative’: a typological sketch // B. Comrie, M. Polinsky (eds). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins. P. 121—154.
338. Kuno S. 1973. *The Structure of the Japanese Language*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.
339. Kurosawa A. 2003. The interaction of syntax and pragmatics: The case of Japanese ‘gapless’ relatives // K.M. Jaszczolt, K. Turner (eds). *Meaning through language Contact*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins. P. 307—334.
340. Lacroix R. 2009. Laz relative clauses in a typological and areal perspective // P.K. Austin et al. (eds) *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 2*. London: SOAS. P. 205—210.
341. Lander Yu. 2003. Possessive constructions in languages of West Indonesia: NP incorporation vs. DP separation // A. Riehl, T. Savella (eds). *Proceedings of the 9th Annual Meeting of the Austronesian Formal Linguistics Association*. (Cornell University Working Papers in Linguistics. Vol. 19.) Ithaca (NY): CLC Publications. P. 79—93.
342. Lander Yu. 2004. Interpreting a typological cluster: The case of the Circassian/Philippine system // *International Congress of Asian and North African Studies: Abstracts*. Part 1. Moscow. P. 97—99.

343. Lander Yu. 2010a. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // F. Floricic (ed.). *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels*. Lyon: ENS éditions. P. 287—311.
344. Lander Yu. 2010b. Relativization in Shapsug Adyghe // *Rice Working Papers in Linguistics*. Vol. 2. P. 75—91.
345. Lander Yu. 2010. Book notice on Colarusso, J. (2006), *Kabardian (East Circassian)* // *ELanguage*, September 25th, 2010.
346. Lander Yu. 2011. The adrelative genitive in Udi: Syntactic borrowing plus reanalysis // V.S. Tomelleri, M. Topadze, A. Lukianowicz (eds). *Languages and Cultures in the Caucasus. Papers from the International Conference “Current Advances in Caucasian Studies”*, Macerata, January 21–23, 2010. München, Berlin: Verlag Otto Sagner. P. 325—349.
347. Lander Yu., Gerasimov D. 2007. Adyghe variations. Unpublished ms.
348. Lander Yu., Letuchiy A. 2009. Kinds of recursion in Adyghe morphology // H. van der Hulst (ed.). *Recursion and Human Language*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 263—284.
349. Lander Yu., Testelet Ya. 2006. Nouniness and specificity: Circassian and Wakashan // Paper presented at the conference “Universality and Particularity in Parts-of-Speech Systems”, University of Amsterdam, 10.06.2006.
350. Launey M. 2003. Le type omniprédicatif et la morphosyntaxe du nahuatl // *Faits de langues*. No. 21. P. 9—23.
351. Legate J.A. 2010. On how *how* is used instead of *that*. *NLLT* 28.1.121-34.
352. Lehmann Chr. 1984. *Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen: Gunter Narr.
353. Lehmann Chr. 1986. On the typology of relative clauses // *Linguistics*. Vol. 24. No. 4. P. 663—680.
354. Lehmann Chr., Verhoeven E. 2006. Extraversive transitivization in Yucatec Maya and the nature of the applicative // L.I. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds). *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins. P. 465—493.

355. Letuchiy A. 2007. Reciprocals, reflexives, comitatives, and sociatives in Adyghe // V. Nedjalkov (ed.). *Reciprocal Constructions*. Amsterdam: John Benjamins. P. 773—811.
356. Letuchiy A. 2009. Ergativity in Adyghe: syntactic and derivational criteria. Unpublished ms.
357. Lewis D. 1979. Scorekeeping in a language game // *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 8, No. 1. P. 339—359.
358. Liao H.-C. 2000. The Noun Phrase Accessibility Hierarchy revisited: A view from ergative languages // *University of Hawai'i Working Papers in Linguistics* 31: 121-142.
359. Lieber F. 1853. The plan of thought in American languages // H.R. Schoolcraft (ed.). *History and Statistics of the Indian Tribes of the United States*. Vol. 2. Washington. P. 346—349.
360. Link G. 1984. Hydras: On the logic of relative constructions with multiple heads // F. Landman, F. Veltman (eds). *Varieties of Formal Semantics*. Proceedings of the 4th Amsterdam Colloquium. Foris: Dordrecht. P. 245—257. [Reprinted in: Link G. 1998. *Algebraic semantics in Language and Philosophy*.]
361. Lipták A. 2009. The landscape of correlatives: An empirical and analytical survey // A. Lipták (ed.). *Correlatives Cross-linguistically*. Amsterdam: John Benjamins. P. 1—46.
362. MacSwan J. 1999. The argument status of NPs in Southeast Puebla Nahuatl: Comments on the Polysynthesis Parameter // *Southwest Journal of Linguistics*. Vol. 17, No. 2. P. 101—114.
363. Maisak T. 2008. Morphology, semantics and syntax of participles in Agul. Paper presented at the Seminar on the Noun Phrase Typology (TypoULM), 8 December 2008, École normale supérieure, Paris.
364. Malchukov A. 1996. Internal relative clauses in Tungusic languages in a synchronic and a diachronic perspective // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Vol. 49, No. 4. P. 358—382.
365. Masica C. 1972. Relative clauses in South Asia // Peranteau et al. (eds) 1972. P. 198—204.
366. Matasović R. 2006. *Pregled gramatike kabardinskoga jezika*. Zagreb.

367. Matsumoto Y. 1988. Semantics and pragmatics of noun-modifying constructions in Japanese // Proceedings of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley. P. 166—175.
368. Matsumoto Y. 1989. Japanese-style noun modification... in English // Proceedings of the 15th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley. P. 226—237.
369. Matsumoto Y. 1996. Interaction of factors in construal: Japanese relative clauses // M. Shibatani, S.A. Thompson (eds). *Grammatical Constructions: Their Form and Meaning*. Oxford: Clarendon Press. P. 103—124.
370. Mattisen J. 2003. *Dependent-Head Synthesis in Nivkh. A Contribution to a Typology of Polysynthesis*. Amsterdam: John Benjamins.
371. Mattisen J. 2004a. The missing link between different types of polysynthetic languages // *Chicago Linguistic Society* 38. Vol. II. P. 386—399.
372. Mattisen J. 2004b. A structural typology of polysynthesis // *Word*. Vol. 55. P. 189—216.
373. Mattisen J. 2006. The ontology and diachrony of polysynthesis // D. Wunderlich (ed.). *Advances in the theory of the lexicon*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 287—353.
374. Maxwell D.N. 1979. Strategies of relativization and NP accessibility // *Language*. Vol. 55, No. 2. P. 352—371.
375. McCloskey J. 2006. Resumption // M. Everaert et al. (eds) *The Blackwell Companion to Syntax*. Vol. IV. Oxford: Blackwell. P. 94—117.
376. Mithun M. 1984. The evolution of noun incorporation // *Language*. Vol. 60. P. 847—894.
377. Mithun M. 2000. Noun and verb in Iroquoian languages: Multicategorisation from multiple criteria // P.M. Vogel, B. Comrie (eds). *Approaches to the Typology of Word Classes*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 397—420.
378. Mithun M. 2003. Pronouns and agreement: The information status of pronominal affixes // *Transactions of the Philological Society*. Vol. 101, No. 3. P. 235—278.

379. Mithun M. 2009. Re(e)volving complexity: Adding intonation // T. Givón, M. Shibatani (eds). *Syntactic Complexity. Diachrony, Acquisition, Neuro-cognition, Evolution*. Amsterdam: John Benjamins. P. 53—80.
380. Mitrenina O. 2010. Correlatives: Evidence from Russian // G. Zybatow et al. (eds) *Formal Studies in Slavic Linguistics: Proceedings of Formal Description of Slavic Languages 7.5*. Peter Lang Publishing House, Frankfurt am Main: Peter Lang. P. 135—151.
381. Modena F., Muro A. 2008. Noun incorporation, relative clauses and their interactions in polysynthetic languages // *Padua Working Papers in Linguistics*. Vol. 3. P. 29—69.
382. Mosel U., Hovdhaugen E. 1992. *Samoan Reference Grammar*. Oslo: Scandinavian Press.
383. Munro P. 1976. *Mojave Syntax*. N.Y.: Garland.
384. Muysken P. 1986. Approaches to affix order // *Linguistics*. Vol. 246 No. 3. P. 629—643.
385. Muysken P. 1988. Affix order and interpretation: Quechua // M. Everaert et al. (eds) *Morphology and Modularity*. Dordrecht: Foris. P. 259—279.
386. Nichols J. 1984. Another typology of relatives // *Proceedings of the 10th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society. P. 524—541.
387. Nichols J. 1986. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. Vol. 62, No. 1. P. 56—119.
388. Nichols J. 1992. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
389. Nichols J., Bickel B. 2011. Locus of marking in the clause // Dryer, Haspelmath (eds) 2011.
390. Nikolaev S.L. 1991. Sino-Caucasian languages in America // V.V. Shevoroshkin (ed.). *Dene-Sino-Caucasian Languages*. Bochum: Brockmeyer. P. 42—66.
391. Nikolayev S.L., Starostin S.A. 1994. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. M.: Asterisk.
392. Nikolaeva I. 2006. Relative clauses // K. Brown (ed.). *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd edition. Vol. 10. Oxford: Elsevier. P. 501—508.

393. Nikolaeva L. 2012. Quantifiers in Adyghe // E.L. Keenan, D. Paperno (eds). *Handbook of Quantifiers in Natural Language*. Dordrecht: Springer. P. 21—82.
394. Nordlinger R., Saulwick A. 2002. Infinitives in polysynthesis: The case of Rembarrnga // N. Evans, H.-J. Sasse (eds). *Problems of Polysynthesis*. Berlin: Akademie Verlag. P. 185—201.
395. O’Herin B. 2002. *Case and Agreement in Abaza*. Dallas: SIL International.
396. Özsoy A.S. 1992. Relativization in Oubykh // C. Paris (ed.). *Caucasologie et mythologie compare*. Actes du Colloque international du C.N.R.S. — IVe Colloque de Caucasologie (Sèvres, 27—29 juin 1988). Paris: Peeters. P. 289—299.
397. Paris C. 1987. Comment sont remplies en tcherkesse les fonctions devolues dans d’autres langues aux variations de diathese // *Actances 3*. Paris: CNRS. P. 14—72.
398. Paris C. 1989. Esquisse grammaticale du dialecte abzakh (tcherkesse occidental) // B.G. Hewitt (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North West Caucasian Languages*. N.Y.: Caravan Books. P. 154—260.
399. Paris C., Batouka N. 1987—2005. *Dictionnaire abzakh (tcherkesse occidental)*. Paris: Peeters.
400. Partee B.H. 1986. Noun phrase interpretation and type-shifting principles // J. Groenendijk et al. (eds) *Studies in Discourse Representation Theory and the Theory of Generalized Quantifiers*. Dordrecht: Foris. P. 115—143. [Reprinted in: Partee B.H. *Compositionality in Formal Semantics*. Oxford: Blackwell. P. 203—230.]
401. Peranteau P.M., Levi J.N., Phares G.C. (eds) 1972 *The Chicago Which Hunt*. Papers from the Relative Clause Festival, April 13, 1972. Chicago: Chicago Linguistic Society.
402. Perlmutter D.M., Ross J.R. 1970. Relative clauses with split antecedents // *Linguistic Inquiry*. Vol. 1, No. 3. P. 350.
403. Platero P. 1974. The Navaho relative clause // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 40. No. 3. P. 202—246.
404. Plungian V.A., van der Auwera J. 2006. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Vol. 59, No. 4. P. 317—349.

405. Pollard C., Sag I. 1992. Anaphors in English and the scope of Binding Theory // *Linguistic Inquiry*. Vol. 23, No. 2. P. 261—303.
406. Potts Chr. 2002. The lexical semantics of parenthetical-*as* and appositive-*which* // *Syntax*. Vol. 5. P. 55—88.
407. Potts Chr. 2005. *The Logic of Conventional Implicatures*. Oxford: Oxford University Press.
408. Pratt P.P. 1971. Peter Du Ponceau's contributions to anthropology // *Ethnohistory*. Vol. 18. P. 147—158.
409. Prince E. 1990. Syntax and discourse: A look at resumptive pronouns // *Proceedings of the 16th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society. P. 482—497.
410. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman.
411. Rackowski A., Richards N. 2005. Phase edge and extraction: a Tagalog case study // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36, No. 4. P. 565—599.
412. Rice K. 2000. *Morpheme Order and Semantic Scope: Word Formation in the Athapaskan Verb*. Cambridge: Cambridge University Press.
413. Riddle E.M. 1994. Relativization, parataxis, and underspecification in White Hmong // K.L. Adams, T.J. Hudak (eds). *Papers from the Second Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society*. Tempe: Arizona State University, Program for Southeast Asian Studies. P. 263—278.
414. Ross J.R. 1967. *Constraints on variables in syntax*. Ph.D. diss., MIT.
415. Sapir E. 1921. *Language: An Introduction to the Study of Speech*. N.Y.: New York: Harcourt, Brace & Company. [Русск. перевод: Сепир Э. 1993. *Язык. Введение в изучение речи* // Э. Сепир. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс, Универс. С. 26—203.]
416. Sasse H.-J. 1988. Der irokesische Sprachtyp // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. Vol. 7, No. 2. P. 173—213.
417. Saulwick A. 2007. Rembarrnga polysynthesis in cross-linguistic perspective // M. Miestramo (ed.). *New Challenges in Typology: Broadening the Horizons and Redefining the Foundations*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 104—125.

418. Schachter P. 1973. Focus and relativization // *Language*. Vol. 49, No. 1. P. 19—46.
419. Schippers A. 2010. On the (un)availability of long-distance movement // V. Torrens, L. Escobar, A. Gavarró, J.G. Mangado (eds). *Movement and Clitics: Adult and Child Grammar*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. P. 39—62.
420. Schneider-Blum G. 2009. Alaaba // G.J. Dimmendaal (ed.). *Coding Participant Marking: Construction Types in Twelve African Languages*. Amsterdam: John Benjamins. P. 55—96.
421. Schuit J. 2007. The typological classification of sign language morphology. M.A. thesis, University of Amsterdam.
422. Schulze W. 1982. Die Sprache der Uden in Norddzerbajdžan. *Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
423. Serdobolskaya N., Paperno D. 2006. The polysemy of relativizing and nominalizing markers. Unpublished ms.
424. Shibatani M. 2009. Elements of complex structures, where recursion isn't. The case of relativization // T. Givón, M. Shibatani (eds). *Syntactic Complexity. Diachrony, Acquisition, Neuro-cognition, Evolution*. Amsterdam: John Benjamins. P. 163—198.
425. Siewierska A. 2011. Verbal person marking // Dryer, Haspelmath (eds) 2011.
426. Smeets R. 1984. *Studies in West Circassian Phonology and Morphology*. Leiden: The Hakuchi Press.
427. Smeets R. 1992. On valencies, actants and actant coding in Circassian // G. Hewitt (ed.). *Caucasian Perspectives*. Unterschleissheim, München: LINCOM Europa. P. 98—144.
428. Spencer A. 1999. Chukchee and polysynthesis // Я.Г. Тестелец, Е.В. Рахилина (ред.). *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика*. М.: Языки русской культуры. С. 106—113.
429. Srivastav V. 1991. The syntax and semantics of correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 9. P. 637—686.

430. Starosta S., Pawley A., Reid A. 1982. The evolution of focus in Austronesian // A. Halim, L. Carrington, S. Wurm (eds). Papers from the Third International Conference on Austronesian Linguistics. Vol. 2: Tracking the Travellers. (Pacific Linguistics. C-75.) Canberra: Australian National University. P. 145—170.
431. Starosta S., Pawley A., Reid A. 2009. The evolution of focus in Austronesian (1981) // [S. Starosta.] Formosan Linguistics: Stanley Starosta's Contributions. Vol. 2: Publications on Formosan Languages. Taipei: Academia Sinica. P. 329—481.
432. Stemberger J. 1981. Morphological haplology // *Language*. Vol. 57, No. 4. P. 791—817.
433. Stump G.T. 2001. *Inflectional Morphology. A Theory of Paradigm Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
434. Swadesh M. 1938. Nootka internal syntax // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 9, No. 2—4. P. 77—102.
435. Sweet H. 1909. *The History of Language*. 4th edition. London.
436. Szabolcsi A. 2006. Strong and weak islands // M. Everaert et al. (eds) *The Blackwell Companion to Syntax*. Vol. IV. Oxford: Blackwell. P. 479—532
437. Testelec Ya.G. 1998. Word order variation in some SOV languages of Europe // A. Siewierska (ed.). *Constituent Order in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 649—679.
438. Testelec Ya.G. 1998b. On the two parameters of transitivity // L. Kulikov, H. Vater (eds). *Typology of Verbal Categories*. Tübingen: Niemeyer. P. 29—45.
439. Tuite K. 1984. Case attraction and case agreement // G. Alvarez, B. Brodie, T. McCoy (eds). *ESCOL'84: Proceedings of the First Eastern States Conference on Linguistics*. Columbus (Ohio): Ohio State University. P. 140—151.
440. Tuite K. 2008. The rise and fall and revival of the Ibero-Caucasian hypothesis // *Historiographia Linguistica*. Vol. 35. P. 23—82.
441. Vajda E.J. 2005. Distinguishing between referential and grammatical function in morphological typology // Z. Frajzyngier, A. Hodges, D.S. Rood (eds). *Linguistic Diversity and Language Theories*. Amsterdam: John Benjamins. P. 399—422.
442. van Breugel S. 2010. No common argument, no extraction, no gap: Attributive clauses in Atong and beyond // *Studies in Language* 34(3): 493—531.

443. van der Hulst H. 2010. Re Recursion // H. van der Hulst (ed.). *Recursion and Human Language*. Berlin: Mouton de Gruyter. P. xv-liii.
444. van Riemsdijk H. 2005. Free relatives // M. Everaert et al. (eds) *The Blackwell Companion to Syntax*. Vol. II. Oxford: Blackwell. P. 338—382.
445. Van Valin R.D., Jr. 1985. Case marking and the structure of the Lakhota clause // J. Nichols, A.C. Woodbury (eds). *Grammar Inside and Outside the Clause*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 363—413.
446. Van Valin R.D., Jr. 1987. The role of government in the grammar of head-marking languages // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 53. No. 4. P. 371—397.
447. Van Valin R.D., Jr. 2005. *Exploring the Syntax—Semantics Interface*. Cambridge: Cambridge University Press.
448. Verhaar J. 1979. Syntactic (in)alienability in Indonesian // S.A. Wurm, L. Carrington (eds). *Second International Conference on Austronesian Linguistics: Proceedings, Fasc. 1: Western Austronesian*. (Pacific Linguistics, C-61). Canberra: Australian National University. P. 317—325.
449. von Humboldt W. 1836. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin: Königliche Akademie der Wissenschaften, and F. Dümmler. [Русск. пер.: Гумбольдт В. фон. 1984. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс. С. 37—298.]
450. Vydrin A. 2008. Are there depictives in Adyghe? // Chr. Schroeder, G. Hentschel, W. Boeder (eds). *Secondary Predicates in Eastern European Languages and Beyond*. Oldenburg: BIS. P. 424—445.
451. Watanabe A. 1992. Subjacency and S-structure movement of wh-in-situ // *Journal of East Asian Linguistics*. Vol. 1, No. 3. P. 255—291.
452. Watanabe A. 2004. Parametrization of quantificational determiners and head-internal relatives // *Language and Linguistics*. Vol. 5, No. 1. P. 59—97.
453. Wierzbicka A. 1998. Anchoring linguistic typology in universal semantic primes // *Linguistic Typology*. Vol. 2, No. 2. P. 141—194.

454. Zúñiga F. 2006. Deixis and Alignment. Inverse Systems in Indigenous Languages of the Americas. Amsterdam: John Benjamins.
455. Wierzbicka A. 2002. Semantic primes and linguistic typology // C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). *Meaning and universal grammar: theory and empirical findings*. Vol. II. Amsterdam: John Benjamins. P. 257—300.
456. Williamson J.S. 1987. An indefiniteness restriction for relative clauses in Lakota // E. Reuland, A. ter Meulen (eds). *The Representation of (In)definiteness*. Cambridge (Mass.): The MIT Press. P. 168—190.
457. Wojdak R. 2003. Predicative lexical suffixes in Nuuchahnulth // J.C. Brown and Michele Kalmar (eds.), *Papers for the 38th International Conference on Salish and Neighbouring Languages*. (University of British Columbia Working Papers in Linguistics. Vol. 11.) P. 275—289.
458. Zamparelli R. 2000. *Layers in the Determiner Phrase*. N.Y.: Garland.
459. Zwicky A.M. 1985. Heads // *Journal of Linguistics*. Vol. 21, No. 1. P. 1—29.